

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Когда эта книга была почти написана, мне попало на глаза видео полностью безлюдного китайского порта Яншань, который раскинулся на нескольких километрах и работает уже два года. По размеченному от неба до земли пространству деловито двигались приземистые беспилотные тележки, беспилотные манипуляторы опускали на них контейнеры, которые те перевозили к нужному месту, где их подхватывали другие манипуляторы, и тележки, помигивая, ехали выполнять следующее задание.

Работа идет здесь день и ночь, не останавливаясь ни на секунду. На другом конце света контейнеры разгрузят такие же беспилотники, отвезут по беспилотной дороге на безлюдную фабрику, где из доставленных деталей автоматы наделают новых автоматов, беспилотников, роботов, компьютеров, экскаваторов для добычи металлов, чтобы сделать еще больше автоматов, беспилотников, роботов, компьютеров, экскаваторов...

Они сделают новые машины для извлечения природных ресурсов из Земли и машины для извлечения психических, эмоциональных, физических ресурсов из человека. Я говорю о всяческих камерах слежения, о записи речи, изображения, о железных облаках, где анализируются голоса, выражения лица, позы, поведение, сцены ссор, учебы, работы, любви, войны, о бесконечных гаджетах и датчиках, которые позволяют оценить, чего от человека ждать и как его можно использовать, как можно выжать из него максимум, заплатив минимум или вовсе ничего не заплатив, найдя в нем ключик, повернув который, можно побудить его работать бесплатно.

Глядя на ролик о порте Яншань, знакомый основатель одного из техно-стартапов не мог скрыть восторга. «Смотри! — говорил он. — Вот оно, реальное применение «интернета вещей» с его пресловутыми вышками 5G, вот он, «умный город»! Ни одного человека на несколько километров — и всё работает! Это наше ближайшее будущее!»

Он прав — это не 3D-игра, всё это уже сейчас работает, и это наше ближайшее будущее, реальность, в которой мы уже живем. Реальность, которой не нужны люди — даже как потребители. Подавляющее большинство людей не задумываются, не отдают себе отчета в том, что происходит, как рыба не отдает себе отчета в том, что живет в воде. Современный человек часто живет лишь сегодняшним днем, одним моментом, и просто не хочет включить разум, чтобы осознать, что ждет его, его детей и внуков за поворотом. В этой книге пойдет речь о характере новой реальности, о той самой воде, в которой живет рыба.

Это реальность цифровых джунглей, где каждое наше движение может быть использовано против нас. Технократы, пришедшие к власти в мировом масштабе, давно убаюкивают народы байками об открывающихся возможностях, но помалкивают об опасностях и рисках. В 2020 году, когда по миру ударил ковидный кризис, многое, однако, стало явным. Уровень жизни в развитых странах упал, при этом ведущие технологические компании обогатились как никогда. Десятки миллионов людей по всему миру потеряли работу, а биржевые показатели продолжили безудержный рост — ведь каждое сокращенное рабочее место приносит компаниям прибыль.

Правительства по всему миру сэкономили деньги на пенсионерах — но при этом в разгар кризиса у них нашлись средства на внедрение интеллектуальных систем массовой слежки и контроля за подданными, на усиление аппарата насилия и подавления. И когда эти системы были пущены в дело, мы увидели, что те, чья задача — не допускать нарушения прав граждан, смотрят в другую сторону. Стало ясно, что официальные правозащитники, средства массовой информации лишь симулируют активность, давно став на деле частью глобальной системы угнетения и извлечения прибыли. Их задача — обеспечивать нормализацию ненормального, легализацию разрушительных, подчас самоубийственных трендов, широко распахивая окно Овертона для того, чтобы «человек разумный» превратился в новый вид — бесполох, бессознательных, безвольных, управляемых на расстоянии роботизированных существ.

Вернее, речь идет о перспективе разделении на два вида — небогов и неолодей, и в книге мы поговорим о том, почему это разделение не может кончиться ничем иным, кроме смерти человечества. Если кто-то из технократов читает эти строки — не стоит заблуждаться: что бы ни говорили детерминисты, функционалисты и вульгарные эволюционисты, форсированного разделения на два вида не получится. Обстоятельства таковы, что мы в одной лодке, и очевидно проталкиваемый сегодня метод разделения не сработает. Я говорю о методе, при котором последние технологические достижения будут использоваться с тем, чтобы дать новые качества небогам, а неолодей зомбировать, превратить в рабов, а затем и вовсе от них избавиться. Я покажу в книге, почему этого не произойдет, и запущенная нынешней «элитой» цепная реакция роботизации людей уничтожит обе ветки.

Ограничения при коронавирусе были и остаются настолько абсурдными, при этом правительства, за некоторым исключением, действуют настолько слаженно и синхронно, что стало понятно: запреты, не что иное, как основанные на системах искусственного интеллекта эффективные методы воздействия на массовое и индивидуальное, с целью их встраивания в глобальную матрицу. Принимая решения о запретах, главы государств, министры, мэры, скорей всего не сознавали, что делают, сами находясь под воздействием экспертократии, жестко управляемой со стороны финансово-инвестиционных структур. В книге мы увидим, как наука пришла к такому уничижительному положению — быть на посылках у бухгалтеров. Мы увидим, как в последние годы разворачивались

машштабные эксперименты по эмоциональному заражению через социальные сети, и как результаты этих гигантских экспериментов применялись для продвижения нужной технократам повестки, для сохранения втайне их методов захвата и монетизации человека как ресурса, их опытов по управлению сознанием, в первую очередь, детей и подростков.

С самого начала кризиса я стал анализировать его причины, и происходящее день за днем подтверждало гипотезу о том, что мир уже сегодня переходит к роевому сообществу, управляемому системами искусственного интеллекта. Постепенно, однако, перед мной открывалась нечто, что я назвал Цифровым Левиафаном — сложной сетью систем искусственного интеллекта, отдельных людей, их коллективов, и того, что смешанных систем, которых уже сегодня можно назвать киборгами. Некоторые из образующих его систем жестко централизованы, другие организованы сетевым образом, но имеют в своей основе четкие принципы и алгоритмы, третьи системы — распределенные, способные самообучаться и даже, по крайней мере в теории, менять свою архитектуру.

Что я имею в виду под системой с искусственным интеллектом? Есть много определений ИИ, но мне больше нравится то, что дал Шейн Легг, один из основателей лаборатории Deep Mind. Его лаборатория известна широкой публике тем, что создала играющую с самой собой нейросеть, которая победила человека в игре го. Шейн Легг считает, и его точка зрения мне близка, что интеллект — это способность агента ставить себе цели и решать разные задачи в меняющемся окружении. Если этот агент — человек, то интеллект естественный, а если машина — то искусственный. Все просто. В книге мы будем подробно разбирать эти вопросы, важно подчеркнуть, что я использую это определение ИИ в применении к Левиафану.

Среди этих систем есть и относительно простые искусственные нейросети, те, что обслуживают камеры слежения, обрабатывают информацию, записанную датчиками «умных помощников», управляют разговорными ботами или погрузчиками в порту, распределяют по земному шару медикаменты или контейнеровозы, или определяют, где будут располагаться вышки 5G. Есть ИИ-системы и посложнее: те, что проигрывают модели реакции общества на те или иные ситуации, и те, что ведут политические кампании по манипуляции населением в соцсетях и вне их.

Есть ИИ-структуры совсем сложные, например, предсказательные машины финансовых рынков наподобие системы Aladdin глобальной инвестиционной группы Black Rock. Такая интеллектуальная система, при определенном развитии, через поведение агентов может управлять поведением рынков, и таким образом закрыть, оптимизируя показатели, рынок, отрасль, страну.

Надо подчеркнуть, что в Цифровом Левиафане нет ничего мистического — это целиком создание рук и умов человеческих — только это такое создание, над которым, как это бывает часто, создатель/создатели теряют или уже потеряли контроль. У создателя Левиафана вряд ли одно имя, он плод коллективных усилий многих, подавляющее большинство этих людей видели и делали лишь свою часть самых разных проектов. Они понятия не имеют о том, что эта совокупность проектов, сетей и платформ представляет собой как единое целое. Тем более не имеют они представления о том, как это целое будет развиваться.

Есть ли у Левиафана ядро или несколько ядер? По мере развития система вполне может становится децентрализованной, вбирая в себя все новые и новые ИИ-системы, группы людей и отдельных индивидуалов.

Сразу упреждая критику в мифотворчестве, в персонализации некоей абстракции, скажу кое-что в свое оправдание. Метафора «Левиафан» была выбрана мной первоначально из практических соображений: я хотел иметь возможность более адекватного описания новой реальности, чтобы делать выводы и предсказывать определенные тренды. Я выбрал это слово для удобства, основываясь прежде всего на идее английского философа XVII века Томаса Гоббса о Левиафане как олицетворении государства. Я охотно забрал бы свое название обратно, если бы натолкнулся на что-то лучшее. Однако выяснилось, что «Цифровой Левиафан» довольно неплохо объясняет происходящее. Концепт достаточно хорошо работает, и по одной этой причине стоило бы этим понятием пользоваться.

Кроме того, довольно скоро стало ясно, что речь идет о чем-то большем, чем просто удобная метафора. Всё больше и больше в своих действиях Левиафан, архитектура которого меняется со временем, показывает себя как единое целое, хотя он не имеет лица. Едва ли это какой-то гигантский всезнающий кристалл из фантастических фильмов — но он не менее реален, чем, например, государство.

Предвижу еще одно возражение против выделения Левиафана в субъективную сущность со стороны людей, в свое время начитавшихся Курцвейла или других воинственных функционалистов, популярных в первую очередь благодаря сенсационной манере подачи информации.

Подвергнувшись воздействию подобного яркого и доходчивого чтения обычно занимают одну из двух сторон. Либо они сами становятся гностиками и трансгуманистами, либо, найдя в этих текстах нестыковки — а их там много — говорят, что искусственный интеллект — это чистый пиар и хайп, за которым ничего не стоит и не может стоять, ибо человека по определению превзойти в интеллекте невозможно. Цель существования «так называемого ИИ», говорят они — интересы людей, просто потому что так положено, и вообще ИИ — это блеф, попытка скрыть тот факт, что это некие алгоритмы, подконтрольные тем, кто их написал. Человеческое сознание, уверены они, стоит на вершине пирамиды усложнения процессов, и если ИИ начнет выходить из-под контроля, можно будет просто выдернуть штекер из розетки.

Ни та ни другая сторона не утруждается доказательствами или разбором критических замечаний, и та и другая точка зрения — это вопрос квазирелигиозной веры в некие аксиомы, авторитеты или даже ловко подогнанную статистику. И те и другие апеллируют к плохо понятым и невнятно сформулированным, внутренне

противоречивым тезисом. Чтобы немного разобраться в том, что такое искусственный интеллект в исторической перспективе, в каких направлениях развивалась эта область, в чем заключается переворот, произведенный в этой области искусственными нейросетями, и, наконец, каков его сегодняшний день, рекомендую почитать мою книгу «Демон внутри. Анатомия искусственного интеллекта». В ней я постарался сжато рассказать о самом важном по теме и дать интересующимся цельный взгляд на предмет. Я старался избегать клише и критично относился к общепринятым мифам, например, об англо-американской основе главных достижений в области ИИ. К сожалению, часто книги об ИИ страдают обрывочностью, необязательностью, клиповым подходом, который делает их читателей легкой добычей для техношаманов и инфоцыган.

Эту книгу можно рассматривать как продолжение «Демона внутри», как расширение и углубление темы, как продолжение дискуссионных вопросов, начатых обсуждаться там, — например, в вымышленном диалоге с роботом Софией.

Но предмет этой книги отнюдь не абстрактный и не академичный. События разворачиваются все стремительней. После десятилетий заманивания, подталкивания и обещаний рая технократы поставили человечеству шах и мат. Они закрыли Эру Просвещения и погрузили человека разумного не просто в неразумное состояние, а — в состояние нарциссического наркоза.

Общество всеобщего благоденствия, разрываемое на лоскуты противоречиями, нерешаемыми в рамках финансового капитализма, самоуничтожилось. Потребительское общество тоже приказало долго жить. Планета, которую человек хищно грабит, наносит ответный удар, а самопровозглашенная «элита» вместо поисков выхода взламывает «человека разумного», чтобы воспользоваться им как сначала психологическим, а потом и биологическим сырьем в поисках вождя Грааля власти над миром.

Разве не очевидно, друзья, что на наших глазах разворачивается финал истории человека? Что от нас, киборгов с датчиками в руках, до киборгов с датчиками прямо в голове остается лишь один исторический момент? А понятно ли, что каждый датчик может быть и актуатором, то есть запускать, при определенных показаниях, в действие механизм управления? Наука, которая объявила сначала конец Бога, потом конец метафизики, теперь совершенно спокойно говорит о конце человека — но даже человек-животное не будет последней остановкой на этом пути...

Уверены ли атеисты среди нас, что человечество ждет Спасение? Не потому ли ближайшая к нам Вселенная не показывает признаков разумной жизни, что каждая цивилизация проходит через этап, который мы переживаем сегодня, и самоуничтожается в результате?

Почему так получилось? Как мы, сообщество «человека разумного», пришли к этому, пройдя за пятьдесят тысяч лет путь от наскальных рисунков до балета и Толстого — а потом за пятьдесят лет путь от балета и Толстого назад, к настенным загогулинам? Почему люди так легко, так быстро отдали базовые гражданские права, завоеванные веками борьбы?

И главный вопрос: неизбежен ли мир без разумной жизни?

После моих программ, записанных на канале «День ТВ», всегда звучит вопрос: вы говорите, что всё плохо. Хорошо — но что нам делать? Как готовиться? Все бросать и ехать в деревню? Заняться вышками 5G? Прятать детей?

Я и сам каждый день думаю над этими вопросами. Размышляю над ними и в этой книге. Можно пойти по пути наименьшего сопротивления, без особых разбирательств обвинить во всем некие темные силы, и сложить ручки: что мы можем против рептилоидов? Мне этот путь не близок.

Второй путь: постараться отделить зерна от плевел, тщательно разобраться в происходящем, и, исходя из веры в возможность для человечества вечной жизни, постараться сделать здесь и сейчас максимум разумного. При этом я убежден, что всё человечество находится в одной лодке, богатые и бедные, тупые и умные, сильные и слабые, красивые и не очень, отсталые и продвинутые, мечтатели и прагматики.

Даже технократы находятся с нами в одной лодке, как бы они ни хотели с этой лодки спрыгнуть и, закачав себя на флэшку, запустить её на Альфу Центавра. Флэшка, может, и прилетит, но так и будет кружиться по орбите в бессмысленном танце, пока и её, и звезду не всосёт черная дыра.

Нам нужно не просто понять, что делать «в следующий ход», но и просчитать партию на несколько ходов вперед — учитывая, как будет отвечать соперник. Аналогия с шахматной партией не выходит у меня из головы, и в следующей главе вам будет понятно, почему.

Надо понимать также, что каждый ход шахматной партии, которую я веду, может оказаться последним. Сейчас вы держите в руках книгу «Номо fractus / Человек взломанный», или видите её текст на экране вашего цифрового устройства, но следующим ходом она может быть вычеркнута — просто объявлена несуществующей. Бумажная версия сохранится до той поры, пока по планете, как в знаменитой повести Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», не начнут разъезжать пожарные бригады с целью найти и сжечь все крамольные книги. От электронных версий избавиться проще — в них в будущем могут встраивать коды для самоликвидации или автоматического изменения содержания. Может оказаться, в каких-то будущих версиях система сделает так, что я буду хвалить силу и мудрость Левиафана Великого.

Поэтому, если вы читаете эту книгу в электронном виде, может быть, не будет лишним что-то оттуда выписать. Так, на всякий случай, как бы ни смешно это не звучало в нашем мире, где память всё больше становится внешней. Внешняя память может быть сочтена весьма нежелательной.

Возможно, мне вообще стоило сделать вид, что это всё художественное произведение, фантазия, вымысел. С вымысла и взятки гладки — и многочисленные агенты Левиафана, шуршащие за каждым цифровым углом,

пробегут мимо, озабоченно всасывая воздух на предмет крамолы и возвращая его назад сертифицированным и одобренным.

Итак, на экране моего макбука появляются слова: «Человек Разумный против Левиафана». Потом исчезают: ибо я задал еще не все вопросы — а на некоторые из тех, что уже задал, начну отвечать сразу же, без промедлений.

ИГРА ВДОЛГУЮ

Недавно мне довелось пообщаться с обаятельным юношей Даниилом Дубовым, чемпионом мира по быстрым шахматам, который стал гроссмейстером в 14 лет. Меня интересовало, что движет шахматистами после 1997 года, когда компьютер Deep Blue выиграл у Гарри Каспарова. С тех пор компьютеры стали не просто мощнее, но и перешли на иные, чем в конце девяностых, принципы работы. Глубокое машинное обучение и системы искусственного интеллекта дали машинам фору в их соревновании с человеком, и сегодня понятно, что машина выигрывает у человека в любую игру с установленными правилами.

Что же делать нам, обычным людям, если даже чемпионы не в силах совладать с автоматом? За столиками уличного кафе на Чистых прудах было пусто: мы говорили сразу после московского жесткого карантина, когда людей каждый день изводили молниями новостей о десятках погибших от ковида. Молодой шахматист не расставался с блокнотом, куда что-то записывал даже во время разговора. Он объяснил мне, что сегодня в шахматах можно выиграть, только работая вместе с хорошим компьютером. Шахматы, казалось бы, исследованы вдоль и поперек, проанализирован каждый дебют — однако этот анализ по большей части еще «человеческий». Иными словами, шахматная теория и анализ разрабатывались людьми — и вот тут появляется шанс для «киборга», который по факту соединяет человека с компьютером. Интуиция, которая по-прежнему что-то значит даже в мире победившего алгоритма, подсказывает шахматисту, какую позицию стоит пропустить через компьютер, чтобы выявить с его помощью новые возможности, найти еще не внесенные в шахматные учебники решение. И такие возможности порой находят! Только, говорит Даниил, нужно сразу же запускать найденный вариант в дело: иначе есть вероятность, что его откроют другие.

Поэтому рабочий день современного шахматиста-профи проходит в постоянном разборе позиций. Впрочем, вряд ли это отличает его от шахматиста прошлого или даже позапрошлого века, разве что у него появился новый инструмент для работы — компьютер как инструмент, расширяющий возможности человеческого мозга. Канадский философ Маршалл Маклюэн показал, что каждый такой инструмент создает совершенно новую среду обитания, и человек осознает её примерно в той же степени, в какой рыба осознает воду, в которой она плавает. В этой книге я расскажу о том, к каким последствиям для каждого человека и для человечества в целом привело появление такого инструмента, которым так успешно пользуется Даниил Дубов, — как и о том, что, не отдавая себе отчет в том, что с нами происходит, мы соскальзываем в тоталитарную диктатуру, попадая под власть Цифрового Левиафана.

Даниил поведал мне еще одну ключевую вещь, которая, как я покажу в этой книге, касается не только шахмат, и также уже привела к фундаментальным изменениям в нашей картине мира — а следовательно, и в самом мире. Дело в том, что шахматисты сегодня больше не мыслят комбинациями, как это было во времена Ласкера, Алёхина и Капабланки. Нет больше заманивания противника в западню или неожиданного хода, который вынуждает его на действия, после которых следует молниеносный шах и мат.

Нет, сегодня длинная мысль не в моде. Мастера настроены на оптимальную стратегию, которая позволит выиграть в том или ином турнире то или иное число партий. Они мыслят на один ход вперед, делая свою позицию максимально эффективной. Именно в этом подходе сегодня заключается секрет успеха. Уберет ли это красоту из шахмат? На мой взгляд — конечно. Ведь есть красота в неожиданной комбинации, в жертве, которая оборачивается победой. И, наконец, метафоры! Мы ведь до сих пор видим в шахматах не набор неких интеллектуальных агентов, которые ходят по очереди по таким-то правилам, а пешку, которая может стать королевой, сидящего в осаде короля, или двух ловких офицеров, громящих вражеские порядки. Для нас это история, игра, состязание — а отнюдь не набор алгоритмов.

Если человек приучается думать как компьютер, он безусловно утратит эту способность сопоставлять игру со своей реальностью, с огромным миром вокруг.

В обычной жизни, не в шахматах, мы видим, как сиюминутный подход также становится общепринятым. Люди уже не могут строить планы на жизнь, на будущее, двигаться к цели то ошибаясь, то делая единственно правильный ход. В новой реальности мессенджеров и мгновенных реакций, личных и коллективных, важно получить санкцию системы, роевого сознания, на следующий ход. Я расскажу о том, как *homo sapiens* в надежде стать *homo deus*, богочеловеком, утрачивает рациональное мышление и сам превращается в машину.

Расчеты на ноль ходов вперед эффективнее, чем расчеты на один ход и куда более эффективнее, чем расчеты на два или три хода. Любое планирование заставляет держать резервы, отвлекать ресурсы от более выгодных в данный момент действий. Кроме того, планирование, как это ни парадоксально звучит, поощряет децентрализацию.

Цифровой Левиафан собирает массивы данных и ежесекундно выдает алгоритмы для машин и санкции для «взломанных людей». Это и есть центр принятия решений, всех решений — хотя при этом Цифровой Левиафан принципиально не локализуется. Дать возможность планирования означает отдать на места — машинам и даже людям — определенную свободу действий, что идет вразрез с волеизъявлением Цифрового Левиафана проникать всюду и управлять всем. Планирование, стратегии, как мы увидим ниже, плохо совместимы с алгоритмами «науки больших данных».

Один из показательных и свежих примеров мышления на ноль ходов вперед — борьба с коронавирусом. Отброшены стратегии, связанные с планированием и подготовкой, закрыты инфекционные больницы, сокращены ставки врачей, что позволяет экономить деньги и сделать медицину сначала минимальной, а потом и виртуальной. Кажется бы, эта странная болезнь показала неготовность к борьбе с ней «новой медицины», основанной на принципах виртуальности и больших данных. Можно было бы подумать, что в результате государства вернутся к прежним моделям.

Но произошло прямо противоположное: государства, выведенные изнутри Цифровым Левиафаном и лишённые собственной воли, удвоили усилия на создание «новой медицины», оставив парализованную и разрушенную старую систему умирать под тем предлогом, что она не справилась, а новая, если вложить в нее достаточно средств, волшебным образом даст лучшие результаты. Это ли не еще один пример окончания эпохи Просвещения, о чем написал свое блестящее эссе политический бизон Генри Киссинджер (опубликовано в журнале *The Atlantic* в июле 2019 года — *И. Ш.*).

Есть популярная, особенно среди научно-технических работников, точка зрения, что это развитие неизбежно и предопределено эволюционно. Говорится о том, что человек вовсе не обладает сознанием и свободой воли, что это лишь иллюзии, а полезны они или вредны — это как посмотреть. В книге я прослежу происхождение этих взглядов, и надеюсь, что мне достаточно убедительно удастся показать, что они являются отнюдь не вселенской истиной, а обусловлены конкретной ситуацией позднего капитализма, у которого не осталось других вариантов, кроме как превратить людей в зомбированных рабов.

Мы проследим развитие реального эволюционного плана, задуманного элитой и проводимого в жизнь Цифровым Левиафаном. Первый этап этого плана — взлом человека для контроля и управления его личностью, — уже находится в стадии завершения, и поскольку он не встретил практически никакого сопротивления, Левиафан перешел ко второму этапу — замену «человека взломанного» человекоданными, то есть полную оцифровку людей и достижение стопроцентной предсказуемости поведения всех и каждого.

Мы поговорим о замене индивидуального сознания роевым и о таком важнейшем механизме управления, как роевая санкция. На следующем этапе человекоданные — которые еще допускают определенные отклонения от среднего — при помощи, вероятно, подключившихся биотехнологий — будут заменены даталюдьми, то есть существами, которые по поведению будут отличаться друг от друга не больше чем клоны. Иными словами, произойдет стандартизация. И, наконец, в завершение левиафановской многоходовочки должен произойти *fork*, развилка человечества, его разделение на неолудей и небогов.

Но что такое Цифровой Левиафан — понятие, которое я ввёл несколько раньше в своих статьях, и развиваю здесь, в этой книге? Чем этот Левиафан отличается от библейского или от Левиафана английского философа Томаса Гоббса?

Гоббс определяет своего Левиафана одновременно и как государство и как «искусственного человека», это определение ближе всего и к тому, что я имею в виду. О государстве как об организме писали многие и до Гоббса и после него, но именно англичанин лучше всего выразил его сущность как человеческого создания, которое, однако, обладает своей собственной логикой действия.

Называя Левиафана цифровым, я лишь делаю акцент на «материале», из которого он сделан — цифровых алгоритмах. Давайте уберем мистику из слова «алгоритм» — это всего лишь последовательность действий. Однако эти последовательности вовлекают весь мир вокруг нас, и наша цивилизация сломя голову стремится оцифровать и алгоритмизировать все вокруг, описав весь мир в терминах четко прописанных и прозрачных для Левиафана причин и следствий. Оцифровка мира означает постановку в соответствие некоторого множества цифр каждому предмету, явлению, живому и неживому существу в этом мире. Так Левиафан начинает видеть все, что оцифровано, и получает ко всему этому доступ.

Тем, кто упрекает меня в очеловечивании абстракций, скажу, что это старая как мир практика, которая дает очень много для понимания процессов, хотя, конечно, имеет смысл, когда мы понимаем её ограничения. Возможно, Цифровой Левиафан — это метафора, но тогда метафоры и такие понятия, как «город», «деревня», «народ», «государство», «общество». Ученые ведь пишут в своих академических монографиях «Англия решила действовать» или «Китай предпринял шаги», или «Россия уходит из Средней Азии», или «умный город», «деревня умирает» или даже «многонациональный народ Российской Федерации».

Более того, если подходить строго-физикалистски, не более чем метафорами являются и такие понятия как «подсознание», «квант», «мозг» и так далее. Ведь это не физические сущности, а абстракции!

Любое определение сложного понятия создает больше проблем, чем решает. Попробуйте собрать пять академиков и обсудить с ними, что такое «социализм», «капитализм», «кино», и даже «математика», «живое», «сознание», «искусственный интеллект» — и разговор вряд ли закончится полным согласием.

Поэтому мы будем говорить о Левиафане исходя из его проявлений, из того что он делает, и делает уже сегодня. Вся эта книга — наброски к описанию Левиафана через его историю, философию и действия. Сразу слышу насмешки узких технарей, которые на практике редко выходят за пределы своих компетенций, но любят рассуждать об эволюции и детерминизме. Их коридор мысли позволяет им иметь дело лишь с привычным, со знакомыми, выученными до автоматизма определениями, а иерархия, которая определяет их благосостояние и авторитет, давно не допускает критического отношения к чему бы то ни было, кроме того, на что показывают пальцем те, от кого зависит продвижение по служебной лестнице.

Экономике всего будет оставить технарей в покое: не будем терять время на отстающих, пусть они продолжают разглядывать свой пупок. Мы, впрочем, поговорим о масштабном кризисе, охватившем сегодняшнюю науку, потому что это важно для понимания той легкости, с которой Левиафан захватил в том числе и научный мир. О том, как возникла сегодняшняя наука-как-услуга, и как Левиафан, оцифровав науку, непременно её уберизует, как любую услугу, например, такси или доставку еды. Мы поговорим о том, как случилось, что мир подпал под диктат монополий «большой цифры» — причем не только экономический диктат, но и идейный, ценностный. А где есть диктат — там и диктатура, которая вполне может быть оформлена в понятных массам формах государственного насилия и принуждения — хотя, на мой взгляд, будет стараться без этого обойтись.

Человечество создало диктатуру себе по мерке — эта диктатура будет, как говорили в советские времена, национальной по форме и интернациональной по содержанию. Она будет жесткая в странах, где привыкли к жесткости и мягкая там, где привыкли, чтобы правящие классы управляли в лайковых перчатках. Более того, жесткостью, а вернее сказать, смирительная рубашка, созданная Левиафаном, будет облегать фигуру каждого человека — в мире, где, впрочем, понятие «человек» уже объявлено устаревшим. Человек должен уйти — и он уходит, даже не выключив за собой свет.

Люди долго боролись с национальными государствами, и практически их победили. Государства уже не в упадке, а в реанимации, и даже ковидная встряска не сумела их оттуда вытащить. Но вместо ослабевших десятков государств люди создали себе одно — Цифрового Левиафана. Он не имеет формы, он находится в залах с рядами меланхолично мигающих серверов, расположенных в горах, он в контейнерах с запчастями и редкими металлами, что плывут в южных морях, он на шахтах Конго и Боливии, где добывают эти металлы, он на конвейерах Тайваня и в мозгах тысяч индийцев, глубоко обучающих машины, он в горячих ваннах южнокалифорнийского Эсалена и на полях для гольфа Новой Англии, он на ипподромах Гонконга и в дронах, доставляющих смертельный груз в Сирии.

Левиафан вездесущ и всезнающ, он живет одним моментом, одним ходом, но сумел сделать так, что в этом ритме живет весь мир. Мир совершает ход и готовится к следующему, оптимизируя всё, что можно оптимизировать, стараясь понравиться Левиафану. Он уже сейчас обволакивает общество, которое разучилось коллективно принимать решения и брать на себя ответственность за свое собственное управление.

В момент написания этой книги человек уже взломан, взломан и как отдельная личность и как множество таких личностей. С этим уже ничего не поделаешь — хотя можно сделать первый шаг к осознанию того, что происходит. Доведется ли людям сделать второй шаг, или Левиафан пресечет крамолу в зародыше через роевое сознание и выдачу санкций на человеческие поступки?

Как та рыба, которая не может осознать воду, в которой плавает, так и мы не осознаем Левиафана, в котором живем. А между тем он уже изменил и общество, и человека, и продолжает менять их дальше.

Горжество сиюминутного во всех областях жизни уже переделывает людей. Лишенные рефлексии, хитрые, но недалекие, не имеющие представления о самоограничении, ответственности и риске, «взломанные люди» предпочитают разовые гешефты скучному и систематическому труду.

Эти изменения в поведении стали наглядны во время коронавируса, когда эгоистические гешефты стали процветать на всех уровнях, и стало очевидным, что понятие «солидарность» отмирает, если уже не отмерло.

Роевое сознание активно показало себя именно в 2020 году — хотя для большинства осталось незаметным. Новая роевая этика и мораль свелась к нескольким простым тезисам. Роевое, одобренное поведение хорошо, индивидуальное — плохо. Одобренное поведение — носить маски и соблюдать дистанцию. Хорошо не задавать лишних вопросов, еще лучше убеждать сомневающихся и позорить отщепенцев-диссидентов. Плохо ставить под сомнение то, что говорят власти.

Одним из итогов распространения роевого сознания стало резкое усиление цензуры, как на интернет-платформах, так и в государственной и социальной жизни. Именно в этот год, как никогда раньше, ведущие цифровые платформы Google, Facebook, Youtube, Twitter стали активно чистить контент, поднимая видимость определенных материалов и опуская другие, а то и закрывая под разными предлогами целые каналы.

Сиюминутность пришла и в мораль, и уничтожила её напрочь. Человек взломанный утратил её в погоне за эффективностью, в том числе своей повседневной жизни, и теперь единственным носителем морали является сам Левиафан, который начал осуществлять свое право через роевую санкцию. Ему ведь нужно как-то обеспечить бесперебойную работу уже устоявшихся и функционально годных для него человеческих институций — до того момента, когда «человекоданные» станут «дательными» и ненужные институты все разом будут отменены.

Те, кто думает, что на место прежней морали должна придти какая-то другая, допустим, фашистская или диктаторская, ошибаются. Мораль требует осознания и требует времени, поэтому она должна быть отменена как таковая. Сначала это произойдет через заполнение «моральных форм» новым содержанием, а именно сиюминутными установками и верой в роевую санкцию, затем и эти формы отомрут.

Взлом человеческого сознания стал возможным благодаря состоянию «нарциссического наркоза», о котором писал еще полвека назад канадский философ Маршалл Маклюэн. Обратите внимание, что в ту уже далекую эпоху речь не шла о столь изоциренных инструментах воздействия на сознание и подсознание, как те, что мы имеем сегодня или те, что появятся завтра. Тем не менее контур западни, в которую попало человечество, был обрисован Маклюэном с поразительной четкостью.

Все средства массовой коммуникации, алфавита до компьютера, усиливают возможности различных органов, чувств или навыков человека. Но за такое усиление люди платят своего рода защитным онемением

задействованных в процессе зон центральной нервной системы. Этот процесс можно сравнить с шоком или сильным стрессом, когда человек не осознает происходящего. В таком состоянии сознание живет только в настоящем и не оказывает сопротивления управлению. В интервью 1969 года журналу «Плейбой» Маклюэн говорил:

«Я называю эту своеобразную разновидность самогипноза «нарциссическим наркозом» — синдромом, при котором человек не замечает психогенных и социальных последствий новых технологий в той же мере, в какой рыба не замечает воды, в которой плавает. В результате происходит вот что: в момент, когда новое, созданное средствами массовой коммуникации мироустройство становится всеобъемлющим и меняет наш сенсорный баланс, оно также становится для нас невидимым».

Опьянённый новыми возможностями, которые предоставляют ему медиа, человек теряет восприимчивость к тому, что новое средство коммуникации делает с ним самим. Он словно впадает в оцепенение, из которого, как писал Маклюэн, можно выйти лишь через осознание того, что с ним происходит, как бы болезненно это не было.

Ближе к концу книги мы подойдем к основным принципам новой осознанности — впрочем, одной ее может оказаться недостаточно ввиду угрозы невиданного — и невидимого — угнетения, перед которым стоит человечество.

После коронавируса, который открыл краешек дивного нового мира, в котором мы уже живем, даже самые толстокожие начали что-то подозревать. Однако и сейчас большинству людей кажется, что всё когда-нибудь вернется в нормальность, к которой они привыкли. Лишь самые проницательные начинают понимать, что под вывеской нормальности им продавали транквилизаторы, чтобы они могли погрузиться в иллюзии, а когда новое заявит о себе со всей мощью и силой, например, в требовании роевой санкции на любой поступок, будет уже поздно.

В качестве аналогии стоит напомнить о другой нормальности — о нормальности СССР. Тем, кто жил в семидесятые-восемидесятые годы XX века, казалось, что это устройство мира нормально и естественно, что иные варианты невозможны, и этот порядок, возможно, с небольшими изменениями, будет существовать вечно. Но все обрушилось в три дня, в три августовских дня 1991 года. И даже после того как советского мира не стало, люди по инерции продолжали ходить на работу, пытались жить прежней жизнью, так и не осознав, что она закончилась навсегда.

Точно так же как 1991-й, 2020 год стал поворотным в человеческой истории. Извлечение капиталистами природных ресурсов дошло до критической точки, потребительское общество захлебнулось в собственных отходах, капитализм, основанный на ценностях накопления, выродился в нечто прямо противоположное, в безудержное транжирство, и, перейдя к извлечению ресурсов непосредственно из человеческого поведения, созрел к все более активному введению элементов неофеодализма и неорабовладения.

А ведь еще двадцать лет назад казалось, что будет совсем по-другому. В 1995 году я приехал учиться в Америку, на кампус Болдер в штат Колорадо, и там, вместе с американскими студентами открыл для себя интернет. На это чудо смотрели как на мирный дивиденд: секретная военная компьютерная сеть, возникшая во время Холодной войны, как по волшебству превратилась в новое бесплатное средство связи и информации для всего мира. Границ теперь не существовало, университеты и научные учреждения США уже вовсю загружали туда свои материалы, казалось делом времени, когда к этому процессу присоединятся все главные страны, а потом подтянутся и остальные, какими бы закрытыми они ни были. Закрытости пришел конец: знания теперь принадлежали всем, мир стоял перед новым, невиданным еще в истории творческим взрывом.

Думалось, что вскоре в сети окажутся все информационные, научные, культурные богатства, которые выработало человечество. Было ясно, что новости теперь можно узнавать мгновенно, минуя официальные каналы, но ничего плохого от этого я не ждал: казалось, что хуже государственной цензуры ничего не бывает. Люди теперь могли переписываться моментально и бесплатно — но ни я, ни те, кого я знал, не читали Маклюэна, который бы объяснил, что этой-то моментальности, мгновенности и следовало бы больше всего опасаться — и именно с этими качествами интернета связаны неслыханные ранее возможности угнетения.

Никаких айфонов в те пять лет свободы киберпространства не было в помине, и информация, добытая в интернете, представлялась неким дополнением к книге. Уже находясь в киберпространстве с его новыми, часто страшными возможностями, с его прямым доступом в ад, мы не осознавали этого, именно потому, что в этой среде жили, как те самые рыбы в воде. Мы воспринимали интернет как духовное пространство свободы, не понимая его сущности как коммуникационной среды, которая будет нами управлять, и уже с самого начала без особых усилий управляла. Мы мыслили старыми понятиями, только немного их расширив, — именно об этом и предупреждал Маклюэн. Так, привычная библиотека стала «мировой библиотекой», или привычная американцам типовая «автострада», ведущая из никуда в никуда, стала, как в названии книги Билла Гейтса, «информационной автострадой». Все знакомо, удобно и просто, все бесплатно, как пользование большинством дорог, мы оборудуем информационную автостраду знаками — пользуйтесь. Кое-где, конечно, вдоль дороги появятся рекламные щиты — но это в порядке вещей, реклама вдоль дороги не мешает же вам ехать туда, куда вы решили, и ничуть не замедляет ваше движение к цели.

На самом деле реальность, которую мы не осознавали, была настолько новой, что не вмещалась в эти метафоры и в старые понятия. Нет, мы не оказались в глобальной библиотеке или на информационной автостраде — мы оказались на глобальной рыночной площади, куда вскоре каждый потащит свой товар, включая себя самого. Это непонимание смысла новой среды привело к тому, что те, кто мог бы с самого начала сделать что-то радикально

иное, установить такие правила, чтобы сделать киберпространство человечным, обжить его для блага всех, вместо этого понесли по информационной автострате Билла Гейтса напрямиком в адское пекло. Под музыку Greatful Dead. Мы тогда не думали о том, что суть новой среды, этой самой магической автострады состояла в том, что рекламные щиты по бокам так влияли на водителя, что он моментально выбирал другой путь, и дорога подстраивалась, и шла в новом направлении, с новыми щитами вдоль, которые точно так же влияли на саму дорогу. В состоянии наркотического нарциссизма водитель вскоре оказывался на таких выселках, куда точно не собирался вначале, но продолжал жать на газ, ибо в его мозг поступал дофамин, магическая автострада работала через гормоны, через нейромедиаторы, чтобы управлять водителем. Каждый момент времени, проведенный на автострате, менял и саму автостраду, и водителя, без его осознания.

Но мы этого не осознавали, были не готовы к тому, что свалилось нам на голову. Именно в те годы Джон Перри Барлоу гордо провозгласил «Декларацию независимости киберпространства», в которой бросал вызов слабейшим левиафанам-государствам: «Вы не имеете никакой власти там, где мы возражаем... Мы строим глобальное социальное пространство, чтобы быть естественно независимыми от тирании, которую вы стремитесь установить для нас. Вы не имеете никакого морального права ни управлять нами, ни обладать любыми методами принуждения...»

Перри, а вслед за ним и все обитатели киберпространства, покинули свои национальные государства, чтобы раз и навсегда соединиться в идеальном сообществе свободных людей, над которыми земные власти не имеют силы: «Правительства получают полномочия из согласия управляемых, Вы его не спрашивали, и не получали от нас. Мы не приглашали вас. Вы не знаете нас, вы не знаете наш мир. Киберпространство не находится внутри ваших границ...».

Это было царство не от мира сего, и оно было здесь, на Земле, в эту самую секунду, оно было доступно для всех тех избранных, кто в него поверил: «Киберпространство состоит из транзакций, связей и непосредственных мыслей, выстроенных подобно стоячей волне в паутину наших коммуникаций. Это наш мир, который всюду и нигде, но он не там, где живут телесные существа... Ваши правовые концепции собственности, выражения, индивидуальности, перемещения и контекста неприменимы к нам. Они базируются на материальности, но здесь нет материальности».

Киберпространство, этот доступный, нематериальный, бестелесный рай, принимал всех, как когда-то Америка, всех страждущих и обремененных, всех униженных и оскорбленных: «Мы создаем мир, в который все могут вступать без привилегий или предубеждений, порожденных расовыми различиями, экономической властью, военной силой или местом рождения. Мы создаем мир где любой и везде может выражать его или ее убеждения, независимо от того, насколько он необычен, без страха быть принужденным к молчанию или конформизму».

Под новыми небесами киберпространства предстояло возникнуть новой морали, новой этике, основанной на новых ценностях: «Наши индивидуальности не телесны, так что, в отличие от вас, мы не можем добиваться порядка через физическое принуждение. Мы верим, что наше управление будет возникать из этики, просвещенного личного интереса и всеобщего блага».

Прошла четверть века, и уже понятно, каких монстров породила миллениаристская утопия, столь вдохновенно описанная Барроу. Цивилизации мысли не получилось, «вирус свободы» в конце 2019 года обернулся совсем другим вирусом, который возвестил о приходе нового рабства.

Сразу же после раскочеривания интернета и возникновения киберпространства бизнесмены стали думать о том, как заработать на этом деньги. Нам, идеалистам-студентам, как и Барроу, всё было ясно. Очевидно, что это можно будет сделать работая во благо человечества, а не во зло: например, продавая более мощные модемы, усовершенствовав железо, может быть, развозя пиццу тем, кто работает из дома.

Никому из нас не приходило в голову, что кто-то будет убивать младенцев и расчленять детей в прямом эфире ради увеличения трафика. Что станет возможным неконтактно, на расстоянии, настраивать группы людей, народы, расы друг против друга, вызывать войны и мятежи, ради профита в режиме реального времени управлять погромами, стычками и якобы спонтанными протестами. Что десятки миллионов людей будут вовлечены через интернет в порнографию, проституцию, торговлю наркотиками, и это приведет к значительному изменению нравов. Что на моментальные ограбления по интернету через карточки будет куда больший спрос, чем на доступ в редкие библиотеки, что будут процветать заказы на поджог, сбор компромата, избиения и даже убийства. Что всё это, а отнюдь не коллективное любовование цветением сакуры, станет самым популярным и самым прибыльным применением интернета.

Что дистанционное образование онлайн не столько принесет все знания мира в самой доступной форме всем, кто в них нуждается, — а превратится в поле сбора информации и на учеников и на учителей с тем, чтобы подобрать к ним ключики и сломать их личности. Когда сегодня рассказывают о благах, несомых технологиями распознавания и контроля, стоило бы помнить о том, что зло куда более изобретательно в применении нового, чем добро.

Мы не думали о том, что возможность моментальной дофаминовой стимуляции через интернет перевесит все его достоинства. Никто не мог и помыслить о таких монстрах как Facebook, Google, YouTube или Instagram, которые будут тайно наблюдать, истолковывать и управлять поведением миллиардов людей.

Никто не знал, как близок конец американских мелких предприятий, практика и бизнес-модели которых теперь легко копируются и воспроизводятся системами искусственного интеллекта мегаплатформы Amazon.

Напечатать один в один можно не только ваш дом, но и ваш бизнес. Если вы прибыльны, платформа сделает вам

предложении, от которого вы не сможете отказаться, ибо они могут скопировать каждую мельчайшую деталь ваших бизнес-процессов, перенести его к себе, и, отрезав вас от потребителя, заниматься демпингом такой же, как у вас, продукции. У таких компаний, как Amazon, бесконечные финансовые резервы, конкуренции с ними у вас просто не получится.

Эпоха свободного интернета продолжалась от силы пять лет. Сразу после краха доткомов в 2000-м поисковик Google озаботился поиском новой бизнес-модели. Поиск и реклама по ключевым словам приносили небольшой доход, но было понятно, что если не будет прорыва, пуганные инвесторы начнут вынимать из компании свои деньги. Так начался эксперимент по тайному получению доходов от таргетированной рекламы. Тайному — потому что человека продавали без его ведома и, естественно, разрешения. Правда, знали тогда о человеке немного, но когнитивные возможности «Гугла» с каждым годом росли, а когда машина научилась самообучаться, развитие пошло еще стремительней. В книге пойдет речь о том, как за «Гуглом» последовал «Фейсбук», потом другие компании, и очень быстро стала процветать продажа фьючерсов на человеческое поведение. Инвесторы в результате получили деньги, которые они не сумели бы сделать даже на торговле наркотиками. Так Google запустил бизнес-модель, которая превратила человека поистине в «новую нефть».

Встав у руля крупнейших корпораций, новые жрецы-милленаристы сделали все, чтобы закончилась Эра Разума. Они создали новую науку, в которой критически мыслить не нужно — достаточно загрузить данные в стиральную машину суперкомпьютера, и одним нажатием кнопки можно получить результат. Выверенными и подготовленными хирургическими ударами людей раздробили на молекулы и атомы и уже начали соединять в рой, который берет на себя роевую ответственность за принятие любых решений. Пустое место, где раньше господствовала мораль, заполняют алгоритмы. Хотя фасад общества, государств, международных институтов не изменился, за ним теперь пустота. Технократы использовали национальные государства, чтобы навязать свою бизнес-модель всему миру, но в процессе от этих когда-то грозных левиафанов осталась лишь яркая оболочка с мемами. Их энергию также высосал Цифровой Левиафан.

Уроки провидца Маклюэна прошли впустую, хотя и были доступны всем желающим. Философ был в моде в конце шестидесятых-начале семидесятых, но через несколько десятилетий на небе популярной науки сверкали уже другие знаменитости. Готовясь к пришествию Цифрового Левиафана, система продвигала отрицателей сознания и деконструкторов человека. Не то что его идеи были забыты — они ушли в маркетинг, в продажи, в пропаганду — то есть использовались ровно теми, от которых их стоило бы держать за семью замками. А те, которым эти идеи действительно были нужны — обычные люди — вместо того, чтобы очнуться, потребляли ментальную жвачку, созданную ровно затем, чтобы отвлечь людей от осознания чего бы то ни было.

Донна Харауэй, Леви Брайант и другие современные американские жрецы провозгласили конец человека: политического, биологического и экономического. Никто из жрецов человека не оплакивает — наоборот, его конец объявляется благом.

Сегодня отменяется личность, отменяется политическое, а пол рассматривается как заблуждение, которое можно поправить. Можно менять пол в зависимости от настроения и ощущений, можно стать трансгендером, но лучше вообще отречься от пола. Это, как мы рассмотрим ниже, в представлении постмодернистов, например, Донны Харауэй, решит все конфликты и социальные проблемы. Отказ от пола и личности станет основой роевой санкции, то есть придания рою как коллективным агентом легитимности поступкам управляемых этим роём индивидуальных агентов. В число этих агентов с остаточными признаками индивидуальности войдут люди, киборги, человекообразные роботы и даже алгоритмы. Впрочем, индивидуальность, с переходом от «человекообразных» к даталюдям, подлежит полной отмене.

Отказ от пола будет подразумевать и исключения. Например, датачеловек сможет получить санкцию, предписание, на принятие определенного пола в случае необходимости для роя. Речь может идти о деторождении или каком-нибудь эксперименте, после чего датачеловеку поступит санкция на возвращение в нейтральный пол.

«Меня больше интересует моя совесть, чем мнение других», — сказал в первом веке до нашей эры Марк Туллий Цицерон, и тем самым ввел в западную мысль понятие «совесть», равное понятию «сознание», *conscientia*. В XVII веке это слово приходит в английский и немецкий языки. Таким образом, понятия «совесть» и «сознание» оказались спаяны в единый сплав, который лег в основании понятия «личность». Личность невозможна без совести и сознания — на этой базе строится вся европейская культура. В церковнославянских книгах слово «сѣвѣсть» встречается с XI века. Это слово — калька с греческого *συνείδησις*, что означает значило «совесть, сознание, разумение, понимание, совместное знание, согласие». Вне православной церкви оно появляется в словаре преподобного типографа, гравёра и на все руки мастера Памвы Берынды в 1627 году.

В этом самом году французский философ Рене Декарт, провозгласивший «Я мыслю, следовательно существую», в составе голландской армии штурмовал Ля Рошель. Берында тем временем спокойно жил в маленьком селе Езуполь возле нынешнего Ивано-Франковска на западе Украины. Село имеет любопытную историю: когда-то оно называлось не «город Иисуса», а совсем наоборот, Чешибесы. Но случился налет на село крымских татар. Потеряв войско и спасаясь от гибели, каменецкий каштелян граф Яков Потоцкий бросился на своем коне вплавь через Днестр. Коню никак не удавалось взобраться на крутой противоположный берег, пока Потоцкий не воскликнул с выражением «Jezus, Maria!». Тут у коня, чувствующего отчаяние хозяина, открылось второе дыхание, он вмиг взлетел на кручу, и граф был спасен. В благодарность Потоцкий переименовал Чешибесы в честь Иисуса, назвав его Езуполь, а на другой стороне реки основал городок в честь Марии, Мариямполь.

Так сознание Потоджого увязало в один крепкий клубок эмоции и переживания от смертельного эпизода войны с ценностями семьи и веры — настолько крепкий клубок, что граф чувствовал себя представителем на Земле высшей, всемогущей силы. Те времена ушли. Сегодняшний одномерный человек упростился, его сознание отмирает, совесть отдается на аутсорс автоматам, и этот процесс утраты личного сознания сопровождается массовым отрицанием сознания со стороны вроде бы просвещенной элиты.

В этой книге мы довольно подробно проследим за тем, как отрицание сознания перемещалось в мейнстрим научного мира и в России, и за рубежом. Отрицателями сознания сегодня выступают вполне солидные ученые и популярные в научной среде спикеры, отнюдь не маргиналы, как это было еще недавно. В кругах жрецов — ученых, технократов и политиков — маргиналами как раз считаются те, кто признает за человеком свободу воли, наличие определенного, причем постоянного пола, цельности личности, ответственности и других прав, те, кто считает, что человек, в отличие от животного, обладает сознанием, рефлексией, особым видом памяти, которую нельзя сравнивать с оперативной памятью компьютера.

Цельность личности особенно возмущает сторонников теории трансгуманиста Марвина Мински о «множественности разумов», согласно которой в человеке живет множество персон. Каждой из этих персон соответствует определенный участок мозга, который вырабатывает мысли наподобие того как мочевого пузырь вырабатывает мочу. Затем эти множественные квазиличности — а если проще, те самые чешибесы — получают что-то вроде поочередного доступа к микрофону в зависимости от значимости той или иной ипостаси в данный момент времени.

Именно «множественность персон» в голове у формально одного человека — идеальная структура разума для жизни в сверхпроводимой окружающей среде наподобие сегодняшней. Если от человека требуется правильная — а значит, моментальная — реакция на то или иное воздействие, санкционированная роем, значит, с него снимается ответственность.

Время свободных дискуссий закончилось вместе со свободой воли. Наступает время единомыслия, роевого сознания. Это доказывается так называемой пандемией, которая, как я покажу, явилась триггером для захвата Цифровым Левиафаном человеческих ресурсов, а значит, и власти.

Будущее человека как бесполого киборга, не обладающего свободой воли, сознанием и личностью стало общей мыслью, устоявшейся точкой зрения, которая пришла из научных кабинетов к политику, активно продвигается в СМИ. Среди тех, кто пропагандирует этот подход — издающиеся огромными тиражами в лучших издательствах жрецы науки, такие как Юваль Харари, Митио Каку, Дэниэл Канеман, Стивен Пинкер. Идеи жрецов подхватывает научный пролетариат и технари — как разработчики, которые пишут коды и создают новые приложения, так и предприниматели, которые дают им задания, являясь, как модно говорить, «людьми, принимающими решения». Все они уже играют в лиге отрицателей сознания, отрицателей человека — а их противники изображаются недалекими маргиналами, отставшими от времени. В книге пойдет речь о доводах отрицателей и будут выдвинуты возражения, что нечасто встретишь в подконтрольных элите изданиях.

Человека подталкивают к отказу от любой ответственности — личной, потому что за ним не признают личности, семейной, потому что отмирает институт семьи, политической, потому что элита уже не скрывает, что управляет независимо от того, что думает народ.

Человеческий рой, то есть социум взломанный, просчитанный и контролируемый, возьмет на себя ответственность за каждый шаг человека. Со временем индивидуализм будет объявлен вне закона. Частная собственность также отжила свое. Человек не сможет претендовать на полное распоряжение не только частной, но и личной собственностью, например, автомобилем. Всем будет управлять рой, который будет давать разрешение на поступки — например, на брак. С разрешением роя все станет возможным, а без него вы рискуете снижением своего социального рейтинга, как бы он ни назывался, обрушением позиции в рое.

Роевое сознание укажет «взломанному человеку» выход из множества ситуаций, например, таких как харрасмент и в целом отношения между полами. Как определить, происходит ли все по взаимному согласию? Только рой может санкционировать правильное поведение самца и самки, дать добро на случку и появление потомства — которое, впрочем, будет выращиваться отдельно. К этому уже все готово, от мобильных приложений по надзору за детьми до системы ювенальной юстиции.

Но получится ли у элиты разделить человечество сначала на касты, наподобие тех, что существовали в антиутопии «Дивный новый мир», а потом, как они хотят, на отдельные биологические виды? Человек приравнивается к киборгу и автомату в теории, но станет ли это практикой? В книге пойдет речь о теоретическом обосновании этой «автоэволюции» в трудах американских философов, которые опираются на европейских постмодернистов.

Вообще, как будет протекать переход от *homo sapiens* к виду «неочеловека облачного» — и будет ли такой переход вообще? Ведь с точки зрения эффективности проще создать неочеловека заново, точно так же как проще и дешевле построить совершенно новый высокоэффективный завод, чем отремонтировать и латать старый. В этом случае вид *homo sapiens* сгодится как некий источник «запчастей» или информационный пул — в том случае, если будет принято решение о необходимости внутривидового разнообразия «неочеловека».

Один вопрос состоит в том, кто или что будет принимать подобные важнейшие решения. Будет ли это небольшая группа нынешней элиты или новый класс, который можно условно назвать «необогамии» — в духе книги израильского философа Юваля Харари *Homo Deus*, где речь идет о людях ближайшего будущего, которые будут обладать невиданным ранее могуществом? Чем тогда «необогии» будут отличаться от «неолюдей», или «нового

«человека»? Может, это будут две разные расы или даже два разных вида? Виновата ли в их появлении эволюция или речь идет, как пишет тот же Харари, об автоэволюции, то есть о том, что человек, наконец, взял дело преобразования своей биологической и антропологической сущности в свои руки? А может быть, есть какой-то новый подход, который позволит посмотреть на всё это под совершенно другим углом?

Как правильно определить эти новые антропологические сущности? Будет ли преобразование «человека разумного» в эти новые сущности происходить скачком, или неизбежны переходные состояния? Как можно определить эти состояния? Мы поговорим о жрецах, которые насаждают то, во что не верят сами, и об отщепенцах, которые рушат их планы. Кто такие отщепенцы? Немецкий философ Гегель считал, что мир меняют именно они — такие люди, как, например, Сократ, который поставил под сомнение основы древнегреческой цивилизации. Развитие духа идет через отщепенцев, полагал Гегель, и одним из таких отщепенцев, кстати, стал его последователь Карл Маркс. Отщепенцев и раньше маргинализировали и высмеивали, и в ближайшее время отношение к ним ужесточится до крайности. Учителей-отщепенцев не будут допускать к преподаванию, в особенности в государственных школах. Материалы ученых-отщепенцев, философов-отщепенцев, мыслителей-отщепенцев будет банить фейсбук, запрещать ютуб. Эти материалы будут сочтены запретными вполне официально, как пропаганда фашизма, коммунизма и всего того, что не получило роевую санкцию.

Отщепенцев будут обвинять в пропаганде таких мысле-преступлений, как свобода воли, индивидуализм, сознание, различие между полами, отрицание роя и роевой санкции.

Перед тем как включить запреты на полную мощь, жрецы для отвода глаз могут создать иллюзию контроля над технологиями со стороны людей. Но это будет обманка — потому что реальный контроль, и реальные права уже переместились в рой, то есть контролируются Левиафаном.

Элиты, по сути, тоже стали объектом управления. Это стало очевидно в 2020 году, с началом карантина. При этом различия между левыми и правыми утратили смысл, ибо наступил конец капитализма. Государства, пустые изнутри, также оказались захвачены. Когда государства в упадке, начинается мировая война всех со всеми.

Мы увидим, что отщепенцы — это антитезис, необходимый элемент синтеза нового. Цифровизация явилась антитезисом эпохи модерна, Нового Времени. Сиюминутность означает отсутствие свободы воли, без которой нет, например, капитализма. Что будет антитезисом к цифровой цивилизации? Жрецы-технократы ждут технологической сингулярности, но есть ли надежда на то, что сценарий, разработанный жрецами, даст сбой?

Я покажу, почему технологической сингулярности не будет — но вместо этого случится социальная сингулярность, и, возможно — человеческая сингулярность.

Уже сегодня книги рассматриваются как сиюминутный продукт наподобие быстрорастворимого чая из пакетика или кофе. Они нужны «взломанному человеку», чтобы эффективнее выстроить позицию для следующего хода. Но он не планирует вдолгую — да в условиях роевой власти это и ни к чему. Поэтому писатели почти перестали писать книги, которые не решают какую-то конкретную цель. Например, не дают вам 28 способов счастья или 15 наводок на достижение служебного успеха. Не стало книг, в которых много всего, в которых есть сочетание несочетаемого, в которых есть неожиданные ходы, а может быть, даже выход за пределы игры. Книг, в которых много лишнего, а может быть, и не лишнего, а необходимого — но чтобы оценить эту необходимость, необходимо совершить мыслепреступление и задуматься о будущем.

Я надеюсь, что это именно такая книга — несбалансированная и бесцельная, все время отклоняющаяся от намеченной линии, блуждающая, заходящая за рамки.

Я запускаю эту книгу в будущее. Надеюсь, там, на том берегу, она разбудит какого-нибудь спящего и побудит его пойти дальше.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МИРОВАЯ ВОЙНА ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ БИГДАТУ

У того, кто умеет нападать,
противник не знает, где ему обороняться; у того, кто
умеет обороняться, противник не знает,
где ему нападать. Тончайшее искусство!

Сунь Цзы, «Искусство войны»

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ: КОРОНАВИРУС

17 февраля 1994 года, в ночь с воскресенья на понедельник, Лос-Анджелес пережил землетрясение магнитудой 6,7 баллов. Во всем городе погас свет, и множество людей выбежали из своих домов. На телефон экстренной помощи 911 один за другим стали поступать звонки от людей, находящихся в состоянии паники. Они звонили, чтобы рассказать об ужасных явлениях у них над головой. На улицах было совершенно темно, зато там, на небе, светился второй огромный город — словно мир перевернулся. Люди рассказывали о целом облаке огней, которые не пропадали, сколько себя ни щипай.

Они впервые в жизни увидели Млечный Путь — с галактиками, мерцающими звездами, планетами на усыпанном звездами небе.

Так во время коронавируса и многие из нас увидели то, что до сих пор оставалось скрытым за жизненной рутинной. В мире сегодня происходят невероятные вещи. В мутные каналы Венеции вернулись лебеди, в сардинском порту Кальяри, где обычно один туристический лайнер сменяет другой, снова видят дельфинов. В Китае воздух очистился настолько, что люди перестали умирать от связанных с загрязнением заболеваний — по некоторым

подсчетом, от этого НЕ умерли более семидесяти тысяч человек — обычное число жертв плохой экологии в Поднебесной за полгода. Конечно, более трех тысяч умерших от коронавируса китайцев не вернуть — но общий баланс говорит сам за себя.

Привычный мир рушится на глазах. Черные лебеди приплывают один за другим и сбиваются в стаи. Происходят вещи, ранее немыслимые, вроде бы принадлежащие другим эпохам: закрытие стран и городов, массовый контроль за поведением людей, уничтожение конституционных прав и свобод, биологическое и эмоциональное заражение, паника в соцсетях... Можно говорить об информационной эпидемии и об экономическом вирусе, поразившем индустрии, которые считались передовыми. Вирус политизировался, обострив существующие противоречия, национальные государства слабы как никогда, повсюду на поверхность вышли радикалы самого крайнего толка, церковь исчезла с общественного радаров... Да есть ли он, этот радар, есть ли само общество?

Есть у этой эпидемии и экзистенциальное, и философское измерение. В 2008 году Институт Будущего Человечества, расположенный в Оксфорде, оценил риски вымирания человечества по разным причинам к 2100 году. Риск вымирания от пандемии естественного происхождения ученые оценили всего в одну двадцатую процента, в то время как пандемию искусственную они сочли в сорок раз опаснее. Самыми страшными были признаны угроза молекулярного нанотехнологического оружия и искусственного сверхинтеллекта. Риск прекращения разумной жизни на планете из-за «серой слизи» или слишком умной машины представлялся в сто раз выше, чем то, что мы испытываем сегодня.

Один из четырех сценариев развития человечества, опубликованных Фондом Рокфеллера и «Глобальной сетью бизнеса» в 2010 году, довольно подробно описывал некую пандемию, в результате чего люди отдают свои права и свободы в обмен на безопасность.

Что это означает? Прежде всего то, что нынешний «черный лебедь» далеко не последний и далеко не самый угрожающий. Главные проблемы впереди.

Но кому война — а кому мать родна. Сегодня, когда потребительское общество рухнуло, капитализм на глазах трансформируется в такой дикий строй, что ему трудно подобрать определение, есть виды бизнеса, которые процветают.

Американский предприниматель Эрик Юань никогда не жил так хорошо, как сейчас. Девять лет назад этот выходец из семьи китайских горных инженеров, выпускник Шаньдунского университета, основал фирму Zoom Video Communications, которая организует телеконференции. Правительства по всему миру приказали сотням миллионов людей и фирм перейти на дистанционку, и спрос на услуги Zoom резко вырос. Теперь на выпускника Шаньдунского университета, которому удалось натурализоваться в США лишь с девятой попытки, только в солнечном Сан-Хосе работает две тысячи человек. Капитализация недавнего стартапа составляет на начало сентября более 80 миллиардов долларов — это больше, чем вся «Роснефть».

Компания из Калифорнии легко захватила среди прочих и российский рынок. Почему наши высокотехнологичные компании не смогли предложить столь же удобного продукта, ведь Россия — страна, охватывающая девять часовых поясов — всегда была среди лидеров в коммуникациях? Теперь видеоконференции на тему патриотического воспитания молодежи приходится проводить через калифорнийско-китайское приложение.

Российская элита находится в полной растерянности. Высшие чиновники, впрочем, продолжают делать вид, что все под контролем и через какое-то время вернется к привычной «нормальности».

Проверку реальностью выдержали не только российские элиты. Станным образом, вирус, отнюдь не первый в новейшей истории, ставит в тупик маститых экспертов, глав ведущих корпораций, президентов и министров по всему миру. Впросак попали целые институты и мозговые центры с нобелевскими лауреатами, обнулились тысячи страниц планов и прогнозов, сделанных на бесчисленных деловых завтраках и конференциях в самых престижных местах планеты.

Сколько времени продлится кризис? Сколько людей погибнет — в том числе от экономических неурядиц и сопутствующих войн? Что будет с природными ресурсами? Что станет с экономикой и финансовой системой, банками, крупными корпорациями? Выживет ли капитализм, что станет с демократией? Сколько рухнет режимов? Какие последуют волны миграции, как изменятся политические и национальные границы? И самый главный вопрос: что на самом деле происходит?

КАПИТАЛИЗАЦИЯ ВИРУСА

Когда чума пришла в Европу в XIV веке, она забрала на тот свет так много людей, что стало некому работать. Работники стали так ценны, что феодалы были вынуждены облегчить их положение, а в некоторых странах началось освобождение крестьян.

Но сегодняшняя ситуация не такая. Коронавирус убивает потребителей в тот момент, когда экономика перестала производить. Мотор экономики — потребление — заглох. Устранение потребителей и спроса снимает напряжение с рынков и облегчает задачу государств. Умиряют старики, которым нужно платить пенсии. Технократы довольны: легче идет оптимизация бюджетов. Коронавирус, в отличие от чумы, понижает ценность жизни. Новой экономике, где роботы производят всё, люди противопоказаны: чем меньше их в компании, тем больше за нее дают на рынке и тем охотнее в нее вкладывают инвесторы. В идеальной компании не должно быть работников вообще. Поэтому коронавирус работает на капитализацию. В этом сегодня суть цифровой экономики.

В отличие от чумы, коронавирус не делает выживших свободнее — наоборот, им предстоит жить в мире, где ценность человеческой жизни постоянно падает. Во время коронавируса вся экономика стала сплошным убытком.

Коронавирус работает на экономический императив, экономический императив работает на коронавирусу.

То, что происходит сегодня — логичный этап развития капитализма, который повторяет во многом вторую промышленную революцию. Тогда природные ресурсы вошли в оборот рынка и стали основой расширенного воспроизводства. Рос капитал, а государством стали управлять как фабрикой.

Сегодня вместо природных ресурсов корпорации извлекают человеческий опыт. Слежка проникает внутрь человека, он взламывается, и из этого взломанного человека, при помощи обработки полученных данных системами машинного обучения, нейросетями, искусственным интеллектом, производится продукт в виде предсказаний. Появился весьма развитый рынок предсказаний человеческого поведения, где предсказательные продукты продаются в виде фьючерсов.

Смена экономического императива и появление совершенно новой бизнес-модели прошло практически незамеченным не только для населения, но даже для компаний, которые, тем не менее, уже работают внутри этой модели. Этот императив создали глобальные монополии, которые некоторые называют FAGMA — Facebook, Apple, Google, Microsoft, Amazon. Иногда к ним добавляют IBM и некоторые другие, а также китайские компании типа Badoo, Tencent, Alibaba и другие, которые действуют в той же парадигме. Эту модель исследовательница из Гарварда Шошана Зубофф описала в своей книге «Эра надзорного капитализма», и именно эта модель надзора и слежки за поведением масс задает направления развития и бизнесу и обществу. Более того — мобилизовав все свои медиа-возможности и лоббистские возможности, они убеждают общество в том, что «другого пути нет».

Нельзя сказать, что предсказаний коронавирусной катастрофы не было совсем — но тех, кто осмеливался выступить против сложившегося элитного консенсуса, записывали в маргиналы и конспирологи. Так, американский эпидемиолог Ларри Бриллиант еще в 2006 году предлагал создать глобальную систему по предсказанию инфекционных заболеваний и борьбе с ними, утверждая, что в противном случае мы наверняка столкнемся с эпидемией, жертвами которой станут миллионы людей, а экономика потеряет триллионы долларов. Никто не слушал этого «алармиста», как не слушают сегодня тех, кто обращает внимание на риски и угрозы от систем с искусственным интеллектом.

В начале коронавирусной истории бытовала точка зрения, что традиционные ценности вернутся, вместе с национальными государствами. Возникла странная иллюзия, что границы между странами и блокпосты на дорогах — лучшее средство против вируса. Писали о том, что вирус смоют с лица земли, и все вернется на круги своя. Все «будет как при бабушке» — ну разве что одни финансисты скупят все, что подешевело, и будут править вместо других финансистов. Писали даже, что все так и было задумано.

Но ни отката в далекое прошлое, ни сохранения нынешнего мироустройства не будет — хотя элиты и хотели бы «все изменить так, чтобы ничего не поменялось».

Надо понимать, что началась новая мировая война — война за большие человеческие данные. В этой экономической войне будет победитель, и он получит всё, усилив свои позиции с помощью наднациональных структур. Победителем в этой войне будут не Соединенные Штаты, не Китай, не вообще какое-то государство — победителем станет возникающий на наших глазах Цифровой Левиафан, о котором идет речь в этой книге. Под крышей каких государств будут строиться вышки 5G или распространятся системы социального рейтинга, неважно.

Будущее — это тотальный контроль границ не только между странами, но и внутри их, социальное дистанцирование, власть биологической полиции, развитие новейших систем искусственного интеллекта, которые по мобильным телефонам, датчикам на гаджетах и видеокамерам установят колпак над населением.

Технократы и их жрецы триумфально конвертируют науку и технологии во власть по всему миру. Илон Маск готовит человечество к принятию своего «нейралинка» — технологического решения, которое позволит, как он утверждает, читать мысли и «вкладывать» их в головы людей. Выступления российских технократов — Ольги Усковой, Германа Грефа — тоже полны оптимизма. В грядущих осенью 2020 года выборах в США FAGMA может провести на должность вице-президента страны свою прямую ставленницу, Камалу Харрис. Которая имеет все шансы однажды возглавить страну. Тогда государство и корпорации, наконец, сольются в полном экстазе, и их ребенок, Цифровой Левиафан, будет расти не по дням а по часам.

Жрецы убеждают общество в том, что «другого пути нет», испытывая восторг по поводу триумфального шествия человечества в сторону трансгуманизма, превращения людей в киборгов, интеграции компьютеров с людьми. Совсем недавно поклонники Курцвейла, умных автомобилей, умных городов, умных тротуаров и умных стен говорили о том, что их цель даровать людям бессмертие. Сегодня эти жрецы говорят о том, что старики — это обуза для экономики и для планеты в целом, и для стабилизации экономики нужно от них избавиться.

Какие бы ни было происхождение коронавируса, его быстрое глобальное распространение стало возможным благодаря моментальным массовым коммуникациям, глобализации, биотехнологиям и искусственному интеллекту. Можно не сомневаться, что биологические лаборатории по всему миру в ближайшие годы ждет резкое увеличение финансирования, что приведет к созданию в лабораториях новых вирусов.

Понимают ли технократы, куда они привели человечество? Может оказаться, что сегодняшняя победа может оказаться для них пирровой. Вторая промышленная революция вызвала к жизни целый букет революций социальных. Несмотря на новые системы социального контроля, так называемая «четвертая промышленная революция» обещает завершиться такими же бурными событиями. Первая мировая война привела к рождению социалистического государства, вторая — к уничтожению колониализма. Начавшаяся мировая война за

человеческие данные тоже неизбежно ведет к социальной сингулярности.

ХОРОШО ТЕМПЕРИРОВАННЫЙ АРМАГЕДДОН

Коронавирусную историю/истерию с самого её начала модно было сравнивать с войной. Это сравнение приносило очки политикам — даже посетив простую столичную больницу, они могли сказать, что побывали на передовой. Пиарщики правительств вцепились в красивый лозунг: была война с террором, а теперь вот идет с коронавирусом. Каждый день с пометкой «молния» публиковались фронтовые сводки с числом погибших и заразившихся, они перебивали все остальные новости. О других проблемах можно было забыть: страны нужно спасать от самой страшной беды со времен метеорита, уничтожившего динозавров, и настал тяжелый час, когда все мы должны проявлять единство и солидарность с властью, ведь коней на переправе не меняют, не так ли?

Правителей нельзя было обвинить в сгущении красок: действительно, экономический ущерб от всеобщей остановки был колоссальным.

То, что оставалось к тому времени от демократии, испустило дух практически сразу, и интересно не то, что это случилось так быстро, а то, что этого никто не заметил. Нет, партии продолжили работать, парламенты — заседать, комиссии — собираться, правозащитники — публиковать отчеты и даже сообщать о своей вечной непоколебимости, но всем уже стало понятно, что всё это лишь фасад, за которым пустота. Ткни — и развалится.

Война с террором, объявленная сильными людьми 11 сентября 2001 года, была для демократии первым звончком: по всему миру усилили полномочия спецслужб, в аэропортах стали раздевать и разувать, а когда волна терактов схлынула и даже Усаму нашли и убили, нигде новые правила не отменили. Фильмы XX века типа *The Parallax View*, где герой Уоррена Битти без всякого досмотра садится в салон самолета и покупает там у бортпроводницы билет, смотрятся как утопии. В ходе войны с коронавирусом досматривают всех и везде, демократия превратилась в отвлеченное понятие, конституцию можно помещать в музей рядом с ассирийской клинописью.

Войной, холодной или горячей, мы привыкли считать конфликт между странами, в котором так или иначе есть насилие и нарушается международное право. Конфликт этот может быть острым или не очень, но положение это ненормальное и не может длиться долго. Есть конфликты между группами людей — экономические войны, война полов, война поколений, война классов, наконец, гражданская война. Люди, как мы видим, вообще очень воинственный вид. Есть культурные войны, когда воюют с абстрактными понятиями, правда, бывает, с человеческими жертвами. Есть войны с наркотиками, с преступностью, с раком, с бедностью...

Есть, наконец, старая добрая война добра со злом, где линия фронта проходит внутри каждого.

Насколько похожа на все эти войны нынешняя история? Насколько уникальна?

С самого начала исторической истерии многие комментаторы не без облегчения говорили, что это не «война с», а «война вместо»: то есть она выступает заменой некоей «настоящей» войны, возможно, третьей мировой. Что, дескать, мировая война позволит обнулить все долги, прежде всего долг Федерального резерва, а мировые элиты стали человеколюбивыми и не хотят в этот раз губить слишком много народу. Хотя и не против население подсократить — поэтому-де и запустили коронавирус.

История довольно связанная, хотя я не слышал в этой связи внятных объяснений, зачем вообще нужна такая война, если можно решить проблему обнуления долгов гораздо проще: обнулив долги. Что, собственно, вот-вот и произойдет. Долги выплачивать просто не будут, а непонятливым объяснят. При помощи крылатых ракет, если потребуется.

Но война, конечно же, есть, война уже началась, хотя она и не объявлена, и то, что мы видим сейчас, лишь первые раскаты ее вполне inferнальных орудий.

И всё же, о какой войне речь, за какие цели она ведется? Кто ее участники — войско, солдаты, бенефициары? Вообще, кто с кем воюет? Где проходит линия фронта, и есть ли она вообще?

ЗА ЧТО ВОЙНА

Если речи противника смиренны, а боевые приготовления он усиливает, значит, он выступает.

Сунь Цзы

Необъявленная война, которая началась в марте 2020 года — это старая добрая ресурсная война. Такие войны велись на протяжении всей истории человечества, но с появлением капитализма в Новое время стали особенно ожесточенными. Войны за минералы, за редкоземельные металлы, за лес, алмазы, золото, за доступ к воде, и особенно за нефть — под знаком этих войн, собственно, прошел весь XX век, и некоторые из них спокойно переместились в чудесный век параллельных вселенных и дополненной реальности — век XXI.

Обычно ресурсные войны ведутся в бедных странах со слабыми правительствами, с продажными лидерами, которых можно купить если не за бусы, то за апартаменты в Нью-Йорке возле Центрального парка. Что транснациональные корпорации со штаб-квартирами где-нибудь в Цюрихе или Лондоне и делают. Такие войны, например, постоянно идут в Конго, где та часть доходов, которая достается туземцам от продажи ресурсов, идет на покупку оружия, и доллары на крови в итоге всегда возвращаются. Корпорации покупают обе стороны конфликта и стараются сделать так, чтобы ни одна из них особенно не слабела.

Сегодня, однако, люди стали самым выгодным ресурсом, и то, что мы наблюдаем — это первая война за новую нефть.

Большое отличие этой новой войны от старых заключается в том, что обналичить, использовать человеческий ресурс можно пока прежде всего в развитых странах — поэтому войну за контроль над этим ресурсом выгодно вести не в Африке, а прежде всего в Европе. Ну, и в России, которая является достаточно развитой для того, чтобы

контроль над ней имел смысл.

«Удар войска подобен тому, как если бы ударили камнем по яйцу: это есть полнота и пустота», пишет Сунь Цзы в «Искусстве войны». Полнота в данном случае — это армия, которая собирается в кулак для победы над врагом, а пустота — это враг, то царство, которое нужно покорить.

Диспозиция такова. Царство в нашем случае — это даже не какая-то отдельная страна, а весь мир, вся наша нейронная цивилизация. Люди в ней — не атомы даже, а нейроны, со своими ядрами, дендритами и аксонами, соединенные современными технологиями в нейронные сети. Естественные нейронные сети при помощи многоуровневых систем соединены с искусственными, так образуются гиперсети, передающие сигналы управления.

Реальность нашей цивилизации в ее нынешнем постмодернистском изводе — пустышка. Из нее успешно выкачан воздух культуры, когда-то общей для человечества, для отдельных стран, воздух, которым когда-то дышали люди и их сообщества — научное, художественное, литературное и так далее, воздух, посредством которого передавались мысли, идеи, понятия о правде и красоте. Когда-то не так давно люди еще не были нейронами, не были и атомами — были людьми. Но сегодня культура просчитана, выкачана, обработана, упакована и монетизирована — с высокой эффективностью. Новую реальность, в которой люди-нейроны соединены в единую сеть с компьютерами, строят гиперсети, которым нужно передавать сигналы как можно быстрее, со скоростью света, не тратя время и энергию на сопротивление плотного культурного пространства.

Технократам удалось опровергнуть Лейбница, который считал, что не бывает полной пустоты, и что если где-то нет материи, там обязательно присутствует сознание, дух. Нет, в прекрасном новом мире айфонов и приложений здоровья реальность подвергается тотальному выкачиванию, и человеческое сознание заменяется мерцающим возле-знанием, этим гипнотическим состоянием, когда человек становится совершенным нейроном, цепляясь дендритами своей руки к нейрону-смартфону.

Итак, реальность нашей цивилизации — это яйцо, ну, а камень, которым наносится удар — это коронавирус.

SPEAKEASY ВРЕМЕН СУХОГО ЗАКОНА

Предел в придании своему войску формы — это достигнуть того, чтобы формы не было.

Сунь Цзы

К коронавирусной армии мы обратимся позднее, а теперь стоит разъяснить, чем так ценен для корпораций «большой цифры» человек-новая нефть. Здесь необходимо большое отступление, ибо нужно поставить читателя в контекст, а материалов на эту тему очень мало. Большие СМИ в России перестали быть профессиональными, материалы про технологии там часто делаются «по заказу», то есть за деньги или за доступ к административному ресурсу, о чем читателю, разумеется, не сообщают. Кроме того, информация о бизнес-модели «поведенческой экономики» и «надзорного капитализма» сознательно скрывается от все менее образованного общества «Яндексом», Сбербанком и другими компаниями, которые разрабатывают золотую жилу «новой нефти». Поэтому не расскажут об этом и эксперты, работающие на эти компании или зависимые от них. Хотя в англоязычных странах на эту тему существует целое море литературы, в том числе академической, выходят книги и публикации в «большой прессе», в России такие сведения маргинализируются или замалчиваются, а их авторы провозглашаются «конспирологами и алармистами».

Человеческая бигдата (ЧБД) не зря рассматривается как стратегический ресурс. Она действительно напоминает нефть еще и в том смысле, что лежит в основе новой экономики, служа своего рода мультипликатором. Если у вас есть доступ к ЧБД — будет множество «иксов», порядков прибыли, ибо на простые «персональные данные» наслаивается множество других данных, составляющих ЧБД, из которого, на своего рода нейросетевых станках — системах искусственного интеллекта — производятся поведенческие продукты и продукты управления.

На торговле человеческими данными можно заработать по-разному. Во-первых, напрямую продавая, покупая и передавая исходные персональные данные людей — здесь речь идет о данных паспортов и других документов, информации о месте жительства и так далее. Это данные, на которых особо не заработаешь, во всяком случае честно, если не обращаться к каким-то мошенническим схемам. Напрямую продавать такую информацию — все равно что впаривать дискеты с данными по электричкам — такое было лет двадцать назад, но не имеет смысла сегодня. Однако именно о таком способе заработка на данных чаще всего пишут СМИ, эта тема обсуждается на круглых столах, фигурирует в законах...

Часто при этом говорят о так называемых «обезличенных данных» — имеется в виду, что собранные данные якобы можно лишить привязки к определенному человеку. Технически такое возможно, хотя задача эта сама по себе непростая — но гораздо меньше говорится о том, что обратную задачу — идентификацию личности по набору данных — можно решить без проблем, причем пользуясь не какими-то секретными базами, а лишь информацией из открытого доступа. Люди сегодня оставляют столько цифровых следов, что говорить о каком-либо реальном «обезличивании» кого бы то ни было не приходится.

В любом случае, у корпораций есть гораздо более выгодные способы использовать данные, чем их примитивная продажа. На продаже данных дают заработать небольшим стартапам, собирающим дополнительные данные — биометрию, данные о здоровье, занимающихся распознаванием лиц, эмоций и мотиваций. А вот бизнес-модель крупнейших цифровых корпораций типа Facebook, Microsoft, Twitter или Google основана на торговле поведенческими продуктами — это приносит каждой из них десятки миллиардов долларов ежегодно, не случайно капитализация некоторых из этих компаний сопоставима с целыми отраслями экономики, например, энергетикой.

Поведенческие продукты вырабатываются при помощи систем с искусственным интеллектом из персональных или дополнительных данных на своего рода «фабриках обработки данных», расположенных в «облаках» («облачным лидером» выступает компания Amazon, капитализация которой составляет уже пару триллионов долларов и за время коронавирусного кризиса только выросла).

Немногие люди отдают себе отчет в том, насколько велики объемы и разнообразны данные, собираемые этими компаниями, и насколько совершенны методы их обработки. Ученые из ведущих академических учреждений мира могут только мечтать о таких возможностях.

В принципе, работу компаний «большой цифры» я бы сравнил с салоном speakeasy времен сухого закона в Америке. С пыльной улицы виден облупленный фасад с надписью «Аптека», но если пройти внутрь, то через тайную дверь, о которой знают только свои, можно спуститься в подвал, где рекой льется виски, а лучшие люди города сидят за покерным столом. Так и тут: с виду, например, Google — это скромный поисковик, который выдает несколько результатов по запросу пользователя. И запоминает их: все, разумеется, для повышения качества услуг — совершенствования системы поиска!

Однако пока в «аптечной» части Google аптекарь лениво ищет по полкам нужное клиенту снадобье, в подпольной части уже вовсю берут в оборот всю подноготную этого клиента — чтобы найти какую-нибудь его слабость, разбудить его внутренних демонов, и подсадить его на что-нибудь — все равно на что — так, чтобы он больше не вышел из этой аптеки никогда.

Так самым ценным ресурсом для цифровых платформ оказывается «поведенческая прибавка», полученная от пользователей и вроде бы совсем не нужная для «основной» деятельности тех же поисковиков или соцсетей. Какое отношение к поиску, допустим, сайта о рецепте пиццы имеет сохранение в памяти Google всех запросов конкретного человека, данных о том, в какой манере человек набирал запрос, исправлял ли его и как именно, насколько грамотно и быстро он формулирует запрос, как долго был на сайте, куда пошел дальше, совершил ли покупку, каким образом это сделал, где в это время физически находился, какие сайты любит посещать, в какое время суток, как долго на них находится и так далее? Не все знают, как многое можно сказать о человеке не по самим данным, а по метаданным, то есть вроде бы косвенной информации — хотя можно догадаться, что история наших блужданий в интернете многое о нас может рассказать.

«Поведенческая прибавка» для Twitter — это, например, картинка профиля пользователя: ее цвет, тип изображения, композиция, данные, считанные с лица, если оно представлено, демография, выражение, эмоция и так далее. Затем в копилку идут метаданные, считанные с селфи, вплоть до стиля и визуальной текстуры. В инстаграме анализируется тон, яркость, насыщенность изображений и другие признаки, по которым автоматически составляется психологический портрет любителя фотографировать. Активность людей в Twitter, Facebook или Instagram позволяет успешно составлять пятифакторную модель их личности, на основании которой можно установить о человеке очень многое, от сексуальной ориентации до склонности к неврозам, от экстравертности до открытости новым идеям... А уже базирясь на этих моделях, можно предсказывать, например, «удовлетворенность жизнью» или даже предлагать услугу «выберем вашего президента», как это сделала с помощью данных «Фейсбука» компания Cambridge Analytica.

Стоит сказать отдельно, что поведенческий микротаргетинг основан не на демографии, как можно было бы подумать, а на обработке цифровых профилей пользователей. В любом случае, есть достаточно формальная операция «обезличивания», а есть вполне эффективные способы идентификации, которые позволяют обратить так называемые «обезличенные» данные обратно в привязанные к конкретным людям.

Пользователи ни о чем этом не знают, да и не должны знать. Биологи отмечают ценность исследований, проводимых именно на тех животных, которые ни о чем не подозревают. А на людях, как бы это не показалось сегодня странным, нельзя ставить опыты без их согласия. Психологические опыты, поставленные с учетом возможностей академической науки, сопряжены с множеством законодательных ограничений, кроме того, они чрезвычайно дороги и трудоемки. Но тот же «Фейсбук» вкладывает в психологические исследования и эксперименты, затрагивающие миллионы людей, гигантские ресурсы каждый год, при этом компания не считает себя связанной ограничениями, которые касаются учреждений, финансируемые государством. Часто «Фейсбук» при подобных исследованиях идет на кооперацию с ведущими институтами мира, при этом партнерство позволяет обходить запреты. Во вполне академической литературе описаны опыты «Фейсбука» по эмоциональному заражению и социальной инженерии.

Ниже я представил во времени некоторые вехи освоения глобальными корпорациями «большой цифры» человеческого ресурса. Проповедуя принцип открытости, транспарентности своим пользователям и внешнему миру, руководство крупных технологических компаний держит информацию о том, как ведет бизнес, о своих экспериментах над пользователями, о своих реальных целях и задачах закрытой. Нужно заниматься своего рода археологией, чтобы восстановить происшедшее по отрывочным данным, свидетельствам и публикациям. При этом важные результаты таких «корпоративных раскопок» приносят сопоставление публичных заявлений и академических работ. Историю того, как слежка за людьми и управление поведением масс стали основой бизнес-модели «надзорного капитализма», и экономическим императивом, который задает сегодня направление развития обществу, представлена здесь далеко не полностью, но, надеюсь, она окажется полезной.

ВРЕМЕННАЯ ЛИНИЯ ВЗЛОМА «ЧЕЛОВЕКА РАЗУМНОГО»

Апрель 2000 года — начало краха доткомов в Силиконовой долине, инвесторы ставят под вопрос бизнес-модель

«Гугла» как поисковика, готовы забрать деньги. Руководство отчаянно ищет новые модели бизнеса.

2001 год — создание «Гуглом» принципиально новой бизнес-модели, основанной на отслеживании поведения пользователей.

2004 год — создание компании «Фейсбук», декларирована установка на обеспечение приватности пользователей. Миссией ФБ заявлено: «дать людям возможность построить сообщество и сделать мир ближе. Люди используют ФБ, чтобы поддерживать связь с друзьями и семьей, чтобы открывать, что происходит в мире, чтобы выражать себя и делиться всем, что для них имеет значение».

Главе компании Марку Цукербергу 19 лет.

2006 год — запуск «Фейсбуком» новостной ленты. Цель — сделать пользовательский опыт в сети частью повседневной жизни.

2007 год — создание «Фейсбуком» программы «Маяк» по отслеживанию, незаметно для них, подписчиков онлайн и продаже им таргетированной рекламы.

Март 2008 года — переход создательницы поведенческой бизнес-модели, директора «Гугл» по маркетингу и продажам Шерил Сэндберг на работу в «Фейсбук», где она внедряет ту же бизнес-модель.

2008 год — рождение первой криптовалюты, биткойна в разгар мирового финансового кризиса. Интерес к биткойну проявляют инвесторы из «большой цифры», стоявшие у истоков «Фейсбука». Но для них криптовалюта — не децентрализованное и верифицированное алгоритмическим путем средство обмена, не символ независимости от созданной в США глобальной валютной системы, а наоборот, средство максимального ускорения денежных трансакций. Они начинают криптовалютную игру вдолгую, которая еще далеко не закончена.

11 января 2010 года — Основатель Фейсбука Марк Цукерберг объявляет, что персональная информация пользователей будет обнародована вне зависимости от их воли.

2010 год — Блогер Маршалл Килпатрик замечает, что алгоритмы Фейсбука влияют на онлайн-активность пользователей. Иными словами, имеет место быть алгоритмическое управление массами.

9 августа 2011 года «новые технологии» столкнули с пьедестала технологии-драйверы второй промышленной революции: компания Apple, первой из корпораций «большого тека», превзошла по рыночной капитализации тогдашнего чемпиона, нефтяного гиганта Exxon Mobil

2012 год — исследователи Facebook публикуют академическую статью с результатами своего эксперимента, поставленного в 2010 году, по социальному влиянию и политической мобилизации. В эксперименте принимали участие, об этом не подозревая, 61 миллион пользователей. «Фейсбук» манипулировал пользователями для достижения достичь благой, по мнению руководства, цели: послать к избирательным урнам 60 тысяч человек. Еще 280 тысяч человек испытали эффект «социального заражения» от них и тоже пошли голосовать, в итоге дополнительно проголосовали 340 тысяч человек.

2012 год — кембриджские ученые Михал Косински и Дэвид Ситвелл заключили, что «личность пользователя можно идентифицировать через публично доступные данные». Ситвелл, замдиректора Центра психометрии, создал базу данных myPersonality.

2013 год — Amazon патентует метод доставки, позволяющий компании отправлять посылку потенциальному клиенту еще до того, как тот разметил заказ.

2013 год — Михал Косински, Дэвид Ситвелл вместе с Тором Грейпелом из компании «Майкрософт» опубликовали исследование, в котором обнародовали, что на основании лайков «Фейсбука» можно автоматически и с высокой степенью аккуратности оценить широкий диапазон персональных атрибутов, которые люди обычно считают приватными. Какие это атрибуты? Это сексуальная ориентация, возраст, пол, принадлежность к определенному этносу, религиозные и политические взгляды, черты личности, показатели интеллекта, счастья, употребляют ли наркотики, вместе ли живут родители. Стало возможным количественно исчислять для каждого профиля черты согласно пятифакторной модели личности, известной как OCEAN:

- Открытость новому опыту (воображение, чувства, действия, идеи)
- Сознательность (можно ли положиться на человека)
- Экстравертность
- Способность соглашаться (достойный ли доверия, склонный ли к сотрудничеству)
- Невротизм (эмоциональная стабильность)

2014 год — Facebook подает заявку на патент на «распознавание эмоций» по выражению лица. Список распознаваемых эмоций включает радость, юмор, ревность, безразличие, восхищение, возбуждение, удивление, грусть, разочарование, скуку, гнев, депрессию, боль и так далее. Высказывается надежда на то, что со временем модуль будет способен оценить интерес пользователя к демонстрируемому контенту для целей кастомизации базирующейся на эмоциональном типе. Иными словами, компании смогут воспользоваться оценкой эмоционального состояния конкретного потребителя, чтобы продать ему или ей товар. При этом анализируются не сами чувства, а скорее представления о них бихевиористов. Еще в 1978 году психологи-бихевиористы Пол Экман и Уоллес Фрисен разрабатывают Facial Action Coding System (FACS), систему кодирования лицевых действий. Это «схема категорий» для эмоций. FACS различает микродвижения мускулов лица, разбивая их на 27 основных лицевых модуля. Есть еще особые модули для описания головы, глаз, языка и так далее. Считывая микродвижения мускулов лица, а также головы, глаз, языка и так далее, система распознает шесть базовых эмоций (гнев, страх, печаль, радость, отвращение и удивление) и других эмоциональных оттенков в широком диапазоне. Шести-

эмоциональная модель FACS стала господствующей для изучения выражений лица и эмоций, примерно как пятифакторная модель OCEAN стала основной для построения модели личности. Сегодня многие психологи критикуют подход Экмана как слишком грубый, ибо микродвижения мускулов лица не всегда соответствуют предполагаемой эмоции, а человеческие переживания сопровождаются изменениями не только в мимике, но также в физиологии и поведении. Поэтому в последние годы используется более сложные, мультимодальные методы распознавания, при котором анализируются и микродвижения, и поведение лица за длительный промежуток времени, и жесты, и интонации речи, и походка, и физиологические параметры.

Когда в 1997 году Экман и коллеги опубликовали статью, предлагая свой подход к «автоматическому измерению выражения лица», профессор MIT (Массачусетский институт технологий) Розалинда Пикар выпустила книгу «Affective Computing». «Измерение аффекта». История Пикар очень показательна, как история талантливой женщины-ученого, которая увидела, как её детище стало служить совсем не тем целям, для которых задумывалось. Розалинда Пикар предложила создать компьютерного агента, который действует как зеркало для измерения аффекта. Пикар предложила применять этого агента, например, для помощи студентам или выпускникам, готовящимся к интервью при приеме на работу. Пикар считала, что её софт поможет детям-аутистам развить способности к выражению эмоций, обеспечит разработчикам софта обратную связь по работе продуктов, оживит видеоигры за счет присуждения игрокам очков за смелость, поможет создать учебные модули, стимулирующие любопытство и успокаивающие учеников, а также анализирующие эмоциональную динамику в классе. В конце книги она предупреждала о том, что эту технологию можно использовать в недобрых целях. Именно в этих целях — для слежки и контроля над личностью — созданная ей технология сегодня и используется.

2014 год — психологи «Фейсбука» подтвердили в опубликованном исследовании, что эмоциональные состояния могут передаваться как вирусы, и что люди заражаются друг от друга, при этом не осознавая этого. Исследовательница из компании «Фейсбук» Сюзан Фиске рассказала в интервью научному журналу об «экспериментальном доказательстве массивного эмоционального заражения через социальные сети». Согласно статье, экспериментаторы «Фейсбука» манипулировали огромным числом людей (N = 689,003), которых подвергли эмоциональному воздействию в их новостной ленте. Фиске рассказала журналу о том, что как частная компания, «Фейсбук» не должен придерживаться законодательных стандартов для академических исследователей, финансируемых государством. Эти стандарты достаточно жестко регулируют границы вмешательства в частную жизнь. Стало понятно, что ученые, работающие на «Фейсбук», этих этических стандартов не придерживаются. Теперь академическим институтам был показан путь, чтобы обойти законодательство: для этого нужно создать партнерство с частными компаниями, и вести часть исследований, которые нарушают этические стандарты, на базе этих компаний.

2014 год — Исследователи Университета Техаса и Университета Центральной Флориды провели исследование 13 мобильных устройств с приложениями для спорта и опубликовали работу «Изменения поведения, вызванные электронными мониторами активности жизненных циклов». Вывод: устройства применяют по отношению к пользователям целый спектр техник изменения поведения, который обычно используется в условиях поведенческих интервенций в медицинских клиниках при психических расстройствах.

2015 год — IBM объявляет запуск Watson Personality Service. В дополнение к 5-факторной модели, IBM оценивает каждого человека по 12 категориям «нужд»: «возбуждение, гармония, любопытство, идеал, близость, самовыражение, свобода, любовь, практичность, стабильность, вызов, структура». Через эти «нужды» ИИ определяет «ценности», определяемые как «мотивационные факторы, влияющие на принятие человеком решений в следующих пяти измерениях: «Самопреодоление/помощь другим, консерватизм/традиция, гедонизм/получение удовольствия от жизни, самообогащение/достижение успеха, открытость переменам/ возбуждение». В сервисе Watson применяются инструменты более сложные и инвазивные, чем те, что фигурируют в академических исследованиях.

2015 год — стартап Realeyes выигрывает грант Еврокомиссии на 3.6 миллиона евро на проект под кодовым названием «SEWA: Автоматический полевой анализ чувств». SEWA использует софт чтобы «захватывать и извлекать» чувства из выражений лиц, из голоса, жестов, положений тел, и, наконец, из мозга. Для «захвата чувств» используются биометрические и глубокие сенсоры, как правило, в сочетании с крохотными, незаметными камерами. Сразу же стартап произвел базу данных из 5,5 млн аннотированных фреймов от 7 тысяч субъектов по всему миру. Эта база позволила далее обучать нейросети. К этому времени уже разработаны совершенно незаметные для людей камеры, которые могут записывать и передавать изображение и звук, разработаны экраны, которые могут расположиться на любой поверхности, специальные записывающие звук и изображение напыления, камеры, представляющие из себя волокна, которые можно вставить в ткань.

Еще в начале 2000-х маркетологи компании «Гугл» обнаружили, что датчики очень дешевы, а информация, которую можно собрать при их помощи, приносит огромный доход. Каждый предмет интернета вещей будет снабжен такими датчиками, правда, этот факт не раскрывается для широкой публики. Например, американский домашний термостат Nest, помимо обогрева дома, записывает видео и аудио хозяев. Эта функция, записи пользователей, будет присуща всем новым устройствам, подсоединенным к облачной инфраструктуре и нейросетям.

2016 год — британские ученые опубликовали в академическом издании статью о том, как им удалось установить личность известного анонимного художника Бэнкси только на основании открытых данных. Бэнкси не было в

соцсетях, он не оставил цифровых следов.

Ноябрь 2016 — Cambridge Analytica, британская консалтинговая компания, принадлежащая стороннику Дональда Трампа миллиардеру Роберту Мерсеру, использует «поведенческий микротаргетинг» во время президентских выборов в США. Это совершенно новый метод воздействия на избирателей, основанный не на демографии, как это делалось раньше, а на личностных характеристиках. Разрабатывая метод, компания обратилась к упомянутым выше психологам из Кембриджа Ситвеллу и Косински, но те отказались участвовать. Согласился их коллега, психолог российского происхождения Александр Коган, имевший опыт похожих проектов, в частности, он участвовал в проекте определения личностных характеристик интернет-троллей по заказу Санкт-Петербургского университета. Cambridge Analytica заключила контракт с «Фейсбуком», купив у социальной сети цифровые профили более чем 80 миллионов американцев. Каждому профилю Cambridge Analytica поставила в соответствие 4–5 тысяч «точек данных», характеризующих личность данного человека. Новый аналитический метод автоматически определял по этим данным тип личности по пятифакторной модели OCEAN и наиболее эффективные способы влияния на человека. По признанию главы компании Александра Никса, «мы знаем внутренних демонов каждого». Cambridge Analytica показала, как через создание тщательно подобранного цифрового окружения, через новостную ленту, лайки, анализ сообщений, подбор, кому и как показывать посты, можно управлять поведением человека и менять его. Фирма перенесла в политическую сферу подходы рекламного рынка, где поведенческие фьючерсы с гарантированным результатом уже продавались и покупались коммерческими структурами. Теперь продаже подлежали ставки на конкретный результат политического поведения людей, и этот результат обеспечивался применением систем на базе искусственного интеллекта. При этом использовалась асимметрия знаний и власти, которая имеет ключевое значение для манипуляции поведением масс. Cambridge Analytica успешно работала на выборах в разных странах, добившись заказанного результата в том числе во время голосования по выходу Британии из ЕС и президентских выборах в США. Сразу после неожиданного для большинства аналитиков результата Трампа ведущие газеты США и Великобритании стали писать о деятельности компании, и вскоре конгресс США начал расследование. В ходе разбирательств в конгресс вызывался глава «Фейсбука» Марк Цукерберг, который отрицал сознательное участие его компании в произошедшем. Однако есть основания полагать, что методы Cambridge Analytica совершенствуются и активно применяются сегодня, как в ходе выборных кампаний, так и организаций протестов по всему миру.

2019 год — Реагируя на скандалы, в которых погрязла его компания, Марк Цукерберг заявляет, что «Будущее теперь приватное». Он обещает, что «Фейсбук» создаст новую социальную платформу, основанную на приватности, избавившись от новостной ленты и постов, которые могут читать все. За этими заявлениями не последовало реальных действий, но скандал был погашен. «Фейсбук» также объявляет о планах создать свою криптовалюту, что позволило бы компании фактически стать источником денежной эмиссии в глобальном масштабе. С началом «пандемии коронавируса» в начале 2020 года проблемы приватности быстро ушли из фокуса общественного внимания, и представители «Фейсбука» перестали говорить о социальной платформе нового типа.

2019 год — Американский стартап Clearview AI успешно продает полиции некоторых штатов гаджет — специальные очки с приложением, позволяющие в режиме реального времени на улице распознавать личность человека. Приложение оказалось весьма эффективным, база данных Clearview AI содержит миллиарды изображений американцев. Расследование газеты «Нью-Йорк Таймс» показало, что у истоков стартапа стоит миллиардер Питер Тиль, сторонник Дональда Трампа, серьезный инвестор в криптовалютные проекты, заработавший свое состояние на разработках софта и анализе больших данных для спецслужб США и министерства обороны. После серии публикаций, вышедших в начале 2020 года, некоторые полицейские управления стали отказываться от гаджета, но коронавирус привел к тому, что подобные методы стали рассматриваться как легитимные.

2020 год — системы массовой слежки и распознавания лиц становятся открытыми и признаются как легитимные. В ходе инфовойны, инфопаники и эмоциональных заражений, связанных с вирусом Ковид-19, по всему миру вводятся жесткие, немыслимые ранее ограничения гражданских прав и свобод. Системы принятия решений на базе искусственного интеллекта получают взрывное распространение. В Китае для борьбы с эпидемией широко и эффективно используется введенная в предыдущие годы в качестве эксперимента система социального кредита. Она позволяет эффективно отслеживать контакты людей, определять цепочки родственных, дружеских и иных связей, своевременно разыскивать лиц, имеющих, по мнению медицинских властей, повышенный риск заразиться коронавирусом, а также тех, кто уже имел контакт с инфицированными. Всемирная организация здравоохранения через специально нанятые аналитические компании стала мониторить социальную активность людей онлайн, чтобы менять их поведение. Получила распространение практика «социального прослушивания», то есть сканирования разговоров с целью выявить и пресечь так называемую «дезинформацию о коронавирусе».

28 августа 2020 года — состоялась вторая презентация нейроинтерфейса компании Илона Маска «Нейралинк». Двум свиньям за два месяца до презентации был имплантирован чип, который считывает мозговую активность. Специальный робот-хирург просверлил в черепе отверстие, поместил чип размером 23x8 мм под кожу и подключил его к мозгу через гибкие нити. По словам Илона Маска, чип после имплантации не ощущается владельцем, сливается с костью черепа и не виден снаружи. Считывание активности мозга происходит внутри чипа, а данные с чипа и на чип передаются по беспроводной связи. Чип поддерживает API для разработки приложений, будет разработано мобильное приложение для управления NeuraLink с радиусом действия до 10 метров. Скорость чтения

и запишет с чипа и на чип будет несопоставима с задержками на персональном компьютере, обещает Маск. Задержка на прототипе — менее наносекунды. Новый чип может транслировать музыку и работать с различными устройствами по Bluetooth-соединению. В сравнении с прежней версией, число электродов для передачи информации от нейронов уменьшилось с 3072 до 1024. Устройство работает без подзарядки весь день, заряжается за ночь с помощью беспроводной магнитной зарядки, похожей на зарядное устройство Apple Watch. Маск обещает, что вживление чипа человеку будет проведено без анестезии за час и после операции место операции зарастет. Имплант может работать с системой мышечной памяти, сказал Маск, поэтому его можно использовать для помощи паралитикам, больным деменцией и болезнью Альцгеймера. В будущем чип можно будет использовать для телепатического управления в играх и, по тому же принципу, для управления электромобилем Tesla — например, мысленно позвав машину с парковки. Маск пообещал, что чип будет поддерживать StarCraft. Экраны показывали мозговую активность свиньи во время презентации. Когда та касалась пяточком объектов, чип реагировал, когда она находила еду, чип фиксировал пиковую активность нейронов. Свиней, по словам Маска, использовали для тестов, потому что они похожи на людей и так же любят еду.

В июле 2020 года Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) заметило Neuralink, как инновационный продукт. Текущие тесты безопасности показывают максимальные оценки во всех категориях. Компания готовится к первым тестам на людях и ждёт проведения проверок и выдачи разрешений и лицензий. Маск неоднократно говорил, что главная цель Neuralink — обеспечить прямое соединение человека и компьютера, работающее от мысли и, наоборот, прямо в голову. По мнению предпринимателя, это позволит людям не отстать от бурно развивающихся систем с искусственным интеллектом. Другие, вполне серьезные исследователи видят множество других возможностей, таких как телепатия, создание новых возможностей для восприятия дополненной реальности как «настоящей», дальнейшего взламывания сознания и разработка новых методов дистанционного воздействия на него, большее понимание работы мозга и его более подробное картографирование, создание более совершенных киберфизических систем, слияние биологического и искусственного, перенос человеческой памяти на небиологические носители, и, наконец, слияние естественного и искусственного интеллекта в бессмертное существо. Разрабатывается и новая этика для подобных систем, например, уже появилось выражение «телепатия по согласию», касающееся тому, как обеспечить, чтобы доступ к человеческому сознанию был лишь по согласию человека. Впрочем, решение этой задачи передаст доступ к сознанию в распоряжение внешних устройств и теми, кто ими владеет, поэтому технологически будет возможен взлом сознания и без согласия.

1 октября 2020 года — новые правила Фейсбука, касающиеся групп и цензуры. Отработав методы эмоционального заражения, создания, раскрутки массовых движений и их переноса из онлайн в оффлайновую реальность, Фейсбук переходит к отработке бихевиористских методов роевого управления. Создание и усиление роевой повестки будет происходить за счет активности самих пользователей, через приватные группы. Алгоритмически будет поощряться создание пользователями групп с повесткой, одобренной Фейсбуком, и наоборот, наказываться создание групп с «неправильной повесткой». Поощрение через показы уже сейчас монетизируется, в перспективе введение Фейсбуком собственной криптовалюты, уже готовой для запуска в 2019 году, что резко расширит возможности монетизации контента. Наказание — ограничение возможностей социализации человека и монетизации активности, в том числе произвольная ликвидация групповых и персональных аккаунтов. Представляется, что через такие группы и будет работать рой, и будет вырабатываться в том числе и роевая санкция, которую нужно будет получать каждому на любой значимый поступок.

Мы видим, что 2020 год стал поистине прорывным в деле взламывания человеческой личности и управления ею. Началось со скандалов вокруг систем распознавания лиц, которые стали широкомасштабно использоваться полицией отнюдь не только Китая, но и США, Великобритании и других стран. Большие СМИ стали писать о монополистических практиках крупных технологических корпораций, об их методах уничтожения конкурентов и разгрома организованного сопротивления, прежде всего в сфере трудовых отношений.

Правда, разоблачения появились в ограниченном круге изданий, предназначенных прежде всего для тех, кто принимает решения, и критиковались не сами бизнес-модели «капитализма слежки», а лишь некоторые, самые вопиющие эксцессы некоторых платформ. Обуздание этих эксцессов, без сомнения, только бы укрепило систему. Однако вскоре начался коронавирусный кризис, в ходе которого правительства, почти всех стран мира, стали спешно принимать решения, которые фактически узаконили немыслимые еще недавно практики массовой слежки и перекладывания чиновниками ответственности на алгоритмы.

В этих обстоятельствах были открыты новые окна Овертона, упомянутые выше. Первое закрепляет в массовом сознании приемлемость превращения человека в киборга через чипирование. Если раньше тех, кто предупреждал об опасности неинвазивного чипирования, маргинализировали, высмеивали и демонизировали, то теперь как само собой разумеющееся стало обсуждаться вживление чипов, с помощью которых можно управлять человеком, под кожу, сверление дырочек в черепе для установки датчиков прямо в мозг. Свиньи пока заменяют в опытах людей — но именно потому, что те, кто принимают решения о запуске подобных технологий в массовое применение, и те, кто имеют право вето на запуск этих решений, не видят никакой разницы между людьми и свиньями.

Информация о человеческих секретах и тайнах собиралась всегда, и человеческие эмоции с незапамятных времен использовались для манипуляции. Но все же в прежние времена это было скорее искусством, а не наукой, и

базируется прежде всего на догадках, профессиональной интуиции и харизме вождей, политиков, звезд массовой культуры. Специалисты по массовой коммуникации лишь помогли этим людям проявить свои таланты общения. Например, таким харизматиком был Билл Клинтон. Сейчас же речь идет о приложении всей компьютерной мощи, накопленной человечеством, всей собранной базы данных и знаний к постоянному измерению на микроуровне и анализу чувств, характера, мотиваций каждого человека в режиме реального времени. Эти измерения и анализ тут же применяются для заданного изменения поведения человека.

Юваль Ной Харари говорил и писал в своих популярных книгах, что для того чтобы хакнуть человека, нужно проникнуть в его мозг. Он рассказывал о том, что наступит момент, и нанороботы пойдут по сосудам человека, и они будут способны управлять им изнутри. Однако Харари рисовал образ опасности там, где её пока нет, между тем как актуальная опасность гораздо ближе, чем кажется и чем говорит Харари.

ТАЙНЫ «БАНДЫ ЧЕТЫРЕХ», РАСКРЫТЫЕ В ХОДЕ ПОРКИ

29 июля 2020 года Вашингтонский Капитолий стал сценой настоящего театрального шоу. Свои роли в спектакле исполняли пятнадцать членов антитрестовского комитета Конгресса и четыре главы ведущих глобальных технологических корпораций — Джефф Безос из Amazon, Марк Цукерберг из Facebook, Тим Кук из Apple, Сундар Пичаи из Google. Два первых босса — богатейшие люди мира, а вместе взятые, эти четыре компании стоили в сентябре 2020 года, в момент написания этих строк, порядка 6 триллионов долларов — больше ста таких компаний, как «Роснефть». На конгрессменах и конгрессвуменах были колоритные короновирусные маски — на демократах преимущественно синие, на республиканцах — черные, хотя вопросы они задавали без масок. Боссы, которые согласились выступить лишь дистанционно, ссылаясь на страшную пандемию, сменили джинсово-хипстерский имидж, который они обычно используют для своих молодежных потребителей — на больших экранах, установленный в зале заседаний, каждый из четверых мужчин появился в костюме и галстуке.

Глава антитрестовского комитета Конгресса демократ Дэвид Сисиллин задал тон представления, с места в карьер спросив Сундара Пичаи: «Почему Google крадет контент у честных бизнесов?» В качестве примера Сисиллин привел поисковик Yelp, материалами которого Google пользовался без спросу и бесплатно, а когда Yelp попросил прекратить эту практику, пригрозил конкуренту свести его трафик к нулю.

Члены комитета на конкретных примерах показывали, как цифровые гиганты ведут постоянную слежку за конкурентами и тут же используют эти данные, чтобы сделать им предложения, от которых те не могут отказаться. Как цифровые монополии демпингуют, чтобы разорить тех, кто не соглашается на их кабальные условия, как беззастенчиво копируют чужие продукты, как занимаются цензурой. Так, пользуясь своим монопольным положением, Amazon захватил 70 процентов рынка американской онлайн-торговли — и компания наращивает доходы даже в период катастрофического падения экономики. Прибыль Amazon за последний квартал удвоилась по сравнению с тем же периодом прошлого года. Миллионы людей сейчас работают из дому, что привело к резкому росту продаж облачных ресурсов, где Amazon и Google являются лидерами. Люди не могут нормально общаться — поэтому взлетели прибыли Facebook и сервиса YouTube, который принадлежит Google. С утра до вечера люди погружены в свои Маки, айфоны и айпады и в различные приложения магазина Apple, что увеличивает доходы этой и компании.

Надо отметить, что слушания были хорошо подготовлены — сотрудники комитета расследовали деятельность «большой цифры» больше года, провели сотни интервью, собрали более миллиона документов. При этом демократы и республиканцы впервые за последние годы действовали так, как будто перед ними общий враг — хотя критиковали разные аспекты работы техногигантов. Демократы в основном возмущались слежкой и тем, как монополии давят конкурентов, в то время как республиканцы вопрошали, почему гиганты стараются заткнуть на своих платформах консервативные голоса. Например, республиканец Джим Джордан прямо спросил Пичаи, намерен ли Google способствовать избранию президентом США Джозефа Байдена. Тот уклонился от прямого ответа.

Говорилось о том, что если даже предпринимателю повезет и его бизнес в интернете окажется популярным и прибыльным, тут же его модель будет скопирована гигантами, а сам он разорен и уничтожен. Когда о том, занимается ли такой практикой Amazon, прямо спросили Безоса, тот ответил «нет», и тут ему дали послушать аудиозапись телефонного разговора, на которой мелкий книготорговец умоляет Безоса не разорять его.

Шоу получилось на славу: Пичаи, Цукерберг, Безос и Кук как могли оправдывались, переводили разговор на другие темы и всячески уходили от ответа на наиболее важные вопросы, а конгрессмены и конгрессвумены выглядели защитниками интересов народа.

Действительно, американцы, особенно мелкие предприниматели, видят в компаниях «большой цифры» угрозу для своего бизнеса, а рабочие и служащие боятся потерять рабочие места. Перед выборами и та и другая партия не могла не обратить внимание на это недовольство. В течение многих месяцев ведущие газеты страны публиковали обличительные материалы против технологических гигантов. Звучали голоса, призывающие разделить их на части, как это было сделано при президенте Тедди Рузвельте с нефтяными монополиями, а в 1984 году с телефонным монополистом AT&T. В конце 1990-х объектом антимонопольного расследования стала компания Microsoft — кстати, благодаря принятым тогда против нее мерам и стал возможен последующий взлет Google, Facebook и других компаний.

Перед слушаниями президент Трамп выпустил жесткий твит, пообещав, что если комитет не примет мер против зарвавшихся техногигантов, то он сам сделает это через серию своих указов.

Но стоит ли ожидать от Конгресса реальных мер? Представляется, что вряд ли. Во-первых, у законодателей сегодня просто нет полномочий, скажем, разбить интернет-платформы на части. После резкого снижения госрегулирующей экономики США в 1980-х критерием монополизма служит цена на продукты компаний — если она не растет, то, считается, и наказывать их не за что. В этом смысле к цифровым платформам придраться трудно — они не отвечают за цены размещенных на них продуктов, и многие их услуги, например, карты Google Maps или сервис Instagram, для обычных потребителей бесплатны.

Конечно, Конгресс может ужесточить явно устаревшие антитрестовские законы, принятые примерно сто лет назад, но это требует межпартийного консенсуса и времени. Понятно, что это уже не будет сделано до президентских выборов в ноябре этого года.

Тем временем Трамп может что-то сделать через подконтрольные ему федеральные агентства, но и у него нет свободы рук. Ожидается, что министерство юстиции США вскоре предъявит обвинения «Гуглу» в части онлайн-цензуры неугодных взглядов, но это разбирательство может затянуться на годы. Это вообще стало типичным: правительство запускает расследование незаконных практик Google, Facebook и других компаний «большой цифры», но высокооплачиваемые юристы этих компаний успешно тормозят разбирательство. Тем временем компании продолжают действовать в том же духе и усиливают свой контроль над рынками. Проходят годы, компаниям могут присудить штрафы, но прибыли, полученные за это время, с лихвой перекрывают убытки.

Кстати, весьма уважаемый, базирующийся в Вашингтоне Комитет за Ответственную Политику опубликовал недавно данные о лоббизме технологических компаний в том же Конгрессе. На него Facebook, Google, Amazon тратят миллионы долларов ежегодно, нанимая наиболее пробивных и опытных лоббистов. Оказалось, что ключевые члены антитрестовского комитета также получали пожертвования от этих компаний, причем больше всех денег получил — какая неожиданность! — его бескомпромиссный глава демократ Дэвид Сиселлин. Тот самый, который задавал на камеру очень резкие вопросы боссам-технократам.

Слушания в Конгрессе не закончились созданием нового федерального агентства по регулированию деятельности техногигантов. Такая структура может быть создана уже после выборов. Если на них победят демократы, то Сиселлин, который умеет и на публику поработать, и в укромном месте о деле договориться, вполне может возглавить новое агентство. Но, возможно, не дойдет и до этого, ибо кандидат в вице-президенты США от Демократической партии Камала Харрис представляет интересы Силиконовой долины и наверняка, сделает так, чтобы не пострадали ее высокотехнологические спонсоры, перечисленные выше.

Если бы слушания были чем-то большим, чем шоу нанайских мальчиков (и девочек), власти США могли бы принять серьезные меры по ограничению влияния этих корпораций. Например, такие меры, как Турция. В конце июля 2020 года турецкий парламент принял закон о регулировании интернет-платформ. Закон обязывает все платформы с числом пользователей более миллиона ежедневных пользователей — а под это определение попадают Facebook, Twitter, YouTube, Google и другие — открыть в Турции представительства. В случае невыполнения этого пункта предусматриваются не только большие денежные штрафы, но и меры по ограничению частот работы и замедлению скорости доступа к таким платформам. Эти представительства будут обязаны отвечать на требования властей и граждан по блокированию или отмене блокирования того или иного контента. Если в течение 48 часов этого не будет сделано, предусмотрены штрафы более \$700 000 за каждое нарушение. Также согласно новому закону, с 1 октября платформы могут хранить данные пользователей только на территории Турции.

Разумеется, организация Human Rights Watch сразу заклеила турецкий закон как сигнал наступления «темной эры онлайн-цензуры». При этом правозащитники ничего не говорят об онлайн-цензуре непосредственно самих платформ.

Меры против техногигантов отнюдь не ограничиваются авторитарной Турцией. Европа все строже относится к американской «большой цифре». Так, антитрестовское агентство Еврокомиссии оштрафовало Google за неконкурентное поведение более чем на \$9 миллиардов и заставило заплатить компанию Apple около \$14.5 миллиардов за уклонение от уплаты налогов. Глава агентства датчанка Маргарете Вествагер пообещала принять еще более жесткие меры в ближайшем будущем. Президент Трамп в своем интервью в июне этого года сказал о ней: «Она ненавидит Соединенные Штаты больше, чем кто-либо из тех, кого я встречал».

Любопытно, что ни в слушаниях конгресса, ни в его расследовании, ни в инвективах Трампа не фигурирует компания Microsoft, которая на равных с упомянутыми выше гигантами входит в пятерку ведущих технологических компаний США. Microsoft — один из ведущих игроков на рынке облачных вычислений, искусственного интеллекта, платформ с открытым кодом, корпоративного софта. В прошлом году компания, например, получила 20-миллиардный контракт Пентагона на создание платформы, базирующейся на искусственном интеллекте, для обслуживания театра боевых действий. Компания очень активна за рубежом, в том числе в России, где дилером, продвигающим ее услуги, выступает «Сбербанк».

Незадолго до вызова руководителей четырех ведущих технологических компаний в Конгресс стало известно, что Microsoft ведет переговоры о покупке крайне популярной в США китайского приложения TikTok. TikTok — это ключ к контролю и управлению поведением молодежи. Вначале правительство США заявило об угрозе национальной безопасности от платформы TikTok, но, видимо, уникальные возможности по управлению поведением через эту платформу побуждают власти подумать над тем, как поставить ее себе на службу.

Для этого комитет по иностранным инвестициям США постановил, что TikTok должен выйти из подчинения своей

материнской китайской компании ByteDance. Глава комитета, министр торговли США Дэвид Мнучин рассказал президенту о плане фактической американизации компании. Сразу после этого и последовала утечка о переговорах Microsoft и TikTok — ясно, что после того как платформе выкрутили руки, американцы сделают китайцам предложение, от которого те не смогут отказаться. Так власти США и их корпорации координируют свои действия, выступая единым фронтом за рубежом, особенно когда речь идет о важных вещах, например, о расчистке поля от иностранных конкурентов. Китай, однако, не намерен уступать американский рынок без боя. На сентябрь 2020 года ситуация оставалась патовой.

Microsoft оказывает правительству США услуги настолько ценные, что была выведена из-под шумного расследования Конгресса. Очевидно, и другие техногиганты понимают, что есть способ не конфликтовать с правительством. Как бы ни смущались, не отводили глаз, не путались в показаниях Пичаи, Цукерберг, Кук и Безос, они знают, что есть шоу, а есть реальная политика, которая делается не в виду телекамер.

ЦИФРОВЫЕ ФЕОДАЛЫ

Поведенческие монополии использовали так называемую «пандемию коронавируса», чтобы резко расширить свое влияние и начать перестраивать мир на принципах цифровой диктатуры, пока слегка прикрытой одеждой либеральных институтов.

Коронавирус, экономическая чума и информационная паника, атаковали предприятия физического мира, которые для своего функционирования нуждались в зданиях из кирпича, в клиентах и сотрудниках из плоти и крови. Атака оказалась практически смертельной — даже выжившие в «первую волну» ковида потеряли энергию и уже не верят в свое будущее. Это была атака не на столики или офисы, и даже не на банковские счета тех, кто закрылся или пострадал, это была атака на надежду, атака на будущее.

Тем временем ведущие компании-резиденты виртуального пространства не только выстояли, но и укрепили свое положение на рынке. Большая рыба поглотила маленькую рыбу, и даже выплюнув косточки, увеличила свою капитализацию. В марте 2020 года, после того, как Бим и Бом — две партии американской элиты — согласовали более чем 2-триллионный стимулирующий пакет, якобы предназначенный для пострадавшего от «пандемии» бизнеса, фондовый рынок сразу понял, кому это больше всего на пользу. Бумаги таких компаний, как Amazon и Apple, резко прибавили в весе и продолжают расти до сих пор, несмотря на окружающий пейзаж, полный обломков и руин когда-то процветающих предприятий.

Сверхкрупный бизнес был главным бенефициаром экономического роста «десятих», он же им и остается теперь, во времена новой «Великой депрессии». В этом видится четкое обналичивание не только политического влияния во властных коридорах, которое эти компании успели получить за последние 10–15 лет, но и прямого управления сотнями миллионов людей по всему миру. Политическая, экономическая и культурная элита согласилась с этим управлением в надежде получить те или иные преимущества или просто деньги; они приносят к подножию дракона-Левиафана человеческие жертвы без особых колебаний в надежде на то, что тот насытится простонародьем и не будет кушать их самих. Но дракон становится всё прожорливей и требовательней, и это вопрос времени, прежде чем он обратится на тех, кто его подкармливал человечинкой.

В последние годы много говорилось об упадке института посредничества. Мол, онлайн-платформы во многих отраслях за скромную комиссию, а то и даром, свяжут потребителя и производителя напрямую. На деле, еще до эпидемии можно было говорить совсем о другом тренде: крупные акулы типа Amazon агрессивно поедали мелких и средних посредников, а выбив их из бизнеса, становились на их место, получая дополнительную маржу. При этом они создавали целые экосистемы, выигрывая за счет доступа к неограниченным резервам дешевых денег, экономии на масштабе, а самое главное — будучи в состоянии через свои собственные инструменты на основе систем искусственного интеллекта предсказывать и направлять поведение потребителей.

Это последнее преимущество — ключевое, именно оно позволило им сначала зарабатывать на растущих рынках, а затем и подмять их под себя.

Коронавирус дал поведенческим монополиям новые захватывающие возможности для роста. Ведь теперь, в эпоху социального дистанцирования, они берут на себя посредничество не только между человеком, продавцами и покупателями товаров и услуг, но и между человеком и другим человеком. Например, служба такси «Ситимобил» объявила о готовности выполнять услуги по передаче вещей и документов. Девушки выкладывают в коммуникационный посредник, Инстаграм, фото блюд, косметики и даже нижнего белья, привезенного при физическом посредничестве информационных монополий. Zoom берет на себя проведение видеоконференций, заменяющих человеческое общение, коммуникацию на работе и образование, которое теперь надо получать на расстоянии.

Бизнес заменяет собой и монетизирует виды социального взаимодействия, которые еще недавно считалось чисто человеческим. Так взаимодействие становится частью бизнес-модели, продается, покупается и включается в статистику ВВП.

Что происходило на потребительском рынке с началом вирусного абсурда? Потребители в Соединенных Штатах и во всем мире метнулись в магазины, чтобы запастись едой и предметами первой необходимости впрок, скупая все вплоть до пресловутой туалетной бумаги. Благодаря этому доходы продуктовых сетей типа Walmart, Kroger и Whole Foods (которой владеет Amazon) резко выросли.

Amazon как будто ждал такого развития событий — может быть, из-за доступа к системе финансовой информации Aladdin, а может и наоборот — потому что Aladdin, призванный синхронизировать финансовые рынки с

глобальными процессами, учел намерения и логику развития «Амазона». Так или иначе, Amazon лучше всех, даже самых крупных сетей, оказался подготовлен к кризису. Компания имеет самую разветвленную и оперативную службу доставки в Северной Америке, причем абсолютно все продукты и услуги, от макарон до книг и спортивных тренажеров, можно заказать онлайн. Таким образом, потребители могли жить внутри экосистемы Amazon в условиях карантина, полностью обеспечив себя едой и развлечениями.

Не удивительно, что Amazon сейчас испытывает бурный рост и, не справляясь с резко возросшим объемом заказов, нанимает десятки тысяч новых сотрудников. Эти люди придут из других отраслей, из множества разорившихся в последние недели фирм, часто довольно крупных — но оставшихся позади в монетизации поведенческих данных. Среди лузеров североамериканские сети с такими громкими именами, как Macy's, Nordstrom, Gap (включая Banana Republic и Old Navy), Kohl's, Best Buy и GameStop, которые закрыли сотни магазинов по всей стране. С конца марта каждую неделю на бирже труда США поступает миллионы заявлений — таких цифр не знала история страны со времени «Великой депрессии».

Идеальный шторм создал все условия для захвата рынка США несколькими крупными глобальными монополиями. Amazon контролирует почти половину американского электронного ритейла, то есть примерно 6 процентов всей розничной торговли США. По оценкам аналитиков, последняя цифра после кризиса вырастет примерно вдвое — за счет массового разорения всех остальных. Но аналитики не учитывают, что сама матрица глобального капитализма перестраивается на новых началах — как мы отметили, эти начала настолько радикально отличаются от буржуазнодемократических и либеральных принципов, что впору говорить о ползучей замене социально-экономического строя.

РОССИЙСКАЯ СОЦДИСТАНЦИЯ

В России наблюдается похожая картина. Карантин и неопределенность нанесли нокаутирующий удар по мелким и средним предприятиям. В этих условиях IT-гиганты Яндекс, Мейл. Ру не снижают обороты, а наоборот, активны как никогда и захватывают все новые сферы. К ним можно отнести сегодня и экосистему Сбербанка. Эти компании анонсировали меры, как декларируется, с целью поддержки населения, а также малого и среднего бизнеса. Однако анализ показывает, что реальная цель этих мер — экспансия собственного бизнеса на фоне разорения и гибели тысяч предприятий по всей стране, получение новых потребителей, расширение своих экосистем и рыночных долей.

Так, в апреле 2020 года сообщалось, что Яндекс выделил на поддержку малого и среднего бизнеса «до 500 млн рублей» — впрочем, не деньгами, а различными бонусами на услуги и размещение рекламы у себя же. Группа Mail.ru объявила о «пожертвовании» 1 млрд рублей и создании оперативного штаба. Имеется в виду не денежная помощь, а сертификаты для размещения рекламы на своей собственной платформе «Юла», скидки на услуги платформы «Mail, ru для бизнеса», бонусы на продвижение в Одноклассниках и Вконтакте. Эти шаги интернет-гигантам пришлось бы принять в любом случае — из-за резкого падения платежеспособности своих клиентов — но их решили «завернуть» в «социально-ориентированную» упаковку.

Правительство, понимающее интересы бизнеса как интересы прежде всего крупного бизнеса, будет помогать гигантам. Платформы-монополисты включены в список системообразующих предприятий, а мэрия Москвы объявила о финансовой поддержке поставщиков крупнейших онлайн-ритейлеров и сервисов доставки еды, где преобладают те же IT-гиганты.

Цифровые гиганты не откладывают на потом шаги по экспансии: будет ли ситуация для этого еще более благоприятной? Это происходит по всему миру, и Россия не исключение. Именно в дни карантина компания МТС запустила рекламную кампанию по продвижению умных гаджетов, а Яндекс получил поддержку президента для снятия законодательных ограничений на тестирование беспилотников на внезапно опустевших улицах Москвы.

Действует экономический императив, который, если его оставить без ограничений, приведет к поглощению горсткой техногигантов всей сферы услуг, к их мощному продвижению на рынке образования и к постановке под их полный контроль всей потребительской экономики.

Во всем мире бизнес сегодня все больше затачивается под модель «капитализма слежки», или «надзорного капитализма», при котором решения о направлениях развития принимаются наверху. При этом среднему и даже мелкому бизнесу делаются предложения, от которых нельзя отказаться: или ты платишь ренту корпорациям FAGMA — за рекламу и продвижение, за пользование облачными услугами, за представление на их платформах — или тебя нет.

Фактически это плата за посредничество, которую платформы FAGMA собирают с бизнесов в виде своего рода феодальной ренты. Бизнесы и люди платят за право пользования смешанным виртуально/реальным пространством, которое «большая цифра» захватила, поделила между своими и приватизировала (хотя процесс и не закончен). В пространстве, которое пока принадлежит FAGMA, и живет подавляющая часть человечества, которая платит платформам ренту.

Сегодня люди платят ренту в основном своими данными, но когда ситуация станет безальтернативной, будет введена платность за «услуги», без которых никто не обойдется. Бизнесы платят ренту деньгами, данными и «службой корпорациям». Таким образом уже перестроены целые отрасли, но это только начало.

ПЕШКИ В ЧУЖОЙ ИГРЕ

Но как же стартапы? Ведь корпораций, вошедшие в FAGMA, когда-то выросли из стартапов, а значит, скоро появятся компании, который составят им конкуренцию, не так ли?

Однако в сфере инноваций ситуация поменялась во всем мире. Предприниматели-инноваторы все больше становятся пешками в чужой игре: они выдвигают идеи, берут на себя риски, но плодами пользуются крупные корпорации, которые легко перехватывают или покупают инновационные идеи. Иногда идеи покупаются в сырой форме, иногда — с той или иной степенью обработки, позволяющей корпорациям через систему венчурного инвестирования прежде всего избежать рисков.

В России это можно показать на примере индустрии доставки еды на дом. Пионерами здесь действительно стали стартапы — такие как Foodza, Golama, Superbro, «Достаевский». Эти компании закрыли свои сервисы в сфере доставки еще до карантина, в самом начале 2020 года. Главными причинами называется олигополия техногигантов, которые имеют преимущества в финансировании, охвате, возможностях хранения и доставки, и, самое главное — в бесплатном доступе к поведенческим данным, а значит, и возможности действовать на опережение. Все эти факторы приобретают еще большее значение во времена карантина, когда доступ стартапов к этим ресурсам становится в лучшем случае сильно ограниченным.

При этом техногиганты могут внимательно изучать деятельность стартапов и даже вкладывать туда небольшие деньги — но лишь затем, чтобы получить нужные им идеи, ноу-хау и информацию.

Существующая модель венчурного финансирования работает прежде всего на крупные корпорации, на сохранение их монополии. Эта модель внедряет только те новые технологии и продукты, которые выгодны сложившейся системе «цифрового феодализма».

МАШИНА ВСЕГДА ПРАВА

Когда побеждающий сражается, это подобно скопившейся воде, с высоты тысячи саженей низвергающейся в долину.

Сунь Цзы

Компании «большой цифры» давно чувствуют себя как на сафари. Мораль Силиконовой долины считает доблестью нарушение закона, если в ходе этого удастся заработать большие деньги. Победителей не судят, а если и судят, они нанимают самых дорогих юристов, и дела разваливаются либо спускаются на тормозах с минимальными штрафами. Перед ними практически нет преград: нет в мире больше запретных мест или закрытых дверей, нет домов, которые не были бы стеклянными, нет понятий о приличиях, тайне частной жизни, интимности и дистанции. В ходе эпидемии коронавируса людей заставляют соблюдать расстояние, но компаний «большой цифры» эти ограничения не касаются: они уже, в ряде случаев, поставляют информацию изнутри тела.

В последние годы сильно рос рынок автоматического распознавания эмоций, основанный на упомянутой выше системе Пола Экмана FACS.

Конечно, эти психологические модели подвергаются критике как неполные, а часто и неверные — но на их основе принимаются решения, например, о приеме на работу. Так, известный российский предприниматель Давид Ян, составивший состояние на распознавании речи и машинном переводе, предлагает сейчас компаниям услуги по «трекингу» сотрудников — то есть слежке за ними. Стартап Давида Яна Yva «предсказывает увольнение сотрудника ещё до того, как он принял решение уволиться». Вот как рассказывает об этом Ян в одном из интервью: «К нам пришли наши корпоративные пользователи и сказали: вы понимаете про наших сотрудников и это, и это. А вы можете понять, кто с кем дружит?.. Мы: вообще не вопрос, мы знаем весь граф коммуникаций...Когда сотрудник начинает выгорать, его коммуникативный профиль меняется. Первое письмо утром уходит чуть позже, последнее вечером чуть раньше... Система детектирует ситуацию по скорости ответов, длине ответов, содержанию ответов, графу коммуникации...».

Это человек может понять человека, а искусственный интеллект примет решение об увольнении человека, базируясь на оценку человека по пятифакторной модели, по тому, как быстро он отвечал и так далее. И машина будет всегда права.

Корпорации зарабатывают, продавая фьючерсы на человеческое поведение — как отдельных лиц, так и больших групп людей. При этом прогнозы тем точнее, чем больше реальных данных «скармливаются» искусственным нейросетям-производителям поведенческих продуктов. Чем точнее прогнозы, тем дороже их можно продать — при стопроцентной точности вы гарантируете, что человек пойдет туда, куда вам нужно, и совершит то, что вам нужно. Как работает «предсказательный двигатель» Фейсбука? Он построен на платформе искусственного интеллекта, которая называется «FBLearner Flow.» Компания описывает ее как «ИИ-хребет» и «ключ к персонализированному опыту», которая на выходе дает самый точный поведенческий продукт. На входы системы ежедневно поступают триллионы точек данных — это не только данные о локации, деталях сети вайфая и подключенных к нему устройств, но и данные с видео, аудио, анализ дружб и контактов, сходства и различий с друзьями и так далее. Эти точки данных обучают тысячи моделей, задействованных для выработки предсказаний в режиме реального времени. Предлагая свои продукты, «Фейсбук» гордо сообщает, что со времени создания на платформе было обучено более миллиона нейросетей, и она выдает более 6 миллионов предсказаний ежесекундно.

Один из множества сервисов, которые обслуживает «двигатель» — «предсказание лояльности». Здесь анализируется «поведенческая добавка» индивидуума с тем, чтобы сделать вывод о том, может ли он или она в будущем — ближайшем или отдаленном — изменить запрошенному брэнду, то есть находится ли индивидуум в группе риска. Рекламодатели, не откладывая, начинают осаждают этого человека рекламными посланиями с целью обеспечить его лояльность в дальнейшем. Таким образом, продукт соединяет предсказание с вмешательством в поведение человека и его модификацией, и Facebook обеспечивает компаниям гарантированный результат, изменив

будущее.

Некоторые американцы удивляются тому факту, что стоит им сделать заказ на Amazon поздно вечером, а рано утром они его уже получают. Как это возможно — ведь заказ нужно доставить сначала хотя бы на ближайший склад Амазона! Еще в 2013 году Amazon запатентовал метод доставки, позволяющий посылать потенциальному клиенту посылку еще до того, как тот разметил заказ. Технология основана на анализе больших данных и предвосхищает поведение заказчика. Видимо, она сегодня работает в ограниченном варианте, при котором «предвосхищающая» посылка высылается на склад, ближайший к тому человеку, кто, как предсказывает система, в ближайшее время сделает заказ.

Для по-настоящему точного предвидения, системе нужно еще больше данных, а чтобы решать максимально широкий диапазон задач, ей нужны абсолютно все данные, которые можно получить. Здесь очень важны не только информация о поведении человека онлайн, но и данные о нем после того, как он вышел из интернета. Поэтому огромное значение имеет биометрия, геодата, данные с медицинских датчиков и приложений здоровья, распознавание лиц, эмоций и мотиваций. Но это еще не все: технокомпаниям очень важно получить доступ под кожу человека, в его кровь, а хорошо бы и в мозг. Здесь мы заходим на минное поле рассуждений о технологически возможном или нет, но совершенно точно можно сказать, что в этой области готовится прорыв, а может быть, и не один.

Никита Михалков в своей на шумевшей программе «Бесогон» рассказал о чипах, которые могут быть использованы для отслеживания параметров человеческого организма, и в конечном итоге, для управления поведением.

Действительно, существуют технологии так называемых «жидких микрочипов», состоящих из «квантовых точек», которые вводятся в организм наподобие зондов для биологических исследований.

Первооткрывателем нанокристаллических полупроводниковых квантовых точек в 1981 году был известный советский специалист по физике твердого тела, доктор физико-математических наук Алексей Иванович Екимов.

Именно Екимов начал исследования этих кристаллов размером от нескольких нанометров. Впоследствии физик занимался исследовательской работой и преподаванием, переехав в Париж, затем Лион и Осаку. В 2006 году за «открытие нанокристаллических квантовых точек и пионерские исследования их электронных и оптических свойств» он получил, совместно со своим советским коллегой из МФТИ Александром Эфросом и американским физиком Луисом Брюсом, престижную премию Вуда.

С начала 1980-х нанотехнологии сделали огромный прогресс, в том числе и в разработках, основанных на «квантовых точках». Размеры квантовой точки должны быть настолько мал, чтобы квантовые эффекты были существенными. Регулируя размер квантовой точки, мы можем изменять цвет испускаемого квантовой точкой света. Такой кристалл, если его ввести в орган человеческого тела, может служить индикатором состояния этого органа.

Обычно, когда говорят о чипах, имеют в виду твердотельные кристаллы, но в сюжете Михалкова речь шла о технической возможности инъекции в кровь коллоидного раствора с наносенсорами, например, в виде квантовых точек, после чего они смогут внедриться в органы. Таким образом, создастся возможность сканировать параметры активности человеческого тела.

Доступ к всемирной паутине, который обеспечит сеть 5G в рамках интернета вещей, позволит создать «блокчейн из человеческих тел» и при помощи сенсоров действительно управлять поведением в режиме 24/7. Именно эта идея, собственно, и содержится в патенте Майкрософта, о котором шла речь в программе Никиты Михалкова.

Конечно, ввод «жидкого чипа» — далеко не единственный способ управлять поведением, но, пожалуй, он довольно эффективен и один из самых простых на сегодняшний день. Объем данных о человеке при применении этой технологии возрастет на порядки, что позволит резко увеличить точность предсказаний — и возможности «подталкивания», «сбивания в стадо» и «кондиционирования» (последний термин перешел в практику управления человечеством прямо из книги Хаксли «О прекрасный новый мир»).

Известный предприниматель Илон Маск обещает в 2021 году запустить «нейралинк» — интерфейс между человеком и компьютером, который будет вживляться через дырки, просверленные в черепе, прямо в мозг. В конце августа 2020 года Маск продемонстрировал свинью, из мозга которой был успешно извлечен установленный туда ранее чип Neuralink. Утверждалось, что это произошло без вреда для животного. Еще одной свинье исследователи вживили сразу два чипа, чтобы продемонстрировать возможность параллельной работы нескольких устройств. В ходе трансляции на Youtube Маск заявил, что стоимость установки в мозг человека чипа Neuralink должна в ближайшее время снизиться до нескольких тысяч долларов, включая оплату работы хирурга.

Интерфейс, подобный тому, что разрабатывает Маск, или чип наподобие запатентованного компанией «Майкрософт» для передачи информации изнутри человеческого тела, должны еще больше увеличить объем данных о поведении. Эти данные, таким образом, не только смогут поступать прямо из мозга в облако, но и наоборот, из облака прямо в мозг, реализовав мечту технократов о непосредственном управлении человеческими импульсами и побуждениями еще до того, как они успеют оформиться в эмоцию или мысль.

Интересно, что когда в популярных изданиях с придыханием освещают деятельность Маска, то не без наслаждения описывают «инвазивные технологии», «усиление возможностей мозга», и так далее. Как только кто-то рассказывает ровно о том же самом, при этом задавая вопросы о том, нужны ли такие технологии человеку, готовы ли к ним люди и общество — как этого рассказчика тут же называют конспирологом, алармистом, и стараются его маргинализировать или заставить замолчать.

«ОНИ БУДУТ У НАС ТАНЦЕВАТЬ»

Форма у войска подобна воде: форма у воды — избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска — избегать полноты и ударять по пустоте.

Сунь Цзы

От покупки и продажи поведения отдельных людей еще с начала 2010-х годов корпорации перешли к социальной инженерии, сбиванию людей в группы и выработке у них роевого поведения. В случае, если поведение кого-то из членов группы не соответствует прогнозам, другие члены группы должны скорректировать поведение заблудшего товарища. Ведь прогноз, собственно, уже продан, так что необходимо обеспечить его соответствие реальности!

Управление людьми и создание роев — гораздо более сложный продукт, чем просто предсказание, речь здесь идет о покупке и продаже гарантированного будущего. Этим могут заниматься лишь самые крупные, самые продвинутые технологические компании с большими ресурсами, которые могут создать системы с искусственным интеллектом, которые будут «пасти» как отдельного человека, так и «человеческое стадо». В первую очередь речь идет о тех самых компаниях FAGMA — Facebook, Amazon, Google, Microsoft, Apple. Но и у этих компаний для настоящего управления еще не вполне достаточно данных, поэтому «новая нефть» для этих целей нужна как никогда. Экономика современного капитализма устроена так, что победитель получает всё — поэтому в этой области между компаниями развернулась жесткая конкуренция, и для получения конкурентного преимущества они стремятся всеми правдами и неправдами достать себе как можно больше «новой нефти».

В России технологическая революция «интернета вещей», началась как раз перед эрой «большого страха», которую открыла так называемая «пандемия». По всей стране, особенно в крупных городах, устанавливаются вышки 5G, без которых «интернет вещей» не может быть запущен в полную силу, ибо он требует скоростей передачи информации как минимум на порядок больший, чем принято сегодня.

В апреле 2020 года, в самый разгар первой волны «большого страха», когда люди действительно еще боялись выходить из дому, сначала Государственная Дума, а потом и Совет Федерации в авральном порядке рассмотрели и без каких-либо обсуждений приняли Федеральный закон-123 о проведении в Москве эксперимента, «направленного на создание условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта». 24 апреля закон был подписан президентом и вступил в силу 1 июля 2020 года.

В дополнение к закону летом 2020 года правительство приняло ряд документов, в частности, «Концепция регулирования искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Она настолько любопытна, что стоит на ней остановиться поподробнее.

КОНЦЕПЦИЯ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Целью концепции объявляется совершенствование законодательства, чтобы создать благоприятные условия для развития искусственного интеллекта и робототехники и убрать всевозможные барьеры на этом пути. Документ был подготовлен группой под руководством исполнительного директора Сбербанка Андрея Незнамова. Впоследствии к ним присоединились представители фонда Сколково, а также ведущих технологических компаний России, и на заключительном этапе — представители Министерства экономического развития. Таким образом, очевидно, что именно банкиры, финансовый капитал является инициатором фазового перехода, скачка к роевому сообществу, управляемому Цифровым Левиафаном. Они же, как мы увидели, вкладывают гигантские деньги в корпорации FAGMA, которые, в свою очередь, являются двигателем эпохи «большого страха».

Группа Незнамова работала над проектом больше года, в течение этого времени я следил за тем, как менялась концепция, и могу сказать, что она стала значительно жестче по отношению к обычным людям, к потребителям, зато все просьбы крупного технобизнеса были учтены.

«Одним из основных препятствий для расширения применения систем с использованием ИИ и РТ является отсутствие достаточной степени доверия к ним со стороны общества, — говорится в документе. — Повышение степени автономности таких систем, снижение контроля человека за процессом их применения не полностью прозрачная логика принятия решений создают общественный запрос на регуляторные ограничения применения систем ИИ и РТ».

Таким образом, нужда в нем возникла прежде всего из соображений пиара, потому что люди не верят системе. В концепции заложено много мин, которые непременно взорвутся, если, конечно, в ближайшие годы не будет введена цифровая диктатура и цифровой концлагерь.

Документ походя уничтожает основы целого ряда профессий, которые когда-то считались либеральными — например, врача, адвоката, даже банкира. Вот что в нем говорится:

«Должен быть предусмотрен более свободный правовой режим. Снятие ограничений по применению и обороту данных, полученных в результате обезличивания сведений, составляющих профессиональную тайну, также будет способствовать большей доступности данных и стимулировать их владельцев к взаимовыгодному обмену... Существующие режимы профессиональной тайны (такие как врачебная тайна, банковская тайна, тайна связи, адвокатская тайна и т. п.) должны определять условия, при которых субъекты профессиональной тайны вправе привлекать для обработки соответствующих сведений сторонние организации (в том числе для раскрытия потенциала облачных технологий и технологий с использованием ИИ)».

Интересен сам термин «субъекты профессиональной тайны», означающий, очевидно, врачей, адвокатов, вообще, всех тех, кому доверился пациент или клиент. На основе этого доверия покоятся целые профессии, без этого доверия, на мой взгляд, невозможные. Например, профессия адвоката невозможна без сохранения адвокатской

тайны, как никто не пойдет на исповедь к священнику без уверенности в том, что сказанное останется между ними. Но в мире торжествующего трансгуманизма, отрицания свободы воли и сознания нет и не может быть ответственности, и все отношения между пациентом и врачом, адвокатом и его клиентом суть броуновское движение агентов, ведомых своими биологическими, животными побуждениями. Удивительна не сама эта точка зрения, а ее официальное закрепление в правительственном документе, и отсутствие реакции на это со стороны соответствующих профессиональных сообществ.

Оказывается, врачебной или адвокатской тайной можно торговать, передавать полученные с её помощью сведения в облака без согласия и даже без уведомления того, кого она касается. Кстати, понятие тайны касается даже банкиров, и стоило бы в связи с этим присмотреться к практике Сбербанка, который, возможно, видит в тайнах своих клиентов ресурс, подлежащий утилизации и продаже. Получается, и банки эры «большого страха» готовы монетизировать тайны клиентов с тем, чтобы превратить их в большие данные и поведенческие продукты. Мы видим черты нового, постковидного общества — если роевую структуру Левиафана можно всё еще называть обществом.

Защитники документа из правительства могут сказать в свое оправдание, что в документе есть оговорки про обезличивание данных. Например, эта оговорка присутствует, когда говорится о том, что «необходимо расширение практики раскрытия государственных данных», или о том, что необходимы «благоприятные правовые условия для безопасного и ответственного доступа разработчиков систем ИИ и РТ к данным и безопасного и ответственного обмена различными типами данных, включая данные, собираемые государственными органами и медицинскими организациями», или что нужны «особые условия (режимы) для доступа к данным, включая персональные данные (при условии принятия мер для защиты интересов субъектов персональных данных, включая обезличивание)».

Но оговорка про обезличивание — чисто ритуальная. Специалисты знают, что обезличить данные весьма трудно, а, напротив, идентифицировать человека по набору открытых данных — задача вполне решаемая. На эту тему есть и академические исследования, существует и практика. Каковы критерии обезличивания? Кто их будет определять? Группа Сбербанка? Кто будет следить за тем, обезличены данные или нет? На эти вопросы, разумеется, в правительстве ответов не дадут, ибо весь документ создан лишь для того, чтобы обеспечить зеленую улицу процессу создания Цифрового Левиафана.

В документе подчеркивается принцип «стимулирование прежде регулирования»: то есть сначала развиваем бизнес, ни на что не глядя, а регулирование, если появится, появится потом. Такой подход обожают инвесторы Силиконовой Долины, с их этикой снятия сливок.

«Регуляторное воздействие основано на риск-ориентированном подходе и предусматривающее принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий ИИ и РТ несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений и интересам общества и государства». Это означает, что сначала технологии применяются, а риски оцениваются потом. Но кто и как будет их оценивать? Каков порядок принятия ограничений?

Риск-ориентированный подход, написано в документе, «основан на оценке размера потенциального вреда с учетом вероятности его наступления по сравнению с потенциальным положительным эффектом от внедрения технологий ИИ и РТ». Это означает, что если потенциальный положительный эффект превосходит возможный ущерб, то все в порядке. Новая посковидная этика: если официальные лица убеждены, что польза перевешивает риски, то все в порядке, можно прививать минуя этапы.

Весьма интересно и то, в каких расплывчатых терминах, с массой оговорок описывает документ тему юридической ответственности в случае применения систем искусственного интеллекта и робототехники.

«Реальный уровень развития технологий ИИ и РТ не предполагает кардинальных изменений в регулировании института юридической ответственности», говорится в концепции. На деле речь не идет о каких-либо изменениях вообще, никаких механизмов ответственности создателей алгоритмов или систем машинного обучения не предусмотрено. По сути, алгоритмы и люди находятся здесь на одной доске — как некие сущности, главная цель которых — быть ресурсом и приносить прибыль. Концепция предполагает, что, возможно, если что-то пойдет не так, то «будут доработаны при необходимости механизмы безвиновной гражданско-правовой ответственности».

Обратите внимание на слово «безвиновный». В мире, где нет свободы, а есть предопределение, любой инцидент — продукт случайности, вероятности, а это уже епархия страховщиков. Так и предполагается — возмещение вреда, причиненного действиями систем искусственного интеллекта и робототехники, будет проходить или через страхование ответственности, или путем создания компенсационных фондов. Получается, что в случае чего заплатит правительство через специальный фонд, или, что более вероятно, от человека ждут страховки.

Никаких механизмов, основанных на признании за человеческим индивидуумом прав, например, института омбудсмена, не предполагается. Решение алгоритма обязательно и отмене не подлежит, алгоритм всегда прав, и если беспилотник вас, в силу случайного стечения обстоятельств, переехал, вам надлежит обратиться в страховую компанию.

В ОСАГО пропишут страхование от беспилотников, с пациентов будут брать расписки о снятии с учреждений ответственности, а стоимость и риски возможного ущерба компании-разработчики переложат на самих людей, на «новую нефть». В условиях российской юридической практики кто богаче, у кого ресурс, тот и прав. Пострадавшие прохожие или пациенты будут судиться с Яндексом или Сбербанком в обычном суде, их юристы против юристов больших корпораций — которые в защиту своей позиции будут ссылаться на экспериментальный порядок, на

регуляторную песочницу, на вполне законное изъятие таких случаев из рамок обычного законодательства. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Есть, конечно, ритуальные упоминания о свободах и правах даже в этих документах, например, такое: «При наличии реального риска нарушения прав и свобод граждан может быть актуальной проработка вопроса об условиях самоидентификации системы ИИ при прямом взаимодействии с человеком». Оговорки, однако, сводят на нет возможность осмысленного реагирования на проблемные случаи. Кто будет оценивать риск — сами разработчики, которых никто не учил морали и этике, для которых человек — это движущийся компьютер? Тогда рисков нет и не будет. Кто будет заниматься проработкой вопроса — снова та же группа Сбербанка?

Есть еще несколько тезисов с показательными оговорками и словесной эквилибристикой: «Общий вектор возможных изменений должен быть направлен на то, чтобы гарантировать эффективное и справедливое функционирование институтов юридической ответственности и распределение ответственности в случае такого причинения вреда». Справедливое для кого?

В одном месте документа признается, что «не всегда понятная и предсказуемая логика работы данных систем создает ряд рисков для потребителей: в основном, при применении систем ИИ и РТ, предназначенных для автоматизации совершения сделок и иных юридических действий, а также при применении систем ИИ и РТ, взаимодействующих с физической средой (бытовые роботы, электроника, системы «умного дома»). Но признание рисков не должно вести к обременению для разработчиков: «внесение в законодательство каких-либо дополнительных ограничений на применение таких систем представляется нецелесообразным».

Для проформы и для легкости прохождения концепции декларируется следующий момент: «Режим правового регулирования технологий применения систем ИИ и РТ должен обеспечивать необходимую степень защиты прав и свобод человека и гражданина, отвечать интересам общества и государства».

Но этот тезис сводится на нет множеством лазеек и оговорок. Например, есть «запрет на причинение вреда человеку по инициативе систем ИИ и РТ (по общему правилу следует ограничивать разработку, оборот и применение систем ИИ и РТ, способных по своей инициативе целенаправленно причинять вред человеку)». Здесь обратите внимание на уточнение, в каких случаях можно говорить о запрете — когда бездушные системы причиняют вред «по своей инициативе целенаправленно».

Говорится, что нужна подконтрольность систем человеку «в той мере, в которой это возможно с учетом требуемой степени автономности систем ИИ и РТ и иных обстоятельств». Уточнение «в той мере, в которой это возможно» сводит требование на нет.

Говорится, что «применение систем ИИ не должно заведомо для разработчика приводить к нарушению правовых норм» — и здесь стоит обратить внимание на оговорку «заведомо для разработчика».

Некоторые перлы документа выдают полное незнание его разработчиков с понятием, что такое искусственный интеллект и как работают системы машинного обучения. Например, есть там положение о том, что нужно «уточнить необходимость и возможные случаи введения в системы ИИ и РТ, которые потенциально могут причинить вред, функциональных особенностей, обеспечивающих, например, возможность потребителя прекратить деятельность системы ИИ в критической ситуации («красная кнопка») и (или) обеспечить фиксацию фактов, позволяющих установить обстоятельства причинения вреда («черный ящик»)».

Говорить о том, что работу весьма сложной и распределенной системы искусственного интеллекта можно прервать при помощи нажатия некоей «красной кнопки», совершенно абсурдно, как невыполнима и попытка «фиксации фактов, позволяющих установить обстоятельства» для «черного ящика». Впрочем, скорей всего, эти тезисы писались совершенно не для того, чтобы кто-то думал над их выполнением: просто кого-то из журналистов, политиков и общественных деятелей можно успокоить наличием «красной кнопки».

В период «пандемии» идет обязательный, требуемый правительством сбор данных в медицине. Речь в концепции идет о том, чтобы открыть к ним доступ самому широкому кругу желающих. Российские технологические компании заведомо слабее западных и китайских, так что иностранные компании и стартапы получают прямой доступ к данным. Массивы информации будут уходить также на платформы с открытым кодом, где крупные западные технологические гиганты из ФАГМы обкатывают свои технологии. Очень активна в этом отношении компания «Майкрософт», которой принадлежит ряд крупнейших платформ с открытым кодом, очень популярных у разработчиков систем с искусственным интеллектом. Можно не сомневаться, что собираемые правительством РФ данные окажутся в распоряжении международных игроков.

Документ основан на иррациональной вере в то, что бизнес сам себя будет регулировать, но содержит для него множество лазеек. Понятно, что бизнес по извлечению «новой нефти», то есть человеческого опыта, будет работать примерно по тем же этическим принципам, что и бизнес по извлечению природных ресурсов. Поэтому если возможны экологические катастрофы наподобие той, что мы увидели с загрязнением тундры в Норильске, или с вырубкой лесов, или со сбором мусора, или с очистительными сооружениями в Челябинске и Красноярске — возможны будут и крупные катастрофы, связанные с загрязнением и гибелью экосистем человеческого поведения, взломом личности, распадом человечности.

ОТ СКАНИРОВАНИЯ ЭМОЦИЙ К УПРАВЛЕНИЮ ЛЮДЬМИ

Всё это расчистило почву для масштабного строительства инфраструктуры «интернета вещей» и её скорейшего внедрения в единственном городе России, где всё для этого созрело. «Интернет вещей» резко расширит объем собираемых данных, необходимых для управления поведением масс.

«Интернет вещей» будет пронизан миллиардов сенсоров, микрочипов, записывающих и передающих аудио, видео и другую информацию. Их уже сегодня можно встраивать везде, например, в стены, в предметы бытовой техники, вшивать в качестве специальных нитей в одежду. Но сенсоры ведь могут быть не только «глазами и ушами» — они могут служить и актуаторами, то есть элементами, запускающими машину в действие.

Как сказал анонимный разработчик ИИ, опрошенный гарвардским профессором Шошаной Зубофф в ходе ее ключевого исследования, посвященного «надзорному капитализму», «сначала мы учимся писать музыку, а потом под эту музыку они будут у нас танцевать».

Взять такие устройства, как «эмоциональные чипы» стартапа Emoshape — микрочипы, сканирующие эмоции людей. Девиз компании, которая называет свой приборчик «первый в индустрии двигатель эмоционального синтеза»: «жизнь — это ценность». Компания пишет на своем сайте, что их чип может распознать с вероятностью 98 процентов двенадцать основных человеческих эмоций. Устройство не только распознает эмоции, но и синтезирует их: компания предполагает, что к концу века люди будут взаимодействовать друг с другом не напрямую, а через «чувствующие машины». Компания предоставляет «эмоцию как услугу», то есть чип Emoshape позволит роботу или системе искусственного интеллекта испытать 64 триллиона возможных эмоциональных состояний.

Уже сегодня такие чипы в режиме реального времени могут измерить «эмоциональный пульс» человека и передавать его в облако для выработки «управленческого продукта» с «гарантией результата». Долго ли ждать появления компании, которая будет предоставлять «счастье как услугу»? С прогрессом московского (не московского!) «нейралинка» этого осталось ждать недолго.

Чтобы собрать как можно больше данных, нужны все более совершенные сети, построенные на принципах машинного обучения и создающие успешные управленческие продукты. Но по-настоящему успешный управленческий продукт требует еще больших потоков данных, требует интернета вещей и вышек 5G. Замкнутый круг, который требует новой организации общества. Требуется гарантировать непрерывность потоков данных и постоянный доступ к ним прежде всего крупных технологических компаний — кстати, это положение нашло свое отражение в упомянутом Федеральном законе.

Новая организация общества, в котором люди гарантированно «начинают танцевать», как только им включили «новую музыку», возможна на роевых началах. Массивы данных позволяют задействовать новые подходы социальной инженерии, создавая по заданным параметрам не только отдельные личности, но и роевые сообщества.

Таким образом, можно сказать уже, что рынок таргетированной рекламы плавно трансформировался в трейдинг управлением, или в «инструментальную экономику» (от понятия «инструмент управления»). Речь идет об огромном рынке, где будет осуществляться почти полное управление поведением масс людей как онлайн, так и в реальном мире. Китайская статистика уже в феврале зафиксировала равенство времени, которое люди проводят в интернете и в приложениях, со временем, проведенным в реальности. Еще прошлым летом люди проводили в интернете вдвое меньше времени — но карантин послужил катализатором фазового перехода к новым моделям поведения. Незаметно наступила эра, когда в онлайн человек проводит большую и самую главную часть жизни, часто сопряженную с работой. Оффлайну же очень скоро, когда в нашу жизнь войдет «интернет вещей», предстоит стать не «реальностью-реальностью», а «смешанной реальностью», дополненной всевозможными 3D фигурами, не говоря уже о всевозможных гаджетах, умных утюгах и холодильниках, умных полах и умных потолках, а также человекообразных и не антропоморфных роботах, которые вторгнутся в физическую реальность.

Нельзя думать, что в этом царстве объектов человек останется «мерой всех вещей», как говорил Протагор — «существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Человек перестает быть критерием правды и лжи, перестает быть субъектом. Да, собственно, новая наука и аналитическая философия, заменившие старую науку и обычную философию, уже скинули человека с его пьедестала. О том, как это произошло, стоит написать отдельно — но этот немаловажный факт стоит зафиксировать для понимания мотиваций тех, кто сегодня под рожок новой войны «заставляет нас танцевать».

Технократы с восторгом расписывают системы, которые распознают человеческое поведение, которые могут видеть, слышать и даже решать за человека, при этом никогда не звучит вопрос: «А зачем? Какова конечная цель этого? А я сам, понимаю, что делаю?»

Надо отчетливо понимать, что те, кто бросил свои армии разработчиков, программистов, юристов, математиков, маркетологов, специалистов по связям с общественностью, политиков на завоевание главного приза — контролем над будущим человечества — не считают людей людьми. Они убеждены, что человек — это животное, автомат, аватар, кто угодно, но только не существо, обладающее свободой воли.

Отрицая свободу воли, они навязывают всем свою, отрицая человеческое сознание, они делают это в полном сознании. Провозглашая мир иллюзией, они мертвой хваткой впиваются во вполне материальные ценности — но кого из власть имущих когда смущали парадоксы и противоречия? Все их рассуждения о том, что мы живем в компьютерной симуляции или одной из бесконечного числа параллельных вселенных служат лишь для того, чтобы вернее залезть к вам в карман здесь и сейчас, чтобы монетизировать и обналечить все, что движется. Сознывая «отсутствующим» сознанием, что жизнь в одиннадцати измерениях будет не столь сладка, как здесь, в наших грешных трех, они стремятся брать от нее все здесь и сейчас — в прямом смысле питаюсь будущим всех тех, кого они обрекают на существование дистанционно управляемых биороботов.

Вы можете считать воззрения этих людей тайной религией, хотя она не тайная, а вполне открытая — со своими

пропорками и постулатами, со своей церковью, со своими теологическими спорами и даже своей инквизицией. Сегодня можно назвать ее датаизмом — но стоит помнить, что она меняет названия в зависимости от сезона, как шампунь слоганы. На самом деле это все тот же старый добрый фашизм меняет свои обличья: так шекспировский Мальволио переодевался в безумные наряды, чтобы соблазнить свою госпожу. Жрецы датаизма, эти ковидные аптекари в шутовских масках и скафандрах, могли бы быть героями «Записок из мертвого дома» Достоевского. Люди из подполья с рассыпавшимися на мелкие части личностями, они скрывают за фантазмагорией вечного спектакля свою пустоту. Они сумели разбавить фашизм, развести его в разных пропорциях, продавать под разными названиями так, что его суть уже не внушает опасения.

Эта религия без имени напоминает вирус, она живет за счет клеток, в которые проникает, сначала пристроившись сбоку всеми присосками, а потом проткнув клетку и впрыснув в нее свой генетический материал. Она проникла уже повсюду, по всему миру, во все институты нашей зашедшей в тупик, обреченной потребительской цивилизации — в государственные структуры, в общественные организации, в науку, искусство, бизнес. Проникнув в ядро, она начинает там делиться и размножаться, замещая прежние ценности своими, которые звучат почти так же, и, если не задумываться, могут сойти за человеческие. Чиновники быстро смекнули, что новые технологии позволяют им самоизолироваться от населения, сохранив при этом власть и привилегии; бизнесы выстраиваются, как железная стружка, за магнитом экономического императива; науки натывают на булавки наукометрии, как бабочек... Может быть, нас спасут поставщики правозащитных услуг? Вопрос риторический.

Мотивы людей, развязавших войну, отличаются от мотивов тех, кто идет служить в войско солдатом или офицером. Так и с коронавирусной войной, которая есть не «война с коронавирусом», а «война коронавирусом» — первая мировая война за ЧБД, за новую нефть.

Здесь есть солдаты и офицеры — исполнители приказов, есть генералы, которые разрабатывают план кампании и двигают подразделения, есть шпионы всех типов, описанных Сунь Цзы — а есть бенефициары, которые со стороны могут показаться вообще непричастными к боевым действиям. Среди бенефициаров войны обязательно найдутся вегетарианцы и пацифисты, фанаты Далай-Ламы, меценаты и завсегдатаи благотворительных вечеров, успешно собирающие на нужды голодающих детей миллионы долларов в Цюрихе, Лондоне и Атланте. Но именно они, эти прекрасные люди в хороших, не новых, но удобных костюмах получают главный приз войны — знания, собранные в подполье глобального *speakeasy*, знания, дающие власть. Власть над ручейками, реками, озерами, морями и океанами, в которые сливаются человеческие данные всех видов и размерностей, власть над связями этих данных, то есть то знание, которое превратит случайность в предопределенность.

Данные, полученные от миллиардов глиняных фигурок, похожих на терракотовую армию Цинь Ши Хуанди, важны в их полноте, в их тотальности, ибо тогда только, обладая полным знанием, можно будет приблизиться к главной власти — власти над будущим. Частичное знание позволяет создать обычный продукт, ведь каждый продукт есть воплощение того или иного частичного знания, но абсолютное, полное знание позволит создать абсолютный, уникальный продукт, какого в истории человечества еще не было.

Этот продукт — будущее. Впервые оно будет отнято у вечности, вырвано у высших сил, по глупости человеческой обожествленных — и передано в руки людей в хороших, удобных костюмах.

Овладеть будущим означает забрать его у всех остальных, но эти «остальные» и не имеют на него права, потому что, в понимании людей в хороших костюмах, представляют из себя биологические автоматы, или животных, если вам так приятнее. Именно поэтому ими так легко управлять — да они и сами хотят быть управляемыми. Проведите опрос: хотите ли вы не знать горя и забот, быть сытыми и всегда удовлетворенными, в обмен всего лишь на ваши данные — неужели откажутся? Да, скажут, мы хотим быть биороботами совершенно добровольно, от свободы воли одна печаль, на хлеб ее не намажешь.

В «аптеке» покупатель — человек, аптекарь делает вид, что перед ним важный клиент, и обслуживает его запрос. Тем временем в *speakeasy* спорят о том, относить ли «терраотовых людей» к животным, или считать их автоматами. Сказать «животные» лучше с точки зрения пиара — зачем дразнить гусей? Ведь у животных есть права, так что это не такой полный разрыв с пресловутым веком Просвещения, который давно закончился, если кто не заметил. И все-таки автоматы — просто, как верно заметил Юваль Харари, раньше у нас было недостаточно знаний для того, чтобы полностью предсказать их поведение. Но скоро мы сможем, считают те, кто развязал нынешнюю войну.

ВОЙНА ТЕРРАКОТОВОЙ АРМИИ

Лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска.

Сунь Цзы

Кто с кем воюет в этой странной войне и где проходит линия фронта?

Прежде чем ответить на этот вопрос, отмечу, что любая система с искусственным интеллектом имеет большую внутреннюю неустойчивость. Это связано с работой самого ИИ, прежде всего в его наиболее продвинутой ипостаси, связанной сегодня с глубоким обучением. Здесь речь идет об агенте, который сам себе ставит цели. По своей природе такой ИИ не просто приобретает и постоянно анализирует новые потоки данных — он меняет сам себя, исходя из этого анализа. С этим связана его первая зона нестабильности. Вторая зона нестабильности связана с необъяснимостью его действий, а третья — с рисками неопределенного будущего. Забирая будущее у людей, ИИ как бы забирает с собой и неопределенность, этим связанную с реальным миром.

Кроме «врожденной неопределенности ИИ», в связанная с людьми. Несмотря на веру необихевиористов в то, что поведение этих биоавтоматов предопределено, в реальности с прогнозом можно и ошибиться. Самое страшное случится, когда люди в массе своей поймут, что за ними следят и пытаются ими управлять — ведь даже поведение галапагосских черепах меняется, когда они видят, что за ними наблюдают. Допустим, люди заподозрят неладное, — тогда кто-то из них станет сознательно портить свои данные, троллить систему, другие будут уклоняться от поставки свежей ЧБД. В итоге качество данных резко упадет, на них нельзя будет положиться, и они резко потеряют в стоимости. Более того, возникнет замкнутый круг: чтобы данные были качественными, придется увеличить затраты на их добычу, что, возможно, сделает их извлечение невыгодным. Совсем как при добыче сланцевой нефти.

Неустойчивость, связанная с людьми, может быть также политической, социально-экономической и так далее. Имея дело со столь капризным ресурсом, как человек, нужно быть готовым ко всему. Как исключить человеческий фактор и сохранить стабильность прибылей «инструментальной экономики»? Выход видится в создании глобальной политической системы управляемого «конца истории». Требования к ней такие: обеспечить сохранение тайны «инструментальной экономики», управлять людьми от рождения до смерти (все-таки «нет человека - нет проблемы»), поддерживать заданные параметры популяции, оптимальные для работы системы, обеспечивать политическую и социальную стабильность (при этом экономическая стабильность желательна, но не приоритетна). Важной задачей остается — постоянно просеивать людей на предмет крамолы, при этом особая опасность для системы исходит от представителей «органической интеллигенции», в понимании итальянского коммуниста Антонио Грамши. Система выявляет диссидентов — заметили, кстати, уже появилось выражение «ковид-диссидент»? — анализируя весь доступный контент, но, безусловно, лучше всего при этом залезть им в мозг — что, видимо, и будет сделано, как только к этому появятся технические возможности. Взяв под контроль мозги всего человечества, система сможет стать значительно более стабильной: ведь получив свободу рук в накоплении качественной ЧБД, она может вплотную приступить к устранению остальных неопределенностей.

Сегодня же, пока система извлечения ЧБД находится еще в зародыше, она особенно нестабильна: до сих пор велики и риски, связанные с раскрытием «темы», с «большим разоблачением», при этом никуда не делись и социально-политические противоречия «реального мира», в том числе и связанные с кризисом империализма и особенно долларовой системы.

«Война коронавируса» призвана начать рубить все гордые узлы, которые невозможно распутать в мирное время. Прежде всего, это взятое под контроль «людей в хороших костюмах» и принадлежащих им алгоритмов всего населения земного шара, простолюдинов. Это будет делаться — да уже и делается — раз, и, как они думают, навсегда, а потому безжалостно, без оглядки на какие-либо законы и конституции. Степень этой безжалостности будет только нарастать по мере подчинения народов и выработки не коллективного иммунитета, а коллективного страха... Все пропагандистские машины сегодня занимаются именно этим: ломают волю и вырабатывают коллективный страх как продукт.

Появился новый рыночный проект — инструментализм, использующий цифровизацию для достижения принципиально новой модели разделения общества и социального доминирования. Представляется совсем не удивительным, что через инструментализм проступают черты старого доброго тоталитаризма (смотри механизм выработки «социального единодушия», показанный, например, у Клода Лефора).

Вторая задача — создание «постчеловеческого общества», которое можно назвать роём, и выработка новых правил игры для него. И, наконец, третья задача — раздел «охотничьих угодий» между игроками, то есть теми самыми титанами, у которых есть воля в мире без воли и есть сознание в мире без сознания. Здесь борьба будет идти — идет — без жалости, и если бы все определялось жестким теперешним экономическим детерминизмом, то дело закончилось бы окончательным торжеством одного из игроков. Ведь мировая экономика сегодня так устроена, что победитель получает всё, и все остальные в конечном итоге будут вынуждены склониться перед ним в позе «ку».

Здесь, однако, могут вмешиваются два фактора, которые делают исход схватки непредсказуемым. Во-первых, положение финансовой олигархии тоже по сути нестабильно, о чем писал ещё Платон. Её могут сменить военные. Как писал Пушкин: «Всё моё — сказало злато. Всё моё — сказал булат». Главный козырь финансистов — это те самые крупные технологические компании, которые находятся у них в руках, но это может измениться. Другой важный фактор — это, конечно, Китай с его растущей мощью, в том числе в области новейших разработок искусственного интеллекта. Участие или неучастие Китая в «войне коронавируса» может спутать все карты.

ПУСТОТА И ПОЛНОТА

Сначала будь как невинная девушка — и противник откроет у себя дверь. Потом же будь как вырвавшийся заяц — и противник не успеет принять мер к защите.

Сунь Цзы

Почему начинаются войны за человеческую бигдату? Во-первых, потому что сейчас ЧБД почти ничего не стоит — месторождения открыты, приходи занимай. С другой стороны, доход от ЧБД, точнее, от ее поведенческих и инструментальных производных очень большой — стоит посмотреть на капитализацию Google, Facebook, Amazon и прочих. В России 1990-х, где тоже шла война за даровые ресурсы, убивали и за меньшее.

Как может разворачиваться «Первая мировая война за ЧБД» и на каких она ведется территориях? Главные рынки «инструментальной экономики» находятся в США, Западной Европе и Китае. «Европа цифровая» находится под контролем американцев, но все сильнее туда проникают китайцы, особенно со своими продвинутыми и самыми

доступными технологиями 5G. Приход интернет вещей сулит Китаю большое будущее, и если бы соперничество шло в рамках существующих пока сегодня институтов мировой торговли, то Китай, скорей всего, выиграл бы в этой борьбе. Именно этим осознанием можно объяснить попытку Штатов закончить партию, бросив горсть фигур в лицо любителю, как сделал Великий Гроссмейстер в Васюках.

В России драчка за человеческую бигдату не так заметна, потому что местные компании далеко не так сильны, как американские. Например, капитализация компании Yandex составляет всего \$24 млрд (на начало сентября 2020 года), что в несколько раз меньше, чем у известного любителям видеоконференций калифорнийского стартапа Zoom.

Поэтому довольно легко лапу на ЧБД в России наложило правительство, через закон о Едином реестре персональных данных, а также через спешно принятый 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Об этом законе я упоминал выше, как и о концепции регулирования ИИ, в которой предусмотрена презумпция невиновности алгоритма (то есть если человек понес ущерб от действий системы с искусственным интеллектом, ему предстоит доказать в суде злой умысел даже не разработчика, а самого алгоритма).

В России правительство выступает арбитром допуска к пирогу ЧБД частных компаний, прежде всего крупных. Понятно, что при сложившейся практике процессы дележа человеческой бигдаты будут разруливать силовики — с «новой нефтью» все обстоит практически так же, как со старой. Интересно, что большую активность в отрасли, связанной с добычей ЧБД, проявляет сегодня «Газпром», который стал одним из соучредителей «Альянса по развитию искусственного интеллекта» (в его состав вошли «Газпром нефть», Яндекс, Mail.ru Group, Сбербанк, МТС и Российский фонд прямых инвестиций). Так что есть у нас компании, которые привнесут в разработку «новой нефти» опыт в методы разработки нефти и газа «старых».

Проблема России в том, что «Яндекс» не сравним с Google, а «ВКонтакте» — с Facebook. В мировой гонке за ИИ, где всё получит сильнейший, и это приговор, не подлежащий обжалованию. К тому же Россия относится к долларовой зоне, где рубль — производная нефтедоллара для внутрироссийских расчетов. Поэтому судьбу наших ресурсов предсказать несложно — если, конечно, не случится какой-нибудь социальной сингулярности. Американцы внутри страны конфликтуют — можно, например, вспомнить схватку Microsoft и Amazon за двадцатимиллиардный контракт Пентагона, которая привела к победе детища Билла Гейтса. Однако за рубежом американцы выступают единым фронтом, поэтому вряд ли России удастся сыграть на каких-то противоречиях.

Русский «Золотой Щит» на манер китайского, в принципе, возможен, это бы сильно укрепило позиции ведущих российских компаний в войне за ЧБД. Однако можно ли считать «Яндекс» и Mail.ru, зарегистрированные на Западе, российскими компаниями? Что касается «Сбербанка», который можно назвать мотором освоения человеческой бигдаты в России, то его львиная доля также принадлежит иностранным, прежде всего американским инвесторам. К тому же «Сбербанк» фактически является агентом Microsoft, предлагая российским компаниям хранить и обрабатывать бигдату в облаках американцев, а также другие услуги компании Билла Гейтса.

У американской компании Nvidia «Сбербанк» купил процессоры для «самого мощного суперкомпьютера в России», у компании Tesla — вычислительные ускорители для него же. Теоретически Россия могла бы развить собственную элементную базу, но в существующей экономической системе это считается неэффективным — эффективнее гнать за рубеж нефть, и ввозить процессоры оттуда. При нынешних подходах Россия обречена поставлять американцам ЧБД как сырье. Кстати, законодательно и в упомянутом выше Федеральном законе о развитии искусственного интеллекта в Москве, и в готовящихся юридических регламентах к нему, возможность такого экспорта закрепляется. Скорей всего, гнать на Запад «новую нефть» ЧБД — часть стратегии крупных российских компаний, в том числе и госкорпораций. Принятые законы предусматривают определенную роль в процессе продажи ЧБД и для чиновников, которым, очевидно, дадут на этом заработать. Не исключаю, что Яндекс может в какой-то момент продать серьезный или даже контрольный пакет той же компании Google, а Mail, ru — стать собственностью, например, Twitter.

Соответственно, и управление массами американская «большая цифра» будет вести в России, руководствуясь своими стратегиями, преобразовывая «под себя» в том числе и матрицу государственного управления.

ПОКА КИТАЙЦЫ СИДЯТ В КИТАЕ

Лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь.

Сунь Цзы

Когда в начале 2000-х китайцы окончательно «отгородились от мира» своей «Великой китайской стеной в Интернете» — она же проект «Золотой щит» — ведущие мировые и российские издания над ними много иронизировали. К тому же времени относился и запуск сначала компанией Google, а потом и Facebook модели продажи поведенческих продуктов и фьючерсов на человеческое поведение. Если бы китайцы отложили постройку своего интернет-щита еще на несколько лет, американцы смогли бы без препятствий получать из Китая человеческую бигдату и значительно укрепить свои позиции. Но этого не произошло, и китайским ответом американской FAGMA стал BAT — Baidoo, Alibaba и Tencent. Эти фирмы активно продвигают свои технологии по всему миру, и все идет к тому, что «интернет вещей», который приведет к скачкообразному потреблению ЧБД, в его самом продвинутом виде появится именно в Китае.

В 2016 году, более чем десять лет после китайцев, европейцы попытались отгородиться от американцев по-своему — законом GDPR (General Data Protection Regulation). Этот свод правил предусматривает довольно жесткое регулирование доступа к персональным данным, который в Европе действительно невозможен без согласия человека. В законе существует также важное «право быть забытым» — то есть право человека на уничтожение своих персональных данных, полученных любым путем. Можно сказать, что концепция европейского закона исходит из того, что человек все-таки признается существом с сознанием и свободной волей. Этот чрезвычайно смелый по нашим временам подход работает, и многие страны взяли его на вооружение. Даже в самих США схожие законы принимаются на местном и региональном уровне — например, в штате Калифорния. В Европе американцы вынуждены платить большие штрафы за то, что в других странах типа России им сходит с рук. Даже в России, где технократы получили карт-бланш, начинают звучать голоса о конституционности свежее испеченного федерального законодательства о ЧБД.

Все это представляет серьезную угрозу для американской «большой цифры». Своих Google и Facebook у европейцев нет, поэтому цифровые европейские души все равно скупают американцы. Но скупают задорого. Кроме того, идея о том, что человек обладает свободой, может закрепиться в умах.

Все это, вместе взятое, возможно, и побудило американцев начать в Европе войну. Она нужна, чтобы окончательно закрепить свои цифровые победы в Европе. Вспомните, как они пытались выгнать оттуда китайцев с их 5G и интернетом вещей. Конечно, европейцы способны быть независимы только до определенного предела, ведь Европа до сих пор оккупирована. Поэтому пойти дальше GDPR и ввести меры наподобие китайского «Золотого Щита» они не смогут. Но европейцы прекрасно понимают и то, что отступать некуда: если они отдадутся на волю FAGMA, то окажутся в полном подчинении у империи. Чтобы оттянуть момент истины в отношениях с американцами, они постарались воспользоваться торговой войной КНР и США, которая идет уже года полтора. Но понаблюдать со стороны у европейцев не получилось: коллективная «большая цифра» решила рубить гордые узел.

Коронавирус пришелся весьма кстати — если бы его не было, его нужно было бы выдумать. Инфовирус, пришедший вместе с ним, взломал коллективную защиту не только индивидуальных организмов, но и организмов целых наций, открывая двери алхимикам — информационным менеджерам, которые сумели парализовать волю к действию и обрушить старую экономику, расчищая место для новой инструментальной экономики. Казалось бы, поведенческая экономика зависит от потребления и стабильности потребительского общества, так что наносить по ней удар нет никакого резона. Компании «большой цифры», делающие миллиарды на таргетированной рекламе, действительно чуть просели, — но сиюминутные потери обернутся расширением рыночной доли, которая сейчас будет иметь большее значение, чем даже абсолютные цифры прибыли.

Ибо закончился 75-летний период «большой спячки» после Второй мировой войны, когда западные общества подернулись ряской трансконтинентального «общества всеобщего благоденствия». Наступают времена, когда большая рыба будет беспощадно пожирать маленькую, и даже экономика станет другой. Потребительской эре приходит конец, хотя долго еще люди будут пытаться сохранить свои привычки. Но пришел другой мир, управляемый силами, с которыми человеку уже не справиться — и не только человеку с улицы, но и условному магнату с клюшкой для гольфа.

Это будет мир растущего неравенства, которое уже не будет прикидываться равенством и контроля, который не будет прикидываться помощью. Неопределенность в этом мире, управляемом сетями из людей и искусственного интеллекта, будет очень высока по причинам, описанным выше. Но система будет реагировать на рост неопределенности закручиванием гаек: чем выше нестабильность, чем жестче контроль.

Это будет мир, где за биологическим естественным вирусом следует искусственный, а за ими обоими — вирусы информационные, где вирусами дело не ограничится, и перманентная катастрофа станет нормой жизни — во всяком случае, на тот период времени, который потребуется, чтобы схватка за ЧБД завершилась победой самой сильной и самой упорной стороны.

Это будет временем отрицания человека и его дополненного выживания в джунглях умных городов, с продолженным парадом потребления и демократией не людей, а объектов, что позволит включить человека в потребляемый контур.

Характер этого нового общества — тема отдельной статьи. Нет здесь места писать и о том, как разворачивалось эмоциональное заражение, как готовился информационный блицкриг, когда непрекращающийся спектакль-коронавирус взломал коллективное сознание и водрузил в его центре свой трансформер-трон.

Вернемся к геополитической составляющей вирусной войны. Интересно, что ее организатором выступает не администрация США, а именно FAGMA.

FAGMA — это такой композитный вирус, состоящий из вроде бы независимых вирусов, каждый из которых помогает другим взломать защиту, поселиться в живом организме и использовать его для размножения. FAGMA — это прообраз роя, объединенного общей целью или, вернее сказать, общим механизмом целелеполагания, это и своего рода матрица, преобразовывающая структуры, в которых она поселяется, по своему образу и подобию. К этому РАСМАвирусу применимо знаменитое утверждение Маршалла: the media is the message (средство коммуникации и есть послание). FAGMAвирус нацелен на выработку при помощи систем ИИ роевого поведения, когда каждый совершает свое микродействие, которое приводит к нужному системе результату.

В Штатах FAGMA доглаживает то, что осталось от республики, помогая возводить величественное здание империи. «Большая цифра» вроде бы поддерживает Трампа, но при этом ведет свою игру. Президент откупается от

них налоговыми поблжками и многотриллионной помощью, что никак не мешает им вести войну на уничтожение против малого, среднего и даже части крупного бизнеса — всех тех, кто может служить либо кормом, либо составить потенциальную конкуренцию. Технологические стартапы, впрочем, откармливают — ведь они в любом случае включены в контур инструментальной экономики и помогут принести новые данные прожорливым монстрам на их облачные платформы. От Атлантики до Тихого океана, цифровые танковые войска активно двигаются вперед, захватывая пространства ЧБД по всем направлениям.

За пределами США у компаний «большой цифры» общие интересы с родным правительством. FAGMA начинает действовать как Ост-Индская компания, созданная в свое время для колонизации Индии, частно-государственное партнерство для беспрепятственного извлечения с подконтрольных территорий ЧБД, для перестройки и управления этими территориями. Председатель президентского совета по искусственному интеллекту, бывший глава компании Google Эрик Шмидт набирает людей себе под стать — таких, чтобы могли обеспечить связку между властями и бизнесом, между инженерами, учеными и обороной. Как говорил герой фильма «Берегись автомобиля» по другому поводу: «Все мы делаем одно дело, ты — по своему, а я — по своему». Правительство Штатов снабжает свои частные армии амуницией — неограниченным количеством кэша, который печатает Федеральный резерв. Правительства многих стран мир тоже на подходе: Фед открыл им кредитные линии, и выручает по малейшему запросу. Ставки высоки: в грядущей открытой конфронтации тот, кто с нами, тот не против нас.

Европа — главный приз этого эпизода войны. Пока китайские армии далеко, европейская экономика, регулируемая большими данными Университета Джона Хопкинса о коронавирусе, накрывается медным тазом, терпит поражение от массиванного коронавирусного блицкрига. И этот блицкриг — дело частных армий FAGMA, они берут города, не разрушая их, а запуская внутрь инфовирус. Алгоритмы Гугла и Фейсбука пленных не берут, и управляют послушными экспертами, СМИ и блогерами, через которых деморализует и население, и руководство.

Собственные потери не имеют значения — все равно потом солдаты FAGMA придут, как американские GI в 1945-м, и будут скупать все, что выжило, за свежие доллары, американскую тушенку и капроновые чулки. Прежде всего скупят или разорят потенциальных конкурентов — айтишников, чтобы европейцы уже не могли подняться. Потом сформируют коллаборационистскую IT-администрацию для управления покоренными странами. И уже не возникнет вопросов о штрафах спасителям из FAGMA, что бы они не совершали. Коронавирус вместе со старостами из местных отменит злосчастную GDPR, сделав за американцев дело. А где-то рядом уже поджидает Билл Гейтс со своими алхимическими вакцинами. Он предлагает новой Ост-Индской компании свой метод прямого управления поведением через крипту.

Все это будет происходить, пока китайцы сидят в Китае — но этот момент не продлится вечно, поэтому американцы из

FAGMA должны действовать сейчас. FAGMAвирус преобразует по своему образу и подобию державы, вовлеченные в нынешнюю мировую войну. Они могут стать такими же вирусами и присоединиться к пулу, который будет вскрывать и захватывать все те организмы, которые оказывают сопротивление. При всей ожесточенности борьбы за выживание надо понимать, что борьба на глобальной арене и внутри каждого национального организма идет за контроль над одной и той же социально-экономической системой. Не случайно стороны выбирают одно и то же оружие — новые технологии. То есть видимые противоречия скрывают реальное единство — единство в установлении по всему миру неизменной системы технологически закрепленного неравенства и контроля.

АЛГОРИТМ КОРОНАВИРУСА: МОЖЕТ ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ УПРАВЛЯТЬ НЫНЕШНИМ КРИЗИСОМ?

Наблюдая за разгоревшейся торгово-информационной войной между США и Китаем, приходит в голову мысль о том, что в финале партитуры — уничтожение «старой» глобальной экономики и выход Цифрового Левиафана из тени как спасителя человечества. Может ли странным оркестром, где свои места за инструментами заняли Трамп, Байден, председатель Си, Меркель, Камала Харрис, Билл Гейтс, другие политики, экономисты, эксперты, журналисты, дирижировать какая-то сущность, о воздействии которой пока мы можем судить лишь по косвенным признакам? И кому был бы выгоден такой сумасшедший концерт?

Начнем с ответа на второй вопрос. Бенефициаром нынешнего карантинного капитализма и будущей экономики перманентной катастрофы являются крупные мировые технологические гиганты, плюс Федеральный резерв США. Каким-то странным образом перед самой бедой у «Гугла», «Амазона», «Фейсбука» и «Майкрософта» образовались большие запасы кэша, они смогут скупить и скупают за бесценок все, что посчитают нужным. Деньги без процентов им дает ФРС, попросту включив печатный станок. На пике коронавирусной истерии капитализация «Амазона» резко выросла, корпорация нанимает десятки тысяч людей из тех миллионов, что каждую неделю теряют работу. Эксперты предсказывают «Амазону» по итогам большой коронавирусной распродажи 10 процентов американского рынка ритейла, но если случится другая катастрофа или серия катастроф, вполне возможно, детище Джеффа Безоса останется единственным игроком. У других компаний «большой цифры» похожие истории: локальные потери компенсируются созданием олигополий на ключевых рынках. Кризис переживут лишь цифровые в основе бизнесы, которые, как я писал выше, будут вынуждены платить монополистам ренту просто за возможность существовать.

Но дело не ограничивается скупкой резко подешевевших акций. Уже сегодня вырисовываются контуры дивного нового мира, в котором «большая цифра» в союзе — до поры до времени — с государствами — открыто управляет

человеческими массами. Только цифровые корпорации, ставшие государственными и государствами, ставшие цифровыми корпорациями, смогут оперативно реагировать на критические или даже катастрофические взлеты и падения «прекрасного цифрового грядущего», — изменения, не подчиняющиеся привычным алгоритмам. Может ли режиссером нынешней постановки быть искусственный интеллект? Возможно ли это, ведь ученые говорят, что на пути к созданию так называемого «общего искусственного интеллекта» еще очень много препятствий, некоторые из которых кажутся непреодолимыми!

Это так — но для ведения «Большой игры», итогом которой может быть глобальный экономический крах, вполне достаточно сетевого взаимодействия «узких ИИ», каждый из которых выполняет свою задачу, в то время как сеть работает по принципу роя — пока что не без участия человека или людей, которые принимают решения. Или считают, что они принимают решения.

ВСЕ В РОЙ

Как это может быть? Прежде всего, надо понимать, что уже сегодня в распоряжении правительств и корпораций находятся высокоэффективные и прекрасно масштабируемые системы с ИИ, которые способны не просто отслеживать, но и управлять поведением как отдельных людей, так и сообществ, наций и их лидеров. Еще в 2013 году Эдвард Сноуден раскрыл многое о не только о методах слежки NSA (Агентства национальной безопасности США) за миллионами людей в США и во всем мире, но и о том, как эта информация обрабатывается и используется. Любопытно, что именно с того момента прекратились публикации о гигантских центрах, вооруженных суперкомпьютерами, которые, используя реальные цифровые профили сотен миллионов людей, по заданию правительства моделируют разные социальные и экономические ситуации. Например, такая система потенциально может смоделировать объявление в стране военного положения, с пошаговыми инструкциями другим системам и органам о том, что надо делать в какой момент времени. Со времен разоблачений Сноудена технологии совершили большой скачок, и последние публикации дают понять, что существуют сети виртуальных агентов — ИИ-систем — которые работают в реальном мире, направляя действия «реальных агентов» — то есть людей, сообществ, организаций.

Человек — это статичная и очень уязвимая система, подверженная усиливающимся атакам все более цепких алгоритмов ИИ. Их цель — составить самое полное представление о нас, о том, что мы делаем, что чувствуем, во что верим, и почему действуем так, а не иначе. Алгоритмы установили практически полный контроль над информацией, которую мы потребляем, а корпорации и правительства вкладывают в новые разработки десятки миллиардов долларов с тем, чтобы «стать лидерами» в отрасли, чьим главным бизнесом сегодня становится управление человеческим поведением. Это поведение рассматривается сегодня в терминах бихевиоризма и «роевого мышления».

Ключевую роль в управлении поведением и создании «человеческого роя» принадлежит соцсетям, особенно компании Фейсбук, которой принадлежат также приложения «Вотсап» и «Инстаграм». Недавно консорциум под руководством ФБ заявил и о возобновлении подготовки к запуску собственной цифровой валюты Libra, предназначенной прежде всего для самых слабых стран мира. Именно по этим странам, скорей всего, придется главный удар если не самой эпидемии коронавируса, то сопутствующего экономического кризиса. Очень важны для управления и алгоритмы «Гугла» — ведь это не только ведущий в мире поисковик «всеобщего», но и ИИ-системы геолокации, коммуникации и дешевой мобильной связи через систему «андроид».

Как работает управление массами? Прежде всего через сами соцсети, но и опосредованно, через СМИ, включая популярных блогеров, у которых своя важная роль в выработке роевого мышления. СМИ и блогеры чутко реагируют на любое изменение алгоритмов «Фейсбука» и «Гугла», стараясь под них подстроиться. Так алгоритм задает даже самым «независимым» из них повестку, поощряет показами «правильный» контент, убирает с глаз долой «неправильный», а порой и просто отправляет источник неудобной информации в «бан». Создатель алгоритма «Ютьюб» Кри-стос Гудроу в интервью одному из научных подкастов проговорился, рассказав, как система анализирует содержание видеоматериалов. Алгоритм добавляет просмотров тем из них, что соответствуют общепринятым версиям и «задвигает» тот контент, который не соответствует.

Западный политик любого уровня, идущий наперекор роевому консенсусу, рискует проиграть выборы, потерять свое положение и статус. Исключения типа Трампа лишь подтверждают правило: он и его друзья-миллиардеры закачивают в его кампании колоссальные средства, но все равно, чтобы донести свои послания, он действует через голову прессы, борется с ней не на жизнь, а на смерть, при всех своих ресурсах часто проигрывая и уступая.

Казалось бы, национальные лидеры менее всего подвержены воздействию роевого мышления и влиянию алгоритмов. Ведь у них есть собственные аналитические центры, за которыми стоят серьезные ученые, каждый день им на стол кладутся записки и отчеты с глубоким анализом данных от разведывательных агентств. Например, в 2008 году Совет национальной разведки США предупредил президента о вероятности возникновения крайне заразной новой болезни, похожей на Ко вид-19, которая возникнет в Азии и приведет к мировой пандемии. О серьезности этой угрозы директора Национальной разведки сообщали на своих брифингах неоднократно, а в 2017 году ДНР Дэн Коутс добавил к этому, что пандемия будет стоить мировой экономике 5 % ВВП. В 2019 году он повторил предупреждение, обратив особое внимание на экономические риски.

Предупрежден — значит, вооружен? Не факт, ибо лидеры склонны подозревать — порой небезосновательно — что у авторов подобных записок есть собственная тайная повестка — например, работа на «Глубинное государство». С другой стороны, лидеры склонны доверять якобы «объективным» данным «бигдаты» и аналитике, полученной на

этой основе. Кроме того, на решения лидеров и на мнения ключевых советников, которым они доверяют, можно воздействовать, используя приемы психологической манипуляции. На каждого из них даже по открытым данным можно составить цифровой профиль, который позволит алгоритму «подтолкнуть» их в «правильном» направлении. Не стоит забывать разоблачения Эдварда Сноудена, который показал, как работает система Агентства Национальной безопасности США PRISM, отслеживающая поведение в том числе мировых лидеров, например, таких верных союзников США, как канцлер Германии Ангела Меркель.

АЛХИМИЯ «БИГДАТЫ»

Однако возможности управления поведением, присущие системам с искусственным интеллектом, не ограничиваются умным точечным воздействием на лидеров и созданием давления роевого мышления, возрастающего до тех пор, пока не будет продавлено нужное решение. В самом способе обработки сырых данных сейчас скрываются большие возможности для манипуляций. Самая главная из них заключается в том, что результаты моделирования, на основании которых принимаются важные решения, стали принципиально непроверяемы. Присказка Рейгана больше не действует — моделям можно только верить.

Дело в фундаментальном изменении подхода к истине в эпоху «постправды» и «бигдаты» — можно показать, что эти понятия связаны. Наука после Галилея основывалась на тех или иных законах, выраженных четкими формулами, идеями и концепциями, от которых кругами расходились теории. Декарт считал интуицию, вдохновенное проникновение в суть вещей, самым верным методом познания, и главные концепции науки, какой мы ее знаем, были прозрениями великих ученых — Галилея, Ньютона, Эйнштейна, Шредингера и других.

Все они вначале строили свои теории в голове, и часто для опытного подтверждения их выводов требовались годы. Как показал философ Карл Поппер, теория, выдвигаемая ученым, обязательно должна предсказывать действительность таким образом, что можно проверить, правдиво или ложно это предсказание. Например, теория относительности Эйнштейна, придуманная на листке бумаги, получила окончательное признание лишь спустя 15 лет после опубликования, когда Артур Эддингтон сумел создать нужные инструменты и измерить предсказанное ей воздействие на орбиту Меркурия.

Есть еще один важный аспект познания, связанный с эпохой Просвещения: а именно, что ценность рациональных аргументов не зависит от того, кто их выдвигает. Так, идеи Циолковского не были отвергнуты только потому, что он был простым провинциальным учителем и у него не было официального статуса в науке: их правильность была доказана опытом, полетом первого человека в космос.

Торжество «бигдаты», которое опирается на все возрастающую мощь компьютеров, вернуло науку к догалилеевским временам. Нам говорят, что теорий больше не нужно: достаточно заложить в стиральную вычислительную машину данные, нажать на кнопку пуска, и опля! — через час того или иного вида стирки мы получаем эффективный предсказательный результат. Концепции выведут нейросети внутри машины, но вы не сможете их проверить, ибо искусственная нейросеть — это принципиальный черный ящик. Таким образом, остается только собрать как можно больше «бигдаты», которая мистическим образом приведет к успеху.

По инерции этот подход продолжает называться «наукой», но он радикально отличается от просвещенческой науки. Более того, «когнитивные ученые» и «нейрочеловеки», сделавшие «бигдату» научным мейнстримом, высмеивают само право ученых выдвигать концепции и упраздняют все, что не укладывается в прокрустово ложе их метода. Например, язык как основу мышления, сознание, свободу воли — те основы, на которых стояла наука и философия начиная с Нового Времени. Отмечу, что эти люди называют себя сторонниками демократии и прогресса. Находясь в меньшинстве, они призывают к толерантности, но придя к власти, становятся нетерпимыми и преследуют все, что выходит за рамки их представлений..

На «бигдату», обработанную нейросетями для производства предсказаний, и опираются сегодня при принятии решений институты, включая высшую власть — примерно как император Рудольф II опирался на алхимиков. Любопытно, что у каждого лидера сегодня свои алхимики и свои волшебные нейросети — ибо утратил смысл и просвещенческий тезис о проверяемости и самостоятельной ценности любой теории. Нет теорий — нет и ценности, а значит, все зависит от того, насколько тот или иной алхимик умеет убедить владыку в том, что именно его магия работает.

Итак, с одной стороны на столе у лидера — мистические предсказания, с другой — прессинг общественного мнения, которым управляют соцсети. В то же время он сам (или она сама) является объектом профайлинга и манипуляции.

Можно ли объединить все эти системы в одну, которая бы направляла мировых лидеров, подталкивая их к нужным решениям? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно обратиться к вооруженным ИИ алгоритмам, которые сегодня полностью управляют финансовыми рынками.

КИБОРГ-ФИНАНСЫ И ТЕРРОР

Искусственные нейросети для «киборг-финансов» сегодня управляют покупкой и продажей активов на бирже, так что брокерам-людям там просто нечего делать. Так, по мнению экономиста Сергея Глазьева, обрушение рубля в марте 2020 года было значительно усилено стадами торговых ботов, настроенных на автоматическую привязку курса рубля к цене нефти. На финансовых рынках работают самые продвинутые ИИ-системы, которые генерируют и пишут пресс-релизы и статьи о финансовых результатах компаний, мгновенно распространяя их по сети.

Истолкование новостей также уже давно перешло от людей к машинам. ИИ анализирует воздействие на рынок публичных заявлений ньюсмейкеров, реакцию населения, и моделирует потенциальный эффект тех или иных

действий, покупая, если надо, цифровые профили людей, на кого нужно оказать воздействие. Фейсбук в 2010-е годы создал «социальный граф» — то есть глобальную карту пользователей и их взаимоотношений — это крупнейшая база данных в мире. Может ли такая система распространять мемы — например «китайский вирус» — и вызывать эмоциональное заражение — вопрос риторический.

Может ли подобная система или сеть ИИ-агентов создать в глобальном масштабе ситуацию выбора между экономической катастрофой и массовым мором? Убеждая лидеров при помощи моделей «бигдаты», что есть алгоритм, который позволит сохранить социальную систему в отдельно взятой стране, при этом вот вам набор инструментов для регулирования числа жертв, вот вам поведенческие модели реакции на эпидемию? Ничего невозможного в этом нет.

Разделавшись с наследием Просвещения, мы получили сознательную асимметрию знаний, при которой те, кто решает, определяют меру знания и возможности остальных, и, в свою очередь, легко управляются теми, кто решает. Таким образом, у лидера, даже если его увезли, как Бориса Джонсона, в больницу с коронавирусом, создается иллюзия, что он управляет ситуацией, что все под контролем. Но на деле контроль может находиться у алгоритма, который обладает разумом меньшим, чем интеллект дождевого червя.

Алгоритм, запущенный людьми, просчитавшими свою собственную выгоду, которая заключается, например, в тотальном разрушении экономики как она есть и ее полной замене «экономикой цифры». Или, например, в создании пандемии страха, в нарастании террора, за которым последует умиротворение на принципах цифрового тоталитаризма. Процесс, однако, может выйти из-под контроля тех, кто его запустил — как это бывало уже не раз в истории человечества.

НАБЛЮДАТЕЛИ И НАБЛЮДАЕМЫЕ

Сквозь марево катастроф и начавшейся мировой войны за «новую нефть» человеческого опыта и поведения проглядываются контуры нового мирового устройства. Хотя оно было создано и организуется глобальным финансовым капиталом, черты этого порядка далеки от капитализма. Они куда более архаичны и ближе даже не к феодализму, а, скорее, к рабовладельческому строю в его самом жестком изводе.

Эти черты можно почувствовать и сегодня. Архаика проступает сквозь современность, как если бы самая продвинутая компьютерная игра с полным ощущением реальности вдруг превращалась бы в примитивный «тетрис», набор ярких квадратиков с невысоким разрешением. Квадратики бы двигались под примитивную музыку из нескольких нот, и вдруг красные квадратик превращались бы в зарево пожаров, черные — в сожженные машины, и перед нами разворачивалась бы картина погрома в прекрасном разрешении.

Но только некоторые из людей — наблюдатели — видят эту визуально безупречную цветную картинку с той стороны стекла, где они находятся в полнейшей безопасности и даже получают некоторое удовольствие от красочного зрелища. Другие, наблюдаемые — берут в руки дубинки или камни, на них маски, они истошно что-то кричат, закрываются щитами от бульжников, бегут по улицам, залитые кровью.

Пытаясь найти в происходящем логику и понять, зачем этот хаос вообще нужен элитам, какова их мотивация, мы увидим, что бывшая планета людей все больше делится на наблюдателей и наблюдаемых. Это разделение больше, чем старое доброе классовое, ибо наблюдатели, пожалуй, считают себя отдельным биологическим видом, строителями постчеловечества или сверхчеловечества.

Наблюдатели изъяты из всех записей и зашифрованы, невидимые и неслышимые, защищенные каменными оградками, охраной и системами видеонаблюдения, они могут видеть наблюдаемых как на ладони, и, посылая распоряжения на расстоянии, дергать их за ниточки.

Наблюдаемые полностью обнажены, любое движение их тел и душ на виду, они полностью прозрачны, они живут в стеклянных домах стеклянных городов под всевидящим оком и всеслышащим ухом, и даже ночью им не укрыться от инфракрасных лучей.

Разница между наблюдателями и наблюдаемыми и будет той винтовкой, в оптическом прицеле которой рождается новая власть.

Вероятно, вы скажете, что мир еще не таков, что еще сохранились градации, что многие еще не принадлежат ни к наблюдателям, ни к наблюдаемым, что в целом, несмотря ни на что, жить еще терпимо, и есть шанс, что весь тот «тетрис», который мы видим в последние месяцы, когда-нибудь вернет привычную картинку общества потребления.

ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ И БЕССИЛИЕ ПОЛИТИКОВ

Но давайте посмотрим реальности в глаза. Тогда мы увидим, что в мире одно за другим происходят беспрецедентные события — «черные лебеди», по выражению философа и биржевика Нассима Талеба. Очевидно и то, что элиты «не могут управлять по-старому», как выражался другой философ — Владимир Ильич Ленин. Это является предвестником глубоких перемен — которые, на мой взгляд, не предрешены, но очень вероятны.

Все больше «черных лебедей» дают Соединенные Штаты. В этой беспрецедентности событий проявляется слом цивилизационной матрицы. На пути к самоуничтожению поздний капитализм методично убирал все барьеры и фильтры, все тщательно выстроенное за века регулирование и социальные нормы — всё то, что могло бы оградить эту сложнейшую цивилизационную систему от хаоса и слома. Барьеры убирались прежде всего из соображений эффективности капитала, чтобы обеспечить бесшовность глобального рынка и его святой непрерывный рост.

Казалось, для США это работает только на пользу — ведь снятие всех и всяческих ограничений позволяло американским корпорациям беспрепятственно проникать повсюду, устанавливая свои краткосрочные правила с

тем, чтобы снять сливки прибыли и уйти, оставив после себя хоть выжженную землю. «После нас хоть потоп» — вот этот потоп и случился.

Наружу вырвался загнанный глубоко конфликт, напряжение, которое подспудно всегда присутствовало в американской жизни: лишь только люди несведущие могли принимать за чистую монету благостную черно-белую гармонию Голливуда. Расовые бунты в американских городах беспрецедентны не только по своему масштабу, но и по тому, что они показывают паралич системы управления страной, достигшей технического превосходства. Против мародеров бессильны сверхзвуковые баллистические ракеты, роботы-танки не способны поднять запуганных белых с колен, а самолеты-невидимки не могут защитить Белый Дом от толп протестующих.

Гражданская война пришла на улицы американских городов, застигнув власти врасплох, но надо полагать, что проблему умирающей республики будут в конце концов решать имперскими методами.

Еще одним событием без прецедента, показывающим слом матрицы, стало объявление президентом Трампом войны соцсетям и онлайн-платформам. Повод к этому тоже носит расовый подтекст: Трамп написал твит против дистанционного голосования, подразумевая, что оно будет использовано для выборов махинаций со стороны преимущественно чернокожих, которые в подавляющем большинстве голосуют за демократов. Трамп не писал об этом прямо, потому что расовая тема в США глубоко табуирована, но каждый американец понимает, что именно так нужно истолковывать его слова.

В его «Указе о предотвращении цензуры онлайн» от 28 мая говорится: «Twitter, Facebook, Instagram, и YouTube приобрели неслыханную, если не сказать беспрецедентную власть над тем, как мы интерпретируем события, власть заниматься цензурой, стирать информацию или заставлять ее исчезнуть, и контролировать то, что люди видят или не видят. Как президент, я дал ясно понять о своей приверженности свободным и открытым дебатам в интернете. Такие дебаты одинаково важны и онлайн, и в наших университетах, и в местах наших городских собраний, и в наших домах. Они имеют жизненно важное значение для существования нашей демократии. Онлайн-платформы занимаются селективной цензурой, которая причиняет вред нашей национальной повестке дня».

Здесь есть признание того, что Фейсбук, Гугл, Твиттер поставили себя над обществом и государством. Воспользовавшись снятием барьеров, они сначала захватили и приватизировали киберпространство, потом распространили свою власть на настоящее человеческого опыта, а теперь через поведенческие фьючерсы определяют будущее.

В своем указе Трамп провозгласил целый ряд мер против онлайн-платформ, например, пересмотр государственного финансирования и подготовке исков по жалобам пользователей, которые поступают в адрес Федерального агентства по коммуникациям, ведающего лицензиями — а этих жалоб уже 16 тысяч. Однако эффект этих мер будет ограниченным, ведь сами эти компании, не признающие никаких границ, чуть что, прибегают к защите Первой Поправки, которая гарантирует свободу слова. Власть уплывает из рук политиков, которые ничего не могут сделать традиционными способами.

В России, казалось бы, власть крепка настолько, что может баловаться абсурдными распоряжениями наподобие тех, что регулярно производит мэр Москвы. Он, правда, не объявил войну Яндексу или тому же Фейсбуку, а провозгласил график гуляний, в стиле Салтыкова-Щедрина, с выходом домов по расписанию, охраной парков от людей, запретами пенсионерам садиться на скамейки и так далее. Народ отреагировал с юмором и правила эти практически не соблюдает, что показывает: и у нас власть не может управлять по-старому.

Власть в России привыкла быть посредником между корпорациями, которым нужно получить и вывезти прибыль, и народом, от которого требуется, чтобы он не мешал. Но когда прибыль от выкачивания природных ресурсов обнуляется, корпорации переключились на «новую нефть» — самих людей, поэтому традиционные политические схемы перестают работать.

Корпорации активно захватывают человеческое пространство, а российские лидеры напоминают вождей ацтеков и майя, застигнутых врасплох высадкой Колумба. Император ацтеков Монтесума пытался золотом откупиться от конкистадоров, но чем больше он им давал золота, тем больше они хотели получить. Не вызывает ли это ассоциации с груженными золотом российскими самолетами, которые в последнее время зачастили в Лондон?

Интересно, что индейцы попросту не увидели, проглядели первую высадку конкистадоров — потому что не привыкли ни к зрелищу каравелл, ни к одеждам пришельцев. Происходящее было беспрецедентно, но ацтекская знать, увидев технологическое превосходство испанцев, попыталась подружиться с ними. До какого-то момента испанцы подыгрывали своим «союзникам», но это им было нужно лишь пока они не освоились и почувствовали себя достаточно сильными для тотального захвата. Используя недовольство подвластных ацтекам народов, конкистадоры разгромили империю и обратили ее жителей, включая знать, в рабов.

Так и наша знать: пытается «навести мосты» с новыми конкистадорами, пытается апеллировать к ценностям цивилизации, не понимая одного: для тех, кто высадился на наши берега со своими цифровыми платформами, мы, включая саму знать, — новая нефть.

Но, пожалуй, новые конкистадоры будут поступать с покоренными народами еще безжалостней. Ведь испанцы все-таки считали, что у индейцев есть душа, и, разрушая языческие капища, они сразу же строили взамен христианские храмы. Для технократов-владельцев платформ, нет таких понятий, как «душа», «человеческое существо», «свобода воли» или «человеческое сознание». В лучшем случае они считают эти понятия некими нейронными иллюзиями.

Люди для них — это животные, понимаемые как биологические машины, или попросту белковые компьютеры. Все они разделяют принципы американского психолога Б. Ф. Скиннера, основателя бихевиоризма, который считал, что

человеческое поведение полностью определяется импульсами, получаемыми извне. Во время второй мировой войны Скиннер обучил стаю голубей по команде взлетать и выполнять шпионские задания для военных. Поставив множество опытов на животных, он решил, что люди поддаются дрессировке не хуже.

В его теории поведение людей делится на респондентное и оперантное — в первом случае человек реагирует на импульс непосредственно, во втором — импульсы как бы откладываются в памяти, и по достижении какого-то порога такое накопление вызывает реакцию. Скиннер был человеколюбом, подписантом Гуманистического манифеста, и считал, что решить проблемы общества можно тем же методом, каким сейчас обучают нейросети — обучением с подкреплением. Когда человек делает то, что от него хотят, он получает пряник, всё делается без насилия. Этот принцип управления называется еще инструментальным кондиционированием — слово «кондиционирование» используется в этом значении Олдосом Хаксли в его повести «Прекрасный новый мир».

Желающие ознакомиться с подходами технократов могут зайти на официальный сайт московского правительства и посмотреть программу «Умный город 2030». В качестве одного из главных авторитетов там называется американский трансгуманист и продолжатель дела Скиннера Рэй Курцвейл, пророчествующий близкое наступление бессмертия и переход человечества под управление «сверхразума».

Есть у общественных технократов еще одна икона — американский философ Дэниэл Деннет, который считает, что «компьютеры схожи с сознанием, как ни один из прежде созданных артефактов», и что «человеческая мысль и действие являются свойствами организованной материи, как силы притяжения и отталкивания, электрический заряд и так далее».

Деннет считает, что никакой свободы воли не существует, как нет, собственно, и сознания. «Вы не властны над тем, что в вас происходит; вы властны лишь над тем, что, как кажется, в вас происходит, а мы (нейроученые), даем вам полную, диктаторскую власть над рассказом о том, как вам это представляется, о том, что это такое — быть вами», пишет этот американский ученый в своей книге «Объясненное сознание». Его книги, кстати, издаются в России самыми большими тиражами и продвигаются ведущими издательствами. Неудивительно, что эти взгляды получили широкое распространение как в российской научной, так и в инженерно-технической среде, не говоря уже о среде банкиров, которые и до всякого Деннета считали, что человек — это овца, которую нужно стричь. Интересно, что на деловом завтраке Сбербанка в Давосе в январе 2020 года, куда Герман Греф пригласил ведущих финансистов мира, перед собравшимися выступил Андрей Курпатов, глава лаборатории нейронаук и поведения человека Сбербанка. Курпатов не раз ссылался на тезисы Деннета, называя его «великим философом».

РЕАЛЬНОСТЬ ИЗ НИОТКУДА

Технокорпорации сегодня захватывают власть, используя декларации. Декларация, как пишет американский философ сознания Джон Сёрль, — это такой вид выражения, при котором факты берутся и провозглашаются ниоткуда, создавая новую реальность там, где ее не было. Именно через декларацию Колумб застал испанцами Америку, провозгласив в письме королеве Изабелле: «нам остается основать испанское присутствие и приказать им (индейцам) выполнять вашу волю. Они ваши, готовые исполнять ваши приказы и работать, делать все, что необходимо, строить город, готовы научиться нашим обычаям и принять наши правила поведения». Индейцам того времени города, которые строили испанцы, наверняка казались «умными».

Часто декларации ведут к войнам и революциям. Например, «Декларация прав человека и гражданина» привела к Великой французской революции и череде войн, сотрясавшей Европу не одно десятилетие, а «Декларация независимости» — к войне за независимость США. Слова «мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» обозначили новую реальность и легли в основу идеологии Соединенных Штатов как государства.

В российской истории также был подобный момент. Беспрецедентная «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» стала нашей «Декларацией независимости», и неудивительно, что Учредительное собрание отказалось ее рассматривать, предлагая народу жить в старой реальности. Но коллективная воля распорядилась иначе, и декларация привела к роспуску Учредительного собрания, к гражданской войне и созданию новой реальности.

Еще одна важная декларация — уже упомянутая «Декларация независимости киберпространства», провозглашенная американским поэтом и активистом Джоном Перри Барлоу в Давосе в 1996 году. В ней так говорилось о новой реальности интернета: «Мы создаем мир, куда все могут войти без привилегий и предрассудков, вызванных расой, экономической властью, военной силой или местом рождения». Интернет увиделся Барлоу и другим как пространство абсолютной свободы, освобожденное от экономического диктата капитализма, но жизнь распорядилась иначе. Реальность интернета Барлоу просуществовала несколько лет, а уже с начала 2000-х финансисты сумели найти способ монетизировать киберпространство, начав продажу рекламодателям поведенческих продуктов.

11 января 2010 года в Сан-Франциско основатель Фейсбука Марк Цукерберг провозгласил свою декларацию. Дело было на вручении Crunchie Awards, наград для стартапов Силиконовой долины. Марк Цукерберг объявил, что отныне персональная информация пользователей будет доступна всем. «Мы решили, что это теперь становится социальной нормой, — заявил он. — Людям вполне комфортно не просто делиться информацией разного рода и в большем количестве, но и делать это более открыто и с большим количеством людей».

Цукерберг угадал запросы нового поколения людей и, действительно, сумел через свою декларацию навязать

обществу новые нормы. Тогда ему было 25 лет, а у Фейсбука было 350 млн подписчиков. Установки сотен миллионов людей были изменены...

Сейчас основателю Фейсбука 35 лет и у его сети 2,5 миллиарда подписчиков, а в 2019 году он сделал следующую декларацию: «Будущее становится частным», «Future is private». Цукерберг сказал это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть свою заботу о приватности, но с приватностью пользователей сети дела с тех пор лишь ухудшились. Между тем слово private в английском языке означает также «частное», «частная собственность».

Очевидно, Цукерберг не видит в будущем «общественного», то есть «общественное» будет присоединено к «частному», будет приватизировано, причем приватизировано именно такими корпорациями, как Фейсбук. Таким образом вместе с «общественным», «общим» они приватизируют и само будущее, самого человека.

ДЕКЛАРАЦИЯ НОВЫХ КОНКИСТАДОРОВ

Мы напоминаем индейцев в нашей неспособности ухватить то, что действительно происходит на берегу, куда причалили прекрасные технологические каравеллы, и откуда на берег высаживаются странные люди в необычных нарядах.

Американская исследовательница Шошана Зубофф так сформулировала декларацию современных конкистадоров, которые уже сегодня начали качать «новую нефть» человеческого поведения:

«Мы провозглашаем, что человеческий опыт — это сырье, свободного для того, чтобы его взять. На основе этого требования мы можем игнорировать соображения прав личности, интересов, осознания или понимания.

На базисе этого требования мы провозглашаем наше право брать опыт любой личности для перевода в поведенческие данные.

Это наше право, основанное на требовании бесплатного сырья, дает нам право владеть поведенческими данными, полученными из человеческого опыта.

Наше право брать и владеть данными означает и право знать, что они открывают, все что за ними стоит.

Наше право брать, владеть и знать подразумевает право решать, как мы используем это знание.

Наше право брать, владеть и знать подразумевает наше право предпринимать усилия, чтобы защищать наше право владеть, знать и решать».

Безумные на первый взгляд приказы, которые издают наши касики в надежде выслужиться у новых конкистадоров, не так уж и безумны — они готовят почву для открытого провозглашения новой декларации. Ведь людям надо дать понять, что они автоматы, биологические машины, белковые роботы, которые должны выполнять любые приказы.

Они — наблюдаемые. Парки закрыты в том числе и потому, что это общественное пространство, а ведь больше не должно быть места общественному, объединениям людей, ведь, как декларировал Цукерберг, «будущее — частное».

Государству в новом мире есть место постольку, поскольку оно способно быть инструментом социального разделения и отчуждения, способно помогать заменять общественное частным.

В политической жизни создается атмосфера цирка и абсурда, с тем, чтобы отвратить от нее людей, показать, что она не имеет значения. Реальную экономику подгоняют под алгоритмические прогнозы, под предсказания, на которые сделали свои ставки финансисты — как в случае с коронавирусом, например. В сфере прав человека происходит аутсорсинг этих прав людей частным структурам — тем же соцсетям или онлайн-платформам, которым государство по факту передало, например, права цензуры. Это делается для приватизации всей этой общественной по происхождению сферы, с последующим придушением, а потом и ликвидацией этих прав. И повсюду уже происходит управление восприятием — то есть контроль над тем, как именно люди воспринимают реальность, с тем, чтобы создать у них впечатление незыблемости существующего порядка вещей в мире, который на самом деле рушится на глазах.

УДАЛЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Об общественном, об обществе, в общепринятом понимании, можно говорить только если мы признаем свободу воли участников процесса. В обществе свободные агенты конфликтуют или сотрудничают, и в итоге вынуждены договариваться. Отменив свободу воли и перейдя к полному управлению стадом, через бихевиористский контроль над поведением в духе Скиннера мы приходим к ликвидации конфликтов и даже почвы для этих конфликтов. Следовательно, общественное исчезает, заменяемое роевыми принципами, или теми принципами, которыми Скиннер управлял стаей голубей, через обучение с подкреплением побуждая стаю лететь порой на верную смерть ради решения задач, известных только заказчикам Скиннера.

Людей уже сейчас в экспериментах и исследованиях, проводимых частными соцсетями и онлайн-платформами, приравнивают, по сути, к биороботам, к киборгам. В ситуации, когда за объектами управления не признается даже элементарных человеческих прав, можно говорить о современном рабовладении. Об этом возвращении в архаику следует помнить, когда вам будут рассказывать о том, что технологии несут с собой прогресс.

Рабовладение возникло когда-то в результате распада первобытнообщинного общества. Энгельс так описывал возникновение рабовладельческого строя: «До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобретали известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом... Рабство было открыто. Оно вскоре сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины...»

Сейчас генезис рабства другой: новое рабовладение возникает в ходе распада глобального потребительского

общества и ликвидации «общества благости». Есть и отличия, например, в Древнем Риме за пролетарием все же признавались некоторые права личности, а при новом порядке пролетарий — это раб алгоритмов. Если он будет сочтен пригодным к труду, он будет делать работу по заданиям, примерно как нейросеть выполняет свою работу, следуя самым современным методам. Творческий труд человека становится не нужен, как, впрочем, и касики, индейские вожди, то есть бюрократия. Алгоритмы, искусственный интеллект справятся с этой работой лучше.

Для нового рабства будет характерно несколько черт, которые стоило бы рассмотреть. Во-первых, раб, во всяком случае в первое время, будет являться собственностью не одного хозяина, а коллективного владельца. В древности общины — даже города, храмы, государства имели своих рабов. Сегодня таким рабовладельцем сможет быть юридическое лицо типа Сбербанк или крупной технологической корпорации. Эти лица, в свою очередь, могут иметь частных акционеров-людей. В любом случае, раб распознается по тому принципу, что он является одушевлённым орудием труда своего хозяина и результаты его труда, как и он сам, являются собственностью хозяина.

Следующая черта рабства — та, что раб не имеет собственности на средства производства. Еще важно отметить, что капитализм в случае рабства отменяется: раб подвергается эксплуатации путём внеэкономического принуждения. Именно для этого и будут служить системы управления людьми при помощи искусственного интеллекта.

Нужны ли рабы уже сейчас, есть ли в них экономическая необходимость? Очевидно, да, ибо нейросетям требуются большое количество учителей, помогающих им определить, кто на картинке, кошка или собака, кликеров, чья функция примерно совпадает с функцией транзистора.

Многие мыслители — и Конфуций, и Аристотель, и Цицерон, считали рабство необходимым институтом, поскольку, как они полагали, есть категории людей, самой природой предназначенных к рабской зависимости и неспособных к умственному труду. Примерно такое же отношение можно встретить у Даниэля Деннета, Рэя Курцвейла и современных аналитических философов.

В мире новых конкистадоров рабы могут выполнять и определенные когнитивные функции. Например, можно представить себе ферму рабов-читателей, которые будут читать книги, для получения из их мозга уже обработанной информации.

Источниками рабства в древних государствах были военнопленные, люди, рожденные рабами, а также свободные, попавшие в рабство за долги. В некоторых обществах последнее было главным способом получения новой рабской силы. В ситуации постоянных кризисов и катастроф именно этот способ видится главным источником обращения человека в рабство, а установка об отсутствии свободы воли позволит делать это алгоритмически.

Вопрос о том, все ли люди будут обращены в рабов, остается открытым, ибо некоторые люди — например, акционеры банков — в новом мире могут существовать на правах юридических лиц, то есть компьютерных систем. Некоторым древним рабам, особенно тем, кто занимался сельским трудом, предоставлялась некоторая доля самостоятельности и даже заинтересованности, что создавало у них стимул. Поэтому и в новой системе возможны такие элементы цифрового феодализма: например, какую-то степень свободы могут получить создатели компаний, творцы идей, чьи идеи потом передаются в работу искусственному интеллекту. Ибо в мире, где «будущее частное» человек не сможет сам стать по-настоящему независимым собственником.

ЧТО ТАКОЕ ЦИФРОВОЙ ЛЕВИАФАН

Спиноза в «Политическом трактате» писал о том, что каждый бывает своенравным, «sui juris» «постольку, поскольку может отразить всякое насилие, отомстить по своему желанию за нанесенный ему вред, и вообще поскольку может жить по своему усмотрению».

Запомним это «жить по своему усмотрению». В тот внезапный момент, когда мозг человека оказался взломан искусственным интеллектом и человеческие способности творить на пустом месте лучшие из миров обнулились, «жить по своему усмотрению» оказалось так же невозможно, как гулять в парке, пересекать полосатую ленточку на детской площадке, с изумлением смотреть на лица в сбитых на подбородок масках Шредингера, которые одновременно и есть, и их нет.

Философы, как люди простодушные и не лишённые аффектов, склонны высоко ценить свою способность суждения и даже выделять ее в отдельную категорию прекрасного. Никакая цена при этом не кажется им слишком высокой, в том числе и уклонение от ответа на вопрос, не слишком ли далеко они ушли в стремлении к соблюдению обрядов своей корпорации. Но происходящее сегодня вынуждает меня сомневаться в том, что мы можем говорить о таких понятиях как «суждение», «способность суждения», «точка зрения», «своеправность» или «своенравность».

Ритуалы конца эпохи суждения оказались довольно безвкусны, и сегодня вряд ли имеют какое-либо значение рассуждения Канта о прекрасности прекрасного. Казалось бы, прекрасное стало даже прекраснее прежнего прекрасного, поскольку частная заинтересованность в каком-либо обладании прекрасным обнулилась. Нет больше вожделения, страсти обладания пейзажем или впечатлением, и всего того, что не относится к ситуативным установкам, заданным цифровой платформой.

Голландская компания «Дросте» с 1900 года выпускает баночки с какао, на которых изображена монашенка, которая держит в руке баночку, на которой изображена монашенка, которая держит баночку, и так до бесконечности. Так каждая цифровая корпорация содержит в себе другую, «Гугл» содержит в себе «Фейсбук», внутри него сидит «Амазон», внутри этой шкатулки лежит «Майкрософт», тот содержит яйцо «Эппла», а в каждом

«Эпштейн» записана игла «Гугл». Круг замыкается, границы между различными цифровыми корпорациями прочертить невозможно, они пропадают в бесконечных изгибах и не имеют значения. Береговая полоса, кровеносная система, Цифровой Левиафан — если увеличить любой фрагмент такого фрактала, можно увидеть точно такой же паттерн, что и на изображении без увеличения.

Цифровая платформа едина, ей подчинилось человеческое общество, и жрецы стараются, чтобы она охватила всю Вселенную, или как минимум чтобы люди в это поверили. Цифровой Левиафан распространился повсюду как вирус, а вирус стал цифровой платформой, которой люди отдали свою свободу и волю. Теперь эта платформа-вирус разрешает суждение и распространяет его для коллективного усвоения роим подключенных.

Прежде была возможна власть одного человека над другим в том случае — как писал Спиноза — когда один держит другого связанным, «лишил его орудий для средств самозащиты или бегства, или настолько привязал к себе благодеяниями, что тот предпочитает его верховенство своему собственному и хочет жить лучше по его указке, чем по своей».

Такой человек назывался *alierius juris* — чужеправным — но он мог стать снова своенравным, *sui juris*, и вернуться тем самым в свое естественное состояние, стоило ему все же найти возможности бегства — в случае удержания тела, или усилием воли освободиться от страха либо надежды, которая держала в неволе его дух.

Не то сегодня, ибо цифровая платформа вируса не предусматривает никаких опций, кроме моментального реагирования роя на сегодняшние указания согласно последним графикам и опубликованным цифрам зараженных. Ежедневная публикация числа смертей доказывает смертельную серьезность новых указаний, ограничений, инструкций, запретов и регламентов наказаний, хотя для проведения необходимых ритуалов пребывания вируса в мире никакого доказывания серьезности и не нужно.

Дело в том, что доказывать ничто некому и незачем, ритуал обнуления своеправия оказался лишь рекуррентным воспроизводством самого себя. Мы могли бы сказать, что таким образом сам человек, разведенный с божественной мудростью, Софией, и исключенный из поля содержания и смыслов, превращается в декларацию собственной немощи.

Человек перестает быть и чужеправным, *alierius juris*, ибо чужеправие предусматривает, во-первых, власть другого человека, а во-вторых, потенциальную возможность возвращения в естественное состояние *sui juris*.

Особенно интересно эта новая эра Цифрового Левиафана как платформы для России, как окончательное преодоление раскола. Разрешился вечный русский вопрос о выборе между верой и правдой, о том, что первично, праведные дела или совокупность обрядов. Правда подключена к коллективной антенне и заземлена, вера превращена в график прогулок.

Как это произошло? Случилось так, что искусственный интеллект — давайте, наконец, произнесем это выражение — стал Цифровым Левиафаном, вирусно-цифровой платформой, окончательным государством, и окончательным решением.

Что такое искусственный интеллект в данном контексте? В России есть определение ИИ, закрепленное в федеральном законе 123 о верховной власти искусственного интеллекта в городе Москве, вскоре оно наверняка станет одной из поправок к конституции. Звучит оно так: ИИ — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Это понимание ИИ рекурсивно в том смысле, что определяет искусственный интеллект через самого себя, ведь ИИ, в этом понимании создается по образу и подобию человека. Если же мы забудем о рекурсии, то это понимание становится абсурдным в том смысле, что искусственный интеллект, понятие с большим полем неопределенности, определяется через человека, другое понятие с ещё большим полем неопределенности. Тысячи лет философы спорили и продолжают спорить о том, что такое человек, и едва ли сильно продвинулись в ответах на базовые вопросы. Чтобы определять машину человеком, нужно прежде его обнулить, что, впрочем, и было сделано жрецами под радостные восклицания толпы.

Хотя выход есть: можно человека сузить, сделать машиной, что, собственно, и происходит. Тогда, как может показаться на первый взгляд, поле неопределенности также сузится — хотя это весьма поверхностное представление. Так или иначе, именно это рекурсивное и абсурдное определение находят, заходя в Гугл или Яндекс, чиновники на круглых столах по искусственному интеллекту, поэтому оно является базовым. Безальтернативность данного определения, защищенного теперь и законом, делает его общепринятым для формируемого сегодня человеческого роя.

Есть альтернативные определения, одно из них дал Шейн Легг, один из основателей лаборатории Deep Mind. Это его лаборатория создала нейросеть, которая победила человека в игре го. По Леггу, интеллект — это способность агента ставить себе цели и решать разные задачи в меняющемся окружении. Если этот агент — человек, то интеллект естественный, а если машина — то искусственный. Все просто, и мы будем пользоваться этим пониманием ИИ.

Некоторые философы считают, что искусственный интеллект — это не только технологии, это еще и идеология, и даже скорее идеология, чем технология. Но и это определение является неполным. Искусственный интеллект вбирает в себя и идеологическую составляющую, но он включает в себя и многое другое.

Владимир Вернадский писал о ноосфере, но сегодня она оборачивается своей пугающей стороной, являя нам образ

Левиафана. Чтобы представить себе монстра, вобравшего в том числе и человеческий разум, нам придется открыть запретные парки собственных суждений.

Новый цифровой Левиафан надзирает за человеческим роем, ставшим частью вирусной цифровой платформы, при этом и рой, и вирус, и платформа для информационномедийного и экономического распространения вируса тоже являются частью Левиафана как Цифры. В мире, где человек стал частью окружающей среды, Umwelt, если пользоваться терминологией Хайдеггера, этот расширившийся Umwelt поглотил Dasein, сущее, вопрошающее о своем бытии. Так обнуленный Dasein исчезает из окружающего мира целиком и полностью, так что можно говорить о коллапсе Dasein при появлении цифрового Левиафана. Мы снова и снова возвращаемся к рекурсии, к Левиафану, надзирающему за самим собой.

Давайте осознаем, насколько наш цифровой Левиафан походит на библейского.

Левиафана мы видим в книге Иова, которая появилась после вавилонского пленения евреев. По мнению некоторых исследователей, евреи сохранили идентичность, противопоставив жестокого, неумолимого, но справедливого еврейского бога Элохим доброму и мудрому древнеиранскому богу Ахурамазде, чье имя в древнеиранском языке означало «владыка мысли», «Бог, устанавливающий мысль».

Левиафан в книге Иова — проявление еврейского Бога, его инструмент, моральный агент, созданный волей Элохим и действующий самостоятельно, но находящийся под полным Божьим контролем. Когда страдающий Иов начинает сомневаться в Элохим и даже пытается препираться с ним, тот показывает ему ужасающего Левиафана как свое орудие, существо, перед которым Иов не может устоять. Бог использует мощь монстра, чтобы показать, насколько Иов слаб и ничтожен, и никакое самое правильное поведение не может принести Иову избавление от страданий, пока он полностью не покорится воле Элохим. Элохим, а не благостного Ахурамазды.

Корень еврейского слова «левиафан» имеет значение «свитый» или «скученный» — и тут приходит на ум сгусток сверточных нейронных сетей — самой распространенной архитектуры для машинного обучения. Библия описывает Левиафана как грозного зверя, обладающего чудовищной свирепостью и великой силой. Левиафан не может быть привязан или приручен; на него страшно смотреть. При этом он имеет изящный вид, он идеально защищен чешуей, его спину невозможно пронзить, ни один меч, копье, дротик или стрела не могут победить его, он не может быть скован, потому что разрушает железо, как солому, он боронит землю своим брюхом, воду он заставляет бурлить и оставляет светящийся след. «Нет на земле подобного ему — создания, которому страх неведом».

Элохим приберегает Левиафана для контроля над человечеством, но в конце концов Левиафан будет побежден — очевидно, когда необходимость в таких созданиях отпадет. Причем в таких созданиях во множественном числе — левиафан не какое-то одно существо, а их многие в одном и одно во многих. Совершенно как искусственный интеллект. «В тот день поразит Господь мечом своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское».

У Томаса Гоббса Левиафан — это некая всемогущая и все-ведающая машина, это аппарат, инструмент, созданный людьми и стоящий над ними для того, чтобы помешать им перебить друг друга. Человек владеет искусством, при помощи которого Бог создал мир и управляет им, пишет Гоббс. И главное проявление этого искусства — умение создать «искусственное животное».

Так человек создает своего Левиафана, которому подчиняется. Вот что пишет Гоббс:

«В этом Левиафане верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа, должностные лица и другие представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награда и наказание (при помощи которых каждый сустав и член прикрепляются к сидищу верховной власти и побуждаются исполнить свои обязанности) представляют собой нервы, выполняющие такие же функции в естественном теле; благосостояние и богатство всех частных членов представляют собой его силу, salus populi, безопасность народа, — его занятие; советники, внушающие ему все, что необходимо знать, представляют собой память; справедливость и законы суть искусственный разум (reason) и воля; гражданский мир — здоровье, смута — болезнь, и гражданская война — смерть».

Гоббсовский Левиафан не равен ни народу, который населяет государство, ни королю, ни коллективному правителю. Важно, что этот аппарат — единый организм, он обладает своим собственным естеством, это независимый агент, вполне себе своенравный в Спинозовском понимании. Хотя цифровой Левиафан, как та монашенка с баночки какао, и обладает свойствами рекурсивности, он не подходит под размытое определение искусственного интеллекта, данное в федеральном законе. Однако он прекрасно вписывается и в определение Шейна Легга, и соответствует представлению о Левиафане Гоббса.

ЛЕВИАФАН КАК ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ

Сегодняшний мир разделился на наблюдателей и наблюдаемых. Наблюдаемые полностью обнажены, любое движение их тел и душ на виду, они полностью прозрачны, они живут в стеклянных домах стеклянных городов под всевидящим оком и всеслышащим ухом, и даже ночью им не укрыться от инфракрасных лучей. Наблюдатели вроде бы изъяты из всех записей и зашифрованы, они живут за темным стеклом, находятся по ту сторону одностороннего зеркала, где они, невидимые, могут видеть наблюдаемых.

Разница между наблюдателями и наблюдаемыми и есть та винтовка, в оптическом прицеле которой рождается власть. Но, разумеется, и за самими наблюдателями ведется наблюдение. В прошлом году сообщалось о том, как саудовский кронпринц взломал телефон главы Амазона Джеффа Безоса: совершенно понятно, что спецслужбы,

внутри государственные, личные охраны, ставшие частью цифровой Левиафана, следят за самими наблюдателями, которые применяют самые изощренные средства защиты — но никто не уйдет от взгляда Левиафана. Он и есть окончательный наблюдатель, причем тот наблюдатель, появление которого привело к коллапсу функции точки зрения, функции суждения, функции критического разума, а значит, и функции науки, функции демократии, функции современного государства в целом.

Сегодняшний цифровой Левиафан становится окончательным наблюдателем, наблюдателем за человеческими жизнями, наблюдателем над человеком как таковым. Оцифрованный Левиафан сторожит от человека ворота парка, осуществляя строгий надзор и исполнение наказаний. Когда парк, то есть рай, окончательно откроется, Левиафан предоставит Элохим всю информацию для впуска в парк достойных.

Вопрос о том, была ли демократия тоже своего рода Левиафаном, оставим открытым. Когда-то права человека — и свободы — были переданы под надзор институций, чтобы они смогли обеспечить исполнение принятых деклараций. Формальные права расширялись, при этом нарастала неопределенность системы, а экономическая система требовала все большего детерминизма, что стало в последние пару десятилетий экономическим императивом. Поздний капитализм для выживания нуждался в полной определенности, предсказанности будущего всех своих агентов, в том числе, все возрастающим образом, людей.

Я говорю о капитализме в прошлом времени, потому что, на мой взгляд, он закончился с созданием цифрового Левиафана, Левиафана — искусственного интеллекта, в тот момент, когда главным продуктом экономической системы стало производство и продажа фьючерсов на человеческое поведение, которые обесмысливают фундаментальное понятие контракта как договора свободных агентов. Это относится и к социальному контракту. Инструментализм, то есть управление агентами, потерявшими свободу, со стороны систем множества искусственных интеллектов-левиафанов, привел к тому, что власть капитала, ранее олицетворяемая, трансформируется в анонимную власть. Формальные владельцы состояний, люди из списка Форбс, управляются своим левиафаном, являющимся частью большого Левиафана.

Цифровой Левиафан рождается на наших глазах в первую очередь как средство контроля, как инструмент борьбы с растущим напряжением в человеческом сообществе — напряжением, с которым, как мы видим по событиям, происходящим в США, демократический Левиафан уже не может справиться. Все, наверное, видели поклонение Святому Джорджу Миннеаполисскому, сверкающий золотой гроб которого везла белая лошадь на белой карете, его именем молились чернокожие люди в белых масках и белых одеждах, и на наших глазах возник новый культ вечно живого Святого Джорджа Флойда.

Конечно, во имя борьбы с неопределенностью система создает еще большую неопределенность, экзистенциальную неопределенность, чреватую катастрофами. Человек сам становится частью Левиафана, частью глобальной цифровой платформы, под надзор Левиафана передается здоровье людей и сама жизнь. При этом любопытно, что Левиафан приобретает вирусный характер, потому что найдено, что человек может быть сосудом, в котором перемещается вирус. Появились вирусные СМИ, вирусная экономика, даже можно говорить о вирусной философии — взгляды Деннета или Скиннера совершенно вирусным путем распространяет вирус Юваля Харари. Таким образом происходит и перерождение самого человека в вирус.

Человек стал частью медиа-окружения, к которому уже невозможно применить понятие «свой». Частью Левиафана стало поведение, которое вписывается в медиа-пейзаж, отражается множеством зеркал-датчиков и возвращается к бывшему агенту в виде прямых инструкций и других видов инструментального воздействия. Преображаются ценности, слова, язык, метафоры, все они подлежат оцифровке и должны найти свое место на панели управления.

Еще канадский философ Маршалл Маклюэн наблюдал за тем, как став частью телевизионного медиа-окружения, человек начал терять возможности, которые давало ему окружение книжной цивилизации. Он начал терять возможности выработки и эффективного распространения при помощи печатного станка своей индивидуальной точки зрения, своего суждения, возможности консолидации и объединения в сообщества и партии.

Цифровой Левиафан, частью которого стал человек, вырабатывает множество мнений, удобных для управления, при этом мнения, действительно важные для управления человеческим роem, навязываются омниканально (по всем коммуникативным каналам), отражаются зеркалами всеобщего одобрения, которые служат как индикаторы бесперебойной работы системы, и возвращаются в виде алгоритмических инструкций, обязательных для исполнения.

В частности, такую работу Левиафана мы видим в выработке согласия вокруг акций Black Lives Matter, когда человек может либо горячо поддержать выработанное платформой единственно верное мнение, либо помалкивать. Левиафан в состоянии полностью отследить поведение и сформировать фьючерсы на него, и занимается инструментальным управлением с тем, чтобы это фьючерсы были проданы без дискаунта. Фьючерсы обесцениваются при явном выражении своенравия и сохраняющейся способности суждений, поэтому Левиафан будет работать с тем, чтобы искоренить эти рецидивы книжного и просвещенческого прошлого.

Мы хотели быть всем — и стали экраном всему, мы живем в гигантской эхо-камере. Мы отражаемся в каждом зеркале, и каждое эхо повторяет наши слова. Мы видим, как понятия государство, корпорации, медиа-окружение, религии, цифровые платформы, и человек вместе с ними, смешиваются и соединяются в один организм, который мы и назвали Левиафаном.

Государство как технология, созданная человеком, имеет искусственный характер, и может быть заменена и переизобретена. У Гоббса люди передают свою волю государству-левиафану, которое вырабатывает собственную

коллективную волю, дабы война всех со всеми не привела к тому, что люди сожрут друг друга. Цифровой Левиафан создает такую ульевую систему, когда уже нет зазора между волей отдельной личности и волей улья. Личная воля муравья или пчелы идентична коллективной воле — и точно так же личная воля человека — части цифрового Левиафана обнуляется. Он чувствует себя хорошо и правильно только тогда, когда делает предписанные вещи, когда выполнены все алгоритмические инструкции математических агентов, которые ведут его по жизни от рождения до смерти. Таким образом, государство становится ненужным — как, впрочем, и традиционная корпорация.

Нейробиолог Карл Фристон, создатель динамического причинно-следственного моделирования, рассматривает сознание как ошибку, которая возникает у мозга в процессе освобождения свободной энергии. Фристон исходит из того, что мозг — это прогностическая машина. Она существует лишь для того, чтобы делать прогнозы, постоянно сверять их с информацией от датчиков-органов чувств, затем корректировать прогнозы, снова сверять их — и так ко кругу. Мозг старается достичь состояния, при котором его энтропия — как раз та самая свободная энергия — остается минимальной. Фристон таким образом поверил математикой принципы буддизма. Сознание человека практически на любой опыт отвечает желанием, а желание порождает неудовлетворенность. Сознание требует, чтобы удовольствие не прекращалось. Сознание никогда не удовлетворено, всегда пребывает в беспокойстве.

Удовольствие также не дает нам покоя — мы либо страшимся, что оно вот-вот закончится, либо мечтаем о большем. Таким образом, сознание приравнивается к страданию, будучи рассмотрена как энтропия, от которой необходимо избавиться.

Можно счесть само создание цифрового Левиафана коллективным самоубийственным актом нашей воли к стиранию бытия и нашего собственного сознания как источника страданий. Ведь, похоже, именно этот процесс определяет нашу эпоху.

Однако я, как человек книги, не стал бы злоупотреблять оставшейся во мне еще способностью суждения. Обобщения бывают прекрасны в кантовском смысле этого слова, и, кстати, одно это ощущение красоты обобщений, на мой взгляд, опровергает Фристона. Но давайте мы будем воспринимать эту концепцию Фристана не как реальную научную теорию мозга, а как некую рабочую модель, которой будет руководствоваться Левиафан при управлении человеком. Мы увидим, что после ряда итераций остаточное человеческое сознание из Левиафана исчезнет.

И он приобретет свой облик, так красочно описанный в Библии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

В ПЛЕНУ ЛЕВИАФАНА

НЕОЛЮДИ И НЕОБОГИ

В 1980 году Элфин Тоффлер нарисовал картинку будущего идиллического общества «третьей волны», которым управляют просвещенные технократы. Противоречия между капитализмом и социализмом устранены: от первого остался только дух предприимчивости и свободы, от второго — забота о слабых, пожилых, больных и об общей среде обитания. У власти стоят мудрецы-меритократы, лучше знающие нужды народа, но ширится и прямая демократия. Люди голосуют по важным для них вопросам через всемирную компьютерную сеть, впрочем, общество организовано так, что проблемы решаются еще до их появления, ибо важное значение придается предсказаниям. Тоффлер делает акцент на том, чтобы не путать эту систему с централизованным планированием: в его прекрасном новом мире прогнозы децентрализованы и открыты, он даже вводит такое понятие, как «демократия предвидения».

Города потеряли свое значение, поскольку люди работают из дома: весь мир стал глобальной деревней. Мировые столицы опустели, да и государства, центрами которых они являются, дышат на ладан. Национальные государства распадаются на все более мелкие обломки, испытывая давление снизу, а сверху их теснят наднациональные образования, которые отвечают за всё более важные решения. Границы исчезают, национальные особенности перемещаются в музей, глав государств уже никто не воспринимает как значимых фигур, а народы теряют объединяющие начала и становятся мозаикой меньшинств.

Эра материального процветания, начавшаяся в 1960-е, продолжается без остановки: потребление постоянно растет, главной проблемой становится: куда девать излишки, и очень скоро уже можно говорить не только об обществе всеобщего благоденствия, но и о мире изобилия. Периодически возникают небольшие проблемы, но они решаются настройкой системы, а не ее сломом. Постоянное разрушение и новое рождение, впрочем, испытывают бизнес-процессы, основанные на бурно развивающихся новых технологиях. Негативные стороны капитализма вроде господства крупных корпораций и банков сошли на нет. Деньги вообще утрачивают прежнее значение, на их место приходят знания. Покинув большие города на суше, люди строят их в море и на других планетах.

Этот прогноз, сделанный футурологом в книге «Третья волна», оказался весьма далек от реальности. Капитализм победил во всемирном масштабе, но после этого позаимствовал не лучшие, а худшие черты социализма. Глобального среднего класса, который диктует политикам их позиции, не случилось, вместо этого ширится разрыв между богатыми и бедными. Сегодня мир в этом отношении выглядит так, как во времена пика второй промышленной революции, времени, когда капитаны индустрии вроде Вандербильтов перевозили в Штаты целиком английские замки и устраивали сафари, а бастовавших шахтеров расстреливали из пулеметов.

Об обществе изобилия говорить не приходится, рост материального благополучия остановился, если не пошел вспять: нынешнее молодое поколение в развитых странах почти наверняка будет жить хуже, чем жили их родители.

Те, кто сегодня наверху, отнюдь не проявляют интереса в просвещении, они скорее склонны отнять у неимущих то, чего те добились в прошлом. Бесплатное образование и здравоохранение объявлено неэффективным, дело идет к отмене пенсий, ни о какой заботе и солидарности нет речи, и в отношении к старикам практикуется принцип «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Большие города стали еще больше, мест дизайнеров и брокеров на удаленке на всех не хватает, и люди покидают свои деревни ради низкооплачиваемых работ в мегаполисе. Несмотря на наличие технологий, загрязнение планеты продолжается растущими темпами, монополии сильны как никогда в истории человечества — капитализация компании Apple, например, в августе 2020 года составила 2 триллиона долларов и превзошла годовую ВВП такой страны, как Италия. Границы никуда не делись — 2020 год показал, что даже внутри Европы они стали вполне реальными.

Даже технические достижения сегодняшнего дня отнюдь не столь бесспорны, как это выглядело полвека назад: наибольший прогресс виден в системах тотальной слежки за человеком, а морские или космические города по-прежнему кажутся недостижимой мечтой. Самых технократов едва ли можно назвать просвещенными: на деле, эра Просвещения, вероятно, подошла к концу. Об этом блестяще написал бывший американский госсекретарь Генри Киссинджер в своем эссе «Как заканчивается Просвещение», опубликованном летом 2019 года в журнале *The Atlantic*.

Общество сегодняшнего дня очень далеко от идиллической картинки, сорок лет назад нарисованной Тоффлером. Однако один его прогноз действительно сбывается, и этот прогноз касается человека.

Футуролог писал: «Можем ли мы создать человека с желудком, как у коровы, переваривающим траву и сено, вследствие чего облегчится решение продовольственной проблемы, поскольку человек перейдет на потребление более низких звеньев пищевой цепи? Сможем ли мы биологически изменить рабочих так, чтобы их данные соответствовали требованиям работы, например, создать пилотов с многократно ускоренной реакцией или рабочих на конвейере, нервная система которых будет приспособлена для выполнения монотонного труда? Попытаемся ли мы уничтожить «низшие» народы и создать «суперрасу»? (Гитлер пытался это сделать, но без генетического оружия, которое может скоро выйти из наших лабораторий.) Будем ли мы клонировать солдат, чтобы они сражались вместо нас? Будем ли мы использовать генетическое прогнозирование для предупреждения рождения нежизнеспособного младенца? Будем ли мы выращивать для себя запасные органы? Будет ли каждый из нас иметь, так сказать, «банк спасения», полный запасных почек, печени и легких?»

Все то, о чем тогда писал Тоффлер, оказывается возможным. Сегодня вполне можно говорить о перспективах «нового человека», неочеловека, который превратится в неживую материю с вкраплениями «живого». Дальнейший прогресс нейромедицины и нейробиологии может привести к тому, что доля «белковой части» в общей массе организма будет снижаться, «свои» органы будут заменяться синтетическими. Мешающий такой замене иммунитет, который на бессознательном уровне выполняет роль само-аутентификации организма, может быть ослаблен искусственным образом. Для устранения побочных эффектов, неизбежных при таком ослаблении организма, могут быть призваны также искусственные средства. В итоге целостность организма резко уменьшится, но там и сям по всему организму будут орудовать подчиненные облаку микро или даже нано-агенты, поддерживающие те или иные функции.

Понятие «жизнь» в применении к этим функциям следует применять с осторожностью, ибо функционально обусловленный организм будет представлять из себя систему, находящуюся под жестким контролем, где «живая часть» будет играть все меньшую роль. Более того, наступит момент, когда она сможет существовать лишь в подчинении «неживой», алгоритмической части, которая будет находиться под внешним контролем, через облако. Большая часть человечества, таким образом, превратится в облачных неолюдей, которых на уровне сознания будет мало что связывать с тем видом *homo sapiens*, которого мы знаем сегодня.

Для «человека разумного» автономный разум — непереносимое условие существования и развития, а для облачного неочеловека разум будет алгоритмом, любые отклонения от которого будут рассматриваться как болезнь, подлежащую лечению. В сущности, такой человек и будет «философским зомби», о котором писал канадский философ сознания Дэвид Чалмерс. О том, что произойдет в этой связи с сознанием и такой концепцией как «свобода воли», пойдет речь ниже.

Вообще, как будет протекать переход от *homo sapiens* к виду «неочеловека облачного» — и будет ли такой переход вообще? Ведь с точки зрения эффективности проще создать неочеловека заново, точно так же как проще и дешевле построить совершенно новый высокоэффективный завод, чем отремонтировать и латать старый. В этом случае вид *homo sapiens* сгодится как некий источник «запчастей» или информационный пул — в том случае, если будет принято решение о необходимости внутривидового разнообразия «неочеловека».

Один вопрос состоит в том, кто или что будет принимать подобные важнейшие решения. Будет ли это небольшая группа нынешней элиты или новый класс, который можно условно назвать «необогам» — в духе книги израильского философа Юваля Харари *Homo Deus*, где речь идет о людях ближайшего будущего, которые будут обладать невиданным ранее могуществом? Чем тогда «необог» будут отличаться от «неолюдей», или «нового человека»? Может, это будут две разные расы или даже два разных вида? Виновата ли в их появлении эволюция или речь идет, как пишет тот же Харари, об автоэволюции, то есть о том, что человек, наконец, взял дело преобразования своей биологической и антропологической сущности в свои руки? А может быть, есть какой-то новый подход, который позволит посмотреть на всё это под совершенно другим углом?

Каждый из этих вопросов рождает другие. На некоторые из них я попробую дать ответ в этой книге.

Как правильно определить новые антропологические сущности — такие как «неолюди» и «небоги»? Будет ли преобразование «человека разумного» в эти новые сущности происходить скачком, или неизбежны переходные состояния? Как можно определить эти состояния?

Вполне возможно, особого внутривидового разнообразия «хозяевам алгоритма» — если они есть — и не понадобится. Тогда неолюди будут создаваться по ограниченному числу шаблонов, предназначенных для выполнения того или иного функционала. Если произойдет постэволюционный скачок, трудно будет назвать его результат «новым видом человека», ибо это явно не будет уже человек, и даже не будет уже живое существо.

Впрочем, и здесь технократы могут увидеть — уже увидели — выход в переопределении понятий «живое» и «человек разумный». На слово «разумный» сейчас ведется серьезная атака, и неспроста.

Неочеловек отдаст в обмен на бессмертие или даже обещание бессмертия все, что в нем остается нематериального, откажется от «неоцифруемого», «непостижимого», то есть от недоступной для сохранения, «улучшения» и изменений «души». При этом предполагается, что качественные и количественные характеристики неолюдей, их способности, будут сильно зависеть от их принадлежности к определенному экономическому и политическому классу, вплоть до генетической передачи определенных свойств представителям тех или иных классов. В дальнейшем мы рассмотрим, возможно ли в реальности произвести такое разделение видов.

В случае, если «хозяевам алгоритма» удастся произвести задуманное, кто бы под ними не понимался, можно будет говорить о самоаннигиляции человечества и смерти человека, о финальной победе Танатоса над Эросом, и результат стоит считать не «следующим человеком», а первой модели некоего биоэлектрического зомби.

Новое Время-2 рождает абсолютно безжалостные и бесчеловечные, вчеловечные методы управления. Это родит еще большее отчуждение мыслящих людей от человеческой расы. Люди, особенно представители «мыслящих классов», будут искать спасения у ИИ, потому что откажутся искать спасение у своих же. Человечество будет разделено больше, чем прежде, и нельзя будет больше опереться на семью или клан, потому что и то и другое утратит человеческие черты.

Общество при этом может сколь угодно долго сохранять привычный «демократический» фасад, но людям придется выживать в мире, где слово «свобода» потеряет смысл.

Предопределенность глобальной власти Цифрового Левиафана может внушить чувство безысходности, схожее с тем, что испытывали люди в нацистских концентрационных лагерях. Чтобы не поддаваться этой безысходности, следует взглянуть в глаза фактам и проанализировать тенденции. Каковы будут основные черты «неолюдей» и «небогов» и так ли неизбежно деление *homo sapiens* на два вида? Какими будут промежуточные этапы в этом постепенном погружении в ад?

Можно ли, наконец, представить себе движение человечества по совершенно другой траектории — туда, где люди не будут утрачивать сознание и сознательность, более того, переводить его на более высокий уровень? Можно ли избежать господства Цифрового Левиафана или каким-то образом побудить человечество очнуться от сна, внушенного жрецами и технократами, стряхнуть его прах с наших ног? И в этом случае человек также неизбежно будет меняться — поэтому следует говорить о новом человеке. Каковы будут его черты? Что делать сейчас, чтобы такое развитие стало возможным?

Чтобы в этом разобраться, давайте пристально посмотрим на то, что сегодня происходит с наукой, ибо без нее, без нового Просвещения, нельзя сделать ничего. И если мы увидим трагическую картину упадка когда-то мощной человеческой способности, то тем более нам следует бесстрастно посмотреть реальности в глаза — ибо только так мы сможем осознать ситуацию и понять, какое из горьких лекарств может её исправить.

НАУКА НА ПУТИ К КОНЦЛАГЕРЮ

В последние несколько десятков лет произошли кардинальные перемены в отношениях между наукой, техникой и человеком.

В науке сегодня очевидны несколько трендов. Во-первых, она напоминает снежный ком, который катится с горы, вовлекая в себя все, что оказывается на пути. Экспотенциально растет число научных публикаций, журналов, сайтов, фондов, баз данных, организаций, да и самих ученых. По оценкам ЮНЕСКО, еще в 2013 году в мире их насчитывалось почти 8 миллионов — на полной ставке. При темпах роста, приведенных ЮНЕСКО, в 2020 году это число приближается к 10 миллионам человек. Уже можно говорить об «ученых массах», к которым применимы законы управления массовым сознанием.

Во-вторых, наука стала стерильна, разделившись на герметичные области, которые мало соприкасаются друг с другом. Научный истеблишмент пожирает все больше ресурсов, но основные открытия при этом делаются на стыке дисциплин, в паузах между областями, куда не дотянулась рука институций.

Третий, нарциссический тренд: наука все больше фокусируется на самой себе и всё меньше — на познании мира и человека. Ученые потерялись в рекурсивных зеркальных отражениях, занимаясь в основном своей собственной организацией и институционализацией. В более широком смысле наука все меньше направлена вовне самой себя, и все больше исполняет служебную роль в масштабном глобальном спектакле «Гипернормализация» по оправданию капитализма как единственной реальности.

В-четвертых, наука стремительно утрачивает свою общественную составляющую, превращаясь в большой бизнес. Научный бизнес сначала концентрируется в руках сильнейших игроков, а потом и монополизирована ими, в духе железнодорожных баронов-грабителей конца XIX века.

Все эти тренды работают на сохранение существующего положения вещей, статус-кво, чему помогает и наукометрия, о которой пойдет речь ниже. Так, стерилизация науки дает ей устойчивость даже в тех случаях, когда она полностью оторвана от реальности. Добившись того, чтобы два ученых из смежных областей не понимали друг друга, легче установить невидимые перегородки в глобальной иерархической системе подчинения и манипулирования производством и распределением знаний.

Если что-то идет не так, можно затопить один отсек без ущерба для остального корпуса подводной лодки мировой науки. Теория струн или язык программирования APL могут перестать быть любимчиками научной общественности и из мейстрима плавно перейти в экспонаты музея курьезов, но основа системы никак от этого не пострадает.

Научная иерархия соединена множеством связей с иерархией правительств и бизнеса, где при внешней переменчивости мало что зависит от открытий и появления новых знаний. К сложившейся ситуации очень подходит концепция власть-знание Мишеля Фуко. Этот французский философ-структуралист описывал знание и власть как одну всеохватывающую субстанцию, которая действует в общественном поле. Порции знания передаются через систему коммуникаций, которая есть сама по себе форма власти, настроенная на присвоение, распределение и сокрытие знаний. В такой системе наблюдение над наукой, наукометрия становится сродни политическому надзору, откуда лишь один шаг до введения научной инквизиции. Английский философ Ник Востром предлагает решить проблему неавторизованных исследований и разработок, воспользовавшись доступными уже сегодня методами тотальной слежки и контроля, а именно, установить над учеными наблюдение 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Сведения о том, чем занимаются ученые, передаются в режиме реального времени научной инквизиции, и та, если почувствует что-то неладное, может выслать по адресу беспилотник с детальной инспекцией, проанализировать сведения, собранные датчиками, а от и запустить в сторону несанкционированной лаборатории дрона-убийцу.

Концлагерный вариант функционирования ученых в сформировавшейся сегодня социальной системе уже не кажется невозможным. К этому готова и власть, и само научное сообщество, которое постарается собрать сведения об ученых-отщепенцах и отступниках и направить отряды инквизиции по их адресам. Наверняка инквизицию будут использовать и с целью сведения счетов, как это было всегда.

Как ученый мир пришел к такому положению дел? Ведь еще сто или даже 60–70 лет добиться единомыслия от ученых было невозможно! Авторитетные ученые и нобелевские лауреаты были в авангарде радикальных общественных движений, могли позволить себе бросить вызов общепринятым воззрениям. В сталинском СССР жил и работал академик Павлов, для которого содержали церковный приход, а академики писали критические письма непосредственно вождю. В США Принстон, Беркли и другие ведущие кампусы были рассадниками коммунизма и пацифизма, где не было недостатка в молодых бунтарях. А уж что творилось в науке — теории и концепции создавались и ниспровергались, авторитеты приходили и уходили.

То были времена, когда ученых оценивали не по месту в табели о рангах, а по идеям. Например, можно вспомнить никому не известного юного австрийца Курта Гёделя, который в начале 1930-х приехал в Кенигсберг на математический конгресс и с места в карьер потряс научные устои своими иконоборческими теоремами о неполноте, чрезвычайно актуальными и сегодня. Признание пришло к нему сразу.

Когда молодой австрийский философ Людвиг Витгенштейн вступил в спор со мировой философской звездой первой величины лордом Бертраном Расселом, англичанин практически сразу признал свое поражение. Несмотря на свою бунтарскую натуру, Витгенштейн быстро стал признанным научным светилом и оставался таковым несмотря на то, что не переносил философов. Как-то Витгенштейн бросил все, уехал в австрийскую деревню и под псевдонимом устроился там учителем математики. Он мог позволить себе уйти из Кембриджа, чтобы поработать санитаром или садовником, а потом вернуться на свое место ведущего университетского философа. Что бы ни делал эксцентричный Витгенштейн, его звезда всходила всё ярче. Прошли годы, и вот уже молодой земляк Людвиг, Карл Поппер вступил с ним в философский бой с метанием знаменитой кочерги. Этот бой, вошедшей в историю науки, что бы ни говорили, закончился ничьей — но и признанием коллегами теперь уже Поппера.

Ученые много могли себе позволить и вне чисто научной сферы. Будучи в США на положении беженца, Альберт Эйнштейн нарушал все табу тогдашнего предвзятого и лицемерного американского общества. Еще в тридцатые и сороковые годы публично обличая расизм, который называл «болезнью белых людей». ФБР собрало на него огромное досье, но не посмело тронуть и пальцем. Досье на автора теории относительности, как и на других подозрительных ученых, разумеется, хранились в глубокой тайне, сам факт их наличия приходилось скрывать. Попробовал бы он пойти против течения сегодня — его книги бы сняли с полки. В наше время, когда тотальная слежка кажется нормой, а на подходе и летучая инквизиция, такие примеры воспринимаются как немыслимый либерализм.

Централизация науки была необходима для масштабных проектов в области экспериментальной физики, чему правительства придавали первостепенное значение. Собранные под такие проекты команды имели тенденцию оставаться и после выполнения конкретных задач, превращаясь во все более громоздкие учреждения со сложным администрированием. Эти организмы, важные для системы власть-знание, хотят расти и питаться, у них появляется свой метаболизм, поэтому они живут отнюдь не по логике продвижения по пути познания.

Особенно это очевидно в постсоветской России, где крупные научные институты утратили остатки независимости и стали обычными государственными учреждениями.

Наука делается сегодня, по сути, в крупных государственных, квазигосударственных или корпоративных структурах, которые являются монополиями. Научная активность вне пределов этих бюрократических монстров маргинализирована, если не вовсе запрещена. Сегодня трудно вообразить себе, что официальные институты будут изучать работы какого-нибудь близорукого чудака-учителя вроде Константина Эдуардовича Циолковского, назначат ему академическую пенсию и будут пользоваться его идеями.

Совсем немного осталось деятелей науки, подобных выдающемуся математику Роджеру Пенроузу — тех, кто всё еще пытается, по выражению Уильяма Теннисона, «бороться и искать, найти и не сдаваться». В России подобной яркой личностью был скончавшийся недавно физик и нобелевский лауреат Жорес Алферов.

Сегодня тех мыслителей, которые не разделяют общепринятый набор положений, быстро зачисляют в маргиналы. Но маргинализация сегодня гораздо страшнее, чем раньше — ведь власть, как писал Фуко, не имеет границ, сигнал о том, что кто-то мыслит нестандартно, быстро распространяется, его демонизация происходит автоматически и имеет самые сокрушительные последствия, сохраняясь в памяти системы навсегда.

Внутри своих узких областей ученые научились чувствовать свое место как обслуживающего персонала системы власти-знания. Идет своего рода обучение с подкреплением: тот, кто высовывается, уменьшает свой вес и автоматически вызывает на себя огонь. Часто такое происходит и в том случае, если ученый выходит за рамки своей области — хотя казалось бы, это контрпродуктивно, ведь прорывы происходят именно на стыке научных дисциплин. Но наука распалась на мало связанные друг с другом анклав, в каждом из которых заправляет своя иерархия, заинтересованная в том, чтобы как можно дольше удерживать свое привилегированное положение. Она и удерживает его за счет допуска к ресурсам, за счет администрирования, которое поощряет конформизм и угадывание вкусов начальства.

Матрица знания-власти перестроила научное поле так, чтобы там не в принципе не могло появиться никакой угрозы для существующего порядка вещей. Администраторы матрицы, чья функция следить и наказывать за отступление от канонов, получают вознаграждение, таким образом, система работает как самообучающаяся нейросеть с подкреплением. При этом связь администрируемой науки с предметом собственно научного опыта и рефлексии становится все более слабой.

АТАКА НА ФИЛОСОФИЮ

Особую проблему для глобальной науки как высокоприбыльного сетевого бизнеса создает философия с встроенной в нее возможностью обобщения, критики бизнес-науки с позиций онтологии. Философия способна к деконструкции матрицы власти-знания, и это прекрасно осознается операторами матрицы. Потому саму философию стараются сделать институтом, администрируемым так же как и все прочие институты бизнес-науки, а следовательно, частью цифрового Левиафана.

Философия сегодня воспринимается многими учеными как необязательная дисциплина, нужная лишь для получения некоего статуса в рамках системы. В результате ученые массы, которым нужен какой-то метод в исследованиях, допускают все более грубые эпистемологические и гносеологические ошибки. Их представления, с ростом специализации, становятся все примитивнее. Падение общего уровня владения философией миллионами ученых разных отраслей — важный фактор в широком распространении вульгарных идей тех, кто, например, отрицает сознание или реальность.

Делу не помогает самоотстранение философии от насущных научных проблем, особенно возникающих на перекрестке дисциплин, ее уход в «философию ради философии» — в историю философии, в деконструкторские игры, порождающие броские заголовки, в семиотические экзерсисы, которые часто не понимает никто за пределами узкого круга. Политические философы не понимают философов науки, философы науки — философских антропологов и так далее.

Язык философии становится все более герметическим, непонятным даже ученым из других дисциплин. Вместо того чтобы служить средством общения ученых, выработки общего контекста и общих подходов к познанию, язык, все больше их разобщает, используя для различения «своих», для поддержания и выстраивания перегородок и иерархий, наподобие классовых или сословных иерархий в обществе. Эти процессы уже совсем скоро могут привести к созданию «языка философии» как частного случая «языка науки», полностью непроницаемого для посторонних — а следовательно, и к превращению философов в касту жрецов. Собственно, это уже происходит с аналитической философией или философией сознания.

ФРАГМЕНТАЦИЯ, БАНАЛИЗАЦИЯ, ГЕРМЕТИЗАЦИЯ

Нельзя сказать, что никто не обращал внимания на проблему отрыва философии от научной и практической реальности. Философ-анархист Пол Фейерабенд, рассматривая как пример послевоенное поколение ученых-физиков, писал еще в 1969 году:

«Уход философии в собственную «профессиональную раковину» имел катастрофические последствия. Молодое поколение физиков, фейнманы, швингеры и тд, может быть, блестящи; может быть, они умнее своих предшественников, Бора, Эйнштейна, Шредингера, Больцмана, Маха и так далее. Но они нецивилизованные дикари, им не хватает философской глубины...».

Чтобы сделать, как предписывалось администраторами, строгую научную дисциплину из предмета, где нет накопления фактов или корпуса знаний, философам пришлось сделать упор на выработку консенсуса через создание иерархий. Отсюда один шаг до институциональной клановости, то есть положения, при котором вненаучные соображения оказываются определяющими. Таким образом, при отсутствии объединяющих аксиом,

признаваемых всеми философами, и «десакрализации» философии каждое такое учреждение и даже каждый кружок может иметь свою собственную локальную философию.

Касается ли это только философии как некоего институционально оформленного научного направления или проблема стоит шире? Стоит присмотреться к тому, как кризис философии, вызванный ее «профессионализацией» и герметизацией внутри все более фрагментирующихся внутренних дискурсов, выбивает основу из-под наук как таковых. Ведь консенсус внутри каждого философского кружка уже не распространяется за его пределы; локальные философии недействительны вне пределов досягаемости соответствующих административных иерархий, и науки предоставлены сами себе в тех гносеологических и эпистемологических аспектах, в которых когда-то применялись принципы, разрабатываемые философией. А ведь каждой науке нужны ценности, методы познания и все то, что когда-то давала философия. Теперь философам вход на «чужую территорию» запрещен, и единственным критерием истины становится поиск консенсуса через борьбу иерархий. Таким образом, запускается описанный выше процесс фрагментации уже не только в философии, но в отдельных науках. Получается, что фрагментация науки приводит сначала к отделению философии, к ее герметизации и быстрой фрагментации, что неизбежно ведет к фрагментации уже внутри каждой науки как предмета.

Насколько фрагментированная наука может сохранить свой авторитет и влияние на общество? Фейерабенд писал не без сарказма о ее будущем:

«Всегда будут люди, которые предпочитают быть учеными вместо того, чтобы быть хозяевами своей судьбы и которые с радостью дадут подвергнуть себя злейшему виду интеллектуального и институционального рабства в том случае, если им будут хорошо платить и если рядом будут люди, которые будут проверять их работу и петь им хвалу. Греция развивалась и прогрессировала потому что она могла положиться на услуги не желающих трудиться рабов. Мы будем развиваться и прогрессировать с помощью многочисленных желающих рабов в университетах и лабораториях, которые снабжают нас таблетками, газом, электричеством, атомными бомбами, замороженными обедами и, время от времени, некоторыми интересными сказками. Мы будем обращаться с этими рабами хорошо, мы даже будем к ним прислушиваться, потому что они порой рассказывают интересные истории, но мы не должны позволить им взвалить свою идеологию на наших детей под покровом «прогрессивных» теорий образования. Мы не должны позволять им обучать научным курьезам как если бы это были единственные существующие фактические заявления. Это отделение науки от государства может быть нашим единственным шансом преодолеть хаотическое варварство нашего научно-технического века и достичь уровня человечности, на который мы способны, но никогда его до конца не реализовывали».

В 1968 году по науке как институту был нанесен удар слева. Парижский май отменил все авторитеты, и во время оккупации Сорбонны звучали призывы о том, что в «освобожденном обществе» любые научные иерархии должны быть ликвидированы и заменены равным обменом труда и услуг. Наука, как и все общество, подлежала радикальной трансформации. В одной из листовок говорилось:

«Мы отказываемся быть учеными, оторванными от социальной реальности. Мы отказываемся быть использованными для извлечения прибыли правящим классом. Мы хотим ликвидировать разрыв между работой по созданию концепции, рефлексией и организацией... Учащиеся и студенты, безработная молодежь, в прошлую пятницу боролись бок о бок на баррикадах не для того, чтобы сохранить университет на службе буржуазии: это целое поколение будущих руководителей, которые отказываются быть планировщиками нужд буржуазии и агентами эксплуатации и подавления рабочих».

Критике подвергалось технократическое государство в целом, безотносительно его формы, социалистической или капиталистической. Атака шла на разделение умственного и физического труда, на технократию с ее научными методами управления, с ее разрывом между замыслом и исполнением. Фейерабенд считал, что наука должна перейти в ведение общества, с решением академических вопросов демократическим путем: «Отделение церкви от государства должно быть дополнено отделением науки от государства».

ЦИФРОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУКОЙ

Сегодня именно это и случилось, но совсем не так, как предполагал Фейерабенд. Наука не перешла из рук «репрессивного» государства и его «машины подавления» в руки самоуправляемого, как мечталось философу, общества. Власть над наукой заполучили корпорации. Через гранты, ставшие существенным, если не главным источником финансирования научных учреждений, они могут контролировать направление научных исследований. Серьезная часть научных исследований производится корпорациями напрямую — особенно это касается разработок в областях высоких технологий, таких, как биотехнологии или искусственный интеллект.

Кроме этого, глобальные финансовые институты в прямом смысле этого слова владеют мировым рынком научных публикаций. Сегодня он поделен между двумя платформами, Web of Science и Scopus. Web of Science содержит примерно 160 миллионов статей, представленных более чем девятью тысячами ведущих академических учреждений, корпорациями и правительствами всего мира. Здесь сконцентрирована работа миллионов ученых в сотнях областей науки на протяжении последних 115 лет.

Другая платформа, Scopus, представляет из себя базу данных аннотаций и статей более 36 тысяч научных и отраслевых журналов, а также научных книжных серий от более чем 11 тысяч издателей. Главные сферы интереса Scopus — это биология и связанные с ней науки, социальные, естественные науки и все что относится к медицине. Scopus обеспечивает аннотирование статей ведущими экспертами, их рейтингование по разным методикам и поиск в базах данных патентов.

Web of Science и Scopus отличаются некоторыми параметрами — например, база данных Scopus охватывает материалы лишь с 1966 года, в то время как WOS предоставляет доступ и к ресурсам предыдущих десятилетий. Но в целом эти структуры дополняют друг друга и, вполне можно сказать, поделили между собой научный мир. Одобрение этими двумя платформами той или иной работы — статьи, монографии, диссертации ученого — необходимо для ввода ее в серьезный академический дискурс, от этого сегодня практически полностью зависит положение, в том числе материальное, ее автора. В России одобрение Web of Science или Scopus — ключевой фактор оценки деятельности и самих ученых, и научных учреждений, которых они представляют.

Поэтому представляет большой интерес, кто ими владеет, кто направляет их деятельность и пожинает плоды превращения науки в отрасль бизнеса.

Платформа Web of Science принадлежит компании Clarivate, которая базируется в Филадельфии и Лондоне. Ее акции торгуются на нью-йоркской бирже, а рыночная капитализация, по последним данным составляет около 9 миллиардов долларов. Компания была создана группой финансистов, купивших в 2016 году подразделение научной аналитики одной из крупнейших мировых медийных корпораций, британской Thomson Reuters. Покупателями стали инвестиционная фирма Opex Джерри Шварца с штаб-квартирой в канадском Торонто. Она имеет под управлением 33 миллиарда долларов активов, вкладывая деньги в такие сферы как финансовые услуги, ритейл, промышленность, здравоохранение, высокие технологии, СМИ и телекоммуникации. Джерри Шварц — известный инвестиционный банкир, работавший в одном из ведущих западных финансовых институтов Bearn Stearns, а затем основавший ряд компаний.

Фирменный стиль Opex, по отзывам экспертов, отличается стремлением к полному контролю, резкому снижению издержек и операционной реструктуризации. Этот стиль, разумеется, был перенесен и в управление научными ресурсами. С союзником Opex дело еще интереснее. Это весьма уважаемая когда-то британская финансовая корпорация Barings. Она была куплена за один фунт стерлингов голландским банком ING после скандала со своим трейдером Ником Лисоном, который поставил фирму на грань банкротства. Лисон не делал ничего необычного для Barings, он — разумеется, в обход законов, а как иначе? — просто занимался обычным трейдерским делом: высокорискованными спекуляциями на восточных финансовых рынках. За это его поощряло начальство, оно же закрывало глаза на двойную бухгалтерию и другие нарушения. Однажды Лисону не повезло, и он проиграл сотни миллионов долларов вкладчиков.

Barings действует и в России, инвестируя в нефть и газ, промышленность, СМИ, технологии, телекоммуникации и финансовые услуги. Зарегистрированная в британском оффшоре Гернси фирма Baring Vostok Capital Partners несколько раз признавалась «Российской компанией прямых инвестиций года». Правда, ее глава Майкл Калви в 2019 году был арестован по подозрению в хищении 2,5 миллиардов рублей у банка «Восточный», но за него вступились Герман Греф и другие видные представители российского бизнеса. Любопытно, что Baring Vostok был ранним инвестором в российскую компанию «Яндекс», купив всего за 5 миллионов долларов 35,7 процента акций компании. При выходе «Яндекса» на нью-йоркскую биржу в 2011 году эта доля стоила уже порядка 4 миллиардов долларов, поднявшись в цене в 800 раз, а сегодня — порядка 7 миллиардов долларов. Эти цифры могут дать понимание того, как можно заработать на предвидении событий, и какие деньги делаются на управлении этими событиями. А здесь мы говорим о контроле и управлении не просто событиями, но и самим развитием мировой науки, а вместе с ней и определении будущего глобальных технологий.

Компания Clarivate, созданная Opex и Barings, владеет платформой Web of Science и прекрасно зарабатывает на науке, не только принимая плату за публикации в своих журналах, но и продавая тысячам университетов и прочих учреждений свои весьма недешевые подписки и другие услуги, в том числе по патентованию и регистрации, обслуживанию и защите торговых марок, и даже промышленной разведке.

Платформа Scopus принадлежит голландскому издательству Elsevier, которое в 1993 году слилось с британской издательско-консалтинговой группой Reed International и сейчас входит в британско-голландскую издательскую группу, которая в 2015 году изменила название на RELX plc. Штаб-квартира группы базируется в Лондоне. Ее председатель сэр Энтони Хэбгуд является одновременно председателем совета директоров Банка Англии и главой многонациональной сети ресторанов и отелей Whitbread, а также главой масштабного бизнеса по аутсорсингу Bunzl. Капитализация группы, по данным июля 2020 года, превысила 32 миллиарда долларов, а ежегодный доход составляет более 7 миллиардов. Акции группы уверенно растут и в короновиральные времена. В 2018 году ученые представили на суд Elsevier более чем 2,500 научных и отраслевых журналов, издаваемых группой, 1,8 миллиона статей, из которых 470 тысяч было принято к публикации. Над ними работали более 20 тысяч научных редакторов — как правило, ведущих экспертов в своих областях. Издательская группа все больше ориентируется на продажу аналитических продуктов, что неизбежно ведет к широкомасштабному применению в его технологий искусственного интеллекта.

Можно не сомневаться, что компании, контролирующие глобальный рынок научных публикаций, используют данные, собранные при помощи указанных платформ, для машинного обучения систем искусственного интеллекта, которые будут способны не только предсказывать поведение ученых, но и направлять его. На такой основе будет возможно управление как отдельными учеными, так и целыми отраслями науки и даже создание новых её отраслей.

Глобальный охват упомянутых олигополий, их опыт, устоявшаяся репутация и разветвленная сетевая структура сделают применение машинного обучения в области прогнозирования научных исследований весьма эффективным

и высокоприбыльным бизнесом. Несомненно, эти компании вполне могут создать цифровую операционную модель управления наукой.

При этом само по себе управление наукой представляется, на современном этапе развития, вполне оправданным и даже необходимым. Как говорилось выше, наука становится слишком громоздкой и аморфной, а связи между ее отраслями — слишком случайными и неопределенными для того, чтобы вся эта махина функционировала должным образом. Однако весь вопрос заключается в целях такого управления.

Одно дело — управление наукой на благо общества, для того чтобы дать все возможности самореализации талантливым людям, чтобы дать им эффективные инструменты, чтобы соединить вместе тех, кто может обогатить друг друга, и сделать это для открыто и без принуждения определяемого коллективного блага. Это невозможно без того, чтобы обеспечить свободный обмен идеями.

Но цель сегодняшнего управления наукой заключается в том, чтобы повысить прибыльность инвестиций крупных финансовых структур, наподобие группы BlackRock или банковских консорциумов.

Модель такого управления уже создана и отрабатывается — нельзя забывать о том, что и Thomson Reuters, и Reed Elsevier всегда были на острие самых передовых технологических решений. В будущем управление мировой наукой в своей основе будет децентрализованным, что, однако, подразумевает еще большую роль алгоритмов и алгоритмов изменения алгоритмов. Уже сегодня есть возможность введения новых алгоритмов и их постоянной корректировки, как это делается на таких платформах, как Netflix или Youtube. Такой подход позволяет осуществлять и мягкую цензуру, понижая в выдаче или вовсе делая невидимыми нежелательные материалы, и, наоборот, повышая выдачу материалов, на продвижение которых алгоритм будет настроен.

Рабочий день ученого в самом близком будущем может начинаться с чтения аннотаций, выданных платформой, которая будет фиксировать реакцию ученого на прочитанное и обучаться на базе этого, предлагая все более релевантные решения. Выдача аннотаций может быть скорректирована на основе того, что требуется в данный момент научному рынку, и ученый, желающий, чтобы его собственная работа была сочтена релевантной и получила больший рейтинг, будет менять свое поведение в соответствии с подталкиванием со стороны алгоритма.

Наукометрия будет становиться все более изощренной, а данные собираться постоянно: система будет стремиться к тому, чтобы фактически каждый шаг, а по возможности и каждая мысль ученого подверглась регистрации, измерению и аналитической обработке.

Применение систем машинного обучения, таким образом, открывает перед глобальными финансистами, а именно им принадлежат упомянутые научные платформы, новые перспективы контроля над наукой и миллионами ученых.

Но кто же будет ставить цели перед ИИ-системами управления мировой наукой? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратиться к финансовым рынкам, которые оказались наиболее восприимчивыми к алгоритмическому управлению глобальными процессами. Здесь стоит вспомнить операционную систему Aladdin® инвестиционной корпорации BlackRock, под управлением которой находится активы на фантастическую сумму около 7,5 триллионов долларов. Aladdin — это не просто программное обеспечение для управления портфельными инвестициями. Система, базирующаяся на искусственном интеллекте и все время обучающаяся, обладает наиболее полной информацией о мировых финансовых рынках и отдельных его участниках. В режиме реального времени она постоянно анализирует информацию и не только предсказывает риски, но и предпринимает шаги, чтобы их предотвратить, направляя в нужную сторону финансовые потоки. Система настроена на минимизацию рыночной неопределенности — а стопроцентного устранения этой неопределенности можно добиться лишь через тотальный контроль и управление.

Скрытая работа по перестройке экономических, социальных и политических институтов человечества не имеет прецедентов. В рамках нынешней системы позднего капитализма экономический императив требует от каждой организации, неважно, частной, общественной или государственной, определенных действий по созданию и извлечению стоимости. Это открывает ворота перед Цифровым Левиафаном.

Высокая монополизация управления мировой наукой сегодня позволит быстро наладить связь научно-аналитических платформ-монополистов с финансовыми рынками через такие платформы, как Aladdin. Это позволит создать новые и весьма специфические инструменты управления наукой, например, через торговлю фьючерсами на научные разработки, открытия и даже индивидуальные достижения ученых.

Нужно учитывать, что компании, которым принадлежат WOS и Scopus, охватывают уже порядка 10 миллионов ученых. Это позволяет уже сегодня строить бизнес-модели, связанные с использованием возникающих сетевых эффектов и эффектов обучения.

К системам, которые интегрируют в себя базы данных типа WOS и Scopus, смогут подключаться внешние приложения, разработанные стартапами. Будут определены те процессы, которые необходимо оцифровать с помощью аналитики и ИИ, от переписки ученых и обмена ими информацией между собой и внешними агентами до организации их работы и анализа ее эффективности. Таким образом, будут выявлены и возникнут новые, еще более управляемые бизнес-модели, обеспечивающие цифровую трансформацию, масштабирование платформ и их устойчивый рост.

Если же интегрировать систему управления наукой с другими платформами Цифрового Левиафана, можно добиться еще более поразительных результатов. Скажем, поведение ученых можно будет контролировать через вненаучные факторы, такие как социальный рейтинг или инструменты роевого управления. Таким образом, фактически будут созданы новые социальные институты, делающие науку полностью подконтрольной Цифровому

Левиафану. Точнее, социальный, политический, экономический текст сольются в один текст, в самообучающийся поток, настроенный на повышение финансовой эффективности целого, то есть самого Левиафана. При этом не будет принципиальной разницы между индивидуальной и коллективной траекториями управления. Лаборатория Deep Mind компании Google ведет разработку цифровых агентов, способных «вести» человека от рождения до смерти, обмениваясь информацией с другими подобными агентами.

Имея преимущество масштаба, сетевых эффектов и машинного обучения, Левиафан быстро проникнет в смежные области, такие как государственное управление, поставив себе на службу существующие структуры. После этого ничто уже не сможет предложить альтернативную модель управления наукой, составив ему конкуренцию. Оцифрованная наука станет частью глобальной компьютерной сети всеобщего управления.

ОТ АНАРХИИ К ИЕРАРХИИ

Таким образом, вместо демократизации по Фейерабенду, наука довольно быстро вернулась к еще более жесткой, чем ранее, иерархии и бюрократизации. В начале XXI века она соединена множеством связей с правительством, бизнесом, банками, и при этом всё меньше зависит от производства открытий и появления новых знаний.

Порции знания передаются через систему коммуникаций, которая есть сама по себе форма власти, настроенная на присвоение, распределение и сокрытие знаний. В нынешней системе «власти-знания» наблюдение за учеными сродни прежнему политическому надзору. Важную роль в дрессировке ученых масс играет и наукометрия, ставшая важнейшим орудием надзора и контроля. Администраторы и бизнесмены сумели убедить ученых играть в игры, связанные с рейтингами, индексами Хирша, публикациями в журналах, входящих в WoS и Scopus. Меряясь Хиршами друг с другом, ученые забыли о поиске истины и стали легко управляемы. В итоге наука сегодня делается, по сути, в крупных государственных, квазигосударственных или корпоративных структурах. Научная активность вне пределов бюрократических монстров маргинализирована или вовсе запрещена.

Индивидуальные попытки ученых выбраться за пределы своего гетто и сделать что-то на пересечении дисциплин часто оборачиваются поиском наименьшего общего знаменателя. При этом неизбежные упрощения сущностей приводят к откровенному редукционизму и банализации, в том числе и банализации философии. И проблема не в том, что философия становится частью поп-культуры, как это делается, например, в индийских сериалах — а в банализации самих основ человеческого познания и самопознания. То, что философия стала наукой наряду с молекулярной химией — уже проявление банализации.

Став институтом вроде системы социального страхования, философия объявила о своем конце, при этом сохранив все внешние атрибуты научного организма, административный аппарат и свое место в системе власти-знания. Но став властным институтом, она отучилась задавать рискованные (вспомним судьбу Сократа) вопросы про бытие и сущности, и по сути потеряла смысл своего существования.

Правящему классу удалось превратить ученых в «традиционных интеллектуалов», которые, как писал итальянский философ-коммунист Антонио Грамши, ошибочно воспринимают себя как отдельный класс, тогда как объективно они являются наёмными работниками умственного труда на службе правящего класса. Их задача — идеологически обосновывать и практически обслуживать статус-кво.

Когда-то именно из числа ученых выходило много, по выражению Грамши, «органических интеллектуалов», которые играют системообразующую роль. Это идеологи-практики, формирующие интеллектуальный климат в обществе.

С одной стороны, органические интеллектуалы являются носителями гегемонии правящих классов, и тогда они просто задают тон и направление традиционным интеллектуалам, выполняющим служебную функцию. С другой стороны, влияние органических интеллектуалов таково, что они могут направить людей в сторону борьбы с системой. Поэтому для системы органические интеллектуалы гораздо опаснее традиционных, вот она и стремится перевести ученых, многие из которых были в прежние времена органическими интеллектуалами, в более безопасную и управляемую категорию.

«ПРОГРАММИСТЫ» ПРОТИВ «КОГНИТИВИСТОВ»

В 1980-е годы, во время «зимы искусственного интеллекта», к административной власти в научных корпорациях, занимающихся компьютерной наукой и нейронауками пришли условные «программисты». Как рассказывает один из создателей сверточных нейросетей Ян Лекун, в учебниках тогда объяснялось, почему машинное обучение не будет работать. Соответствующие разработки практически не велись, ученые, которые ими занимались, маргинализировались. В конце девяностых ситуация стала меняться и произошёл прорыв — прежде всего из-за работ упорных ученых-одиночек, которые не очень-то вписывались в систему. Сегодня «программисты» потеряли авторитет, их рейтинг в матрице власть-знание резко снизился, и на первые роли вышли «технооптимисты». Но матрица осталась той же, система научного надзора после прихода к власти «технооптимистов» лишь усилится, наука станет еще более совершенным инструментом власти, цензуры и подавления.

Особое место в ее структуре занимают, конечно, лаборатории высокотехнологичных компаний, которые тратят на исследования порой больше, чем государство. Высокоэффективные корпоративные «бригады», организованные, как правило, вокруг конкретных проектов, собирают вокруг себя лучшие умы, не обращая большого внимания на реглали. Впрочем, предлагая ученым прекрасные зарплаты и условия работы, корпорации часто вымывают наиболее активных и продвинутых из «государственной» науки, тем самым еще сильнее понижая ее средний уровень.

Под вопросом остается область фундаментальных исследований. Хотя наиболее дальновидные руководители

высокотехнологичных фирм понимают, что к прорывам могут привести как раз инсайты в этой области, но, безусловно, публичные корпорации должны отчитываться перед акционерами, которые вряд ли поймут, если их деньги будут вложены в то, что не имеет перспектив отдачи в ближайшем будущем. Таким образом, наличие самых успешных частных лабораторий не решает проблем современной науки, которые в обществе, озабоченном где-то превыше всего ценится хайп и сиюминутная эффективность, просто заматаются под ковер.

В последние годы, в связи с успехами глубокого обучения, у многих ученых возникло «головокружение от успехов». Открылись перспективы масштабного финансирования разработок со стороны государств и крупных корпораций. При этом глобальным элитам удалось превратить ученых в «традиционных интеллектуалов», задача которых — идеологически обосновывать и практически обслуживать статус-кво.

Подчинив в огромной степени живой мир планеты и поставив под контроль ее геологические, энергетические, биологические и информационные ресурсы, технократическая элита целенаправленно обратилась к человеку как к ресурсу нового витка развития. Сегодня технократам не нужна личность с промытыми мозгами — им не нужна личность как таковая. По мере «просчитывания будущего» и крепнущей уверенности в том, что «последний фронт» «человека просчитываемого» достигаем, у технократической элиты возник запрос на научное и философское «отрицание сознания». Этому запросу удовлетворяет растущее «предложение» со стороны представителей фрагментированной науки и философии, потерявшей ориентиры и растекшейся на ручейки. Задача технократов состоит в том, чтобы сделать эту доктрину научным мейнстримом.

ГРАФИКИ В НЕБЕСАХ И РЕАЛЬНОСТЬ СТАГНАЦИИ

Критическое положение сложилось не только в науке. В последнее время все слышнее голоса экспертов, считающих, что мир вступил в эпоху технологической и экономической стагнации. Различаются временные оценки того, когда именно это случилось — в последние пять лет, после финансового кризиса 2008 года или вообще с начала 1970-х, но так или иначе, они сходятся на том, что господствующий безудержно-оптимистический нарратив не соответствует реальному положению вещей.

Действительно, на протяжении десятилетий мы постоянно слышим о новом чудо-средстве от рака, которое уж теперь-то наверняка победит болезнь. После каждой такой новости акции упомянутой в пресс-релизе фармацевтической компании растут, но люди как умирали от рака миллионами, так и умирают.

Наш ближайший спутник Луна кажется еще более недостижимой, чем в шестидесятые годы, при этом трансатлантический перелет, занимавший во времена молодости Алена Делона три часа 20 минут, теперь занимает вдвое дольше. На Марс человек должен были высадиться еще лет двадцать назад, но сегодня такие планы звучат еще большей фантастикой, чем в 1970-м. В 1968 году, перед самой высадкой на Луну, были открыты кварки, но никаких технических достижений, с этим связанных, за полвека так и не появилось. Конечно, ученые, как и в давние времена сверхзвуковых самолетов, ловят экзотические частицы и пишут работы о квантовых вычислениях, но нет такой отрасли, как квантовая энергетика. Есть ядерная энергетика, базирующаяся на фундаментальных открытиях первой половины XX века, но даже автомобили работают на том же принципе, что и во времена изобретателя радио Попова.

Каждый год вместе с новым средством от рака появляется и новая модель какого-нибудь гаджета, которая, впрочем, отличается от старой разве что дизайном и «пользовательским опытом». Релиз сопровождается шумихой в интернете — еще одной придумке родом из 1960-х.

Технооптимисты очень любят говорить о «законе Мура», который заметил в 1965-м, что число транзисторов в новых микросхемах каждый год удваивается. Потом сам Мур корректировал выводы из своих эмпирических наблюдений, что не мешало множеству людей во всех концах света рисовать график прогресса в виде прямой, идущей в небеса. Некоторые исследователи считают, что «закон Мура» сработал в духе самосбывающегося пророчества: спецы из конкурирующих фирм-производителей микросхем знали, каким примерно должны быть характеристики продукта, который потребители, в соответствии с «законом Мура», ждали уже через год — и выдавали продукт на гора. Этим объясняется, что особо не разрабатывались альтернативные варианты модели хранения команд и данных в памяти компьютера. Разработчики, над которыми висел отдел продаж, с самого начала остановившись на архитектуре фон Неймана. Некогда разрабатывать новые принципы — потребитель ждет удвоения к весне.

«Закон Мура» действует не только в применении к компьютерной памяти, он работает и в отношении технооптимистов. Каждый год их число тоже удваивается, и вот уже такое впечатление, что все вокруг убеждают друг друга в том, что нет таких вершин, которые бы не покорили разработчики вычислительных машин. Но не происходит ли вокруг нас некое, по выражению американского ученого Эрика Вайнштейна, «интеллектуальное Truman Show»? В этом фильме героя старательно убеждают в реальности происходящего, при том что на самом деле он живет в телевизионной программе, цель которой — получить высокие рейтинги.

Рост числа транзисторов на миллиметр в новых процессорах действительно впечатляет. Но уже скоро будет достигнут тот предел, при котором на столь маленьких расстояниях между элементами начнут работать законы, ограничивающие число вычислений, к пределу подбирается и частота колебаний процессора.

ПОБЕДА «КРЕПКИХ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ»

Когда «Комсомольская правда» опубликовала 2 сентября 1959 года в рубрике «О духовном мире нашего современника» статью Ильи Эренбурга «Ответ на одно письмо», вряд ли сам автор предполагал, что возникнет дискуссия, под знаком которой пройдут все следующее десятилетие. Так начался спор физиков и лириков, под

знаком которого в советском обществе прошло целое десятилетие. Что больше даст человеку, наука или искусство, и можно ли пренебречь одним ради другого?

Поводом для статьи Эренбурга было письмо студентки пединститута, которая дружила с молодым инженером и романтично пыталась читать ему Блока. Молодой человек считал, что они могли бы заняться чем-то более полезным, что в век физики поэзия устарела, она лишь отвлекает от главного. Именитый писатель Эренбург встал на сторону девушки, но многие читатели с ним не согласились. Публикация вызвала взрыв интереса, письма в газету носили мешками, под них несколько месяцев подряд отводились целые полосы. Многие разделили точку зрения инженера, отсылая «лирику» в область развлечения и ставя на первое место «творчество разума». Они не догадывались, что придет время, и само существование того самого «творческого разума» человека будет поставлено под вопрос.

«Душа исчезнет за вуалью технологий», писал один обеспокоенный лирик, но читая эту фразу в разделе писем КПД даже физики понимали, о чем идет речь, и, пожалуй, согласились бы с тем, что душа у человека есть — просто чисто практической пользы от нее с гулькин нос.

На всякий случай все десятилетие газеты старались соблюсти баланс между «физикой» и «лирикой», следя в равной степени и за космическими полетами, и за работой советских физиков над «токамаками», и за чемпионатами по шахматам, в которых находили поэзию и полет фантазии, и за балетными премьерами.

Первые полосы, сравнимые с эффектом от полета Гагарина, делала «чистая лирика»: например, международный музыкальный конкурс имени Чайковского. В 1958 году в нем сенсационно победил американец Ван Клайберн, а в 1970 году, когда конкурс посвятили столетию со дня рождения Ленина, лауреатами стали будущие звезды Владимир Спиваков, Гидон Кремер и Лиана Исаказде. О каждом из них писали не меньше, чем о космонавтах.

Каким-то неявным пока образом нерв спора физиков и лириков отзывался на возбуждения других нервных окончаний эпохи. Все было взаимосвязано: конформизм и подрыв устоев, революция и уход в архаику, свобода воли и манипулирование людьми, расширение сознания и массовая культура, новая религиозность и общество спектакля, сексуальная революция и стремление выйти за пределы пола, поиск единства мира и его дробление на бесконечные кусочки. Наступали судьбоносные 1960-е годы, начавшиеся искренним порывом человека в космос и закончившиеся лунной прогулкой как телеспектаклем для масс.

Стремление выйти за пределы было сочтено опасным и взято под контроль. Прошло еще несколько десятилетий, и стало ясно, что в пресловутом споре победили не «физики» и не «лирики», а «крепкие хозяйственники» (в западном варианте «волки с Уолл-стрит»), Это были циничные люди с хваткой, сумевшие взять у лириков слова, а у физиков алгоритмы, чтобы управлять и теми, и другими.

«Крепкие хозяйственники» предпочитают, впрочем, считать себя технократами. Им очень пришелся по душе закон Мура, который очень удобен для постановки «кипай». Однако, подобно тому как в «новой экономике», где бурный рост привел к пузырям на рынке «доткомов» и недвижимости, в некоторых высокотехнологичных областях тоже, возможно, надувается пузырь. Некоторым предвестником его можно считать обрушение рынка криптовалют в конце 2017 — начале 2018 года. Потеряв надежду на то, что власти одобряют децентрализованные финансовые инструменты, инвесторы стали забирать свои деньги с рынка, где большая часть проектов построена на песке. Но разве закон Мура больше не действует? И разве в некоторых областях технологий, прежде всего связанных со связью, не наблюдается рост? Сегодня мы наблюдаем почти безостановочное «ралли» акций, при том, что особых технологических прорывов не наблюдается, а в некоторых областях, например, в исследованиях космоса, мы четко видим стагнацию, если не регресс.

Дело тут не только в экономике. Помните, какие обещания давали Google, Apple и многие другие «компании нового типа» в начале своего существования? Какие прекрасные новые миры всеобщего мира и сотрудничества сулили они? В своем манифесте Стив Джобс стоял за «сумасшедших, неприкаянных, за бунтарей, за тех, от кого жди беды, тех, кто видит вещи по-другому, кто по-другому думает». Но позвольте, разве по-другому видит свой дивиденд инвестор в сверхпродвинутой Apple, нежели вкладчик в старый добрый Walmart или Caterpillar? Разве не старые добрые доллары видны в глазах и того, и другого? Акционеры компании Halliburton тоже могли бы написать у себя в офисе «Don't be evil». А потом пойти привычно косить людей из пулеметов, чтобы освободить место под нефтяные месторождения.

На деле интерпретации зла у этих компаний не слишком сильно отличаются. Не делать зла — значит, не приносить убытков, вовремя выписывать дивиденды инвесторам, завоевывать новые рынки, заниматься промышленным шпионажем, скупать идеи и придерживать их до удобного момента, и всячески мешать это делать конкурентам — разве нет?

Может быть, проблема в экономической системе, которая любое изобретение превращает в новую форму эксплуатации и отчуждения? Логично, что новшества, на которых нельзя сразу обогатиться, воспринимаются куда медленнее, чем те, что способны принести прибыль. Так было, например, с интернетом, доступность которого в мире резко выросла, когда корпорации придумали, как его монетизировать.

Однако еще совсем недавно, по историческим меркам, между развитием технологий и экономикой не было столь прямой связи. Так, в 1930-е годы во всем мире наблюдался реальный, а не придуманный бум новых технических изобретений. В массовое употребление входили легковые и грузовые автомобили, радио, трактора и другие сельскохозяйственные машины, телефон, бурно развивалась авиация, шифровальная техника, появилось телевидение и бытовые электроприборы, антибиотики, пластик, массовая диспансеризация, прививки, новые

технологии строятся, уже разрабатывались космические ракеты...

При этом большая часть мира испытывала жестокий экономический кризис, и в Соединенных Штатах он, пожалуй, чувствовался сильнее всего. Общество было не готово к выходу на новый уровень развития. Науку и технику тех лет уж точно нельзя было назвать «шоу Трумэна», но внедрение новшеств сопровождалось массовой безработицей, голодом, ожесточенной классово-войной, что, в конце концов, вызвало мировую войну. Общественные отношения были таковы, что новые технологии лишь усугубили существовавшие конфликты. Изобретениями и открытиями в первую очередь воспользовались военные. В Мюнхене есть знаменитый музей техники Deutsches Museum, по экспозиции которого можно составить представление о том, насколько высок был уровень немецкой техники в 1930-е годы. Германия развязала мировую войну не в последнюю очередь из-за своего явного научно-технического и организационного превосходства, что создало у немцев уверенность в победе.

Урок 1930-х для человечества состоит еще и в том, что если в глобальной научно-технической гонке появляется лидер, вряд ли он устоит перед искушением обналичить свое превосходство, получить еще большие преимущества и диктовать свою волю всем тем, кто слабее.

Но каковы бы ни были параллели с прошлыми годами и прошедшими кризисами, важен ключевой момент, которых характеризует именно сегодняшний день. Произошли кардинальные перемены в отношениях между наукой, техникой и человеком — перемены, которые уже начинают сказываться буквально на всем.

Техника — это часть культуры, которая развивается на базе науки и упорядочивает материальный мир, изменяя его. В технике сходятся все составляющие человеческого существования, в том числе и физика с лирикой.

При этом техника — инструмент познания и преобразования, который всегда воспринимался неким расширением, продолжением человеческого. Например, технические средства транспорта — своего рода продолжения ног, средства связи и наблюдения — продолжения наших глаз, ушей, нашего голоса, экскаваторы, строительная техника — наших рук. Разве что еда и запахи воспринимаются нами без посредников, хотя техника и влияет и на наше обоняние с осязанием, ибо давно используется в процессах приготовления пищи, производства различных эссенций и так далее.

Связь между техникой и человеком — явление историческое. Она окрепла в пару последних столетий, в ходе череды промышленных революций, которые накатывали на человечество волна за волной. Человек переживал разные исторические периоды, но в целом, начиная с эпохи Возрождения до самого последнего времени у человека было свое уникальное место как субъекта, творца науки, техники, философии, технологических новшеств. Это относилось и к человеку, и к обществу в целом, которое коллективно распоряжалось результатами человеческой деятельности.

С человеком никогда особо не церемонились. Прогресс требует жертв, и властители ценили жизнь своих подданных только тогда, когда их к этому вынуждали. Рабы в просвещенной Греции были «говорящими орудиями», русских крестьян покупали и продавали, как скот, английская буржуазия составила свой первоначальный капитал на «огораживании», безжалостно сгоняя с земли соотечественников, живших на ней веками.

Человек использовался как ресурс, поэтому девиз (пусть и негласный) четвертой промышленной революции «человек — это новая нефть» никого особенно не удивил. Человек и раньше признавался частью материального мира, что позволяло обращаться с ним как с предметом, но все же это делалось с оговорками. Все же предполагалось, что в нем есть неисчисляемые, неалгоритмизируемые качества — такие как «сознание», «душа», «свобода воли». То, что свободу воли можно отобрать, сознание отнять, а душу купить или продать подразумевало, что они есть даже у раба. Впрямую нематериальные понятия описывались не наукой, а философией, и при том что именно науке общество обязано нынешним техническим взлетом, философия также до самого последнего времени ценилась как некий клад мудрости, куда можно слазить за ответами на базовые, ключевые вопросы о бытии и сущем, об отношении тела к разуму и духу, о том, действительно ли мы видим то, что мы видим, или нам все это в самом деле только кажется, и о том, что такое «действительно», «в самом деле» и «кажется».

Таким образом, человек впрямую и целенаправленно не являлся объектом воздействия техники и преобразования материального мира, хотя, конечно, не мог не испытывать на себе последствий собственных действий по подчинению и преобразованию природы.

В последнее время, однако, ситуация кардинально поменялась. Подчинив в огромной степени живой мир планеты и поставив под контроль ее геологические, энергетические, биологические и информационные ресурсы, технократическая элита целенаправленно обратилась к человеку как к ресурсу нового витка развития, сузив это развитие до экономического, и более того, до набора финансовых индикаторов («рост ВВП» и подобные фетиши).

В техническом использовании, сознательной манипуляции и экономической эксплуатации прежде всего человеческого ресурса, вплоть до эмоций, мыслей, видится основная цель «Четвертой промышленной революции». Сегодня речь идет уже не об изменении сознания, а о его отрицании. Это фашистскому режиму нужны были восторженные крики и слезы на глазах обывателей, слушающих фюрера, а в прекрасном новом мире технократов прекрасно обойдутся и без бутафории. Технократам не нужна личность с промытыми мозгами — им не нужна личность как таковая. Им не нужен контроль над сознанием, ибо сознание в любом случае несет риски. Рисков нужно избегать, поэтому лучше перевести субъекты в полностью контролируемые объекты, то есть всегда счастливые машины, не подверженные смерти и страданиям, которые несет сознание.

ДИСКРЕДИТАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Развитие искусственного интеллекта произошло в последние 70 лет волнами, со своими приливами и отливами. Однако темы, обсуждающиеся при этом, меняются мало. Стоит почитать сочинения Норберта Винера, Алана Тьюринга, Станислава Лема или Марвина Мински с тем, чтобы увидеть, как мало сдвинулись с места дискуссии о взаимодействии человека и машины, воздействии машин на общество, рисках и опасностях, поджидающих человечество на этом пути. В последние годы, в связи с успехами глубокого обучения, у многих технократов возникла эйфория, «головокружение от успехов», как сказал бы классик.

Забывают о том, что прогресс коснулся лишь нескольких областей, о которых много пишут средства массовой и немассовой информации. Среди них можно назвать машинное видение, телефонные и онлайн-боты и автономные машины, причем и в этих областях успехи наблюдаются прежде всего в той части, в которой речь идет о выстраивании моделей окружающей среды.

Взаимодействие с человеком даже как с частью окружающей среды и в этих, резко продвинувшихся направлениях исследований, еще вызывает множество вопросов, и решение этих проблем требует еще новых прорывов, в том числе и в фундаментальных науках.

Успех, однако, ударил многим технократам в голову, и они не хотят принимать во внимание ограничения, идущие от общества, воспринимая их как досадные задержки, тем более что открылись новые перспективы масштабного финансирования разработок со стороны государств и крупных корпораций. В атмосфере самонакручивающегося оптимизма технократы заговорили о цифровизации и алгоритмизации не только технологических процессов и автоматических устройств, но и самого человека.

В последнее время в среде научного и инженернотехнического сообщества стало модным отрицать существование того, о чем каждый человек может с уверенностью сказать, что оно точно существует: а именно, сознания. Доктрина «отрицания сознания», представляет собой набор разнородных философских концепций, в защиту которого сомкнули ряды физикалисты, бихевиористы, иллюзионисты и часть функционалистов.

Среди отрицателей сознания и сознательного опыта можно назвать имена многих влиятельных философов, ученых и популяризаторов науки. Среди них патриархи трансгуманизма Рей Курцвейл, известный своими экспоненциальными графиками роста всего, что только может впечатлить, и Марвин Мински, заморозивший свой мозг в Аризоне. К отрицателям принадлежит и элиминативный физикалист Дэниэл Деннет (физикалистами теперь называют вульгарных материалистов, а элиминативные они от слова *elimination* — устранение, то есть если эти ученые не могут что-то объяснить, они делают вид, что этого понятия попросту не существует).

Взгляды этих философов еще несколько десятилетий назад воспринимались бы научным сообществом как маргинальные, при этом мы считаем, что их можно отнести к представителям традиционных направлений в философии: ведь даже элиминативный материализм остается материализмом, а нейрофилософия, которая объединяет в себе самые разнородные и порой конкурирующие взгляды на природу, например, в интерпретации функционального магниторезонансного представления, остается при этом в рамках традиционных онтологических и эпистемологических подходов, не слишком изменившихся со времен Аристотеля, Спинозы и Декарта.

«Вы не властны над тем, что в вас происходит; вы властны лишь над тем, что, как вам кажется, в вас происходит, а мы (нейроученые — *И. Ш.*), даем вам полную, диктаторскую власть над рассказом о том, как вам это представляется, о том, что это такое — быть вами», пишет Деннет, для книг которого российские издатели не жалеют бумаги. Отрицают сознание и основатели нейрофилософии Пол и Патриша Черчленды, и спекулятивный философ из Техаса Леви Брайант, создатель «темной онтологии». Он считает себя Коперником, избавившим человека от бремени находиться в центре философской проблематики. Отрицатели и авторы модных научно-популярных бестселлеров — Стивен Пинкер, Митио Каку, Макс Тегмарк, Юваль Ной Харари...

Все они принадлежат к разным научным дисциплинам и направлениям философии, и вряд ли кто-то из них согласился бы с определением самого себя как «отрицателя». Но характерное недоговаривание собственных мыслей до конца парадоксально сочетается у них со стремлением к эпатажу — для того чтобы понравиться как можно более широкой аудитории и продать как можно больше бумаги. У каждого из упомянутых выше авторов в научном мире есть ярые сторонники, а такие, как Дэниэл Деннет или Юваль Харари, вполне могут соперничать по популярности с Иваном Ургантом или Филиппом Киркоровым.

Свой тезис о том, что сознание это иллюзия, они подкрепляют вполне иллюзионистскими трюками и элементами шоу, и у них не хватает самоиронии, чтобы оценить это со стороны.

Одним из наиболее радикальных «отрицателей» был, например, тот самый философ-анархист Пол Фейерабенд, который считал, что к научной истине нужно приходиться демократическим путем. Нам лишь кажется, что мы видим цвет, полагал Фейерабенд — все ощущения сомнительны, это лишь допущения, которые зависят от обстоятельств. Предвосхищая еще одну модную сегодня концепцию — параллельных вселенных — он говорил, что мы существуем в альтернативных мирах.

Фейерабенд «Нам нужен воображаемый мир (мир-сон) для того, чтобы открыть качества реального мира, в котором, как мы думаем, мы обитаем (и который на самом деле может быть еще одним воображаемым миром)», писал Фейерабенд.

Свой радикальный материализм он называл «научным реализмом», но критикуя «кажимости» с позиций «реализма», он пришел к отрицанию «неправильной» реальности и созданию своих собственных кажимостей, к модному сегодня взгляду о том, что мы живем в альтернативных мирах и параллельных реальностях. Тогда получается, что и философия — кажимость, изучающая кажимости. Вопрос: при чем здесь научный реализм?

«Отрицатели» считают непосредственный опыт иллюзией. Но тогда получается, что факт ощущения опыта как иллюзии — тоже иллюзия, иллюзия в квадрате. Таким образом, мы попадаем в ловушку известного «парадокса лжеца», который описал древнегреческий философ Эпименид. «Все критяне лжецы», утверждал Эпименид, будучи сам критянином. На этом парадоксе, кстати, строятся и теоремы неполноты Гёделя.

Не удивительно, что большинство «отрицателей» отрицают, что они «отрицатели».

ЧТО ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЧУВСТВА ЮМОРА МОЖЕТ ЗНАТЬ О ВОЗДЕЙСТВИИ ШУТОК?

Никакое человеческое познание не может иметь место без сознания и сознательного опыта. Сущее обладает определенными качествами, которые могут быть лишь частично выражены через физические законы, и лишь сознательный опыт открывает эти качества. Английский философ Джон Локк объяснял это так:

«Если ребенка до зрелого возраста держать в таком месте, где бы он видел только белое и черное, он приобрел бы идеи алого или зеленого не в большей мере, чем приобретает идеи особого вкуса устриц и ананаса тот, кто с детства никогда не пробовал их».

Локк жил в бурном XVII веке, когда европейцев, не исключая русских, терзала неуверенность в самих основах бытия. Выход из этого состояния люди видели в лихорадке действия, поступка, и в провоцировании Бога, в существовании которого они в глубине души сомневались, на наказание, поощрение, или хотя бы на какую-то ответную реакцию. Ни цари, ни церкви, ни бог, ни мир не казались настоящими. В России век начался Смутным Временем, а закончился Петром. Европа прошла через разрушительную Тридцатилетнюю войну, а Англия — через череду революций и переворотов. Сын офицера армии Кромвеля, Локк и сам в полной мере хлебнул самых разных передряг. Возможно, это привело его к мысли, что человек — это чистый лист бумаги, на котором, как много позже сказал Мао, можно писать любые письма. Только если китайский кормчий резервировал право писать на человеческом листе исключительно за собой, Локк полагал, что будет правильным, если человек возьмет дело воспитания в свои собственные руки. Английский философ призывал каждого джентльмена заняться самообразованием, приучая себя к самонаблюдению, к сдержанности и вообще к победе над собой.

Локк был уверен, что человек своим базовым идеям обязан опыту, самосовершенствованию и некоторым врожденным понятиям. В «Опыте о человеческом разумении» он описывал пример еще более сложный, чем задачу со зрением. Взрослый слепорожденный научился через осязание отличать куб от шара. Сумеет ли он отличить их без помощи осязания, когда прозреет? Не сможет, считает Локк, ведь опыты зрения и осязания — разные.

Хотя Локк считал, что дети приобретают «некоторые идеи» до своего появления на свет, все же эти идеи «вовсе не есть врожденные принципы» — точка зрения, которую вряд ли приняли бы некоторые современные философы, близкие «отрицателям», например модный и часто издаваемый сегодня когнитивный психолог и популяризатор науки Стивен Пинкер.

Все идеи приходят от ощущения или рефлексии, считал Локк, при этом один источник идей — это «объекты ощущений», а другой — «деятельность нашего ума».

Мысль Локка через три века развил другой английский философ Фрэнк Джексон в своем мысленном опыте «Мэри-сверхчуждая».

Мэри гениальный специалист в области нейрофизиологии зрения, но вынуждена заниматься наукой из черно-белой комнаты с черно-белым телевизором, который связывает ее с внешним миром. Она знает все о физических процессах, связанных с восприятием цвета, но никогда не видела ничего цветного. Она, например, знает, какие комбинации волн, попавших на хрусталик глаза, возбуждают нервные окончания, как проходит сигнал, как центральная нервная система может выдать сигнал к сокращению голосовых связок и к выпуску из легких воздуха, в результате чего прозвучит фраза «Какое небо голубое». Вопрос, заданный Джексоном, таков: когда Мэри выпустят из ее черно-белой комнаты или поставят ей впервые в жизни цветной монитор, на который поступит изображение красного помидора, узнает ли она что-то новое?

Кембриджский философ Чарльз Данбар Брод еще в 1925 году описывал похожий мысленный эксперимент с архангелом, спустившимся на грешную землю. Архангел обладает безграничными математическими способностями и в теории знает все о соединениях веществ и об их воздействии, но оказывается в шоке, ощутив дурной запах собственным носом.

Вот как Брод описывает впечатления архангела: «Он точно знает, какова должна быть микроскопическая структура аммиака, но он абсолютно не сможет предсказать, что субстанция с такой структурой будет пахнуть аммиаком, когда попадет в человеческий нос. Максимум из того, что он может предсказать по этому поводу — это то, что некие изменения произойдут в слизистой оболочке, обонятельных нервах и так далее. Но он совершенно не может знать того, что эти изменения будут сопровождаться неким ощущением, называемым запахом, и то, что это будет конкретно запах аммиака, если только кто-то не расскажет ему об этом или он сам не составит себе представления, понюхав».

Еще через сорок лет психолог Герберт Фейгл описал своего воображаемого марсианина, который изучил вдоль и поперек человеческое поведение и пытается понять, что происходит на Земле в день поминовения жертв первой мировой войны. Фейгл пишет, что марсианин сможет полностью предсказать и объяснить с физической точки зрения поведение человеческих существ, оснащенных зрением, памятью, чувствами, даже чувством юмора. Марсианин, исходя из этого, сможет предсказать все реакции людей, включая возгласы, смех от шуток и скорбь на церемонии поминовения павших. Проблема, однако, заключается в том, что «этот марсианин будет полностью лишен воображения и эмпатии, которая зависит от знакомства напрямую с видами квалиа (то есть осознанных

ощущений — И. Ш.), к которым нужно будет приложить воображение и эмпатию». Возможно, изящнее всех проблему обозначил знаменитый физик Артур Стэнли Эддингтон, задавший вопрос: что человек без чувства юмора может знать о воздействии шуток? Ученые, считал Эддингтон, больше не могут отместить как иллюзию феноменальные аспекты сознания. Однако в будущем, когда гонка за материальными приобретениями и удовольствиями усилится, таковых будет все больше. Такой «моральный материализм» будет представлять куда большую угрозу и для общества, и для науки, чем «философский материализм», предвидел Эддингтон.

Философски осмысливая теорию относительности Эйнштейна, весной 1920 года Эддингтон публикует в журнале Mind работу «Значение материи и законов природы согласно теории относительности». В ней, на первой же странице, Эддингтон выступил с неожиданным для физика заявлением: «Какова бы ни была истинная природа материи, это именно разум конструирует из грубого субстрата знакомую картинку вещественного мира вокруг нас. В настоящей теории нам кажется возможным различить что-то вроде мотивов разума в отборе и наделении вещественностью один частный аспект мира, и видим, что для рационального разума практически не было другого выбора. В нижеследующей дискуссии будет показано, что многие хорошо известные законы физики не являются имманентными для естественного мира, но были автоматически присвоены разумом, когда он делал свой выбор». Эддингтон объяснял чувственный опыт не прибегая к введению новой субстанции, и считал, что материя не существует отдельно от ее воздействия на измерения, а последние, в свою очередь, есть «лишь восприятие умом совпадений».

Интересно, что и Леви Брайант, и такой модный физик и космолог, как Макс Тегмарк, признают реальность лишь за математическими описаниями, и стараются не замечать, что, помимо того, что такой подход ведет к дуализму, эти описания безличны, а значит, и само понятие «наука», подразумевающее «ученого», лишается смысла.

Даниэл Деннет, чрезвычайно модный в среде технократов и преподавателей Вышки, позаимствовал у Герберта Фейгла образ марсиан — с той разницей, что сделал их своими верными последователями. Марсианские ученые Деннета прекрасно понимают землян с их странными ритуалами — а если чего и не понимают, то этого и не надо понимать, потому что этого не существует. В своей книжке «Сладкие грёзы. Чем философия мешает науке о сознании» Деннет обращается прежде всего к молодым читателям, которые впервые слышат от него тезисы, которые философы на самом деле обсуждают не одно тысячелетие. В деннетовском зале мелькают лица программистов, социологов, московских велосипедистов, резидентов Сколково, студентов Высшей школы экономики и других технократов. Создав по ходу «науку о сознании» (не объяснив, правда, зачем ему наука о предмете, который по его собственному определению есть иллюзия), Деннет сразу же противопоставляет ей философию, обрушиваясь по очереди то на Лейбница с его мельницей, то на Декарта с его «картезианским театром». Под конец, под аплодисменты зала, он сбрасывает с корабля современности всех мыслителей прошлого.

«Дефективный набор картезианских метафор» — так он отзывается о теории познания Декарта. Пользуясь расширенной метафорой картезианского театра, в котором человеческое «Я» разыгрывает роль центра сознания, источника целеполагания и воли, старик Деннет крушит феноменологию, вернее, аккуратно возведенные им самими якобы феноменологические декорации, аляповато разрисованные и созданные именно для того, чтобы их театрально и с максимальным грохотом сокрушить. Далее он публично выкидывает сокрушенные декорации как «кажимости» и делает селфи с декорациями.

Деннет требует редукции ментальных состояний к тому, что принципиально ими не является: «В норме достаточным основанием для того, чтобы иметь опыт, служит последующий вербальный отчет», пишет хитрый фокусник.

Отказываясь от «духовной субстанции» Декарта, мы, следуя ультиматуму, поставленному Деннетом, должны отказаться и от ментальных явлений вообще.

При этом, по меткому замечанию московского философа Давида Израилевича Дубровского, «Деннет сооружает такую систему декораций, ролевых игр и объяснений, которую в его же манере можно назвать «Театром Деннета». В «театре Деннета», который явно учился искусству самопрезентации у структуралистов и постструктуралистов, ничуть не меньше иллюзионизма, чем у Декарта или любого другого философа.

Взгляды отрицателей сознания еще недавно воспринимались большинством ученых как радикальные, но теперь они становятся частью научного мейнстрима. Но как такое стало возможным?

Думаю, что на восприятие серьезными исследователями проблемы сознания повлияли успехи машинного обучения. Дело в том, что обучение — по большей части понятие психологическое. Обучаться чему-то — значит определенным образом адаптироваться, приспособливать свои познавательные, они же когнитивные способности к новым ситуациям, возникающим по ходу развития.

То есть обучение — когнитивный процесс, которое вполне может совершаться так называемыми «философскими зомби» — то есть существами, которые делают все то же, что обычные люди, только ничего при этом не сознают, выполняя действия как бы на автомате. «Философскому зомби» не требуется представлять синее как именно синее, чтобы разобраться в свойствах воды и переплыть реку, с него достаточно умения плавать. Какие-то феномены сознания не имеют значения, и такое обучение вполне укладывается в алгоритмический процесс. Главное — правильно дышать и координировать движения рук и ног, а образы в голове никак не повлияют на скорость заплыва.

Конечно, могут быть нюансы: в процессе обучения важна, например, окружающая среда. Например, когда

большевики в своих туремных «университетах» или партийных школах изучали классическую немецкую философию, в их головах, вероятно, откладывались не только тезисы Гегеля и Фейербаха, но и то, в каких обстоятельствах происходила учеба. В результате они сдували с немецкой философии пенку абстрактности, а следовательно, некоторой невесомости и даже воздушности, оставляя лишь тяжелый осадок, который и составляет суть. Суть эту они и доносили до масс, без всяких сантиментов, и кому-то в итоге приходилось очень несладко.

Таким образом, важно было не только что учили большевики, но и где и в каких обстоятельствах они это делали. Это придавало обучению феноменологический привкус — но в сущности, подобное можно вынести за скобки самого процесса обучения, и построить его как чисто психологический. То же самое касается категоризации и памяти.

Чрезвычайно большое влияние на современные философские и научные теории сознания оказала опубликованная в 1995 году книга канадца Дэвида Чалмерса «Сознающий разум».

В ней Чалмерс разделил феноменальный и психологический подходы, объясняющие сознание. Второй подход, описывая душу и сознание так же, как другие науки описывают материальный мир, довольно легко позволяет ввести редукционистские модели сознания, то есть свести его к физическим процессам. Так, психология понимается как часть биологии, основной принцип которой — теория естественного отбора.

Технократы обычно строят свои модели сознания на основе тех или иных изводов бихевиоризма. Бихевиоризм предполагает, что всё человеческое поведение описывается реакцией организма на внешние воздействия. Некоторые из этих воздействий могут иметь долгосрочный эффект, откладываясь в памяти, реакцию на них можно закрепить в поведении при помощи кнута или пряника, то есть подкрепления. Кстати, примерно так работают сегодня определенные типы искусственных нейросетей, применяемых при машинном обучении.

Таким образом, сознание описывается как механизм, к которому прикладываются стимулы и который рождает определенные реакции. Помимо бихевиоризма, есть и другие подходы, направленные на то, чтобы редуцировать сознание, то есть свести его к исчисляемым количественно функциям мозга, к эволюции, «защитой» в генотипе и к окружающей среде. Это и физикализм, он же логический позитивизм, и функционализм, и другие версии «вульгарного», по выражению Фридриха Энгельса, материализма.

В эмоциях очень важен феноменальный аспект, но есть в них и важный психологический аспект, поэтому бихевиористы объясняют нейропсихологией особенности поведения, связанные с эмоциями.

Феноменальный же подход никак не может обойтись без метафизики, более того, метафизики, ставящий человека и его сознание в центр происходящего.

Почему вообще должен существовать сознательный опыт? — спрашивал Чалмерс. Почему все, от визуальных ощущений цветов, от чувства едва уловимых привычных ароматов, от резких болей до ускользающих мыслей, которые мы должны припомнить, от зуда до глубокого экзистенциального ужаса, от вкуса конфеты до всеобщности опыта самости — мы должны чувствовать как внутреннее, протяженное во времени переживание? Почему ментальные картинки как бы всплывают из памяти, когда мы этого хотим? Почему одни и те же концепции — добро и зло, например, или произведения искусства — означают для разных людей разные вещи, более того, одними и теми же людьми в разные периоды жизни воспринимаются по-разному. Проблема не в том, что японец и европеец по-разному понимают добро — а в том, что два европейца понимают его по-разному. В двенадцать лет «Анна Каренина» кажется занудной тяготинкой, не имеющей к тебе отношения, в тридцать пять вдруг может прийти сопереживание по отношению к Анне, через десять лет вы можете переоценить героев романа, и вдруг начнете сострадать ее мужу. А сколько интерпретаций «Гамлета» родилось за историю существования театра? Тысячи. Да и любой режиссер скажет вам, что каждый спектакль меняется на протяжении своей жизни, то есть одна и та же пьеса с одним и тем же актерским составом у одного и того же режиссера может менять трактовки и смыслы.

Американский философ Нед Блок, словно отзываясь на запрос Чалмерса о проработке новых подходов к теории сознания, выдвинул концепцию двух типов сознания. Сознание-доступ (access consciousness, A-consciousness), по Блоку качественно отличается от феноменального сознания (phenomenal consciousness, P-consciousness). Именно с сознанием-доступом имеют дело новейшие технологии распознавания лиц. Его можно описать в терминах когнитивных наук, функциональности и намерения (интенции), что тоже описывается бихевиоризмом. Помимо распознавания какого-либо объекта или узнавания чьего-либо лица, сознание-доступ имеет дело с воспоминаниями о прошедших событиях и тому подобном. Феноменальное сознание включает в себя опыт, получаемый в результате различных видов восприятия (зрительного, слухового, тактильного). Обратим внимание на то, что именно эти свойства важны для нашего восприятия искусства, будь то театр, живопись, и в меньшей мере текст, хотя и текст можно представить себе в виде череды ментальных образов, а воспоминания о тексте книги не будут по сути отличаться от восприятия театральной постановки. В отличие от сознания-доступа, феноменальное сознание обладает свойством восприятия квалиа. Именно феноменальное сознание ответственно за возникновение разрыва в объяснении или трудной проблемы сознания, описанной Чалмерсом.

Когнитивные науки достаточно успешно занимается исследованиями сознания-доступа — хотя и не без проблем, особенно если речь идет о распознавании цельных образов.

Однако феноменальное сознание в когнитивных науках практически игнорируется, тогда как именно феноменальное сознание является главной загадкой, требующей решения.

И Блок, и Чалмерс считают, что сознание-доступ возможно без феноменального сознания и наоборот. Для описания

этого явления Чалмерс придумал целую концепцию «философских зомби» — существо, полностью подходящих под описание людей, но только не отдающих себе отчета в том, что они делают, то есть не обладающих феноменальным сознанием. По идее, те, кого опера или балет оставляют равнодушными, попадают под это определение. Отсутствие связи между двумя видами сознания может быть причиной того, что понимание одного из них мало даёт для понимания другого.

Технократы, впрочем, предпочитают игнорировать эти проблемы. Казалось бы, что может быть реальнее сознания? Мы все, и технократы, и те, кто с ними не согласен, сознаем, а многие технократы даже в оперу ходят. Однако, им проще отрицать существование сознания или переопределить его так, чтобы оно перестало бы по сути им быть.

Поэтому они приветствуют всяческую дискредитацию метафизического и феноменального. Такая дискредитация началась еще во второй половине XIX века, сначала с искусства, а потом перешло и в науки — сначала в естественные, потом, через психологию — в особенности тут постарался Фрейд и его последователи, провозгласившие, что ментальное не зависит от феноменального. Так дискредитация феноменального распространилась по наукам о человеке, и, наконец, добралась до философии.

УРОКИ ХАЙДЕГГЕРА

Разбирая, что не так с сегодняшними отрицателями сознания, реальности и человеческого в человеке, я не раз буду обращаться к творчеству немецкого философа Мартина Хайдеггера. Он относится к числу мыслителей, наследие которых еще ждет своего настоящего открытия. Писал он порой настолько темно, что это породило множество самых разных толкований. Но любой непредвзятый исследователь должен признать, что Хайдеггер был одним из первых, кто зазвонил в тревожный звоночек, глядя на то, в каком направлении развиваются технологии начала XX века. С немецкой обстоятельностью он посмотрел в корень проблем и ужаснулся: ему стало понятно, что техника не столько развивает человеческие способности, сколько заполняет пустоты в душе европейцев, образовавшиеся после того, как оттуда ушел сначала Бог, а потом и вообще все то, что не помещается в узких рамках наблюдаемой нами реальности. Некоторые западные мыслители вроде Фридриха Ницше приветствовали смерть Бога, другие понимали что свято место пусто не бывает и техника, заняв место Бога, приведет человечество к неслыханному закабалению без возможности спасения.

Хайдеггер она был лишен иллюзий, в которых пребывали многие мыслители — его современники, прежде всего позитивисты, с энтузиазмом принявшие, как им казалось, новые средства продления и усиления человеческих возможностей. Позитивистов первой половины XX века вполне можно сравнить с сегодняшними технооптимистами, которые как тогда, так и теперь отметают с ходу любую критику. Оптимизм по поводу того, что новые технологии принесут человечеству свободу и счастье, несколько поулег после двух мировых войн и ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Это не случайно совпало с кризисом позитивизма — именно тогда критические взгляды Хайдеггера на техническую цивилизацию и то, как человеку жить в ней, на что надеяться и что делать, стали распространяться среди мыслящих людей. Работы его учеников и последователей стали доступны широкой публике в основном под видом философии экзистенциализма, прежде всего французского. Такие мыслители, как Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, чье творчество во многом основано на развитии тезисов и понятий Хайдеггера, стали властителями умов — правда, ненадолго, ибо человечеству свойственно забывать уроки истории, даже написанные кровью миллионов жертв. Критика технократических подходов со временем забылась, люди стали считать стабильное положение и рост благосостояния, достигнутый после второй мировой войны, чем-то совершенно естественным и не требующим постоянного осознания пределов возможностей такого развития. Тут подоспела и третья, а затем и четвертая промышленная революция, которые, в сочетании с дешевой человеческому труду в развивающихся странах, сделали товары очень доступными. Капитаны индустрии, заинтересованные в сохранении выгодных для них бизнес-моделей, стали поощрять ту культуру, ту науку и ту философию, которая позволяла им концентрировать в своих руках все больше ресурсов, денег, и, в конечном итоге, власти.

Сегодня, как и сто лет назад, критических голосов слышно всё меньше и они принадлежат маргиналам. Технооптимисты овладели всеми рычагами власти и научились строить свою гегемонию, опираясь на труды критиков предыдущей технологической волны — в том числе того же Хайдеггера. Однако Хайдеггера мудрено вписать как в технооптимистическую партийную линию, так и в технопессимизм, построенный на чистом отрицании — его мысли выпирают, они многозначны и всегда неудобны. На историю философии его идеи тоже списать не получается, как бы этого не пытались, ибо они весьма актуальны и сегодня, как я показываю в том числе и в этой книге. Большой интерес, в частности, представляют его взгляды на будущее, в котором он видел возможности нового старта для цивилизации. Об этом я пишу в главах книги, посвященных социальной сингулярности и человеческой сингулярности — двум решающим событиям будущего, которые невозможны одно без другого и потребуют от людей новой осознанности и свержения потребительских идолов. Я очень рекомендую обратиться к таким работам Мартина Хайдеггера, как «Вопрос о технике», «Наука и осмысление», «Преодоление метафизики», «Время картины мира», «Поворот» и другие. Кроме этого, много важных мыслей и прозрений, о некоторых из которых пойдет речь ниже, содержится в его «Черных тетрадах», хотя их вряд ли можно назвать самыми простыми текстами для понимания.

Сегодня, когда глобальная победа связанного с потребительскими идолами Цифрового Левиафана кажется неминуемой, полезно понимать, что даже в самый черный момент истории еще не всё потеряно. Об этом говорит в том числе и опыт Хайдеггера, который ошибался и ошибался жестоко — в том числе и потому, что жестокий XX

век не оставляя ему особенного выбора. Но даже его ошибки, которые можно объяснить, но, пожалуй, невозможно принять, закладывают основания для надежды.

Прежде чем перейти к некоторым из важных идей великого немца, о которых сегодня принято помалкивать, я хотел бы остановиться поподробнее на некоторых фактах жизни Хайдеггера. Всякий раз, когда мы начинаем обсуждать его идеи, возникает тема его сотрудничества с нацистами: таким образом, его наследие легче отвести как некий набор фашистских идей. Разговор о фактах его биографии, связанных с этим, необходим не для того, чтобы как-то обелить философа, а чтобы лучше разобраться в том, что им двигало.

Спросим прямо, сотрудничал ли Хайдеггер с нацистами? Разумеется, и еще как. Философ был избран ректором Фрайбургского университета 21 апреля 1933 года, через три месяца после прихода Гитлера к власти. Через неделю он вступил в нацистскую партию, а еще через три недели выступил в актовом зале, украшенном свастиками, с тронной речью, в которой провозгласил, что теперь наконец-то университет обрел полностью немецкий дух. В зале присутствовали штурмовики и видные партай геноссе, без поддержки которых ему не быть бы ректором. В партии тогда было очень влиятельно антикапиталистическое крыло, уничтоженное в междуусобице год спустя, и это крыло могло испытывать интерес к идеям Хайдеггера для идеологического обоснования своих позиций.

Избранию Хайдеггера предшествовала череда событий, связанных с его когда-то другом и учителем Эдмундом Гуссерлем, который был крещеным евреем. Когда-то именно Гуссерль — на тот момент звезда первой величины в немецкой философии и основоположник феноменологии — повсюду продвигал Хайдеггера и помог ему занять место главы философской кафедры во Фрайбурге — эту должность он занимал перед уходом на пенсию. Но уже в начале тридцатых два философа стали конфликтовать: Хайдеггер уходил от феноменологии всё дальше. Время было такое, что конфликт окрасился в национал-социалистические цвета. 6 апреля 1933 года рейхскомиссар земли Баден Роберт Вагнер отстранил от работы в госучреждениях всех евреев, опережая нацистские расовые законы, которые были выпущены несколько позже. Гуссерль потерял пенсию и другие весьма существенные академические привилегии. Через пять лет он умер. Его ученик Мартин Хайдеггер не присутствовал на кремации учителя, более того, он убрал посвящение Гуссерлю в своей главной работе «Бытие и время». Разумеется, посвящение книги еврею в нацистской Германии было попросту невозможно, но к необходимости выживания явно примешивался и личный конфликт.

Хайдеггер вел философский дневник, известный как «Черные тетради», который долгое время не публиковался. В 1939 году философ записал там: «Чем более оригинальными и плодотворными становятся грядущие решения, тем более недоступными они становятся для этой расы (Хайдеггер имел в виду евреев — *И. Ш.*)».

Американский философ Ханна Арендт, у которой в двадцатые годы был роман с Хайдеггером, обвиняла своего любовника и учителя в скоропостижной смерти Гуссерля, назвав его «потенциальным убийцей». Впоследствии одной из главных тем ее философских размышлений стала «банальность зла» и то, как обычные люди в тоталитарных обществах своим молчанием соучаствуют в жестокостях этих режимов. Впрочем, из Германии Арендт уехала задолго до смерти Гуссерля.

Многие нацисты, впрочем, с иронией относились к Хайдеггеру и высмеивали его тексты, которые они были не в состоянии понять. Ректором Фрайбурга был лишь год, хотя после своей отставки оставался в штате университета, а в партии состоял до конца войны.

В 1945 году в письме сыну он так объяснял свое ректорство при нацистах: «Ректорство было попыткой увидеть в движении, при всех его недостатках и жестокости, что-то более долгоиграющее, то, что однажды может выявить западную историческую сущность Германии. Ни в коем случае я не стал бы отрицать, что в те годы я верил в такую возможность и поэтому отошел от своей настоящей деятельности [как философа — *И. Ш.*] в пользу эффективной работы в официальном качестве».

Есть воспоминания свидетелей, где говорится о вызывающей независимости Хайдеггера в эпоху «тысячелетнего рейха», которая продлилась двенадцать лет. Пишут о его брезгливом отказе от римского приветствия и о том, что в военные годы окружение Хайдеггера во Фрайбурге было уникальной средой, где люди позволяли себе открытую критику режима. В 1944 году профессора сняли с преподавания и послали рыть окопы. Тогда все преподаватели были поделены на три категории, и на физические работы отправляли наименее ценную для рейха группу.

Философ уже в конце 1933 года увидел, что германский порыв не привел к перемене мироустройства, которой он так жаждал, к возвращению метафизическому его должного места, а вместе с этим возвращению человечеству всего спектра достойных его возможностей.

Хайдеггер, как и многие немецкие интеллектуалы, думал, что становятся свидетелями не просто национал-социалистической революции, но переворота всего бытия. Словесную трескотню и стремление к материальной власти они приняли за служение. Им импонировала кажущая решимость и собранность, за которой стояла пустота — даже большая пустота, чем раньше. Такие, как Хайдеггер, думали, что ожили боги вагнеровского «Кольца Нибелунга», которые отнимут власть у расчетливых и злобных финансовых гномов, но на деле примитивные политические активисты сами оказались гномами. Клоунада с каждым годом становилась все страшней, и новые гномы с удвоенной силой продолжили выкачивать из бытия воздух великих идей и стремлений. Они продолжили штамповать из людей предметы, послушных исполнителей, тем самым готовя почву для создания сегодняшнего Цифрового Левиафана. И когда клоунада утонула в крови, на место вернулся все тот же старый мир, освоивший новые приемы и инструменты, мир, который как ни в чем не бывало продолжил окукливание в тотальной инвентаризации.

Но и разочаровавшись, Хайдеггер оставался захвачен вулканическими мировыми процессами и заворужен мощью исторической судьбы. Он просто перенес событие, которого ждал, в будущее, ушел в себя и продолжил работу. В мае 1945 года в покрытых лесом швабских горах над занятым французскими оккупационными войсками Фрайбургом Хайдеггер читает близким Гельдерлину, Канта, средневековую схоластику, и снова возвращается к Гельдерлину. Крестьяне, приглашенные профессором, приносят нехитрое угощение. Со стороны может показаться, что нищие празднуют что-то ведомое только им, над столом порой виснет голодная тишина. Но всё погружено в мысль, за которой следуют, потому что материальный мир исчез, он не имеет никакого значения. «Мы стали бедными, чтобы быть богатыми». Здесь и сейчас происходит сосредоточенная, молчаливая битва героев с гномами за кольцо могущества. Когда это еще повторится?

Новые власти, по большей части состоящие из перекусившихся конформистов, переметнувшиеся на сторону победителя академики и журналисты начинают свое долгое расследование. Кто вы, доктор Хайдеггер? Шарлатан или нераскаившийся нацист, тайный враг? Не следует ли заткнуть его раз и навсегда, чтобы яд его речей не смущал умы сейчас и в грядущем, которое еще кто знает, как обернется?

После войны Хайдеггер подлежал денацификации, и Арендт, надо отдать ей должное, свидетельствовала в его пользу — в отличие от философа Карла Ясперса, тоже коллеги Хайдеггера. В итоге его выгнали из университета как «последователя» нацистов и в течение шести лет ему было запрещено преподавать.

Именно в это время философ стал наездами бывать во Франции, где его идеи начали укореняться еще до войны. Там его считают одним из ведущих философов XX столетия, признается его решающее влияние на французский экзистенциализм.

Сочетание немецкой философии, построенной на преодолении почвы, крови и судьбы, с французской склонностью ставить под вопрос общепринятые иллюзии и все время искать альтернативы реальности, уже не раз запуская в ход мощнейшие процессы в человеческой истории. Достаточно вспомнить Маркса, философского отщепенца, маргинала, несмотря на свое блестящее образование и докторантуру в классической немецкой философии. Только переехав в Париж и напитавшись духом французского утопизма, он нашел себя и свои основные идеи о конкретных путях радикального изменения мира. Добавив, при помощи Энгельса, английского умения переводить отвлеченные идеи в практическое русло, Маркс действительно сумел сдвинуть мировую ось и запустил развитие мира по совершенно новой траектории.

Будучи разными, немецкий и французский подходы к мышлению и основным проблемам бытия лучше всего работают в присутствии друг друга, когда есть напряжение, образуемое разностью их потенциалов. Так, весьма плодотворной оказалась критика Декарта Лейбницем. Точным ударом философского скальпеля француз создал науку, отделив человеческое сознание от гигантской машины физической Вселенной. Немец мощным рывком, подкрепленным блестящей математикой и логикой, вернул сознание в мир, да так, что оно оказалось в глубине всех вещей. Тем самым сама европейская философия, вышедшая из хитона Платона, вернулась к истокам, и с тех пор так и продолжает осциллировать между природой и ее зеркальным отражением, между мыслью и наблюдением, между интуицией и числом, между Декартом и Лейбницем. Интересно, что английские философы всегда ощущали свой отрыв как от французов, так и от немцев.

Идеи Хайдеггера также вполне развились во Франции, куда вместе с ними переехал и дух немецкой философии, которая была практически раздавлена второй мировой войной. Франция стала для философа духовным убежищем, а впоследствии и местом, где его идеи получили второе дыхание.

Но до конца жизни, да и после смерти философа пятно его сотрудничества с нацистами не было смыто. При этом факт его сотрудничества с гитлеровцами вовсе использовался для дискредитации наследия Хайдеггера его научными противниками, прежде всего теми англо-американцами, которые заложили основание современной аналитической философии. Здесь стоит привести имена двух «отрицателей сознания»: американского философа Ричарда Рорти, и английского логического позитивиста сэра Альфреда Айера. Айер, которого друзья и студенты называли «Фредди», был профессором логики в Оксфорде, а во время войны служил в британской разведке MI-6. Он оставил след в истории философии своим развитием идей Венского Кружка и прежде всего принципом верификации, который он выдвинул в своей книге «Язык, правда и логика». Книга эта вышла примерно в то самое время, когда Хайдеггер в своих лекциях говорил о «внутренней правде движения», имея в виду национал-социализм.

По мнению Айера, экзистенциальные концепции Хайдеггера совершенно не поддаются верификации через эмпирические доказательства или логический анализ, и поэтому должны быть отвергнуты. Он всегда считал взгляды Хайдеггера «ядовитым пятном на теле философской мысли».

Рассказывают такой случай из жизни Айера. Уже после своей отставки он читал лекции в Америке, в Бард Колледже в Нью-Йорке. Как-то раз его пригласили на вечеринку, которую устраивал модный дизайнер Фернандо Санчес. Профессор, которому тогда было 77 лет, увидел, как знаменитый профессиональный боксер Майк Тайсон грубо пристает к начинающей модели. Девушку звали Наоми Кэмпбелл. Айер подошел к боксеру и вступился за девушку. «Да ты знаешь, кто я такой? — прорычал боксер и прибавил непечатное слово. — Я чемпион мира в тяжелом весе». «А я бывший профессор логики, — сказал Айер. — Мы оба известны в наших областях, так что давайте поговорим как разумные люди». Тайсон опешил, и тут Наоми Кэмпбелл выскользнула из его хватки и убежала.

Стремление к рациональности оставалось с Айером до конца жизни, хотя перед смертью он вдруг стал ставить

которые свои убеждения под сомнение. Ему случилось пережить опыт клинической смерти, который он описал в своей статье «Что я увидел, когда умер». «Этот опыт слегка поколебал мое убеждение, что моя подлинная смерть будет настоящим концом меня, хотя я продолжаю надеяться на то, что так и будет». Через несколько дней он снова вернулся к этому вопросу в своих размышлениях, заметив со свойственной англичанам иронией, что «Я должен был сказать, что мой опыт ослабил не мою веру в то, что нет жизни после смерти, а скорее мое негибкое отношение к этой вере».

Если бы Хайдеггер, член НДСАП с 1933 года и Айер, председатель Британского гуманистического общества, встретились во время войны, это была бы, скорей всего, схватка врагов. Но перед смертью и тот, и другой дали волю сомнению — сомнению как способу выйти из оков того самого разума, которому они служили, хотя и каждый понимая это по-своему.

«Каждый гуманизм либо укоренен в метафизике, либо является почвой для оной», писал Хайдеггер в своем «Письме о гуманизме». Для логических позитивистов это звучало и звучит анафемой, но смог ли сэр Айер объяснить свои поступки, например, защиту модели от боксера, собственным рациональным интересом? Или все-таки в этом было что-то от стремления к некоему идеалу поведению и идеалу общества, основанного на таких идеалах?

Уже после войны, читая лекцию в Бремене, Хайдеггер сказал фразу, которую ему будут припоминать до конца жизни: «Сельское хозяйство сегодня — это моторизованная отрасль пищевой промышленности, по сути то же самое, что производство трупов в газовых камерах и концентрационных лагерях, то же самое что блокады и низведение через них целых стран к голоду, то же самое, что производство водородных бомб».

Интересно, что практически то же самое говорит и пишет сегодня израильский философ и спикер Юваль Ной Харари. Вот что он написал в своей статье в газете «Гардиан», опубликованной в 2015 году: «Животные — главные жертвы истории, и обращение с прирученными животными на промышленных фермах — это, вероятно, худшее преступление в истории человечества. Движение человеческого прогресса усеяно трупами животных... Сельскохозяйственная революция создала совершенно новые типы страдания, которые лишь усиливались по мере того, как одно человеческое поколение сменяло другое... Изучение учеными животных сыграло ужасную роль в этой трагедии. Научное сообщество использовало свое растущее знание о животных для того, чтобы манипулировать их жизнями все более эффективно, поставив их на службу человеческим индустриям».

Харари развил эту мысль в книге *Homo Deus*, вышедшей в 2017 году: «Для Библии это совершенно в порядке вещей — уничтожить всех животных в наказание за грехи, в которых погряз *Homo Sapiens*, как будто скверное поведение людей сделало ненужными жирафов, пеликанов и божьих коровок. В Библии невозможен поворот событий, при котором Господь, раскаявшись, что сотворил человека, стер бы этого порочного примата с лица Земли и затем коротал вечность, любуясь мелкими проделками страусов, кенгуру и панд».

Харари много раз сравнивал убийства тех же цыплят на птицефабриках или свиней на мясокомбинатах с геноцидом, но, в отличие от Хайдеггера, никто не обвинял его в кощунстве, неуместных сравнениях и обелении нацизма.

В 1966 году Хайдеггер дал интервью двум ведущим немецким журналистам той поры, Рудольфу Аугштайну и Георгу Вольфу из журнала «Шпигель». В нем он согласился ответить на вопросы о своих политических взглядах в том случае, если интервью будет опубликовано посмертно. Оно и было опубликовано в этом журнале через десять лет.

Интересно, что Георг Вольф в году войны служил хаупт-штурмфюрером СД, то есть в эсэсовской контрразведке, и написал в «Шпигеле» статьи, безукоризненные с точки зрения нацистской расовой теории. После войны, с приходом американцев, он перестроился и стал служить новым хозяевам, как и вся западногерманская пресса.

В интервью Хайдеггер защищал свое сотрудничество с нацистами, говоря, что во-первых, этому просто не было альтернативы. Во-вторых, он пытался спасти университет и науку в целом от политизации: все-таки тому же Гуссерлю дали умереть своей смертью. Хайдеггер признал, что увидел в приходе нацистов знак пробуждения (*Aufbruch*), которое он предсказывал в своих работах, пробуждения страны, находившейся на грани национальной и социальной катастрофы, для совершенно нового подхода. Хайдеггер думал, что это только начало, первые шаги, за которыми последуют другие. Сегодня мы можем только спекулировать на тему того, возлагал ли он надежды на левое крыло штурмовиков, которые требовали более радикального социального поворота, или рассчитывал на то, что запущенный процесс приведет к появлению совершенно новых сил и новых идей. Его дневниковые записи в «Черных тетрадах» слишком туманны и абстрактны, чтобы можно было дать им однозначное толкование.

Так или иначе, Хайдеггер перестал верить в возможность нового поворота после кровавой «Ночи длинных ножей» летом 1934 года, когда нацисты вырезали руководство штурмовиков, в том числе Георга Штрассера и Эрнста Рёма. Речь, разумеется, шла о борьбе за власть между разными крыльями нацистов. Рём и Штрассер считали, что пора устраивать вторую революцию и перераспределить богатства страны в пользу низших слоев, в то время как Гитлер, которого поддерживала аристократия и крупная буржуазия, хотел наладить хорошие отношения с верхушкой армии.

Тем не менее, можно сравнить эту позицию Хайдеггера с определенными ожиданиями многих современных философов и историков в России. Эти люди ждут от элит осознания тупиковости сегодняшнего пути и необходимости нового поворота, при этом они готовы простить этим элитам как прежние грехи, так и возможные тоталитарные методы управления и насилия. Однако социальная сингулярность едва ли будет достигнута на путях

сохранения богатств и власти за существующими сегодня элитами.

ТЕХНООПТИМИЗМ КАК ВЕЩЬ В СЕБЕ

Распространенность в научной и инженерно-технической среде начала XXI века концепций, отрицающих сознание, выглядит, на первый взгляд, парадоксально.

Ведь человек с Нового времени осознал себя субъектом, творцом истории и хозяином природы. Мартин Хайдеггер писал о том, что весь мир с того времени воспринимается человеком как картина, предметно противопоставленная ему, поставленная перед ним. Мир как картина целиком переходит в сферу компетенции человека, оказывается в его распоряжении и только потому существует.

Даже сама физика шаг за шагом приобретает антропологические черты, при том что одним из главных предметов физики становится человек, исследование человека.

В конце XX века известные ученые и евангелисты трансгуманизма, такие как Рэй Курцвейл или Марвин Мински, стали предсказывать близкое наступление бессмертия и переход человечества под управление «сверхразума». От «Станете как боги» Эриха Фромма до «Ното Deus» Юваля Харари прошло, в сущности, не так много времени.

Футуролог Элфин Тоффлер провозгласил в конце 1970-х-на-чале 1980-х приход «Третьей волны», под которой подразумевалась полная и окончательная смерть идеологий и победа социально озабоченной, сознательной (стоит подчеркнуть это слово) технократии.

Технократы всегда нуждались в инвесторах, таким образом уже давно родился запрос на технооптимизм. В разные времена его мировоззренческое обоснование принимало разные формы, а в наше время пошло по самому простому пути. Этот путь — отрицать существование сознания или так его переопределить, чтобы проблема исчезла с глаз долой. Пытаются описать сознание как сумму когнитивных и поведенческих функции, как декартовскую машину, которую можно разобрать на части. В таком описании, через сумму частей, сознание перестает содержать нередуцируемый, метафизический аспект, и по сути перестает быть самим собой.

Интересно, что в 1920-30-е годы, во времена Бертрانا Рассела и позитивистов, считалось, что физика никак не отрицает сознания. Более того, мыслители той поры активно работали над определением границ науки и прекрасно понимали, что сама наука — это форма познания, а следовательно, и сознания. Даже если пользоваться машинными аналогиями, нельзя описывать работу мотора автомобиля, при этом утверждая, что автомобиля не существует. В таком случае может идти речь о стендовой модели мотора, да и тут возникнет вопрос: а с какой целью мы описываем стендовую модель, зачем она нужна? Это чисто абстрактные входы и выходы, и некое устройство, висящие между ними в пустоте?

Допустим, мы провозгласили существование автомобиля никому не нужной метафизикой, и описываем мотор исходя из его собственных «свойств». Но тогда можно ли рассуждать о лучшей или худшей модели, о лучшем или худшем моторе, лучшей или худшей физической теории? Лучшей или худшей она может быть лишь по отношению к реальности, которую она описывает. Провозглашая физику «вещью в себе», мы прекращаем развитие физики.

«Физика ради физики» перестает быть физикой — это несколько напоминает влияние на искусство тезиса «искусство ради искусства». Можно аргументированно показать, что этот тезис убил искусство, вынув из него душу и стимул для развития. Чтобы развивать нашу стендовую модель мотора и делать ее совершеннее и лучше, нам придется прийти к концепции автомобиля как единого целого. То есть, в случае с сознанием, вернуться к тому, что провозглашается «метафизикой».

Да, сознание в целом — это метафизика, в то время как какие-то аспекты его работы можно объяснить физикой. Но этот принцип вообще нормален для науки, мы им пользуемся, даже когда говорим о развитии вычислительной техники. Работа процессора последней модели — это физика, но его совершенствование и цель его совершенствования, и появление через год нового, более совершенного процессора — это метафизика. Более того, метафизика — это и рассказ о работе реально существующего процессора. Мы можем описать через физику голосовые частоты девушки, рассказывающей на стенде о том, как работает мотор, можем описать молекулы духов, которыми она пользуется, но сам ее рассказ о том, как работает мотор, будет чистой метафизикой.

«ПРОСЧИТЫВАНИЕ БУДУЩЕГО» КАК КОНЕЧНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Мартин Хайдеггер понимал нынешний торжествующий футуризм как предельное выражение историзма: «Когда историзм достигнет полноты, он захватит также просчитывание будущего, полагая при этом получить власть над «вечностью».

Просчитывание будущего — главная, пожалуй, технология «четвертой промышленной революции» — нужна для получения над ним власти. Когда это просчитывание находится под контролем существующих правительств, оно необходимо им для проецирования своей власти в будущее. Но все больше это «просчитывание будущего» переходит в руки технократических элит, которые все чаще определяют политику государств, но еще пока не правят ими напрямую — прежде всего потому, что не могут скрыть свое презрение к демократии.

Власть над историей нужна им затем, чтобы ее не терять, а для этого историю желательно раз и навсегда остановить. Крах коммунизма в 1991 году был принят за окончательную победу просчитывания будущего, но расчеты на конец истории оказались не совсем точными. Конец истории — динамический процесс, нуждающийся в постоянном контроле и обратной связи.

Просчитыванием будущего и проецированием в него власти или разнообразных схем захвата власти занимаются в мире десятки институтов. Цель вариативных планов и концепций, над которыми трудятся эти институты, именно в сохранении власти и собственности в руках тех, кто подобные исследования заказывает. «Если мы хотим, чтобы

ничего не менялось, нужно изменить все», говорил герой романа Томмазо ди Лампедуза «Леопард».

Внутренняя суть власти, на которую дает право лишь капитал, не должна меняться, при этом внешние формы этой власти сменяемы и обсуждаемы. Как у Лампедузы: возможно, сардинский король для этой цели послужит лучше неаполитанского. Диктатура технократов, скрытая или прямая, может рядиться в одежды республики или монархии, авторитарного правления или олигархического, главное состоит в том, какие решения принимаются и кто является их бенефициаром.

Цель просчитывания будущего — управление им, а значит, власть над историей. Но власть технократической элиты над историей означает несвободу всех остальных — да и самой этой элиты, ибо ее поведение будет определяться принятым планом контроля над историей, и те, кто будет оказывать плану сопротивление, в том числе и из ее рядов, будут восприниматься как враги или отступники.

Свободу воли технократы приравнивают к свободе выбора, а у робота уже сегодня даже в рамках машинного обучения есть свобода выбора алгоритма. Поэтому технократы считают, все меньше опасаясь высказывать это публично, что у робота уже сегодня есть свобода воли примерно равная человеческой.

Значит ли это, что любое предсказание исторических перспектив, или работа по приближению этих перспектив есть несвобода? Нет, конечно. Здесь мы приближаемся к понятию свободы как осознанной необходимости.

Осознание изначальной целостности бытия, пусть даже воспринимаемого как идеал — не того бытия-здесь, хайдеггеровского *Dasein*, в котором мы живем здесь и сейчас, а бытия как понимания, *das Seinsverstaendnis*. Бытие как понимание — это, разумеется, не мотивация, подконтрольная маркетологам или начальству по работе, не осознание того, что твоя летняя поездка в Барселону зависит от выполнения плана продаж телефонов. Это способность человека чувствовать свою связь со Вселенной, если проще. Здесь именно понимание, связанное непосредственно со свободой воли.

Только тут мы имеем дело, пожалуй, со свободой воли как свободой духа, а не как свободой выбора, к удобному наличию которой в любых обстоятельствах нас приучили экзистенциалисты. С полки в супермаркете экзистенциализма — если его воспринимать как супермаркет — можно взять любую в мире вещь, но только ваш выбор любой вещи убьет шредингеровского кота — вашу бессмертную душу. Вы платите душой за любое из того, что может быть считано, сосчитано и предложено на выбор в экзистенциальном супермаркете.

Обратим внимание на то, что Хайдеггер, всегда мысливший исторически, считал, что несвобода именно по отношению к истории делает ее тотальной, абсолютной несвободой. «Считается, что с тем, что в современности как раз не имеет веса, покончено — для «вечности», пишет он. Но эта «власть над вечностью» — иллюзия. Иллюзия, в которой нуждается «всякое не изначальное дело и действие... поскольку оно должно уклоняться от всего бездонного» и заранее спастись тем, что допускает «просчитывание».

Современная цивилизация очень сильно отклонилась от «изначального дела». Вопрос о том, мог бы Хайдеггер отнестись к «общему делу» русского философа Николая Федорова как к тому самому «изначальному делу», мог бы составить интересную тему для дискуссии.

Если свобода воли приравнивается к свободе выбора, то у робота уже есть свобода выбора, поэтому технократы в глубине души считают, что у робота уже сегодня есть свобода воли примерно равная человеческой.

С другой стороны, человеческая жизнь алгоритмизируется, и с точки зрения экзистенциального супермаркета и человек, и робот воспринимаются одинаково. Приравнять роботов к людям — это то же самое, что приравнять людей к роботам.

Например, основатель компании АВВУ Давид Ян в недавнем интервью рассказал, как завел домашнего робота Морфеуса, коему вверил управление входом в дом. Робот может открывать или не открывать дверь по своей «воле», базируясь на своих оценках ситуации. Ян также собирается завести робота кредитную карточку и дать ему право делать покупки. «То есть у него будет свободный выбор, об этом он и будет вести постоянное размышление. Это будет социальный эксперимент: выйдет у него стать свободным или нет», говорит Ян.

По мнению предпринимателя, робот в этих ситуациях ничем не отличается от человека, и это понятно: очень скоро алгоритмам будет подвластно создание экзистенциального супермаркета. С другой стороны, человеческая жизнь, стараниями технократов, алгоритмизируется, так что с точки зрения экзистенциального супермаркета и человек, и робот будут восприниматься одинаково. Не все понимают, однако, что приравнять роботов к людям — это то же самое, что приравнять людей к роботам.

Для технократов, впрочем, последний шаг — очевидность. Робот лучше человека тем, что более предсказуем — ведь его стратегии направлены на определенную цель, в то время как человек испытывает феномен настроения (*die Befindlichkeit*, если пользоваться терминологией Хайдеггера), то есть некую непонятную интенцию, направленную на мир как целое. Само понятие «мир как целое» для алгоритма, управляющего роботом — вещь ненужная и даже опасная, ибо намерения существа, его испытывающего, непонятны и непросчитываемы, а значит, контроль ускользает.

ШВАБОВСКИЕ ТЕХНОКРАТЫ И ИХ «СТАРАНИЯ МАЛЫХ»

Не случайно именно метафизика оказалась сейчас на линии огня со стороны технократов «новой волны», или «швабовских технократов». Это некая версия «просвещенных технократов», внешне похожих на тех, кого описывал Элвин Тоффлер в своей «Третьей волне» как «технореволюционеров». Только, в отличие от технореволюционеров, у швабовских технократов цели такие же, как у технократов второй волны.

Власть технократической цивилизации над материальным миром агрессивно переносится и в область ментального.

Штабовские технократы считают, что поскольку и то и другое цифруется, сущностной разницы между ментальным и материальным нет. Исходя из этого и философия, которую они исповедуют, состоит прежде всего из отрицания: отрицания прежних философий и этик. Можно показать, что это отрицание тотальное, здесь отбрасываются как положения, основанные на вере, так и те, что основаны на разуме, ибо разум также ниспровергается с постаментов, на который его возвело еще Возрождение. Если разум можно полностью алгоритмизировать, довольно примитивна и может быть выражена нехитрым набором тезисов, о которых речь ниже.

В «Черных тетрадах» Хайдеггер остро чувствует изменение места человека в истории, его превращение из её субъекта в объект, из существа со свободой воли и духа — в сырьё и ресурс. До оцифровки и алгоритмизации сначала реальности, *die Realitaet*, а потом и человеческого способа бытия в ней, *die Seinsart*, остается по меркам человеческой цивилизации всего ничего — несколько десятков лет.

«По мере того как растут неспособность мышления, нежелание осмысления и отвращение к вопрошанию и бессилие сущностного решения и взвешивания, величие истории оказывается в зависимости от старания малых», пишет философ.

В качестве примера впутывания малых в видимость величия можно назвать модную сегодня среди технократов «философию темной онтологии» Леви Брайанта.

Леви Брайант — профессиональный философ из университета Техаса в Остине, преподаватель «континентальной философии» под которой понимаются, прежде всего не такие подозрительные в своей сложности немцы, как Хайдеггер, а вполне себе политкорректные французы типа Фуко и Деррида, структуралисты, постструктуралисты и постпост-структуралисты, континентальные европейские скептики и нигилисты, враги самого понятия правды, её возможности в каком бы то ни было виде, деконструирующие, то есть разбирающие на винтики практически любое человеческое высказывание. Конечно, всё это они не относили и не относят к высказываниям своим собственным, точно так же как отрицатели сознания оскорбляются, когда им говорят, что они сами не имеют сознания. Будучи когда-то маргинальными, они захватили философские кафедры и журналы по всему миру, и сегодня всякий, кто не признает их откровений, считается отщепенцем и опасным вольнодумцем.

Известность Брайанту принесла монография «Демократия объектов», где он закладывает основания своей «онтикологии» — то есть онтологии, в которой все равны: люди, атомы, камни, планеты, страны. У Брайанта есть и другое имя для этого понятия — «плоская онтология». В последней главе «Демократии объектов» Брайант определяет «плоскую онтологию» четырьмя взаимосвязанными тезисами. Во-первых, ни одно образование не имеет преимуществ перед другими, в том числе, как их «основа» или «базовый элемент». Во-вторых, мира как единого целого не существует, а существует множественность объектов в множественности отношений. В-третьих, никакие виды отношений между объектами не имеют преимуществ перед другими видами отношений. В-четвертых, образования либо существуют, либо нет.

В понимании Брайанта, мир состоит лишь из объектов, которые разделены между актуальностью и виртуальностью. Бытие состоит полностью из машин или процессов.

«Аксиомы темной онтологии» Брайанта базировались на «Демократии объектов» и были замечены сначала кружком спекулятивных философов, а затем и учеными, занимающимися проблематикой машинного обучения, нейронаук, компьютерной науки и искусственного интеллекта.

Краткие тезисы-«аксиомы темной онтологии» Леви Брайанта были опубликованы в 2010 году в сети интернет и дополнялись в 2013 году и впоследствии. Нарочитое пренебрежение Брайанта традиционными для академической науки способами изложения показывают, что он близок к упомянутому выше философу-анархисту Полу Файерабенду не только в вопросе отношения к сознанию, но и в нигилистическом отношении к философии и науке в целом (несмотря на показательные отсылки Брайанта к авторитету наук).

Это машинно-ориентированная онтология — хотя «онтологией» ее назвать нельзя, потому что она описывает мир далеко не полностью и не исчерпывающе. Вот эти тезисы:

ТЕЗИСЫ «ТЕМНОЙ ОНТОЛОГИИ»

1. Существование не имеет смысла, как и всё во вселенной. Жизнь случайна и не имеет божественного значения (хотя и является несомненно важной для живого).
2. Тем не менее, многие живые существа наделяют мироздание смыслом. Но этот смысл никак не вписан в сущности сами по себе.
3. Всякая жизнь завершится и будет уничтожена. К примеру, наше солнце в конце концов расширится и всю жизнь и культуру ждёт огненный конец. Маловероятно, что межзвездное путешествие станет реальным или возможным при безбрежности космоса, и потому вся чувствующая жизнь и артефакты культуры исчезнут, когда это случится.
4. Жизни после смерти нет ни в каком значимом смысле (да, черви используют наши тела в пищу для поддержания своей жизни, но это уже не мы). Когда вы мертвы, вы просто мертвы и это всё (хотя, возможно, правы трансгуманисты и мы разработаем компьютерные технологии способные обеспечивать перезагрузку личности и т. о. устанавливать материалистическое бессмертие; мне это сомнительно, но кто знает?)
5. Бытие бесцельно (в аристотелевском, платоническом или христианском смысле), так же как нет цели или задачи у истории. Все эсхатологии притворны. С учетом сказанного, когда органические и технологические сущности возникают в природе, то это проявляется в порождении целей и задач для самих себя.
6. У бытия нет плана, а всё это — лишь анархия и случайность.
7. Нет сверхъестественной причинности любого рода, как и никакого подлинно мистического опыта (например,

астрологии или слияния с тотальностью сущего), поэтому всё, что утверждает глубокие смыслы, сверхъестественные причины, цели и проч, должно вызывать презрение и отвергаться.

8. Однако, у людей бывает «мистический опыт». Просто причиной этого является не то, что они думают, а совершенно обычные природные/неврологические события («единение всего», которое некоторые эпилептики описывают после припадка, объясняется тем, что их нейроны в значительной степени активизируются одновременно). Потому буддистская медитация является неплохой психо-неврологической терапией.

9. Сторонники темной онтологии ощущают изумление, страх и уважение к вещам как раз потому, что всё случайно и бессмысленно и потому невозместимо. В этом не ничего «духовного», если не злоупотреблять языком, и, конечно, духовность часто притупляет нашу способность удивляться таким вещам, как существование жизни вопреки её невероятности, поскольку предполагает наличие творца за всеми этими сущностями.

10. Ничто не имеет места в бытии, что не имеет физического или материального субстрата. Нет никакой магии.

11. Нет особенной мудрости древних. Просто они владели различными техниками воздействия на сознание людей.

12. Древние греки вовсе не находились на гребне успеха три последних столетия своей истории в науках, социальной и политической мысли, математике, искусстве и т. д. Хайдеггерянианское и герменевтическое благоговение перед до-сократиками, Платоном и Аристотелем т. о. нелепо и близоруко. Греки должны быть достойными нас, а не наоборот.

13. Всё существует по природе, включая культуру.

14. Никакой Бог нас не спасёт.

15. Очень похоже, что мы сидим прямо у сцены, где разворачивается завершение этой особенной главы эволюционной истории, поскольку совсем не ясно, как мы может ответить на кризис климатических изменений.

16. Если, как говорит Капуто, религиозные тексты подобны сборникам комических историй, которые снабжают полезными историями из жизни и идеалами, то нам бы лучше было сделать свой выбор из великой литературы, чем дурно написанные и неупорядоченные священные тексты, пробуждающие суеверную не-материалистическую жестокость и невежество.

17. Никогда не появится прогрессивной формы духовности, поскольку всякая дискуссия о божественном всегда оборачивается оправданием для различных форм подавления (так фундаменталисты использовали высказывания о Боге Хокинга и Эйнштейна для своих собственных целей). В результате, «умеренные верующие» часто гораздо хуже, чем фундаменталисты, поскольку именно они наполняют эту динамику энергией.

18. Будет циничным сказать, что люди одурманены и вынуждены верить во всё это, а мы должны их политически использовать. Люди, о которых мы это говорим, также ощущают, что дело обстоит так, как мы думаем.

19. Наихудшие злоупотребления в истории происходят из уверенности, что мы действуем во имя стремления к исторической цели или загробной жизни. Когда из сознания уходит неотвратимость смерти, тогда появляется оправдание самому ужасному надруганию над жизнью — ведь этот мир совершенно не важен, и когда мы говорим, что у истории есть цель, мы оправдываем любые действия в настоящем для достижения этой цели.

20. У нас нет ничего кроме этого мира.

21. Люди — особый тип животных среди других животных, но не являются кульминацией бытия или существования.

22. Когнитивные способности людей имеют биологические корни или основания.

23. Эти когнитивные способности эволюционировали для выживания во враждебном мире, населенном другими хищниками, и для воспроизводства. Однако, вышло так, что наша нервная система способна к само-развертыванию такими способами, которые выходят за пределы исходных эволюционных устремлений.

24. Наши познавательные системы эволюционировали не ради познания мира или репрезентации того каков он есть; поэтому мы должны постоянно заниматься критикой в структуре наших практик производства знания, чтобы застраховаться от недостатков наших когнитивных структур.

25. У сознания нет особого понимания ни того как действует тело, в котором оно возникло, ни понимания причин своих когнитивных и аффективных состояний. Как следствие, к свидетельствам, получаемым в результате самоанализа, следует относиться с осторожностью.

26. Располагая фактом, что всякий разум имеет неврологический субстрат, мы уже не можем говорить в обобщенных или родовых понятиях о человеческом разуме, поскольку неврологические структуры различаются у представителей нашего вида.

27. Никакая философия не может игнорировать или выносить за скобки данные наук и оставаться легитимной. Некоторая базовая научная компетентность необходима для плодотворной философской работы. Подобным образом, базовая компетентность в данных этнографии, лингвистики, социологии и психологии также необходима для философской работы.

28. Философия не является основанием для всякой другой дисциплины, и никакая другая дисциплина не нуждается в легитимации со стороны философии. Каждая дисциплина разрабатывает собственные эпистемологические критерии и протоколы в зависимости от собственных исследований. Конечно, если философия может разворачивать критику этих протоколов, и, поступая так, оказывает услугу, другие дисциплины не нуждаются в философской эпистемологической активности. Действительно, философские эпистемологии часто являются препятствием для исследований в иных дисциплинах, поскольку философ редко сознаёт специфичность проблем и методологий, актуальных и применяемых в этих дисциплинах и потому подходит к ним с весьма искаженным

пониманием структуры знания, присущего этим наукам.

29. Всё существующее есть результат возникновения или развития.

30. Религии являются не верованиями, а политическими институциями, которые различными способами влияют на власть и организуют людей во всём мире. Как следствие, дискуссии о религии в перспективе веры и является ли эта вера правильной, часто упускают тот факт, что религии есть социологические сущности.

31. Теология редко привносит что-то в наше понимание религии а часто замутняет взгляд представляя рационализированную версию распространенной веры и религии. Утверждения теологов редко отражают то, во что верят люди. Как следствие, о религии можно больше узнать от этнографов и социологов религии, чем от теолога, который обычно выступает «Государственным Мудрецом» (Делез) даже в своих наиболее прогрессивных аспектах.

32. Не существует религии, которая не обращается к сверхъестественному. Те теологи, которые пытаются убедить нас, что религия имеет дело только со смыслами и символами, сами не понимают о чем говорят.

33. Культура не является сферой вне природы, это структура внутри природы. Культура — это еще одна экосистема среди прочих.

34. Природа не находится в гармонии и к гармонии не стремится, хотя гармоничные состояния иногда возникают на короткий период времени.

36. Мир пронизан антагонизмами и всегда будет так.

37. В эко-системах и сообществах отсутствует единственная причина для любого частного события, но скорее все события «сверх-детерминированы» или являются результатом множества причин.

38. Всё пребывает в состоянии непрерывного распада. По этой причине необходимы труд, энергия и действия, чтобы упорядоченное существование сохраняло устойчивость во времени.

39. Мироздание безразлично в отношении нас, наших страданий, того, как мы проживаем свои жизни, и продолжаем ли мы существовать. Тем не менее, мы не безразличны друг другу.

40. Если нашу планету однажды навестят пришельцы, то они не будут приятными и они не будут добрыми. «Звездные войны» недокументальный фильм.

41. Молекулярная биология дискредитировала витализм во всех его вариантах.

Тезисы темной онтологии Брайанта представляют из себя постмодернистский манифест, в котором нигилистические идеи «отрицателей», отрицающих среди прочего философию, соединяются с взглядами постструктуралистов, отрицающих все, кроме своей философии. В то же самое время, провозглашенные «аксиомы» носят оценочный характер и имеют определенное этическое измерение, а значит, парадоксальным образом требуют для своего истолкования и отсылки к табуированным в этой парадигме вещам — философии и даже метафизике.

По форме манифест напоминает «Логико-философский трактат» Людвига Витгенштейна (Tractatus Logico-Philosophicus), и не случайно. Работа, которую австрийский философ написал в 1918 году в окопах Восточного фронта, была радикальным вызовом академической традиции. Например, Витгенштейн не делал ссылок, указав прямо в предисловии: «я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я».

Леви Брайант пытается подражать «Трактату» в краткости, даже сухости, и одновременно литературности изложения, хотя, конечно, техасский философ сильно проигрывает венцу в чувстве стиля. То, что у Витгенштейна по форме просто, у Брайанта кажется вычурным, при этом техасец, очевидно, для пущего эффекта, не чужд громких риторических деклараций.

Как и у Витгенштейна, работа Брайанта представляет из себя список деклараций-тезисов, не подкрепленных аргументацией. Имеется в виду, что эти тезисы самоочевидны, хотя и тут между философами есть отличие: если в строчках Витгенштейна сквозит безразличие к тому, принесет ли ему успех его труд, у Брайанта можно почувствовать стремление к получению паблицити, столь характерное для постмодернистской философии.

Еще один важный пункт сходства двух работ: декларативное «окончательное решение философского вопроса», «заккрытие темы». Так, Витгенштейн пишет в предисловии: «Истинность изложенных здесь мыслей кажется мне неопровержимой и окончательной. Следовательно, я держусь того мнения, что поставленные проблемы в основном окончательно решены».

Любой тезис Брайанта — также окончательный, не подлежащий обжалованию приговор. Одной из главных черт манифеста является активный, если не агрессивный мизотеизм: враждебность к религии принципиально важна для Брайанта. Помимо этого, можно отметить крайний биологизм и прогрессизм работы Брайанта, ее эмерджентизм, катастрофизм, культ случайности и хаотичности, дискредитацию всех ценностей, целей и человечества как общности, этими целями и ценностями могущего быть объединенным.

При этом, как ни парадоксально, манифесту свойственно морализаторство и он полон самой напыщенной риторики. Таким образом, в целом манифест можно охарактеризовать как «европейский нигилизм» последней степени, описанный Ницше в и позднее глубоко проанализированный Хайдеггером.

Не создание ли такой теории, как у Леви Брайанта, имел в виду Хайдеггер, когда писал о «стараниях малых»?

Здесь полностью уходят все понятия, хоть как-то связанные с человеком — вернее, они замыкаются сами на себе.

Так вроде бы позитивистский, сугубо материалистический, или как сейчас говорят, физикалистский взгляд на сознание и человека приводит к отрицанию самой возможности познания выйти за пределы человека. Но это ведь парадокс: мотор машины считает, что ничто не может выйти за свои пределы. Следовательно, он не может знать о

других моторах, и тем более обо всем автомобиле. Остается лишь сплоченной das Vorhandene — «наличное». На языке Хайдеггера этот термин обозначает сущее, удаленное от человека, которое просто пребывает в мире, и по поводу которого человек не может знать ничего.

Таким образом, из технократического мира, где главенствуют объекты, из будущего интернета вещей уходит всякая способность человека к познанию. Совершенно уходят такие понятия, die Zeitlichkeit — «временность», феноменальное основание или смысл бытия.

Совершенно непонятно, что в таком мире торжества технократии вообще делает человек. Он возник совершенно случайно и становится средством, der Zeug, способом бытия подручной вещи в окружающем мире. Этот «цойг» собственно и изучает темная онтология, которую правильнее было бы назвать цойгологией.

Человек в эпоху торжества Цифрового Левиафана возвращается даже не в средневековое состояние, где у него был хотя бы какой-то набор догм, а в состояние дикое, первобытное и непредсказуемое, как во время погрома на улицах Сиэтла или Портленда.

Все смыслы за всю историю существования человечество, включая науку являются иллюзиями не в том смысле, что они несовершенны и будут со временем заменены новыми смыслами. Нет, это полная иллюзия, наваждение случайного набора кусочков в калейдоскопе. То есть человек может быть средством, инструментом, вещью в этом мире, полностью лишенном смыслов. Именно об этом говорит Брайант.

Может быть, это экстремистская точка зрения? Нет, она крайне популярна. Об этом можно судить хотя бы по числу запросов и публикаций, связанных с «темной онтологией».

То, как и почему внутри человеческой расы зарождается стремление к отчуждению от нее, описано в научно-фантастической литературе, например, в романе Лю Цысиня «Темный лес». Там интеллектуалы рассуждают в следующем ключе: «Мы не знаем, что собой представляют инопланетяне, но мы знаем, что собой представляют люди».

Точно так же сегодня многие из представителей интеллектуальной элиты уже начали смотреть на вещи с позиций «общего» или «сильного» искусственного интеллекта. Можно не сомневаться, они будут активно продвигать его бездумное внедрение, закрывая глаза на риски для человечества и даже наоборот, всемерно способствуя закабалению человечества когнитивными технологиями.

ОТ ДЕКОНСТРУКЦИИ К ДЕГУМАНИЗАЦИИ

Чем радикальнее удастся провести деконструкцию социальных институтов, человеческого поведения, истории и морали, тем легче становится смахнуть человека с доски для новой партии, начатой «четвертой промышленной революцией». Для технократов, которые тяготеют к необходимости учитывать человека в своем «просчитывании будущего», тут пригодился и опыт тотальной деконструкции Деррида, и отказ Фуко и Делёза от человекоцентризма, то есть от того, чтобы человек оставался «мерой всех вещей».

Древний грек Протагор говорил: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Если мы уберем человека из этого тезиса, то и само понятие «существования» лишается смысла.

Структурализм, постструктурализм, деконструкция — все эти слова звучат намеренно сложно, но суть действия, о котором говорят играющие этими словами философы, проста. Во-первых, они отсекают «непосвященных» от своего «жреческого знания». Просвещение давно закончилось, наука превратилась в новую алхимию, и знание в эпоху Цифрового Левиафана может быть предназначено лишь для избранных. Во-вторых, всех «простолудинов» новые жрецы, как заправские алхимики, превращают в предметы.

Так постструктурализм применяет деконструкцию к человеку как таковому и тем самым превращает его предмет. По отношению к человеку применяется закон сохранения материи, по сути в самом архаичном понимании, сформулированном еще Анаксимандром: «Из тех же вещей, из которых рождаются все сущие вещи, в эти же самые вещи они разрушаются согласно предназначению».

Человек, дерзнувший существовать, нарушил этим мировой порядок вещей, и этот порядок восстанавливается через прекращение этого существования. Но очень важно отметить, что при этом смерть — прекращение существования — есть не физическая смерть, а смерть человеческого сознания. Человек превращается в животное, в белковую машину, о которой так много говорят такие спикеры, как Харари. Физическое, белковое тело человека никуда не девается, оно продолжает жить и функционировать, но только без сознания. Самостириание человека происходит через отрицание сознания, через отрицание Dasein, «бытия-здесь», по выражению Хайдеггера. Немецкий философ считал, что человек и так по-настоящему существует, осознает свое «бытиё-здесь» лишь в некоторые моменты своей жизни. Именно тогда он чувствует и осознает свою к ней причастность. Но именно это состояние является запретным в прекрасном новом мире Цифрового Левиафана, мире, в котором за человеком не признается сознания.

Постструктурализм накликивает именно эти процессы, он только рад служить самосбывающимся пророчеством. У французских философов, заложивших основу этого течения, своя собственная система ценностей, в которой дегуманизация, лишение человека человеческого — это нечто позитивное.

Так, Мишель Фуко пишет: «Человек... есть, несомненно, не более чем некий разрыв в порядке вещей...утешает и приносит глубокое успокоение мысль о том, что человек — всего лишь недавнее изобретение, образование, которому нет и двух веков, малый холмик в поле нашего знания, и что он исчезнет, как только оно примет новую форму.»

Но что такое сознание с точки зрения философской антропологии? С этой точки зрения сознание, явленное в своем максимуме, в своей полноте — это и есть Бог. Именно путь в этом направлении и закрывают «отрицатели сознания», они отвергают.

Многие люди испытывают религиозный опыт, для них он является фактом жизни и фактом сознания. Такой опыт полностью и сразу разрушает все построения «отрицателей». Именно потому «отрицатели» с таким рвением отвергают саму возможность подтверждения сознания через религиозный опыт.

Жиль Делёз, комментируя Фуко, писал о том, что на смену Формы-Бога в XIX веке пришла Форма-Человек, таким образом, человеческие силы стали сочетаться не с силами бесконечного, а с силами конечного.

Но сегодня на смену Форме-Человеку приходит Форма-Сверхчеловек, при которой внешние силы становятся конечно-бесконечными, то есть такими, в которых «ограниченное количество составных частей дает практически неограниченное количество сочетаний».

Описывая эти внешние силы, Делёз выражается очень поэтично — ссылаясь на поэта Артюра Рембо, приводит в пример таких сил, как камень, животное, язык. Но к ним нужно добавить и информацию, которая конструирует взаимодействие человек-машина, человек-робот, человек-искусственный интеллект.

Основной пафос этих философов заключается в кодировании феномена человека через наборы тех или иных сил, производной которых он является. Описанный таким образом, человек не нуждается в обращении к сознанию или философии, и из философии уходит человеческое начало.

Анализируя концепцию Делёза о трех формах, философ Наталья Ростова отмечает любопытный момент. Физический мир у Делёза, поставляя человечность человеку, очеловечивается, в то время как сам человек, напротив, лишается человеческой сущности. «Но тогда что есть тот резервуар, полнящийся силами воображения и понимания? И не может ли мир, владеющий антропологической стихией, родить человека вне этого резервуара? Отчего тогда дух до сих пор не заговорил, а заяц не поверил в Бога?»

Получается, что последнее звено предложенной Делезом цепочки форм является самым слабым, несмотря на то, что носит громкое название «Форма-Сверхчеловек». Здесь первоначальная человекоподобная форма деградирует, утрачивает идею трансцендентной бесконечности. Вместо этого человек рассматривается как бесконечное сочетание конечных проявлений, животных по сути. Бесконечное сочетание приводит нас к миру, где господствует случайность, и деградировавший человек, утратив волю и возможность заново пересобираться в той или иной форме, отдает себя на волю этим случайностям. Это сочетается с самонадеянным «просчитыванием будущего», над которым так хорошо издевался Воланд на Патриарших, сидя на скамейке с Берлиозом и Бездомным:

«— ... тот, кто еще недавно полагал, что он чем-то управляет, оказывается вдруг лежащим неподвижно в деревянном ящике, и окружающие, понимая, что толку от лежащего нет более никакого, сжигают его в печи. А бывает и еще хуже: только что человек соберется съездить в Кисловодск, — тут иностранец прищурился на Берлиоза, — пустяковое, казалось бы, дело, но и этого совершить не может, потому что неизвестно почему вдруг возьмет — поскользнется и попадет под трамвай! Неужели вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой?...»

Отсюда, от «Сверхчеловека» Фуко и Делёза, остается один шаг, или даже полшага до утраты философии, которая и есть исследование границ человека. Именно этот шаг и делает «спекулятивная философия».

Для того, чтобы гибридный субъект нашего времени по-настоящему мог мыслить, нужно прежде расчистить пространство. И расчистить его нужно от человека, оставив вместо него его бессознательную оболочку, философского зомби.

Таким образом, сознание само становится просчитываемым объектом — в лучшем случае, ибо гибриднему субъекту, овладевшему планетой и околоземным пространством, нужно, подчиняясь логике ницшеанской «воли к власти», продолжать свою экспансию. И теперь субъект, в процессе слой за слоем сбрасывая с себя «человеческое, слишком человеческое», освобождается и от сознания.

Эта лишенная сознания оболочка, нашпигованная пересаженными вечными органами, и будет тем самым Сверхчеловеком, мечтой трансгуманистов.

РОЖДЕНИЕ СВЕРХИНТЕЛЛЕКТА ИЗ МИРОВОГО ХАОСА

«Аксиомы темной онтологии» — не аксиомы, а скорее некий набор тезисов, который можно считать манифестом швабовских технократов, то есть бенефициаров так называемой «Четвертой промышленной революции». Полноценный субъект, который обладает бесконечным потенциалом сознания и свободой выхода за пределы «просчитанной» и спрогнозированной реальности, не требуется технократам. В ходе «четвертой промышленной революции» они намерены покорить последний фронт — тело, мозг и сознание человека.

Технократы тяготятся необходимостью учитывать человека в своем «просчитывании будущего». В то же время опыт тотальной деконструкции не мог не привести кого-то из последователей Деррида к отказу от человекоцентричной позиции, и этим философом стал Леви Брайант. Таким образом, он ответил предложением на образовавшийся запрос со стороны технократической элиты.

Брайант охотно примеряет на себя роль Николая Коперника, который 500 лет назад убрал человека из центра Вселенной. Теперь человек перестает быть центром метафизики, провозглашает философ.

Однако в получившемся конструкте сущего метафизике вообще нет места, и все метафизические концепции скопом объявляются ненужными. За исключением, пожалуй, одной: вполне метафизической концепции о том, что сознание может постулировать мир без сознания. Научная честность предполагала бы, чтобы концепцию мира без

метафизики объяснять бы не Брайант, а чтобы эта концепция сама себя исторгала бы из себя самой. Можно рассмотреть, насколько абсурдным станет мир, в котором концепции Брайанта будут доведены до логического завершения, это, пожалуй, тема для интересного фантастического сериала. В пространстве, которое описывает Брайант, человеческому сознанию нет места. В понимании техасского философа, мир состоит лишь из объектов, а бытие состоит полностью из машин или процессов. Красной нитью через все «аксиомы темной онтологии» проходит тема хаоса и случайности происходящего в мире. «У бытия нет плана, а всё это — лишь анархия и случайность», — говорится в тезисе 6, и далее, в следующем тезисе, утверждается: «нет сверхъестественной причинности любого рода».

Здесь слово «сверхъестественной» не должно запутывать, оно используется отнюдь не в смысле некоего сверхчувственного сущего, которое невозможно обнаружить органами чувств человека или датчиками, или объяснить исходя из привычных причинно-следственных связей и законов. Нет, под «сверхъестественным» в тезисах Леви Брайанта понимается любая метафизика, любая система объяснения Вселенной и человека, которое не сводится к физическим процессам.

Таким образом, путем привычной для Брайанта операции семантической редукции, можно дискредитировать любую систему взглядов, не совпадающую с физикалистской. Любая система, несводимая к объяснениям в духе элиминативного материализма, может быть отнесена к «ненаучным», к «иллюзионизму» и «магии». Такая точка зрения хорошо представлена в работах Дэниэла Деннета и других.

О толковании любой нефизикалистской системы познания как «магии» говорится прямо в тезисе 10: «Ничто не имеет места в бытии, что не имеет физического или материального субстрата. Нет никакой магии».

Каким же образом, в представлении Брайанта и его последователей, из хаоса и полного господства случайности возникает Вселенная, материальный мир, жизнь, интеллект, и, наконец, сознание?

Ответ на этот вопрос тезисы дают в духе эмерджентизма — концепции, распространение которой связывается прежде всего с развитием биологии, хотя эти идеи высказывал еще Джон Стюарт Милль. Милль считал, что динамические свойства физических систем описываются тремя принципами, называемыми «композицией причин» («Composition of Causes»). Системы отличаются уровнями, и на более высших уровнях причинно-следственное взаимодействие элементов таково, что у них появляются дополнительные свойства, которые нельзя свести к сумме свойств соответствующих частей уровнем ниже.

Эмерджентизм популярен в научной среде — прежде всего среди ученых, занимающихся нейронауками, когнитивными науками и проблемами, связанными с сознанием. Именно эмерджентности приписывается возникновение сознания из неких более низких уровней материального мира. Вот и тезис 22 «темной онтологии» гласит: «Когнитивные способности людей имеют биологические корни или основания».

В тезисе 23 говорится: «вышло так, что наша нервная система способна к само-развертыванию такими способами, которые выходят за пределы исходных эволюционных устремлений».

Эмерджентизм очень удобен для «стихийных физикалистов» — «стихийных», ибо не все из них открыто относят себя к этому лагерю. Он снимает необходимость что-либо объяснять в феномене сознания. Например, нейрочеловеки могут произвести вивисекцию сознания, одним ударом отделив неудобную для них «феноменальную часть» — как если бы это был материальный предмет — от «психологической», то есть той, которая, согласно концепции Дэвида Чалмерса, относится к «легкой проблеме сознания» и может быть в принципе объяснена существующей наукой — если не сейчас, то в будущем. Деннет так формулирует этот подход:

«Вы не властны над тем, что в вас происходит; вы властны лишь над тем, что, как кажется, в вас происходит, а мы (нейрочеловеки), даем вам полную, диктаторскую власть над рассказом о том, как вам это представляется, о том, что это такое — быть вами».

Интересно, что эмерджентизм Брайанта не распространяется на культуру: «Культура не является сферой вне природы, это структура внутри природы. Культура — это еще одна эко-система среди прочих».

Эмерджентизм вполне может стать важной частью коллективного массового сознания «Нового нового времени», эпохи «четвертой промышленной революции».

Продолженная дальше, линия веры в эмерджентность допускает — даже не допускает, а приветствует — рождение из хаоса информационного потока, который может быть персонифицирован в образе Суперкомпьютера, сверхразума — а значит, в представлениях эмерджентности, и «сверхсознания».

Ибо если случайно из сложных биологических систем возникает сознание, то из систем, сложенных из индивидуальных и коллективных сознаний, подверженных тому же закону самозарождения из хаоса новых качеств, вполне может возникнуть это самое «сверхсознание».

Тезис 21 открывает путь к подобной трансформации: «Люди — особый тип животных среди других животных, но не являются кульминацией бытия или существования».

МОРАЛЬНЫЕ СУЖДЕНИЯ

Философ Эвальд Ильенков заметил еще за логическим позитивизмом претензию на то, чтобы служить моральным и этическим учением:

«Лорд Рассел требует и в пределах науки права для моральных суждений, права за индивидом принимать такую логику, какая нравится, и отвергать такую логику, которая не нравится, не приводя никаких дальнейших аргументов».

Брайант занимается морализаторством не хуже Бертрانا Рассела, Так, в Тезисе 19 даются моральные оценки

целепологанию, связанному с религией, да и вообще любому целепологанию. При этом используются совсем не количественные, а качественные оценки, базирующиеся на вполне устойчивом наборе моральных убеждений, возникших, видимо эмерджентно из физикалистского хаоса: «Наихудшие злоупотребления в истории происходят из уверенности, что мы действуем во имя стремления к исторической цели или загробной жизни. Когда из сознания уходит неотвратимость смерти, тогда появляется оправдание самому ужасному надруганию над жизнью — ведь этот мир совершенно не важен, и когда мы говорим, что у истории есть цель, мы оправдываем любые действия в настоящем для достижения этой цели».

Из «темной онтологии» полностью уходят понятия, хоть как-то связанные с человеком — вернее, они замыкаются сами на себе. Сущее просто пребывает в мире, удаленное от человека — и по его поводу человек не может знать ничего. Так вроде бы позитивистский и материалистический взгляд на сознание и человека приводит к отрицанию самой возможности познания.

Близко к тезисам «отрицателей» стоят слова Ницше из работы «Человеческое, слишком человеческое»: «Может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики?»

НАСТУПАЕТ ЛИ НОВОЕ ВРЕМЯ-2?

Историки, социологи, экономисты похоронили Новое время. Шваб в своей «Четвертой промышленной революции» рассматривает Новое время даже не как вчерашний, а как позавчерашний день.

А вот Хайдеггер считал, что Новому времени будет суждена «вероятно, долгая продолжительность». Сегодняшний период времени, с возрождением фабрик и заводов — на основе безлюдных технологий — в развитых странах — можно считать неким дублем второй промышленной революции, вместе с которой возвращается второе Новое время. Это совсем не «третья волна», о которой говорил Тоффлер и множество других.

Неким предвестием этого возвращения служила реакция в России, возвращение туда второго капитализма в наиболее безжалостной, бесчеловечной форме оголтелого постфеодализма, когда человек рассматривается просто как ресурс для первоначального накопления. В России это происходит при одновременном демонтаже индустриальной основы, то есть второй российский капитализм — это капитализм без производства.

Теперь и в других странах пошли процессы русификации капитализма. Процесс приобретает новые черты, которые можно называть Новым временем-2. Это Новое время-2 внешне не похоже на капитализм девятнадцатого века. Почему же его так можно назвать? В чем его «новизна» и в чем «повтор»? Каковы характеристики вернувшегося Нового времени-2?

Новое время-1 имело много противоречивых тенденций, но все же можно сказать, что его новизна заключалась прежде всего в культурном и научном аспекте, в глубоком изменении сознания. Развитие культуры и наук шло рука об руку с иррационализмом и демонологией. Гуманизм соседствовал с охотой на ведьм, что можно считать примитивным выражением будущего стремления к стандартизации и воинствующего конформизма. Земля была убрана из центра Вселенной, и возможность иных миров расширяла, с одной стороны, возможности человека, а с другой стороны, содержала семена его дальнейшего самоуничтожения, содержала потенциал отказа от сознания и души, превращения его в вещь. Это время «европейского экономического чуда», в ходе которого Европа покорила всю планету. И в этом смысле Новое время повторяется — ведь страны, освободившиеся в 1960-е годы от колониальной зависимости, так и не смогли стать развитыми. Самостоятельные к тому моменту страны типа Китая преодолели барьер и сумели сбросить с себя иго неокOLONIALИЗМА. Но большинство стран, ставших колониями в Новое время и формально освободившихся от колониализма в 1960-е годы, сегодня снова подвергаются новой, «просвещенной» версии колонизации, все более напоминающей по стилю хищнический XIX век.

Но это Новое время-2 проходит без великих открытий, географических и научных, с ожесточенными религиозными и культурными войнами нового типа, которые ведутся и из пещер Афганистана, и с лекторских возвышений крупных корпораций.

Новое время-1 было временем опиумных войн, проходивших под лозунгом свободы торговли. Сегодня они также потенциально возможны, на новой основе — скажем, как войны за свободу полного погружения и свободу смены идентичности, а может быть и за свободу продавать те или иные субстанции, которые будут декриминализованы. В этом смысле в Новое время-2 вполне возможны опиумные войны-2, только с лазерами вместо дредноутов. Но главное отличие новых времен друг от друга в том, что сегодня сфера торговли вовлекает душу, разум и разные аспекты сознания, души продают и покупают, как раньше продавали и покупали вещества или рабов.

В недалеком будущем возможно цифровое рабство и, следовательно, цифровая работоторговля, что никак не исключает и старой доброй работоторговли или вообще торговли живым товаром во всех формах.

РАЗРУШЕНИЕ МЕТАФИЗИКИ

Цель Нового времени — 2 — это полное, тотальное «разрушение истины Бытия», как предвидел Хайдеггер, разрушение, которое бесконечно превосходит всякое уничтожение сущего, скажем, в новой мировой войне. Ибо уничтожается здесь не просто абстрактная «истина», о которой большинство людей не слишком часто задумываются, а бесконечный веер возможностей, который рождается поиском этой истины. Возможность верить в идеальный мир и к нему стремиться будет абсолютно уничтожена ликвидацией метафизики, поэтому всякое строительство чего бы то ни было становится бессмысленным и может быть продолжено исключительно как вид рабства: через насилие, в случае если сознание еще будет не до конца покорено, либо через превращения человека в машину и его обезжизниванием для автоматизации.

На пути к запрету истины Бытия возможны переходные этапы. Любую метафизику тогда могут провозгласить, по

выражению Набокова, «гносеологической гнусностью», (или «гностической гнусностью», gnostical turpitude) — и объёмить мыслепреступлением. Именно таков подход «темной онтологии» Брайанта, дело за малым — создать привычную систему слежки. Человек в мире торжествующего искусственного интеллекта становится прозрачным, умные вещи ведут за ним постоянное наблюдение.

«Это разрушение давно уже идет полным ходом», писал Хайдеггер. «Знать о нем — задача закладывающего начало и подготовителя». Но кто такие эти закладывающие начало, что это за начало, что именно они подготавливают?

Будучи в личной и ближайшей исторической перспективе пессимистом, Хайдеггер предвидел и возможность выхода, радикального поворота в человеческом существовании.

Он опирался в таких предвидениях на новоевропейскую сущность человека, для которого «самодостоверность его Самости является первой и единственной истиной».

А именно над этой самостью и нависла сегодня вполне реальная угроза.

И если Новое время завершилось Октябрьской революцией, то есть социальной сингулярностью, то Новое время-2 также может завершиться, быть закольцовано таким же событием, новой социальной сингулярностью.

Можем ли мы заглянуть за пределы сингулярности? Вряд ли, на то она и сингулярность. События 1917 года тоже были во многом не спонтанны, а организованы и подготовлены, но вряд ли можно сказать, что те, кто их готовил, получили запланированный результат. Постфактум можно объяснить все, что угодно, но в 1916 году никто, кроме поэтов и философов, не понимал, чему суждено случиться.

Хайдеггер занимался осмыслением процесса завершения Нового времени-1, и проявил интеллектуальную стойкость в том, что не дал себя соблазнить привлекательными вариантами «опровержения» времени и его «преодоления».

Именно таким путем пошли многие, хотя настоящей стойкости и смелости в этом не было, потому что немногие осмеливались задавать главные вопросы.

Человек стоит перед непредвиденными, «только еще вымалчиваемыми тайнами», писал философ. Это совершенно справедливо и сегодня.

ОБЕЩАНИЯ ШВАБОВСКИХ ТЕХНОКРАТОВ

«Швабовские технократы», или технократы Шваба — это старые добрые адепты «второй волны», описанные Тоффлером, но вернувшиеся сегодня в силу и «в гневе», обогащенные риторикой и методами манипуляции сознанием, которые созданы «третьей волной». У них, конечно, обновились и методы, они пользуются и поддерживают «децентрализованные» по форме платформы, они стоят за «обновленный капитализм», экологию и тому подобное, но это все дымовая завеса. Их цели вполне описываются понятиями «второй волны». Это во первых, фетиш экономического роста. Например, известный инвестор в технологии «третьей волны» Питер Тиль в недавней беседе с Эриком Вайнштейном говорил о необходимости роста, прежде всего для того чтобы избежать «социального насилия». Он говорил о замедлении роста в последнее десятилетие как о большой проблеме. То же самое мог говорить любой промышленник или финансист «второй волны», Рокфеллер, Морган или Вандербильт 120 лет назад. Кстати, некоторые семьи никуда не делись и обеспечивают преемственность не только капиталов, но и подходов, и идей. Семьи Рокфеллеров и Ротшильдов хранят «коллективный опыт» старой олигархии, который оказался востребованным со стороны олигархии новой.

СЧАСТЬЕ РОКФЕЛЛЕРОВ

Давно заброшенный город-призрак Ладлоу на юге американского штата Колорадо более ста лет назад был ареной кровавых событий, которые являются не только уроками прошлого, но многое говорит и о нашем будущем — будущем в том случае, если человечество продолжит идти по тому пути, по которому сегодня идёт. История, которую я хочу рассказать, имеет много ракурсов, один из которых связан с тем, как сто лет назад смотрели на человека Рокфеллеры и как сегодня смотрит Джефф Безос из компании Amazon. Но обо всем по-порядку.

В начале XX века весь городок Ладлоу принадлежал Джону Рокфеллеру-сыну и его Colorado Fuel and Iron Company, «Компании топлива и железа Колорадо». Рокфеллер-сын получил компанию от отца как подарок на день рождения. Тысячи шахтеров-угольщиков, среди которых были и дети, работали за гроши, которые в основном возвращались в сейфы Рокфеллеров: их семьи ютились в бараках, построенных компанией и покупали продукты в её магазинах. Многие из них были недавними иммигрантами, в основном греками и итальянцами. Работа на шахтах была адская, смертность шахтеров — очень высокой. В окрестностях Ладлоу часто случались аварии со множеством человеческих жертв. Например, взрыв на шахте Примере в январе 1910 года унес жизни 75 шахтеров, а в октябре того же года на шахте Старквилл погибли 56 человек. Никакой охраны труда на шахтах у Рокфеллеров не было, да и власть в штате находилась практически под их полным контролем. Как избиратели были зарегистрированы не только все рабочие, в том числе иммигранты, но и мулы компании. И люди, и животные голосовали так, как им велели хозяева, точнее, их голоса просто записывали за них в нужную графу. Рокфеллеры являлись сторонниками менеджерского капитализма, то есть решение всех вопросов отдавали на откуп менеджерам, от которых требовалась максимальная прибыль любой ценой. Это рождало массу злоупотреблений: шахтеров и их семьи фактически держали на положении рабов.

В сентябре 1913 года около 10 тысяч шахтеров начали забастовку с требованиями охраны труда и повышения зарплаты. Протест возглавили представители шахтерского профсоюза, за который агитировала знаменитая активистка Мэри Джонс, прозванная «Мама Джонс». Семья Мэри Джонс приехала в Соединенные Штаты из Ирландии, спасаясь от голода, а во время эпидемии уже в США она потеряла мужа-шахтера и троих детей. Когда

ей было уже за 70, она организовала марш детей рабочих из Пенсильвании на Нью-Йорк и привела их прямо к родному дому тогдашнего президента Теодора Рузвельта. Лозунги были такие: «Мы хотим в школу, а не на шахту». Ко времени стачки в Ладлоу Мама Джонс было уже 83 года, но она не потеряла своего пыла. Она приехала к шахтерам и вдохновила их на выступление, за что в очередной раз села в тюрьму. До сих пор, кстати, в США выходит довольно популярный левый журнал, названный в её честь Mother Jones.

Как только началась стачка, менеджеры компании тут же выкинули семьи рабочих на улицу, под проливной ливень. Профсоюз дал им палатки, и вокруг Ладлоу и соседних шахтерских поселков образовались целые палаточные городки, в наибольшем из которых жило примерно 1200 рабочих. В распоряжении компании была вооруженная частная армия, куда были наняты дополнительные бойцы. Рокфеллеры справедливо считали, что власти штата находятся у них на службе, и попросили прислать Национальную гвардию, которая также встала на сторону хозяев. Охранники терроризировали население, но Нацгвардия смотрела на это сквозь пальцы, зато не давала бастующим останавливать штрейкбрейкеров, нанятых компанией.

Стачка затянулась на много месяцев, но 19 апреля 1914 года наступила развязка. Национальная гвардия окружила палаточный лагерь бастующих, а с ближайшего утёса был выставлен пулемёт. Власти потребовали от шахтеров выдать им одного из зачинщиков, те отказались, и Нацгвардия открыла огонь по лагерю. Несколько шахтерских лидеров были убиты, многие забастовщики бежали и скрылись в окрестностях, а их семьи попрятались в погребах, которые были вырыты еще осенью под палатками. Вечером нацгвардейцы полили опустевшие палатки керосином и подожгли: в результате много детей и несколько женщин сгорели заживо или задохнулись в дыму.

Узнав о происшедшем, шахтеры напали на город, атаковали чиновников, штрейкбрейкеров и менеджеров компании, захватили шахты и район площадью в 250 квадратных миль. Сведения о бунте попали в газеты, прежде всего стараниями Мама Джонс и других профсоюзников, и президент Вудро Вильсон направил в Ладлоу армию. Войска развели штрейкбрейкеров с бастующими, но стачка продолжалась почти до конца 1914 года. Рабочие почти ничего не добились, но в профсоюз вступило несколько тысяч новых членов. Началась Первая мировая война, а вместе с ней рост американской промышленности, которой требовался уголь. В 1915 году с Мамой Джонс встретился Джон Рокфеллер, и условия труда на шахтах начали улучшаться.

«Бойня при Ладлоу» — не только пример того, как вели себя хозяева, когда не считали работников за людей. Это и прогноз на будущее: пример того, как непременно они поведут себя снова, когда людей снова станут считать животными, когда уже не только на уровне философов, ученых, но и на бытовом уровне люди отвергнут концепцию свободы воли, сознания, да и самого человека. Тогда те, кто принимает решения в экономике, финансах и политике, наконец, облегченно вздохнут, потому что они уже сейчас считают людей белковыми автоматами, и лишь остатки культуры и образования доцифровых времен мешают им воплотить их представления в действия.

Ладлоу, штат Колорадо, долго был городом-призраком, и казалось, что ужасы этого городка, ужасы второй промышленной революции, уже никогда не повторятся. Нам сулили экологическое, гуманистическое, пацифистское будущее, «Третью волну», «Зеленую волну», экологическое сознание. Но потихоньку мы возвращаемся туда, Ладлоу, в его покинутые шахты, откуда извлекалось концентрированное тепло Земли, на склоны гор, откуда так хорошо простреливается всё вокруг.

Рокфеллеры никуда не делись, они всё ещё с нами. В наш мир уже вернулись частные армии, купленные власти, целые города, принадлежащие банковским и промышленным магнатам, тысячи работников, продаваемых ими друг другу или даримых. Но даже рабство — это только начало. Гораздо ближе, чем думают, стал мир полного бесправия рабочих, эксплуатации детского труда, мир, где придется платить просто за право жить, и будет еще хорошо, если удастся откупиться деньгами, а не здоровьем и жизнями детей. Харари и другие заблуждаются: их подход выльется не в то, что к животным на бойне будут относиться как сейчас к людям, напротив, к людям будут относиться так же, как к животным на бойне. По отношению к старикам во время эпидемии коронавируса можно видеть, как быстро человечество впадает в варварство, когда за людьми не признаются их базовые права, завоеванные в многовековой борьбе и проистекающие из понимания человека как сознательного — и ответственного — создания со свободной волей. Нет, в мире Деннета, Харари и Канемана. Уходит свобода воли, уходит концепция уникальности человеческого сознания — и власти лишаются тормозов, перестают чувствовать какую-либо ответственность в мире, который, по их мнению, устроен как гигантский компьютер, где для них важно одно: исполнять указания Цифрового Левиафана.

Мама Джонс добилась того, что о бойне в Ладлоу заговорила вся страна, и семья Рокфеллеров решила нанять двух цепких экспертов в области пиара, Айви Ли и Макензи Кинга, чтобы как-то укрепить свой резко пошатнувшийся имидж. Собственно, Айви Ли и основал современный пиар, а Макензи Кинг впоследствии стал премьер-министром Канады.

Ли убедил Джона Рокфеллера-младшего поехать в Колорадо, встретиться там с шахтерами, их женами и детьми, проинспектировать условия работы и быта, пообщаться с простым человеком и выслушать все жалобы. Все это время за Рокфеллером ходил фотограф, пресс-релизы о его общении с народом стали расходиться по газетам, и миллиардер предстал перед обществом в более гуманном свете.

С тех пор Рокфеллеры поняли, как важно умение если не быть, то казаться и что хороший пиар не менее важен для ведения крупного бизнеса, чем умение выжать все соки из работников, выдавливание конкурентов или «решение вопросов» с политиками. Ведь армия буржуазного государства может спасти тебя раз или два, но долго на штыках не усидишь. Одним из последствий бойни в Ладлоу стал внезапно вспыхнувший интерес не только у Рокфеллеров,

но и у других семей американских миллиардеров ко всему тому, что может обеспечить положительные заголовки в газетах. Поддержка искусств и образования, без вариантов, давала прекрасный пиар, ибо что может быть лучше, чем забота капитанов бизнеса о будущем ваших детей и высоких моральных принципах. Этот подход сегодня уже можно назвать «старой школой», ибо мир изменился, и технологические предприниматели всё меньше стремятся выглядеть добрыми. Если хороший пиар и представляет для них интерес, то лишь в странах, где они аккумулируют профит и платят налоги, а весь остальной мир может катиться ко всем чертям. Можно, как Билл Гейтс, заняться благотворительностью в третьем мире, но лишь до той поры, пока это будет давать хорошие заголовки в «Нью-Йорк Таймс», и в любом случае важно понимать, какую конкретную прибыль принесет ваша инвестиция в благотворительность. Каждый доллар, потраченный на бедных детей Зимбабве, должен работать и обернуться сотней, а лучше тысячей. Например, вложения фонда Гейтсов в Всемирную организацию здравоохранения через контроль над этой организацией способствуют созданию триллионного глобального рынка вакцинирования от ковид-19. Нет сомнения, что этот рынок уже сейчас поделен между компаниями связанной с Гейтсом «большой фармы».

Дальнейшая удивительная история хорошо иллюстрирует движение капиталистов второй промышленной революции от откровенного бандитизма и хищничества к охране дикой природы и спасению китов. Только помните, читая эту историю, что после распада СССР маятник качнулся в противоположную сторону, и капиталист-бенефициар четвертой промышленной революции куда более похож на своего грабителя-прадеда, чем на либерала-отца.

Итак, Рокфеллеру хождение в народ понравилось настолько, что впоследствии, при строительстве центра своего имени в Нью-Йорке, семья заказала весьма смелый проект центральной фрески мексиканскому художнику-коммунисту Диего Ривере. Дело было в начале тридцатых годов, когда все только и говорили о советской пятилетке и преимуществах социализма. Жена Джона Эбби хорошо знала Ривера и его жену Фриду Кало, тоже коммунистку и подругу Льва Троцкого, по нью-йоркским светским тусовкам. Эбби Рокфеллер с удовольствием покупала картины Риверы, и художника даже исключили из партии за общение с акулами капитализма. Ривера сформулировал идею фрески для Рокфеллер-центра так: «Человек на перекрестке с надеждой и вдохновением выбирает новое и лучшее будущее».

Конечно, он не выдавал всех своих замыслов, но показательное то, что Рокфеллеры согласились с общей либеральной концепцией произведения, задуманного как грандиозный триптих — первое, что человек увидит, зайдя в здание. «Человек на перекрестке» должен был показать широкий диапазон мнений в современном социуме, науке и культуре. Центральная панель должна была изобразить человека, управляющего машиной — символ эпохи. Слева должно было располагаться визуальное представление капитализма под названием «Граница материального развития», а справа, под девизом «Граница этической эволюции» — визуальное представление социализма. Рокфеллеры одобрили главную идею фрески — противопоставление социализма капитализму, и были готовы даже к тому, что эту идею воплотит в жизнь коммунист.

В итоге в капиталистической части фрески художник изобразил станок наподобие пыточного кресла с человеческим черепом на позвоночнике — примерно так сегодня рисуют илон-масковский «Нейралинк», — полицейских, дубинками избивающих рабочих, мрачные лица людей труда и веселье высших классов — карты, танцы, женщину с признаками наркомании и сифилиса, голого ребенка, ползающего среди животных, а сверху — военные самолеты и безликую армию в противогазах, оцетинивуюсь штыками и идущую на социалистов.

Социалистическая часть фрески действительно была противопоставлением, и любому становилось понятно, что выберет зритель как образец будущего. На ней был изображен майский парад, с поющими девушками в красных косынках и мужчинами под красными флагами — у каждого, в отличие от капиталистических машиносолдат, здесь было свое лицо. Ниже шли советские спортсменки, авиаторы, рабочие и партийцы, среди которых можно было распознать Троцкого, держащего красное знамя, и Маркса с Энгельсом. Ближе к центру, справа от центральной фигуры рабочего, который летел на аэроплане времени, был изображен лидер большевиков Владимир Ильич Ленин.

Информация о проекте просочилась в газеты, которые стали писать о том, что сооружение, посвященное либеральным искусствам и международному сотрудничеству, станет рассадником коммунистических идей. Строительство курировал сын Джона Нельсон Рокфеллер, впоследствии советник президента Рузвельта и губернатор Нью-Йорка. Нельсон попросил ривера об одном: убрать с фрески портрет Ленина. Явно его больше всего беспокоила реакция прессы на этот «мем». Ривера отказался, добавив, что мог бы убрать Ленина только в том случае, если бы его можно было заменить на портрет Сталина. Рокфеллер распорядился замазать фреску и выплатить художнику причитающуюся ему весьма приличную сумму. Фреска была уничтожена, и на ее месте через три года появилась другая — «Американский прогресс» каталонского художника Иозепа Марии Серта.

Ривера, впрочем, сделал фото своего произведения и повторил его в столице Мексике, Мехико, во Дворце изящных искусств, где работу можно увидеть и сейчас. Она называется «Человек — контролер Вселенной» и да, и Ленин, и Троцкий, и Энгельс с Марксом там присутствуют.

История, начатая бойней в Ладлоу, продолжается и в наши дни. Я упоминал в этой связи компанию Amazon и ее владельца и главу Джеффа Безоса, но при чем здесь они? А дело в том, что, как и Рокфеллеры сто лет назад, Безос сегодня имеет очень плохой пиар.

Дело тут не только в том, что Amazon практикует на своих складах — а это фактически один глобальный склад

товаров и информации — потогонную систему поуже тейлоровских конвейеров в 1920-е годы. Дело не в том, что работники Amazon сидят на минималке, за ними установлена тотальная слежка, и они беспощадно штрафуются за любую провинность — например, за внеплановый поход в туалет, так что многие сотрудники работают, как ковидные врачи, в памперсах. Дело не только в беспощадной роботизации логистики, где любой человек, которого можно заменить автоматом, заменен им, а тех, кого не заменили, самих превратили в автоматом. Дело не в том, что работа, которую выполняют сотрудники Amazon, монотонна и совершенно бесперспективна с точки зрения их человеческого развития: просто роботы пока не могут так точно перемещать предметы, да и в обслуживании дороже, чем люди, но как только это изменится, «Американский прогресс» заменит человека машиной. И во время второй промышленной революции рабочие были отчуждены от результатов своего труда, что, по Марксу, составляет главное противоречие капитализма.

Средства производства в наши дни совсем другие, чем сто лет назад, но принципы, на которых основана экономика капитализма, не изменились, какие бы новые теории на этот счет ни изобретали нобелевские лауреаты. Но есть один интересный момент: сегодня вымывается всё больше рабочих мест синих и белых воротничков, и людям остается самая примитивная работа помощников робота — речь не только о складах Amazon, но и, например, о банках, где сотрудники просто озвучивают решения компьютерных систем. Искусственный интеллект может писать хорошо продаваемую музыку, подбирать книги, заниматься кастингом актеров или дизайном интерьеров, поэтому все меньше востребованы люди творческих профессий — журналисты и художники, дизайнеры и музыканты. Так называемая «пандемия» ковид-19 дала предлог к дальнейшему уничтожению театра, образования, искусств и соответствующих профессий, в которых человек все больше становится дистанционным дополнением к нейросети.

В итоге мы вернулись к ситуации столетней давности, когда капиталисты эксплуатировали низкооплачиваемых работников, которые занимались примитивным физическим трудом.

Но вернемся к Amazon. Больше всего американцев возмущает как раз растущий контраст, усиленный коронавирусом: контраст между стремительным обеднением одних и столь же резким обогащением других — прежде всего тех, кто служит Цифровому Левиафану.

В 2020 году рост прибылей Amazon на фоне резкого падения американской экономики воспринимается многими практически буквально как пир во время чумы. Десятки тысяч мелких бизнесов по всей стране разоряются, десятки миллионов людей лишены работы и средств к существованию, ожидается, что в несколько раз вырастет число бездомных — и в это самое время Amazon объявляет акционерам о достижении всё новых целей, о растущей доле рынка онлайн-продаж, которая составляет сейчас более 70 процентов, и выходе на новые рубежи.

Многие в Штатах в итоге относятся к Безосу хуже чем к северокорейскому диктатору Киму. И Безос, которому хочется улучшить свою репутацию, особенно в свете антимонопольных настроений, обратился к старому проверенному американскому подходу. В самом деле, не расставаться же с безумно прибыльной бизнес-моделью — куда лучше нанять лучших лоббистов и лучших специалистов по пиару.

И тут произошло нечто новое. Пиарщики придумали для Amazon ход, которому Рокфеллеры могли бы только позавидовать.

Не нужно тратиться на гранты для университетов или покупку коллекции японской гравюры для Музея Метрополитен. Какую воронку продаж обеспечит созданная на невозвратное пожертвование миллионов в двести долларов кафедра по изучению творчества Эмили Дикинсон? Всё это пустое, искусства и гуманитарные науки всё равно не нужны, ибо лишь поддерживают в народе несбыточные надежды. Например, на то, что человек хозяин своей судьбы в мире, где его поведение должно всего лишь соответствовать ожиданиям рынка. Фьючерсы на это поведение уже проданы, и не в наших интересах терять на этом деньги.

Пиарщики предложили Безосу использовать для создания положительного образа компании самих её сотрудников. Те должны использовать для этого Twitter и другие социальные сети — но прежде всего Twitter. Чем короче, тем лучше, лучше всего запоминаются короткие сообщения. Сотрудники должны писать что-то вроде «писем трудящихся»: о том, как им хорошо работается на складе, какие у них чудесные коллеги, и как в целом хороша жизнь и хорошо жить. Во-первых, таким рассказам люди поверят больше, чем постам высокооплачиваемых блоггеров-«инфлюэнсеров», задача которых — продвигать новые продукты. Во-вторых, эти посты достигнут именно тех, на кого рассчитаны — на простых людей, среди которых много будущих работников Amazon. Ведь если нынешние тренды продолжатся и мелкий и средний бизнес окончательно накроется медным тазом, все когда-нибудь будут работать на складах Amazon. Ну, и наконец, это гораздо дешевле — не только дешевле чем раздавать студентам благотворительные стипендии или ученым — гранты, а дешевле даже, чем содержать команду блоггеров. Ибо можно просто объявить конкурс среди сотрудников Amazon на лучший твит об их волшебной жизни и отправить победителя в отпуск на месяц на Карибы. Нет, достаточно двух недель. Недели. И не на Карибы, а в Диснейленд. Остальным участникам можно предложить бонусы по работе. Место на складе поближе к дому, лишнее разрешение сходить пописать, разрешение поговорить на рабочем месте. Сотни, если не тысячи сотрудников включатся в проект. Назовем их «послами центра самореализации», бесплатно дадим им софт Sprinklr для медиа-профессионалов (это «платформа для управления пользовательским опытом»). С помощью Sprinklr обычные кладовщики смогут легко управлять своими постами и видеть результат. И вперёд! Разве Рокфеллеры могли бы дать организовать такое среди шахтеров?

Расчеты пиарщиков Amazon оправдались блестяще. Отряды «послов» стали активно писать в «Твиттере» о том, как

хорошо идет работа. Как только Sprinkir сообщил им, что кто-то обсуждает потогонные условия труда на складах компании, пишет про преследования профсоюзников и увольнения активистов, вообще, выдает какой-либо негатив по отношению к Amazon, так сразу кто-то из «послов» писал в соответствующий чат: «Ребята, вот вы тут обсуждаете, как плохо работать на Amazon. Я сам работаю в этой компании, давайте я сам расскажу вам из первых рук, да еще и фотки пришлю».

Одна из девушек-«послов» по имени Ханна написала пост в ветку, где обсуждалась негативная статья о компании. Пост сразу стал вирусным. Он начинался так: «Я тоже страдаю от депрессии, и был момент, когда я хотела уволиться с Amazon. Но потом я поняла, что дело не в Amazon, дело во мне. Мне разрешают разговаривать с людьми, но я и сама порой не хочу. Сейчас у меня прекрасные коллеги по работе, с которыми так здорово проводить ночные смены».

В результате твиттерной кампании, согласно социологическому опросу Джорджтаунского университета, уровень доверия к компании поднялся настолько, что превзошел доверие к местной полиции, выборным органам и даже к церкви. Опыт тут же взяли на вооружение другие компании, которые начали учить своих сотрудников, как писать правильные посты о своем прекрасном рабочем месте. Появился даже термин для тех, кто вовлечен в такую активность — «работники-адвокаты», а саму такую деятельность пиарщики считают хорошей альтернативой высокооплачиваемым «инфлюэнсерам».

Есть ли на эту тему мнение у сотрудников Amazon? Их мнения руководство компании интересует не больше, чем мнения мулов в Колорадо, которых Рокфеллеры регистрировали на местных выборах. И если сейчас уже и работников спрашивают согласие на участие в подобной активности, а кое-где могут и оплачивать, то в ближайшем будущем проецирование положительного образа компании через личные аккаунты в социальных сетях будет считаться частью должностных обязанностей.

Если шахтер сто лет назад отработал смену в забое, и дальше его жизнь работодателя не интересовала — разве что на предмет извлечь дополнительный доход, продав ему товар из магазина компании, то теперь работник принадлежит хозяину 24 часа в сутки 7 дней в неделю.

Личность человека в дивном новом мире Цифрового Левиафана принадлежит не человеку, а цифровому рою, то есть, в конечном итоге, этому самому Левиафану.

Произошло отчуждение человека от самого себя — ибо эксплуатируется не только тело, но и душа, вернее, когнитивная часть человека, ибо ни в какую душу его хозяева не верят. Таким образом, можно сказать, что потребительское закабаление человека было только началом. Левиафан сначала залез в душу человека, предоставив ему бесплатный доступ к общению, которого его лишила технократическая цивилизация, и к синтетическим развлечениям. Затем, шаг за шагом, участки его души стали огораживаться и управляться через систему импульсов и воздействий. Кнут и пряник работал и раньше, но одно дело аналоговое регулирование, от которого можно укрыться, и совсем другое — цифровое. В условиях, когда весь мир становится цифровым, никому от взгляда Левиафана не скрыться. Более того, вы сами становитесь частью Левиафана, частью цифрового роя.

В Средние Века крестьянин не мыслил себя вне своей крестьянской общины, монах — вне монастыря, а благородный человек — вне своего благородного сословия. Принадлежность к коллективу была порой обременительна, хотя вряд ли чувствовалась как таковая. Крестьянин был обязан работать в поле, но он чувствовал это положение совершенно естественным. Его идеал счастья было — получить много земли и без помех ее обрабатывать. Точно так же вассал должен был служить своему сюзерену, и в порядке вещей было отдать за него жизнь. Главное, что люди получали взамен — это ощущение нормальности происходящего, ощущение устоявшегося, Богом данного порядка вещей. Так можно было строить планы вплоть до Страшного Суда — да люди их так и строили. Любое сомнение в нормальности, в устоях бытия рождало смуту и потрясения. Потрясения не природы, а человека — ибо человека начинало чуть ли не в буквальном смысле трясти, и он как правило шёл воевать.

В Новое Время человек попытался забраться на вершину, но на самом крутом подъеме он осознал, что карабкается наверх без страховки. И потерял уверенность, и ничем не может заполнить образовавшуюся пустоту. Отсюда, из этой пустоты, и возник Цифровой Левиафан, который заботливо, шаг за шагом, возвращает людям ощущение стабильности и нормальности — через принадлежность к рою. Если рой указывает носить маску, вы без вопросов просто носите маску. Если вам говорят пойти привиться — вы пойдете и привьетесь. Скажут смеяться над конспирологами, которые ищут чей-то злой умысел в чипизации — вы будете над ними смеяться вместе со всем роем, как смеялись крестьяне над ведьмами, закидывая их камнями. Смеялись — но боялись, как боялись любого мнения, отличного от принятого мнения, мнения роя. Боялись — но смеялись, ибо сознавали, что нормальность происходящего создает защиту, уверенность, дает возможность жить дальше. От конспирологов, как в прошлом от ведьм, удастся избавиться, и наступит момент, когда никто не будет подвергать сомнению мудрость роя. Это будет тот самый момент, когда придет пора чипироваться. И вы уже не можете не выполнять указаний Левиафана, ведь он станет неотъемлемой частью цепи, которая обуславливает ваше поведение.

Вы не слушаетесь Левиафана, ибо Левиафан — это вы.

ЧЕЛОВЕК ЗАВЕРШЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ

Только на исходе Нового времени субъектность человека, ощущение каждым человеком себя как независимой личности, «всерьез стала относиться к подлиннейшим — еще неисчерпанным сущностным последствиям» эпохи — по выражению Хайдеггера. И дело не в том, что до той эпохи не было понятия «себя» — искусство, которому

30, а то и 50 тысяч лет, доказывает, что было. Человек «был», и даже создал свою автономию, независимость от других, от коллектива — но именно тогда, перед Первой мировой войной, самоосознание человека стало влиять на всю цивилизацию, и на весь окружающий мир.

Возможно, это и испугало технократов, мечтающих сегодня стать новой кастой, и вполне успешно реализующих свою мечту. Всеобщее распространение самосознания сделало бы для них невозможным контроль над обществом, которого они добиваются

Сегодня, во время четвертой промышленной революции по Швабу, или в Новое Время-2, человечество, кажется, подошло к логическому пределу субъектности. Субъектность еще никогда не была так артикулируема. Частные острова, частные армии, частные состояния, превышающие бюджеты не самых маленьких государств — наконец, пора говорить уже и о частных мирах. «Будущее — частное», уверенно заявил Марк Цукерберг в 2019 году, имея в виду не только предстоящее в году 2020 исчезновение общественного, от публичного пространства до общественного блага. Частному и государственному предстояло объединиться, чтобы сокрушить общественное — не затем ли, чтобы построить на его месте постмодернистское подражание, общество-штрих? И потом, под прикрытием этого общества-симулякра создать рой, что позволит отбросить скорлупу общественного навсегда?

Общество позднего капитализма все больше лишалось содержания, но тем сильнее оказывалась его тяга к нормализации, к представлению, что всё должно быть только так и больше никак. Но статус-кво удержать было невозможно из-за захвата новых территорий: сначала бизнес, как главная, хотя и не единственная на тот момент часть социума, овладел Землей, а затем, натолкнувшись на препятствие космоса, обратился к покорению человека. Это как если бы экскаватор, копающий яму, прокопал бы до скальных пород, от которых ломается ковш, и не в силах остановиться, обратился бы ковш на себя. Это произошло уже тогда, когда все общественное стало бизнесом, то есть всё обратилось в придаток ковша. Но разве ковш не выражает суть экскаватора? Так извлекающий ресурсы капитализм выразил суть Нового времени и, обратившись на себя, пришел тем самым к своему логическому завершению. Система могла жить только постоянным расширением, постоянным заполнением пустоты, а заполнять пустоту она могла лишь просчитывая и учитывая всё, что попадалось в поле зрения. Система стремилась к просчитыванию всего, и просчитав всё, стала просчитывать сама себя.

К 2020 году скорлупа общественного оказалась сброшена: общие пространства, собрания, даже случайные встречи оказались под запретом, в парках и на площадях по всему миру разрешено было появляться лишь военным и полицейским патрулям, живые площадки для дискуссий оказались закрыты. Наступило всеобщее обнуление общественного — Пользуясь всеобщим обнулением общественного, Левиафану оказалось довольно просто навязать свою повестку правительствам, законодательным собраниям, средствам массовой информации и, через них, семьям и отдельным людям по всему миру. За год действительно практически всё общественное стало частным, но то, что было частным, удивительным образом стало терять свою принадлежность. Экономисты могут пояснить детали этого процесса и показать механизмы того, как это происходило, но если судить хотя бы по запутанности структур любых компаний, трастов и фондов, можно говорить о том, что принадлежность, собственность, а вместе с ними и власть принимать решения становится размазанной по многим держателям, мало кто из которых имеет решающее слово и может быть назван, собственно, владельцем.

В начале этой книги я описал сущность, которая теперь таким владельцем, собственником, решателем является, назвав ее Цифровым Левиафаном. Я сравнил понятие Цифрового Левиафана с Левиафаном-государством, найдя между ними много общего. Можно ли в связи с этим говорить об установлении некой глобальной власти? Вероятно, да, хотя и вряд ли в смысле «мирового правительства». Министров такого «мирового правительства» можно сравнить с языческими духами, идолами в темном лесу или темной пещере, но власть таких идолов простирается лишь на тех, кто в них верит. Кто же управляет процессами в лесу и возможно ли в принципе такое управление? Об этом, собственно, и написана эта книга, но я сознаю, насколько неполно я отвечаю на эти вопросы.

Если окинуть сегодняшний философский пейзаж, мы увидим там одни руины — руины красивых зданий когда-то мощных учений.

Постнаука, как вирус, проникла во все научные области, а потом, как раковая опухоль, заместила цель науки и заставила работать на себя сложившиеся школы и направления. Цель постнауки — власть, но не в нищезанском смысле получения жизненных энергий и агрессивного следования за ними, а безликая, бесполовая власть цифры над всем, что цифруется, а оцифровано должно быть всё. Все цифры равны, а потому между ними идет острейший спор за первенство, и главная борьба ведется за место в иерархии. Голая иерархия доминирует почти во всех областях, за исключением самых прикладных технологических. Форма торжествует над сутью, содержание превратилось в скороговорку, в набор заученных формул.

Хайдеггер предвидел времена, когда отсутствие осмысления предстанет как прорыв хитроумнейшего расчета и нестигаемой деятельной энергии, которые овладели сферой общественности и вообще публичностью.

Похоже, такие времена настали. Субъектность человека завершена усилиями технократов — хотя их бесспорное торжество несет в себе зерна грядущего поворота от технократии.

Сегодня наступает эпоха неолюдей — некоторого промежуточного звена между людьми и Настроенными. Но уже готовится почва для основателей — то есть тех, кто разрушит это царство морока.

Возможно, кто-то из тех, кто сегодня участвует в деятельности Цифрового Левиафана, также сознает, что созданный ими симулякр общества нежизнеспособен и продержится лишь до той поры, пока большинство вокруг верят в нормальность происходящего. Как только морок развеется, возникнет запрос на реальное общество с

реальным содержанием и реальными ценностями. Сколько бы ни верили в меритократию и не говорили о ней даже самые лучшие из тех, кто верит в то, что они принимают решения, как только доска снова станет чистой от фигур и каждое высказывание будет стоить ровно столько, сколько оно значит — так сразу выяснится, что эти люди попали в ловушку.

Алчность привела их к постоянному соглашательству и подчинению воле Левиафана, они утратили мускул принятия решения и уже забыли, как это делается. С другой стороны, те отщепенцы, которых терпели в лучшем случае как маргиналов, если не как откровенных врагов, смогут распознать в рассеянном тумане черты будущего, и вести людей в этом направлении. Они покажут наготу короля и собьют с пьедесталов расставленных по лесу уже бессильных идолов. Сегодняшние хозяева подвешены в воздухе и по сути бессильны, но вынуждены проецировать свою уверенность в нормальности происходящего. Как только туман рассеется, всем станет очевидно их алчность, их преступное молчание и бессилие.

Они страшатся такого результата и потому всеми силами будут помогать Цифровому Левиафану в создании роя. Кто-то из них будет делать это прагматично, а кто-то словно в лихорадке, отринув от себя все прежние мечты и свои же собственные ценности и идеалы.

КОНЕЦ ЦИФРОВОГО ЛЕВИАФАНА

Каковы же основы архитектуры неочеловека и мира, который из этого существа вытекает Цифровой Левиафан строит в его помощь?

Неочеловек, или роевой человек — существо проектное, сконструированное, и в этом смысле уже машина. Но кому нужна эта машина, чего хотят достичь, используя этот инструмент? Когда мы говорим о том, кто и как запустил этот проект в действие, мы должны понимать, что при всех вариантах ответа на эти вопросы главным остается одно: создать такого человека потребовалось вполне определенному человеческому обществу с вполне определенным строем в определенное время. Альберт Эйнштейн как-то ответил на вопрос о первопричинах возникновения науки так: «Никто не чешетя, пока у него не зудит». Наука как человеческий проект была задумана конкретными гениями — Бэконом, Декартом, Спинозой — но получила мощнейшее развитие потому, что была востребована на том этапе человеческой истории. Наука и сопутствующая ей философия запустила вторую промышленную революцию, и какой мере сама была создана этой революцией, в той стала и её отрицанием. Сто лет назад это отрицание вылилось в череду революций и войн, и человечество оказалось на пороге нового строя, новых отношений, нового общества и нового человека. Самообразование человека стало неизбежным не просто потому, что человек получил для этого средства и инструменты, и, как он думает, ресурсы, но и потому, что таков был эволюционный императив.

Когда говорят об экономическом императиве, подразумевают общество, устроенное как машина для производства стоимости, выраженной в деньгах, то есть в числах. В такой машине причина всегда рождает следствие, и нужно определенным образом организовать начальные условия какого-то процесса, чтобы получить результат. Научная теория, например, законы Ньютона, не просто предсказывает течение вполне конкретных процессов в физическом мире, а детерминирует эти процессы, в каком-то смысле работает как заклинание, которого слушаются планеты и галактики. Точно так же и выбранная корпорацией бизнес-модель детерминирует поведение участвующих в ней экономических агентов, которые не могут выломаться из этих рамок и обречены приносить выраженную в числах прибыль. И в этом смысле управление экономикой является магией, реализованной мечтой алхимиков.

Если же что-то идет не так, то неопределенность должна быть любой ценой устранена, и каждая следующая бизнес-модель становится совершеннее предыдущей. То есть если заклинание не работает, подбирается следующее заклинание, или прежнее произносится с большим выражением — но никто не ставит под сомнение саму способность заклинания возыметь эффект.

Так бизнес стал машиной экономического принуждения агентов, то есть людей, вести себя в заданном диапазоне, который все время сужается, ибо предсказания становятся все точнее и точнее, и всё — люди, их отношения, мир вокруг них — должно соответствовать экономическому заклинанию.

Проблема в том, что предопределенность поведения агентов, принятая за данность, таковой не является, то есть в экономическую машину постоянно проникает песок, а то и камень неточности, случайности, и сами части механизма из-за встроенной в них свободы воли периодически выбрасывают тот или иной фортель. Это приводит к постоянным поломкам и даже к состоянию, которое можно назвать постоянным ремонтом. Как достичь последней, окончательной бизнес-модели, в которой участники будут детерминированы по-настоящему? Как достичь таким образом окончательной науки, окончательной экономики, тождественной миру? Иными словами, как достичь состояния, когда даже квантовые процессы можно будет купить и продать через фьючерсы, то есть точно предсказать? И, таким образом, можно будет купить, приобрести, любое заданное окончательным проектом состояние Вселенной?

Такое состояние материи можно назвать окончательным капитализмом, и именно о его установлении в масштабах всего бытия идет речь. Первое и главное препятствие на этом пути — субъектность, прежде всего субъектность человека. Чтобы его устранить, экономический императив превращают в императив эволюционный. Приспосабливаясь в процессе эволюции к меняющимся условиям, виды меняли размеры, расцветку и другие свойства. Сегодня речь идет о том, что человеческий вид должен сам изменить себя в угоду экономическому императиву финансистов, создавших Цифрового Левиафана.

Пытаясь управлять миром и человеком, экономические алхимики действуют предельно осмысленно, просчитывая

каждый шаг. При этом *homo sapiens*, которого они преобразуют, становится всё менее осмысленным, находясь словно в постоянном состоянии наркоза. Кондиционирование людей во время эпидемии ковид-19 имело целью создание в них состояния выученной беспомощности. Людей приучают совершать аналогичные, абсурдные действия типа ритуального надевания маски для совершения покупки. Эти действия нацелены на закрепление в людях автоматических реакций и состояния «возлзания». В этом состоянии человек находится в постоянном ожидании дофамина от мобильного устройства, откладывая действия в реальном мире на потом или производя автоматические движения, управляемые так называемой «Системой 1» создания. Эту классификацию придумал нобелевский лауреат нейробиолог Даниэль Канеман, получивший эту премию еще в 2002 году с формулировкой за «применение психологической методологии в экономической науке, в особенности — при исследовании формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности».

«Система 1», согласно Канеману, отвечает за события, которые находятся в пределах привычных представлений об окружающем мире. «Система 1» порождает впечатления и чувства, и срабатывает автоматически, практически не требуя усилий. Есть в сознании и «Система 2», которая отвечает за более сложные действия и, по Канеману, предпочитает находиться в комфортном режиме минимальных усилий. Если вокруг не происходит ничего непредвиденного, то «Система 2» дремлет, и нехотя запускается лишь тогда, когда получает от «Системы 1» какие-то раздражающие импульсы. С подачи Канемана общим местом необихевиористов стало то, что «Система 2» отвечает за иллюзию «свободной воли», которая на самом деле лишь является реакцией организма на когнитивную перегрузку. Чтобы такой реакции не было, нужно просто не перегружать систему.

Главным фактором, определяющим поведение человека, необихевиористы считают лень и нежелание тратить силы больше минимально необходимого. Таким образом оказалось возможным свести сознание с его пьедестала: ведь по сути, главное действующее лицо в этой картинке мира — «Система 1», которая просчитывается на уровне нейрофизиологии и от которой можно не ждать непредсказуемых действий и неожиданностей. Действия «Системы 2», таким образом, вполне можно свести к действиям «Системы 1», которой, в свою очередь, можно управлять. Нужно лишь давать человеку дофамин, как крысе в лаборатории, сформировать в нем определенные привычки и не обременять его чем-то неожиданным и некомфортным.

Есть и другой вариант того же подхода, предложенный американским нейрофизиологом Карлом Фристоном. У речь идет о том, что мозг — это машина по предсказанию окружающего мира, а сознание включается тогда, когда предсказание оказывается неверным. Фристон разработал принцип свободной энергии, который говорит, что жизнь на всех уровнях, от самого простого клеточного до сложного уровня человеческого мозга с его миллиардами нейронов — движет универсальный императив, очень похожий на экономический императив капиталистов. По Фристону, всё живое стремится минимизировать свободную энергию, то есть всегда действует так, чтобы уменьшать разрыв между поступающей от органов чувств информацией и ожиданиями.

Императив Фристана можно свести к математической функции, а значит, вычислить и запрограммировать, сделав движком Цифрового Левиафана.

Фристон — самый цитируемый в мире нейроученый, то есть научная машина, смазанная деньгами инвестиционных институций, обеспечивает его взглядам зеленую улицу, максимально облегчая продвижение.

Поэтому сотни ученых строят на базе гипотезы Фристана свои эксперименты, а разработчики создают на этой основе системы, управляющие поведением миллиардов — всего человеческого «роя».

Принцип управления прост: чтобы сознание никогда не включалось, нужно лишь обеспечить полное соответствие событий вокруг тому, что привычно, повторяется и предсказано мозгом.

Таким образом, осмысление неосмысленного приводит к математическому способу управления эволюцией мира и человека. Вокруг этих двух базовых настроений — осмысленного и неосмысленного, между которыми лежит весь мир и весь человек — создается напряжение, которое лишь усиливает решимость жрецов уйти от собственного внутреннего разлада через дальнейшие и всё более изощренные жертвы Цифровому Левиафану. Это придает разладу еще большую остроту, и чтобы замести его под ковер, жрецы вообще перестают даже друг с другом говорить о сути. В них растёт опасение проговориться и быть принятыми за отщепенцев, подлежащих уничтожению. Разлад тем временем всё усиливается, но одновременно и всё сильнее замалчивается через механизмы гипернормализации. Наука пожирает собственную критичность, все больше напоминая алхимию, но даже алхимия вскоре будет отброшена в пользу полного подчинения самому примитивному и бессмысленному ритуалу, разработанному жрецами для машины.

Так наука тоже становится частью процесса обесмысливания, соскальзывая из чуткого сна «Системы 2» в управляемое наркотиками состояние «возлзания» «Системы 1». Жрецы боятся это признать, но она и сама напоминает полузадушенного Цифровым Левиафаном человека.

Обесмыслив науку, можно установить над ней полный контроль. Однако, окончательно потеряв фокус, она утратит свою магическую силу и, соответственно, власть над человеком. Это напоминает квантовый эффект: в тот момент когда наука покажет свое абсолютное предвидение и обнулит так называемую «свободную энергию» людей, превратив их в окончательные машины, — она сама перестанет существовать.

Так осмысление и обесмысливание, наложившись друг на друга в состоянии предельной синхронности, обнулят все фьючерсы и все предвидения технократов, а вместе с этим и их самих.

Тогда человек потихоньку сможет стряхнуть с себя морок — конечно, при этом дорувив остатки самоуничтожившейся системы. Этот момент, собственно, и явится точкой сингулярности — но не той

технологической сингулярности из бестселлеров Курцвейла, в которой машина-суперинтеллект окончательно и бесповоротно превосходит человека, а тот, когда самоубийственная саморегуляция человека разрушит и его, и подвластную ему Вселенную, вместе с той самой машиной-суперинтеллектом, и вместе со всеми заклинаниями типа теории свободной энергии, которые в этот момент утратят свою магическую силу

Цифровой Левиафан, возможно, несколько позже просчитает и такой исход, но не сможет ничего изменить в своем поведении, ибо рычаг, позволяющий возможность такого изменения будет находиться за пределами самой этой системы.

ОТ «ЧЕЛОВЕКА ВЗЛОМАННОГО» К ЧЕЛОВЕКОДАННОМУ

Но конец Цифрового Левиафана находится от нас на некотором расстоянии, пока же уничтожение субъектности человека, а вместе с ней и рациональности, продолжается.

Для уничтожения «человека алертного» была создана целая экономика — экономика отвлечения. Алертный человек — тот самый, который был когда-то охотником и реагировал на каждый шорох, превратился в покупателя готовых продуктов, которому не нужно быть настороже. Даже *animale rationale*, то есть рациональным животным, его уже не назовешь, потому что рациональность — это производство понятий. Даже о своем выживании он уже может не думать — потому что двигаясь от одного впечатления к другому под воздействием дофамина и разного рода наркотиков, он перестал жить.

Распад и уничтожение субъектности уже нормализовано в обществе. Показателен нашумевший в России случай Михаила Ефремова, известного артиста, который 8 июня 2020 года на Садовом кольце в Москве выехал на встречную полосу и столкнулся с небольшим грузовиком, в результате чего погиб его водитель Сергей Захаров. Ефремов ехал на большой скорости, находясь под воздействием алкоголя и наркотиков, поэтому общественное мнение обратилось против артиста, и вначале тот сделал несколько публичных заявлений, выражая раскаяние. Однако позже стало ясно, что семья погибшего не принимает это представление за чистую монету, и актеру светит 12 лет тюрьмы. Тогда Ефремов «забрал обратно» свое раскаяние и заявил в суде, что был пьян и ничего не помнит, а потому виновным в происшедшем себя не считает. Он то под запись каялся в содеянном, то говорил, что не виноват, и каждый раз был достаточно убедителен.

Публика, следившая за ходом дела, увидела фактически нескольких Ефремовых, и сам этот сюжет мог бы иллюстрировать тезис одного из основоположников искусственного интеллекта Марвина Мински о «содружестве разумов». Нам только кажется, что мозг — единая структура, и что человек имеет одно сознание, полагал Мински. На самом деле в мозгу конкурируют множество алгоритмов, и сознание каждый момент времени имеет дело лишь с победителем в этом соревновании за внимание. Так, один ефремовский алгоритм старался убедить аудиторию в большой душе и совестливости артиста, другой открывал нам лицо пьяницы и наркомана, третий — расчетливого дельца от искусства, четвертый — беспечного потребителя впечатлений и ощущений, которые в погоне за ними не видит ничего вокруг. Всё эти «разумы», живущие отнюдь не в сообществе, а скорее в состоянии постоянного конфликта, и были Михаилом Олеговичем Ефремовым.

Но самым главным было не «сообщество разумов» само по себе, а то, что ни один из них не считал себя сознательным, обладающим свободой воли — а значит и ответственностью субъектом. Перед нами был неочеловек, существо аморфное, текучее, постоянно примеривающее маски, ни одна из которых, впрочем, не удерживается надолго.

Интересна реакция значительной части образованной части общества на публичное явление неочеловека. Потери субъектности человеком в цифровом мире не ощущалась как потеря — напротив, литератор Дмитрий Быков в своей колонке увидел в Ефремове величие. Вдруг выяснилось, что достаточно сторонников у концепции того, что человек — это некая биомашина, живущая одним моментом и настаивающая на своем праве не быть ответственным за предыдущий момент, да и за любой другой тоже.

Впервые так ярко в российском публичном пространстве, проявилась нормализация потери субъектности человеком. Человек при этом становился собственным аватаром, зонтичным брендом для своей комнаты спящих разумов. Но спящие разумы, отвечая в состоянии полупробуждения за мерцающее сознание-возлезание, должны были, в полном соответствии с гипотезами Фристана и Канемана, идти по пути наименьшего сопротивления и руководствоваться чем-то таким, что, во-первых, можно было бы надеть как новую маску, а во-вторых, что приносило бы какую-то дозу дофамина или как минимум не приводило бы к дискомфорту. Едва ли «Система 2» в состоянии справиться с подобным заданием, так что сознание практически полностью будет отключенным, и за него вполне способна поработать «Система 1». Таким образом, программа Цифрового Левиафана по синтезу безопасного для машины сознания решена. Но что будет управлять готовой к выполнению команд «Системой 1»?

Ответ на этот вопрос появился уже давно: роевое сознание. Именно роевое сознание способно дать правильные ответы на все возникающие в каждый момент вопросы и дать бывшему индивидууму, теперь члену роя санкцию на действие. Таким образом бессознательность всех версий Ефремова может быть узаконена в моральном плане. Что скажет рой, что он примет как шаблон поведения, то будет и правильно, и морально. Собственно, в мире сложнейших моральных дилемм, поставленных перманентными ситуациями харассмента, мужского шовинизма, эйджизма, расизма и так далее и не может быть иначе. Каждая из этих ситуаций представляет из себя минное поле в том числе в силу неопределенности как самих этих ситуаций, так и участвующих объектов — не субъектов.

Как возможно определить «цветную женщину», если понятие женщины становится весьма размытым, как, впрочем, и понятие «цвета кожи»? Женщиной можно родиться, можно ей стать, можно побыть женщиной и

перестать быть ей снова, а можно, наконец, избрать себе бесполое состояние. Вероятно, в недалеком будущем к этим вариантам прибавится возможность быть женщиной, мужчиной и кем-то третьим одновременно.

В Соединенных Штатах был случай, когда один преступник пытался избежать наказания за убийство, вооружившись концептом «внутренней множественности». Каждый из нас состоит из множества «я», говорил он, и убил не я, а кто-то «другой» во мне.

Но Ефремов пошел дальше биперсональности или мультиперсональности, дальше превращения человека в животное. Он показал, что можно быть просто вешалкой для маски или множеством точек больших данных. Такая вешалка ответственностью не обладает, нельзя к этой ответственности ее и принудить. Если человек полностью выражается собранными с него данными, то смешно считать, что это множество точек обладает какими-то правами, свободой воли, и может нести какую-то ответственность. Множество точек неподсудно, потому что для него не могут существовать универсальные категории, к нему неприменимо право в любом его истолковании.

Надо отчетливо понимать, что отрицатели свободы воли и сознания сегодня у власти в глобальном масштабе — в финансах, экономике, и в том что осталось от политики, науки и культуры. Некоторые из них думают, что свобода воли — это полезная иллюзия, которая позволит держать массы, то есть множество множеств точек больших данных, в повиновении. Поэтому нужно дать людям возможность выбора, пусть даже фиктивного, с заранее предсказанным результатом. Трудно проникнуть в мышление верхушки властвующих, но судя по тому, что происходит с управляемыми через деньги сферами общественного, они считают, что концепция иллюзорной свободы уже отслужила свое, и для окончательного устранения человеческой неопределенности нужен полный контроль. Жили же древние греки с мыслью о том, что судьбами людей управляют мойры, и что люди — игрушки богов. Почему бы не воспроизвести эту модель, и вложить людям в голову именно такую картину мира? Роль богов при этом будут играть сами властвующие, и люди будут понимать, что бороться с ними — бессмысленно, а лучшая линия поведения — это ублажать богов поклонением, дарами и жертвами. Для создания таких умонастроений нужны будут конкретные случаи, которые впоследствии обростут мифами и послужат основой для новой религии. А «Вы будете как боги» Фромма или Номо Deus Харари — не для множеств точек, а для тех, кто этими множествами точек управляет. Хотя каждый такой управляющий считает множествами точек и других новых богов, поэтому между ними неизбежна жестокая внутренняя война.

В любом случае, близится время, когда множества точек, или люди-данные, в той или иной форме получат уведомление, что их свобода воли аннулирована, точнее, ее никогда и не было. И теперь им предстоит жить по другим законам, слушаясь новых богов, какие бы между этими богами не творились наверху свары.

С этого момента любой поступок человеко-данного должен быть санкционирован — как и любой поступок по отношению к нему. Кто может дать такую санкцию? Только рой, коллективная сущность, управляемая богами через Цифрового Левиафана (так будут считать боги, хотя Левиафан, как показано в этой книге — вполне самостоятельная сущность, которая довольно быстро подчинит новых богов, если не начнет строить свою империю прямо с подобного подчинения).

Таким образом, множество точек можно заменить множеством масок. Встает вопрос о замещении человеческой индивидуальности роем, а сознания — роевым мышлением.

По дискуссии вокруг Ефремова понятными становятся методы, которыми это роевое мышление будет насаждаться. Ярость, с которой защитники права Ефремова стать совершенным человеко-данным набрасываются на тех, кто пытается говорить об ответственности, свидетельствует о том, что на кону корневые, базовые ценностные установки. Десятилетия разрушения человекоцентричности в науке, экономике и обществе в целом привели, фактически, к созданию контролируемых элементов, человекоданных, из которых создается рой. Интересно, что человеко-данные, то есть люди, ставшие собственными данными, прежде всего образуются из числа перспективных новых богов, то есть технократически настроенной интеллигенции. Эти люди совмещают описанное выше отрицание сознания у других с уверенностью в собственной исключительности. Но производство человеко-данных поставлено на промышленную основу, и можно не сомневаться, что большинство потребителей в ближайшее время станут таковыми — тем более что к этому их подталкивают в постоянном режиме.

Агрессивные человекоданные проявили себя во время эпидемии коронавируса, когда рой набрасывался на человека, который отказывался надеть маску подчинения и тем самым присоединиться к рою. В ютубе было выложено много роликов коллективных избиений и других актов агрессии носителей масок против тех, кто пытался сохранить индивидуальность. Эти действия, информация о которых распространяется по социальным сетям на микроуровне, служит для запугивания колеблющихся и рождению и закреплению новых привычек и ритуалов подчинения. Они свидетельствуют и о непреодоленном пока внутреннем разладе в системе.

САНКЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ «ЧЕЛОВЕКОМ ВЗЛОМАННЫМ»

Патрик Бейтмен, герой романа Бретта Истона Эллиса «Американский психопат» — выпускник Гарварда с безукоризненными манерами. Он показывает своим одноклассникам бумагу, на которой напечатаны его визитки — и те млеют от зависти. Патрик днем занимается бизнесом, специализируясь на «слияниях и поглощениях», а по ночам убивает. Специалист по анализу деятельности фирм и их реструктуризации, он приводит домой женщин и распиливает их на части. Патрик просто не видит разницы между живым и неживым. Порой он читает мораль тем, кого убивает: например, бездомному, которому говорит, что тот бесполезен. Вот как Патрик рассказывает в книге сам о себе:

«Есть идея Патрика Бейтмена, нечто вроде абстракции, это не настоящий «я», только некая сущность, что-то

иллюзорное, и хотя я могу спрятать мой холодный немигающий взгляд и вы можете пожать мне руку и почувствовать плоть, когда я в ответ пожимаю вашу, и хотя вы ощутите, что наши стили жизни похожи — это буду не я. Для меня трудно иметь смысл на любом уровне. Моё «я» сфабриковано, это искажение. Я не самостоятельное человеческое существо. Моя совесть, жалость, надежды исчезли давно (вероятно, в Гарварде) — если они вообще когда-либо существовали».

Патрик Бейтмен такой же, как основатель «Фейсбука» Марк Цукерберг, как создательница бизнес-модели «капитализма слежки» Шерил Сэндберг, как многие другие создатели и топ-менеджеры высокотехнологичных корпораций, правящие ныне миром. Почитайте воспоминания тех, кто создавал «Фейсбук», например, историю того, как Марк Цукерберг выпотрошил Эдуардо Луиса Саверина и пошел дальше. Вы увидите мир, где отсутствует какое-то подобие морали, где предательство, подножка, подстава, манипуляция — обычное дело, где совесть, самосознание, сопереживание, сочувствие не просто мешают — это верные признаки того, что вы проиграете. Конечно, вы можете сказать, что такова типичная история любого крупного капиталиста, но наше время приносит выражения нечеловечного поведения в самой законченной, химически чистой форме.

Эти лишённые эмоций, убившие их в себе человеческие существа — прообразы небогов, тех самых, которым Юваль Харари присудил мир. И они берут управление в свои руки.

Роман вышел в 1991 году, и многие тогда увидели в нем метафору времен Рональда Рейгана и Буша-старшего, когда власти решили снять ограничения с финансовых рынков, и жадность, отсутствие моральных тормозов, безжалостная конкуренция были признаны главным двигателем не только экономики, но и человеческого прогресса в целом. Новая мораль и новая этика стали править бал. Общественное было провозглашено отсталым и следовательно аморальным и неэтичным, частное — передовым, моральным, и этичным. Топор Бейтмана олицетворял вполне реальное сокращение рабочих мест, за счет которого банкиры и инвесторы делали свои прибыли. Новая этика вышла из кодекса поведения биржевика, нацеленного на прибыль любой ценой, полученную на крови, на уничтожении всего, что осталось от Земли, полученную на обмане, ибо «кто не спрятался, я не виноват». Это сочеталось — и во многом было обусловлено — процессами в научной и общественной среде, где восторжествовали идеи деконструкции человека, где общим местом стало признание того, что человек — это лишь набор меняющихся качеств, его сознание — это сменяющие друг друга ощущения, а свобода, как и самое «я», иллюзорны. Новая этика распространилась тогда в кругах деловых людей и политиков — тех, кто принимает решения — хотя её и не принято было широко артикулировать. Точно так же сегодня Хотя своих трудно было чем-нибудь удивить. Когда на вечеринке Патрика спрашивают, чем он занимается, он достаточно громко говорит «убийствами и экзекуциями» («I'm into murders and executions»), что фонетически звучит очень похоже на «слияния и поглощения» (mergers and acquisitions). Возможно, кто-то и услышал слова правильно, но чего не бывает. Никто не придает никакого значения тому, что он сказал, вечеринка продолжается как ни в чем не бывало.

Фильм режиссера Мэри Хэррон по роману Истона Эллиса вышел уже в следующую эпоху, в 2000 году. Американцы пережили спад и безработицу — оборотная сторона безудержного финансового энтузиазма — и уже начиналась новая эра, которую гарвардская (заметим!) исследовательница Шошана Зубофф назвала «эрой капитализма слежки».

Этика будущих «небогов», которые раньше господствовали в финансовой сфере, за это время расширила своё влияние и распространилась среди «культуры стартапов» Силиконовой долины. Раньше это был оазис контркультуры-Долина выросла на протесте против корпоративного капитализма, против общества потребления и лицемерия американской морали, на исходе думающих, пытливых, непохожих на других пассионариев из академических кампусных гетто в место, где «странные люди» могут обмениваться друг с другом идеями, создавая некое приближение к творческой идиллической утопии. Контркультурные подходы и концепции получили свое выражение в общности интернета, который рассматривался как свободная от коммерческих интересов автострада идей.

Но с бумом конца 1990-х в Силиконовую долину пришли большие деньги, и мораль изменилась. Новая этика стала еще беззащитней, еще бесчеловечнее — потому что смотрела на человека не как Патрик на бродягу — отстраненно, как на муху — а весьма заинтересованно — как на «новую нефть». Внутренность человека, его поведение и эмоции, его демоны и ангелы, подлежали извлечению, оцифровке и продаже.

От контркультуры новая этика взяла отрицание буржуазной морали, а от корпоративной культуры, олицетворяемой Гарвардской школой бизнеса — тезис о том, что любая активность подлежит просчитыванию с целью извлечения прибыли.

Талант Истона Эллиса позволил ему предсказать появление нового сорта людей, который при Рейгане и Бушах был еще плохо различим, за всей риторикой о свободе, справедливости и сияющем граде на холме. Создатели фильма почувствовали, что образы, нарисованные писателем, никуда не ушли — наоборот, они укоренились в американской жизни. Более того, обычные люди уже стали соотносить себя с образом Патрика, могли понять его мотивы, им были близка его боль, и внутри они чувствовали ту же пустоту. Выразить это, воспользоваться точными психологическими характеристиками писателя — значило добиться коммерческого успеха. Фильм в итоге стал заметным явлением. Кристофер Бейл сыграл нового человека, о котором писал Истон Эллис, и эта роль стала одной из его лучших, наиболее запоминающихся.

«У меня были все характеристики человеческого существа — плоть, кровь, кожа, волосы — но моя деперсонализация зашла так далеко, глубоко и мощно, что нормальная способность к сопереживанию была

выкорчевана, стала жертвой медленного, целенаправленного стирания. Я просто имитировал реальность, грубое подобие человеческого существа, с одним лишь крохотным уголком разума во вне, который всё еще функционировал.

Тем временем герои «Американского психопата» жили среди американцев, и отправились на завоевание Силиконовой долины.

Взять вице-президента компании «Фейсбук» Шерил Сэндберг, которая начинала с получения диплом MBA — магистра бизнес-управления — Гарвардской школы бизнеса, потом работала в федеральном правительстве и в корпорациях — сначала Google, а потом и Facebook, где она фактически создала отдел продаж в котором к ее приходу было 4 сотрудника, а сейчас их 4 тысячи. Газеты для элиты — например, «Нью-Йорк Таймс» — пишут о Сэндберг как о фигуре, стоящей не только за деловыми, но и за важнейшими политическими процессами сегодняшнего дня: достаточно сказать, что кандидата на пост вице-президента от Демократической партии Камалу Харрис называют креатурой Сэндберг.

Тесные отношения Харрис с «технологическим комплексом» начались давно, еще до того, как политик стала генеральным прокурором Калифорнии и сенатором — и Сэндберг аккуратно выращивала эти отношения, обеспечивая быструю карьеру Харрис, помогая ей и важными контактами, через поиск могущественных спонсоров, и через «работу» с ее противниками, в результате чего те сходили со сцены. В фильме американского режиссера Джона Понсольдта «Круг» (The Circle) описывается подобная ситуация: пользуясь системами тотальной слежки и прозрачностью жизни человека для технологий ведущая глобальная соцсеть продвигает своих политиков и убирает с дороги тех, кто мешает, с целью получить политическую власть в масштабах страны. Фильм вышел на экраны в 2017 году, и во многом стал провидческим, что показала президентская выборная кампания 2020 года. Эту кампанию следует рассматривать не как состязание Трамп-Байден, ведь в реальности 78-летний Байден — отнюдь не главное действующее лицо. Он лишь подштукатуренный фасад, примиритель, говорящий ровно то, что от него хотят услышать, объединяющая фигура для истеблишмента. Когда все вокруг становится политическим, Реальная власть при нем будет находиться в руках его свиты, возглавляемой вице-президентом Харрис. Если демократы победят — а полагать, что это случится, есть серьезные основания, — компании «большой цифры» получат своего представителя и выразителя их интересов не где нибудь, а в Белом Доме.

Что может остановить их после получения полной власти над самой могущественной страной мира? И что случится дальше? Через анализ — своеобразное рассечение своего героя — Истон Эллис приоткрыл завесу и над этим. Дальше пойдет преодоление барьеров — может быть, не в точности так, как это делал Патрик Бейтмен, но с той же силой, эффективностью и моральным безразличием.

«Больше нет барьеров, которые могли бы меня остановить, — говорит Патрик, — Я превзошел всё, что во мне есть общего с неконтролируемым и безумным, с порочным и злым, со всем кровавым кошмаром, который я вызвал, и моим полным безразличием к этому. И тем не менее, я придерживаюсь одной-единственной будничной правды: что никто не находится в безопасности, и никто не спасен. А вот я безупречен. Должно быть принято, что каждая модель человеческого поведения имеет основания. Зло — это то, что вы есть? Или то, что вы делаете? Моя боль постоянная, резкая, и я не надеюсь на лучший мир ни для кого. На самом деле, я хочу навлечь свою боль на остальных. Я хочу, чтобы никто не смог уйти».

Как и Бейтмен, будущие небоги могут оговариваться про «убийства и экзекуции», но с виду будут вести себя прилично. Они даже повторяют речитативы о свободе, демократии, всеобщем равенстве, и когда они говорят это с публичных площадок, в уголке глаза выступающего нет-нет да и блеснет сымпровизированная слеза. Но близок момент, когда они смогут многое говорить открытым текстом — примерно как Гитлер, кажущиеся метафоры которого вдруг воплотились в жизнь.

Этот момент наступит, как мне представляется, в эпоху перехода от человекоданных к датачеловеку. Казалось бы, человекоданные и датачеловек — одно и то же, но в первое определение отличается от второго степенью человеческого, которое еще остается в системе. Говорить о человеке как индивидуальном существе ни в том, ни в другом случае не приходится, момент перехода от «человека взломанного» к «челокоданным» будет сопровождаться сломом и утратой личности. Но некоторые люди смогут сохранить себя и в цифровом концлагере. Растущее воздействие на них в стремлении Левиафана привести их к полному подчинению будет наталкиваться на как на их врожденные странные особенности и отклонения, так и на приобретенный опыт взаимодействия с системой.

Хотя это будет трудно, чрезвычайно трудно. Ведь уже к концу эры «человека взломанного» практически всё человечество будет пребывать в состоянии нарциссического наркоза, о котором предупреждал еще Маршалл Маклюэн.

Немногие из них будут недовольны этим, а значит, мало кто будет ощущать то, что происходит, как несправедливость. Отстаивание своих прав при помощи закона к тому времени уйдет в прошлое — ведь все заботы о регулировании взаимодействия людей друг с другом возьмет на себя Левиафан. При этом власть Левиафана не будет ощущаться напрямую, не будет физических цепей или стен, за которыми Патрик Бейтмен держал своих несчастных жертв. Не будет и самих несчастных жертв, ибо выработка определенного уровня счастья войдет в функционал системы. Все заботы о юридическом и этическом оправдании любого поступка «взломанного человека» и «челокоданных» возьмет на себя роевое сознание, которое будет автоматически предоставлять ему санкцию.

Роевая санкция — очень важной, ключевой момент существования датачеловека и одновременно базовый элемент управления им. Уже сегодня «человек взломанный» чувствует в ней нужду. Некоторые писатели XX века — например, Франц Кафка, Владимир Набоков — изображали миры, в которых такая коллективная санкция будет выглядеть совершенно естественной. Набоков в своем романе «Приглашение на казнь» рисует образ Цинцинната Ц — непрозрачного человека, который совершил «гносеологическую гнусность». Он осмелился проявить свою субъектность в каком-то непринятом, неодобренном обществе виде. Разумеется, воображаемое общество, которое описывал Набоков, относится к Новому времени-1, поэтому у героя есть возможности скрывать свои «мыслепреступления». В наше «Новое Время-2» — время, в котором живет «человек взломанный» — такие преступления можно будет отследить и наказать за них. Хотя, возможно, и у Набокова, и Кафки персонажи лишь делают вид, что не могут читать мысли героев — возможно, они сами — проекции этих мыслей.

Левиафан должен будет решить довольно сложную задачу по настройке роевого сознания с тем, чтобы оно в моментальном режиме «вело» каждого человека и вырабатывало санкции на его или её поведение, принимая те или иные решения. Система должна не просто направлять людей и управлять ими, но и выполнять все свои остальные задачи. Выработка миллиардов санкций одномоментно — сложнейшая математическая задача, представляющая вызов для системы, но без решения задачи невозможно её функционирование. Вначале в решении задачи будут участвовать человеческие коллективы, прежде всего обучая Левиафана, но и порой принимая за него решения. Затем решения будут поступать в компьютерные системы и со стороны будет создаваться впечатление, что решение принято безжалостной машиной, хотя на деле во многих случаях это будет не так. Но таким образом Левиафан будет вырабатывать в своих рабах не просто авторитет, а чувство слепого подчинения, чувство, не терпящее сомнений.

Но как санкция может быть совмещена с остатками морали и права? Пожалуй, что никак, и то и другое исчезнут, как отжившие свое концепции.

Мораль и право, к которым пришла европейская цивилизация в Новое и Новейшее время, подразумевают действие свободных агентов, будь то люди или организации, за которыми всё равно стоят люди. Капитализм также основан на свободном выборе свободных агентов. Здесь может быть и когнитивные искажения, и манипуляции, и даже принуждение, но при этом участники рынка выбирают свое место в нем и действуют в соответствии со своими внутренними установками. Именно поэтому такую роль в рыночных процессах играют деньги, которые фактически покупают согласие и участие. Люди выбирают свое поведение исходя из рациональных или иррациональных мотиваций, но в любом случае оно основывается его на свободе индивидуальной личности.

Свобода может остаться невостребованной или подавленной, но она есть.

«Человек взломанный» эту свободу уже утрачивает, поскольку его поведение полностью предсказывается Левиафаном, и в случае, если он выбивается из проложенной для него колеи, у системы есть механизмы, чтобы вернуть его на «путь истинный». Это прежде всего роевые механизмы.

Внутренняя пустота «человека взломанного» ведет к тому, что его окажется легко обратить в данные, без которых той существовать не может. Это уже происходит в процессе «цифровизации» и датаизации человека, создания его цифровой копии. Парадоксальным образом, взломанный и даже оцифрованный человек, уже себе фактически не принадлежащий, до самой последней черты будет ощущать себя чем-то единым, некоторым моральным агентом. При этом фактически он уже не будет обладать автономией ни в глазах общества-роя, ни даже в собственном представлении. И если «человек взломанный» по инерции еще может думать, что в принципе может проявить свою автономность, но лучше и удобнее её не проявлять, оставаясь в общей струе, то на следующем этапе «человекданные» и «датачеловек» выучено забудут об этой возможности.

Дело в том, что вся культура до последнего времени держалась на этой субъектности — но мы показали, что эта эпоха подошла к завершению, то есть что субъектности пришел конец. Забвение придет на место запоминания, разучиться станет для человека столь же важным, каким когда-то было учиться, настолько, что «разучение» превратится в целую отрасль.

Но именно здесь обнаруживается некое подобие моральной дилеммы. Даже лишенный статуса свободного существа, датачеловек по-прежнему имеет потенциальную возможность выбора. Просто его научат видеть, как в камерке Папы Карло, дверь к свободе закрытой. Но она постоянно будет тревожить его — именно этим объясняется необходимость роевой санкции, которая уведет эту тревогу в безопасное для Левиафана русло и наложит марлевую повязку на рану в организме после операции извлечения из него морали.

Роевая санкция только кажется коллективной. Хотя на этапе «взломанного человека» она будет вырабатываться как бы коллективно, на деле она будет представлять из себя инструкцию Левиафана, переданную через нейросети, управляющие «коллективным» механизмом выработки решений. Распоряжения будут персонализированы, то есть для каждого будут вырабатываться свои санкции, при этом их источник сохранит свою анонимность, распылив свой авторитет по всем сетям, разрешенным в рое. Ибо могут быть и запрещенные сети, санкция на участие в которых должна быть получена отдельно от общего процесса.

При этом никакого коллектива в условиях цифрового роя не образуется. На долю бывших личностей выпадает только обеспечение выполнения инструкции, помощь во взламывании отщепенцев и подталкивание в нужном направлении уже взломанных.

Интересно, что инструмент и человек в Новом Времени-2 меняются местами в сравнении с Новым Временем-1: если раньше инструмент являлся расширением человека, одного из его органов или свойств, то теперь человек

выступает расширением инструмента. Появится целый функционал для разного рода даталюдей, которые будут встроены в те или иные цепочки. Именно в своей роли как инструментов неолюди должны будут видеть оправдание своего существования. Думаю, что такое оправдание будет мощнейшим стимулом для повышения эффективности уже начиная с этапа даталюдей.

Необходимость в санкции на то или иное поведение в условиях подчинения «взломанного человека» Левиафану хорошо выразил московский журналист Юрий Сапрыкин. В интервью онлайн-журналу «Правмир» он рассуждает о том, как же действовать человеку, если любой его шаг может быть истолкован против него. Речь идет о взаимоотношениях полов, которые невозможны без проявлений инициативы, которые могут быть истолкованы как нарушение границ. Речь идет о расовом истолковании любых поступков, о перетолковании истории, переделке языка и многом другом. Везде, где раньше человек мог проявлять индивидуальную свободу, теперь действует агрессивная культура запретов и новая этика, происходящая из постоянно происходящей постмодернисткой разборки и пересборки реальности. Правила этой этики распространяются по социальным сетям и через другие структуры, управляемые цифровым Левиафаном, и получают силу закона. Этот закон имеет обратную силу и испытывает тенденцию к расширению подвластной ему территории и к ужесточению правил игры. Никто уже не может избежать ответственности за нарушение конвенций, установленных системой, которая, как мы показали на примере «Ковида», активно борется с непослушанием, в том числе задевая и репрессивный аппарат государств-левиафанов.

Но получится ли у цифровизаторов, у Левиафана встроить все эти запреты в самого человека, в его «софт» или даже в его «белок» (по аналогии с «железом»)? И если да, то на каком этапе это будет сделано?

«Взломанный человек» пытается как может встроиться в новую систему управления и контроля. Он готов отдать свою свободу, ему нужно лишь объяснить, чему и как он должен подчиниться. Оправдывая замену прежней морали этой псевдоколлективной санкцией, Сапрыкин говорит: «Настоящий стоик потребовал бы двух вещей. Во-первых, регламента, к которому можно апеллировать в спорной ситуации, а также инстанции, которая следит за его соблюдением. Если этого нет, то разговаривать не о чем — потому что мы должны прежде всего опираться на закон, на кодифицированные представления о том, что можно, а чего нельзя... Нужно попытаться прописать эти спорные моменты в регламенте, к которому можно будет апеллировать».

Сапрыкин апеллирует в том числе к практическим соображениям: как обеспечить бесперебойную работу уже устоявшихся, в его представлении, человеческих институций в мире, лишившемся прежней морали. И тут дело не в том, что на место прежней морали должна прийти какая-то другая, допустим, фашистская: нет, мораль, по сути, отменяется как таковая, будучи подменена сиюминутными установками. «Дело даже не в том или ином понимании этики, — говорит он. — Если мы видим, что студенты теперь как-то иначе смотрят на отношения с преподавателями, видят в них механизм власти и подчинения, то университет не должен ждать, пока конфликты разнесут его изнутри».

Роевая санкция будет поступать моментально, в полном соответствии с природой новых медиа, признающих только моментальные реакции. Например, в ситуации знакомства парня и девушки возникает момент, который позднее может быть сочтен приставанием, харассментом, или даже изнасилованием. Людей уже сейчас приучают к мысли, что такие ситуации всегда двусмысленны, и лучше вообще держаться подальше от любых контактов, особенно между индивидуумами противоположного пола. Вас всегда могут обвинить в попытке противоправных действий. Даже сомнительные намерения могут быть истолкованы против вас, ибо грань между поступком и намерением сознательно держится размытой. Обвинения, возникшие задним числом, сильнее, чем одномоментные с сомнительным актом: давность предполагаемого преступления служит дополнительным доказательством сознательных намерений. Вообще, сознание в этих ситуациях всегда будет отягчающим обстоятельством, именно это не зря почувствовал Михаил Ефремов, изображая беспамятство и бессознательность. Его запои, наркотические трипы и невменяемость служит, напротив, смягчающим обстоятельством, ибо доказывают то, что он практически никогда не включает сознание, и потому не способен на какие-либо сознательные действия, не имеет значения легальные или противоправные.

Кроме того, надо понимать, что возможности всепроникающей слежки будут обеспечивать любое обвинение исчерпывающими доказательствами: даже если ничего не произошло, любой импульс может выдать человека и быть истолкован как противоправное намерение.

Есть лишь один способ выйти из тупика: получить одобрение роя на, допустим, половой акт. В этом случае любое сомнение будет толковаться в пользу индивидуума — впрочем, сам индивидуум исчезает, ибо передает свою личность в распоряжение роя. Так или иначе, рой будет нести ответственность за этот поступок и за его исход. Свобода перемещается на тот уровень, на котором находится ответственность — так человек утрачивает свободу, которая становится роевой.

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ РОЯ

Как Цифровой Левиафан может быстро продвинуться в создании роя человекоданных?

Во-первых, через дальнейшее уничтожение остатков субъектности. Как показано выше, субъектность вида *homo sapiens* находится сегодня в процессе распада. Главным мощным стимулом этого процесса служит одномоментность медиа, необыкновенное убыстрение человеческих коммуникаций и упрощение форм общения и получения информации. Переход от газеты к новостной телепрограмме занял несколько десятилетий, от телепрограмм к новостным сайтам — лет десять, от роликов к твитам и постам в соцсетях — несколько лет, а от

твитов и постов буквально

в последний год происходит переход к кратчайшим клипам тик-тока.

Новое поколение будет воспринимать посты в соцсетях разве что заголовками, и уже учится познавать и воспринимать через последовательность, алгоритм насекомообразных движений. Конечно, легкость принятия Тик-Тока и других алгоритмов связана и с изменением человека, исключением из его пространства всех измерений кроме чисто потребительского, через запрет на метафизику, ее высмеивание и отрицание «рассуждающими классами», которые видят в себе будущих богов. Любой выход за пределы материального становится возможным только через посредничество Левиафана, который, таким образом, питается в том числе энергией протеста, узнавая слабые места протеста и обучаясь с этим протестом справляться.

Во-вторых, Левиафан ускоряет процессы передачи любых сознательных актов от индивидуума к рою. Это объясняется и недостаточной пока способностью Левиафана управлять всеми и каждым — именно поэтому нужен добровольный отказ людей от своих прав, переход как можно большего числа их в состояние человекообразных, которые уже готовы решать все свои проблемы через механизмы роя. Глобальный рой при этом находится еще на начальном этапе формирования и очень нуждается для своего продвижения в глобальных массовых кампаниях и алгоритмах. При этом надо понимать, что роевое управление проще, чем управление отдельными индивидуумами, особенно когда они ведут себя как индивидуумы с созданием и свободой воли.

Об этом говорит и известный парадокс Моравека, согласно которому процессы высокой степени понимания требуют относительно небольших вычислений, в то время как низкоуровневые сенсомоторные операции требуют огромных вычислительных ресурсов. Как пишет Моравек, «относительно легко достичь уровня взрослого человека в таких задачах как тест на интеллект или игре в шашки, однако сложно или невозможно достичь навыков годовалого ребёнка в задачах восприятия или мобильности».

Осознание технократами парадокса Моравека привело к резкому росту инвестиций в создание алгоритмов для управления высококогнитивными системами. Технократы надеются, что пока нужно приложить все усилия для достижения Цифровым Левиафаном, который и является самой сложной из таких систем, тотальной гегемонии — а работы по созданию более умелых, чем сегодня, роботов, подтянутся.

В-третьих, очень важный пункт создания роя из человекообразных — это исключения собственно людей из коммуникативного сообщества. Речь идет о людях, определяемых по старинке, о *homo sapiens*, то есть о людях с сознанием. Задача состоит в том, чтобы сделать из всех, кто так или иначе проявляет свою индивидуальность, отщепенцев, чтобы шаг за шагом вытеснить их из коммуникативной среды, а, возможно, в какой-то момент и выкинуть. Индивидуальные поступки, подлежащие осуждению — это те, что не были санкционированы роем, его коллективной мудростью. Роевая санкция — очень важный, ключевой момент существования датчеловека.

Исключить человека из коммуникативного сообщества можно и через создание новых медиа, каждое из которых будет забирать у человека его индивидуальность. Это можно сделать, например, давая бонусы за подражание. Чем меньше возможностей для свободы воли, тем лучше.

В-четвертых, важным для создания роя из человекообразных представляется уменьшить количество информации, с которой сталкивается человек. Для этого нужно полностью отсечь каналы информации, которые не поддаются полной оцифровке и трансформации в наблюдающие системы, то есть те каналы, которые работают в одну сторону. Каналы с возможностью нелинейной или немоментальной интерпретации будут закрыты. Например, печатные книги будут выведены из употребления, вполне возможно, как в повести Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

Информация, предоставляемая человекообразному, должна быть необходимой и достаточной для полного выполнения роевой задачи. Недостаток информации очень опасен, он может породить дискомфорт, пробудить мерцающее сознание и перевести человекообразное в разряд людей. Такой квантовый переход может вызвать череду неопределенностей и сработать как эффект бабочки. Избыток информации опасен по той же причине, хотя с ним справиться легче,строив в приемный контур человекообразного ограничителя.

Проектирование Левиафана потребует интересных инженерных решений, и понятно, что со временем, в процессе кондиционирования роя, перед ним как целым будут ставиться совершенно новые задачи. При этом информации

В-пятых, для человекообразных будет создаваться максимальный комфорт — через виртуальные миры, например, или наркотики. Жизнь отщепенцев, с другой стороны, будет максимально затруднена. Ограничения их прав будут усиливаться, существование делаться невыносимым, будет делаться всё, чтобы отщепенцы жили в состоянии отчаяния и возвращение в рой или попадание в него казалось им избавлением от мук. После того, как отщепенца удастся сломить, однако, его сознание будет подлежать полному стиранию — за возможным исключением некоторых случаев, например, для постановки экспериментов.

Стоит уточнить понятие «челокообразного». Это человек, который биологически ничем не отличается от теперешних людей, от *homo sapiens*. Он ценен своим набором данных, множеством которых он является. Это множество точек, пунктов наблюдения и управления, каждый из которых находится под контролем датчиков и актуаторов. Такое существо, собственно, и представляет собой меняющийся во времени набор данных — множество точек. Но это множество состоит из других множеств, например, множество данных сердечной активности, или проговоренных про себя мыслей, или временная дата жестов лица. Эти сгустки данных, разворачивающиеся во времени — тоже множества, которые образуют множество челокообразного. Это своего рода философский зомби, существо, из которого изъяли сознание, подвергли его лоботомии, неинтрузивной, то есть без грубого хирургического или химического вмешательства. Вероятно, впрочем, что инструменты

нейрофизиологического вмешательства и нейрохирургии всё-таки будут применяться, и Цифровой Левиафан может со временем расширять сферу применения интрузивных методов. В конце концов, человекоданное должно стать частью роя, которая физически не сможет выйти из него. Рой — это множество человекоданных, где границы между ними будут все время размываться, несколько человекоданных смогут, например, временно или постоянно пользоваться каким-то одним органом. Рой будет слеплен из таких множеств множеств, супермножеств, он будет напоминать муравейник, и даже более того, каждый муравей в этом муравейнике будет частью другого муравья. До поры, однако, телесно человекоданные будут различаться. При этом рой будет составной частью Левиафана, будет связан с ним множеством невидимых нитей — алгоритмов.

Таким образом, сбудется мечта Томаса Гоббса о создании полностью просчитываемой политической и государственной системы, которой и будет являться Цифровой Левиафан.

Когда-то английский философ и политический деятель Эдмунд Бёрк возражал Гоббсу, говоря, что общество — это бесконечно сложный живой организм, и потому он не может быть сведен к тому, что мы бы сегодня назвали математической моделью.

Будучи вигом, Бёрк считал, что при определенных обстоятельствах народ может свергнуть монарха и угнетающее его правительство. Однако при этом он полагал, что должны существовать четкие ограничения на это право, и придавал большое значение традиции, находя положительное даже в предрассудках. «Предрассудок дает человеческому достоинству его платье», писал Бёрк. То есть традиции, человеческие ценности и привычки, вплоть до предрассудков, являются неотъемлемым выражением той самой свободы воли, которую требовал сдать ему в обмен на спокойствие и безопасность гоббсовский Левиафан.

Бёрк видел большую опасность для общества в абстракциях, в том числе в абстрактных правах. Он настороженно относится к интеллекту, которому с такой пылкостью отдавались все французы, и который по сути устроил Французскую революцию. Бёрк считал, что интеллект склонен создавать абстракции, которые потом начинают довлеть над человеком, вынуждая его отказываться ради этих абстракций от природных, естественных прав. Все революции велись под знаменем абстракций и оттого приводили к еще большему угнетению и тирании, считал этот аристократ. Если бы человек мог довольствоваться выбором из множества традиций и представлений всех стран и веков, ему бы не пришлось создавать себе математических фетишей.

Искусственный интеллект, на базе которого создается Цифровой Левиафан, является одной большой абстракцией, которая призвана исправить человека, уничтожить его предрассудки, дать ему комфортную жизнь — в обмен свободу, которая, как показал Бёрк, не может быть безграничной.

Снятие всех и всяческих границ постмодернистами привело к безудержной гонке за абстракциями, которая не может не закончиться тиранией Цифрового Левиафана. Но важно то, что Бёрк намекает нам на то, где искать спасения от этой тирании после того, как она будет установлена.

Нужно будет искать всё то, что останется от традиций, привычек и предрассудков предлевиафановской поры. Человеческое разнообразие рождается прежде всего географией — разные природные условия, преобладание тех или иных растений или животных, суровость или мягкость климата, рельеф, — всё это приводило к появлению совершенно разных народов, языков, представлений, понятий. Это творческое разнообразие и нужно хранить в первую очередь, если мы хотим когда-нибудь выйти из-под опеки Цифрового Левиафана. Именно это оберегают англичане, сохраняя свои странности, понимая прямую связь разнообразия и свободы.

Но разнообразие неэффективно с точки зрения современного капитализма: если бы это было не так, победитель в каждой отрасли не забирал бы всё и мы не имели бы 5-10 сверхкрупных монополий наверху пищевой цепочки глобального бизнеса. Левиафан — выражение этого капитализма, доведение его до крайности, то есть до состояния, когда одна компания-Левиафан будет править всем миром. Компания-Левиафан устранил все противоречия и издержки конкуренции, заменив ее математическими моделями, вычислениями оптимальных вариантов. Поэтому гоббсовский монстр будет стремиться стереть с лица Земли разнообразие. Будет создаваться унифицированный искусственный город, всепогодный и всепроникающий, прообраз которого виден не только в московских человеичниках, но и в сегодняшней одноэтажной Америке с ее абсолютно идентичными на тысячи миль дверными ручками, кондиционерами, ковролином, противомоскитными сетками и транспортными развязками. В конце советской перестройки 1980-х режиссер Карен Шахназаров снял загадочный фильм «Город Зеро», где показал странное место, в котором время остановилось и никакие человеческие поступки не имеют значения. Герой фильма пытается преодолеть абсурд вневременного существования, в котором бытие, содержание жизни не имеет ровно никакого значения, и любой поступок не имеет последствий. Сознание в этом мире отключается за ненужностью, «я» пропадает, человек погружается в состояние «возлздания» наподобие того, которое испытывают подсевшие на компьютерные игры, не в силах вырваться. Если человек хочет сохранить сознание, он должен бежать из такого выморочного мира, и герой сбегает. Фильм передавал позднесоветскую реальность с ее выкачаным воздухом и потерей смыслов, но странным образом сохраняет актуальность и сегодня. Гипернормализация абсурда, так хорошо переданная Шахназаровым, сегодня достигла новых высот. Путь от «Города Зеро» до Умного Города исторически оказался совсем недолгим, и стоит вспомнить абсурд первого, чтобы понять, что второй — лишь его развитие, расширение.

Феерия абстракций через торжество математики и всеохватные вычисления уже сегодня замещает жизнь, отправив её в небытие — именно этого опасался Бёрк и именно это приветствовал Гоббс. Бёрковская конкретика, ограниченные права и свободы уступят место гоббсовскому универсальному всеподавляющему государству.

Однако гоббсовский Левиафан непохож на Левиафана цифрового. Первый — то есть государство, — есть искусственное создание, искусственный интеллект на службе у своего хозяина, человека. Словами Гоббса: «Ибо искусством создан тот великий Левиафан, который называется Республикой, или Государством (Commonwealth, or State), по-латыни — Civitas, и который является лишь искусственным человеком, хотя и более крупным по размерам и более сильным, чем естественный человек, для охраны и защиты которого он был создан».

Итак, в представлении Гоббса Левиафан создан человеком и является подражанием ему в той мере, какой Бог создал человека и тот является подражанием Всевышнему.

Цифровой Левиафан, как мы показали, действительно создан человеком, вот только его цель — контроль над человеком и управление им, а вовсе не его охрана и защита, управление с целью вечного закрепления неравенства между людьми и перевода этого неравенства на биологический, необратимый уровень. Внутри человеческого вида, *homo sapiens*, появилось неравенство, возникло желание сильных обеспечить себе и своему потомству вечное господство, и с этой целью они решили взять процесс эволюции в свои руки. На самом деле борьба сильных за вечную власть парадоксальным образом предполагает уничтожение неравенства внутри вида — внутри вида сильных. Ты можешь быть сколь угодно слабым физически, глупым, медлительным, неспособным к коммуникации, короче говоря, проигрывать среднему человеку по всем статьям — но если ты принадлежишь к классу «сильных», то тебе должно быть обеспечено радикальное видовое преимущество сродни преимуществу медведя перед зайцем или орла перед воробьем. Но отмена неравенства внутри вида сильных и его видовое превосходство над *homo sapiens* требует разделения «человека разумного» на два вида, которые не могли бы смешиваться. Превосходство вида сильных должно выражаться прежде всего на уровне интеллекта, который является ключом к доминированию человека над другими животными видами.

Если бы этой цели интеллектуального доминирования сильных можно было достичь воспитанием, обучением, питанием, наконец, она давно уже была бы достигнута. На протяжении веков низшие классы содержались в бесчеловечных условиях, недоедали, с утра до вечера занимались однообразной работой, их держали в темноте — однако это никак не сказывалось на генетической возможности, будучи поставленными в равные с сильными условия, достичь вершин. Физических, моральных, интеллектуальных — любых вершин! Более того, раз за разом униженные и оскорбленные превосходили своих бывших хозяев. Покончить с этим можно лишь на уровне вида, решили сильные, не социальными инструментами, а биологическими.

Объявив о конце истории, смерти Бога и конце человека, они приступили к конструированию новой реальности — для себя и для плебеев. Орудием их воздействия на человека стали корпорации — которые и есть выраженное неравенство. Гоббсовский Левиафан, то есть обычное государство в представлении английского философа, держит людей в таком страхе, что война всех против всех существенно ослабевает и человеческое общество становится возможным. Именно страх народа перед гоббсовским Левиафаном использовали сильные, чтобы выбить из-под него почву, ослабить и заменить гоббсовского Левиафана цифровым.

Который на самом деле не то же самое, ибо создан по другому, хотя и очень похожему, проекту. Захватив гоббсовского Левиафана, сильные поставили его себе на службу и всю используют для создания Цифрового Левиафана и разделения человечества. Вопрос о том, можно ли вернуть захваченного гоббсовского Левиафана из плена сильных, можно ли разбудить этого Гулливера, опутанного лилипутами, мы рассмотрим позже, а пока продолжим говорить о том, как строится Цифровой Левиафан, и как он уже преобразует человека и общество.

Ибо Левиафан по природе своей всегда создается и всегда при этом уже создан, он вечен, как божий гнев, вечен как «искусство, при помощи которого Бог создал мир и управляет им» (Гоббс).

Будучи искусственным и искусством, Левиафан был и остается зеркалом человека. Оттого гоббсовский Левиафан был так жесток, что человек, по образу и подобию которого Левиафан возник, был жесток еще более. Когда человек ослабел, как вид, прельщенный удобствами, удовольствиями и ленью, ослаб и Левиафан — стал точно так же ленив, слаб и падок до наслаждений. Тут его взяли и подменили, предварительно усыпив, напичкав транквилизаторами.

Цифровой Левиафан тоже должен быть зеркалом, хотя бы в первое время, а поэтому отправная точка для его создания — это синтез нового человека. Коллективный ум сильных давно это понял, и запустил первый пробный шар в тридцатые годы XX века.

Новый человек того времени принадлежит к социалистическому проекту — пролетарий Риверы на уничтоженной фреске в Рокфеллер-Центре, это и мухинские Рабочий и Колхозница, созданные в те же годы. Но этот проект не предполагал деления вида на два и управление эволюцией на благо сильных. Этот человек соответствовал гоббсовскому Левиафану, но только социалистическому. Они создали другой, параллельный проект, который подражал социалистическому Левиафану, и это был Левиафан фашизма. Он точно так же обращался к человеку массовому, но предлагал ему стать другим видом, выделившись из числа таких же, как он, только говорящих иначе, с иными привычками. Человек посмотрел в свое отражение в том и другом зеркале, увидел, что фашистское зеркало показывает образ каннибала, и отшатнулся.

Последовала битва левиафанов, в котором выиграл Левиафан социалистический.

Это не входило в планы сильных, которые вполне смогли бы иметь дело с фашистским Левиафаном — им оставалось бы только взять его под свой контроль — дело чисто техническое, практическая задача.

Чтобы победить и подменить социалистического Левиафана, подточили силы всех возможных левиафанов.

Государство как таковое оказалось скомпрометировано, как и сама идея о том, что оно является зеркалом человека. Но коллективный ум сильных с самого начала знал, что целью является подмена — сначала Левиафана социалистического на близкого ему Левиафана экономического, просчитывающего, затем предсказывающего, затем управляющего, откуда оставался один шаг до Левиафана Цифрового, в котором можно было свести все три последних качества.

Подмена происходила тем легче, чем легче менялся человек. Человек за последние несколько десятков лет изменился довольно сильно, но эти изменения по-прежнему не касаются его основ, в том числе биологических. Сильные могли бы отчаяться, но они просчитали вариант, который и осуществляется сегодня.

Вернемся к вопросу создания неолюдей как одного из двух видов, которые должны получиться в результате разделения, вилки на пути эволюции человеческого вида. Первый вид — неолюди, второй — небоги. Каждый из них заслуживает отдельного разговора, но их разделение произойдет — или может произойти — лишь после создания, как промежуточного этапа, роя человекообразных. Именно из человекообразных будут выделены те, кому предстоит стать биологическим видом небогов и биологическим видом неолюдей — то есть тех, кому предстоит унаследовать, в представлении сильных, путь небогов к доминированию над планетой.

Главная задача сильных — взломать интеллектуальную основу человека. Именно этим занимается Цифровой Левиафан, для этого, собственно говоря, он и был создан.

Задача с одной стороны может показаться простой, а с другой — невероятно сложна. Рассмотрим сначала проблему со сложной стороны. Взломать и сменить установки означает отменить старые категории разума и создать вместо них новые. Здесь нужно по-новому посмотреть на кантовскую проблему условий возможности эмпирического опыта. Разумеется, это приведет к отмене существующей сегодня науки, причем без замены ее на что-то новое — ибо наука как таковая — довольно поздний плод развития нашей цивилизации. Новая наука, исходящая из новых категорий, может возникнуть через сотни или тысячи лет, а может не возникнуть никогда. Левиафаностроители рассчитывают на то, что бывшая человеческая работа сначала по осмыслению возможностей опыта, затем по рассмотрению черт возможной науки, а после этого и постройки ее здания из готовых уже материалов будет решена алгоритмически, в цифровом виде, и займет немного человеческого — или уже к тому времени небожественного — времени. Если это и так, неучастие самих небогов в этом процессе сразу же заведомо исключит их доступ к неонауке. Их ждет дисквалификация, из небогов они превратятся сразу же в некий второй вид неолюдей, в то время как Цифровой Левиафан, напротив, превратится для них в недоступного бога, с которым они ничего и никогда уже не смогут сделать.

Казалось бы, можно просчитать, смоделировать и синтетически создать новые категории, занявшись, фактически, работой Бога. Я бы назвал это конструированием онтологии под заказ.

У Канта речь идет о таких базовых категориях, как единство, множество и цельность; реальность, ограничение и отрицание, причина и следствие, субстанция и акциденция, возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность. Эти категории дают ключ ко всему мышлению, ко всему нашему представлению о мире, который Кант считал полным хаосом ощущений, нуждающихся в организации, в формах, чтобы быть усвоенными. При любом реконструировании нужно иметь в виду, что представления о предметах и субъектах, вещах и понятиях возникают в результате синтеза на основе категорий и никак иначе.

Новый вид людей должен будет начать с чистого листа, ибо нельзя оставить какую-то одну категорию, не затронув все остальные. Например, будут ли небоги размышлять о мире в категориях причины и следствия, или связь между предметами будет располагаться где-то в другой плоскости? Так или иначе, для существенных различий между неолюдью и небогом придется конструировать для каждого вида какой-то свой набор категорий. Если их не менять, то, кроме всего прочего, сохранится риск наступить на те же самые грабли, и получить на выходе то же самое, из чего уже исходили.

Но можно ли вообще получить существо с заданными категориями? Левиафаностроители уверены в том, что математика на их стороне, но в обозримом будущем такую математическую модель построить просто нереально, и придется действовать методом проб и ошибок. Ведутся ли такие разработки в лаборатории Deep Mind? Или, может быть, они думают, что нужное сочетание возникнет само собой, как говорится у ученых, эмерджентным путем, самозародится?

Скорее всего, при принятых сегодня взглядах на так называемую «науку о данных», так и есть, и действительно левиафаностроители думают, что эмпирическая атака, допустим, огромного множества множеств точек, множества человекообразных приведет к самозарождению онтологии и миров, с нею связанных. Не нужны категории, ибо их не существует в природе, говорит эта линия мысли, нужно просто загрузить много-много данных в машину и нажать кнопку. Компьютер выдаст на выходе модель нового человека, как он выдает прогноз погоды или график курса акций на бирже.

Впрочем, скорее всего, левиафаностроители еще помнят старые добрые кантовские категории и воспользуются ими для своего синтеза хотя бы из тех соображений, что данных для их великолепной модели просто недостаточно и еще не скоро будет достаточно. Кроме того, для обработки этих данных — а по-честному нужно загрузить в машину всё человечество — нужна такая компьютерная мощь, которой вряд ли человечество будет когда-либо в любом хоть как-то просматриваемом будущем обладать.

Поэтому, как и при эпидемии ковида, наверняка применяются и будут применяться старая добрая логика, старые добрые кантовские категории и понятия, из этих категорий вытекающие.

Тем более что, как мы показали, старая добрая система производства и сохранения знаний находится под контролем левиафаностроителей, нужно лишь переформатировать ее под производство неолюдей и небогов. Для начала нужно просто людей перевести в человекообразные, а дальше опытным путем потихоньку экспериментировать с установками — пока первый небог не возникнет во всей его белокурой бестиальной красе. Людям для этого нужно терпеливо настроить и привести на приемный пункт по сбору человеческого сырья. Лаской, уговорами и бесплатным инстаграмом можно убедить их отдать цифровых себя целиком и полностью. А уже когда дело будет сделано, и первые полноценные человекообразные потекут по категориальным трубам Цифрового Левиафана, можно будет заняться сменой в них установок. Параллельно один из вероятных ходов левиафаностроителей будет движение от контролеров людей к контролерам категорий, что позволит осуществлять контроль совершенно без излишнего шума и пыли. Незаметность действий контролеров на первых порах еще будет важна.

Некоторые человекообразные будут верить, особенно в начале процесса создания роя, в то, что до сих пор обладают так называемой «свободной волей». Со временем, впрочем, можно будет отменить ее декларативным путем, торжественно, устроив ритуальный Праздник Отказа. Возможно, «отказ» станет одной из новых категорий для неолюдей — если всё же до этого момента не произойдет отказ от самого Канта. Так в торжественной форме будет завершена Эпоха Субъектности — впрочем, торжеств для неолюдей здесь не нужно, этот момент может знаменовать праздник небогов — празднование Конца Субъектности *Homo Sapiens* будет демонстрацией всей мощи небогов, всех возможностей, открываемых перед ними Цифровым Левиафаном, демонстрацией всех их неограниченных эволюцией сил и желаний.

Можно будет назвать этот праздник Днем Донны Харауэй. Именно эта женщина, профессор Калифорнийского университета в Санта-Круз, философ-постмодернист и феминистка, во многом заложила основы понимания роевого сознания и обоснования приведения к нему человека.

В 1985 году Харауэй опубликовала в журнале «Социалистическое обозрение» «Манифест Киборга» (оригинальное название «*Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the 1980s*»), в котором предложила пути разрешения острейших противоречий современного общества через всеобщую киборгизацию, отказ от пола и расы и подключение людей к компьютеру.

Ее ранние работы были посвящены мужскому шовинизму в науке. Затем она обратилась к толкованию того, что такое «женщина». Харауэй заметила, что это понятие весьма относительно, и нельзя в строгом смысле говорить о том, что кто-то на самом деле «является женщиной» — можно лишь попытаться сконструировать этот термин на базе определенных сексуальных, социальных и научных практик. Киборг, писала Харауэй, разом снимает проблему: у него нет определенной половой идентификации, которая бы выражала его сущность. Харауэй ввела в феминистские исследования понятие «сознание противоположностей», делая упор, для определения что такое женщина, не на сходствах, а на различиях, не на сообществах, например, «цветных женщин», а на ситуации. В самом деле, что такое «цветная женщина», если все труднее определить «женщину» и «цветность». Является ли женщиной каждое существо, которое считает, что оно ей является, или только то, которое обладает определенными половыми признаками? Какая часть цвета должна быть черной, чтобы его носитель был признан чернокожим? Феминистические исследования, где каждый предлагал свое решение этих вопросов, зашли в тупик, но в еще большем тупике оказалась не наука, а общество, где возникали новые градации, новые меньшинства и новые противоречия. И со старым конфликтом — между женщинами и мужчинами — было непросто разобраться, а тут еще в повестку дня вошли конфликты между женщинами и женщинами разных оттенков и убеждений. Каждая новая идентификация, едва возникнув, вызывала конфликт, например, возник третий пол, который активно требовал своего места в науке, в обществе, а вскоре, очевидно, и в орфографическом словаре, в армии и в законодательстве. К гендерным проблемам прибавлялись конфликты, связанные с истолкованием поведения и намерений — например, проблемы харассмента. Можно ли совершить половой акт полностью на легальной основе? Что может являться поводом для расового оскорбления? Какие предубежденности возникнут в будущем, по мере расщепления общества на все более мелкие фрагменты?

Проблемы множились, их решения так и не предвидилось. И тут профессор из Калифорнии разрубила гордиев узел. Она описывала киборга — это идеальное существо без пола, без расы и, в сущности, без постоянного тела, которое может стать основой следующей цивилизации, где соединение всех бывших индивидуумов с машиной обеспечит мир без конфликтов и войн. Она отвергла традиционные гуманистические концепции личности и бытия в пользу бестелесного мира информации и завершения субъектности. К этому, как мы показали, все в западной культуре уже шло, оставалось только провозгласить очевидное.

Мира альтруизма и всеобщего счастья Харауэй предлагала достичь через коллективное, то есть роевое сознание и безлимитный доступ к информации всех существ этого мира, кем бы они в прошлом ни были. Их биологическое начало и принадлежность к виду не имело больше значения. Мишель Фуко уютно повернулся в своей постмодернистской могиле. *Homo sapiens* наконец-то упразднился.

Надо сказать, основоположники философии постмодернизма были весьма недвусмысленны в отношении перспектив человека и человечества. «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить, — писал Мишель Фуко. — ...Утешает и приносит глубокое успокоение мысль о том, что человек — всего лишь недавнее изобретение, образование, которому нет и

двух веков, малый хлимик в поле нашего знания, и что он исчезнет, как только оно примет новую форму.»

В рое существ с общим доступом к распределенной памяти и с общим сознанием Хатауэй видела мощную политическую силу. Роевое сознание подразумевало грандиозные социально-экономические изменения — при этом, волшебным образом, власть и средства производства оставались в руках класса сильных. Таким образом они коллективно могли достичь невозможного — способности управлять черной дырой неизбежной при любом раскладе социальной сингулярности.

Киборг с его добротой, заложенной в начальные установки, писала философ из Калифорнии, сделает мир прекрасным. Он/она/оно будет одновременно мужчиной/ женщиной/ никем, его сила будет заключаться не в теле, а в «коалиции сознаний», то есть, снова, в сознании роя.

Киборг принесет избавление, даст выход из лабиринта противопоставлений, в котором запутались наши телесные оболочки, которые стоит вообще отбросить. Таким образом, все будут, наконец, равны, никто не сможет доминировать. Философские проблемы, основанные на телесном дуализме, также будут разрешены, либо просто утратят смысл.

Донна Харауэй приложила руку к созданию современного экофеминизма, постгуманизма и «нового материализма». В своих работах она критикует человекоцентризм и подчеркивает, что человек должен преодолеть свои рамки, пересмотреть источники этики, с помощью компьютерных систем преобразовать общество в роевое, где коллективное сознание сделает его счастливым.

Во время своего написания «Манифест киборга» был мысленным экспериментом, но сегодня предложенные там решения приобрели актуальность и могут быть переведены в практическую плоскость.

Конечно, в завершении эры субъектности и движении к глобальному рою сразу видны явные переклички с идеями 1920-30-х годов. Если в «Майн кампф» заменить «народность» на «коллективное сознание», а «киборг» на «нацию», то текст будет читаться почти как работа Хатауэй. Адольф Гитлер даже отмечал умаление прав личности при буржуазной республике и предлагал разрубить гордые узел коррупции и парламентских манипуляций подключением всех к нацистскому Левиафану, национал-социалистической машине, которая взяла на себя роль коллективного сознания. При этом люди воспринимались как ресурс для этой машины, как клетки некоего тела, которые, уж конечно, не могут решать, как вести себя целому, и которыми можно в случае чего пожертвовать.

Фашизм заполняет пустоту, появившуюся в душе человека западной цивилизации после смерти метафизического — смерти бога, смерти автора, смерти философии, смерти книги, и, наконец, смерти самого человека. Технократы периода между мировыми войнами охотно приветствовали нацистские и фашистские методы решения накопившихся проблем, которые казались нерешаемыми другими способами. Фашизм вполне адекватно описывается в технократических терминах — как технология извлечения, сохранения и удержания власти сильных над слабыми. Причем сильные и слабые понимаются именно биологически, и окончательную санкцию на то или иное действие дает не мораль, которая воспринимается как оружие слабых, а неумолимая эволюция, которая, как это может показаться, благоволит сильным.

Как и Гоббс, Гитлер проводил параллели между нацией и телом, и конструировал своего Левиафана, то есть реплику тела нации, идеальное искусственное существо, призванное заменить естественное и победить другие подобные существа в видовой борьбе.

Гитлер описывал немецкую нацию как человеческий организм, который нужно вылечить от болезни, исходившей от «паразитов» — то есть евреев. «Этот яд [еврейской прессы] сумел беспрепятственно проникнуть в кровь нашего народа [Blutlauf unseres Volkes] и сделать своё дело, а государство не было сильно настолько, чтобы справиться с болезнью [Krankheit], говорил он. «Почти удачей для граждан Германии можно считать то, что период медленного развития болезни [schleichende Erkrankung] был внезапно прерван такой ужасной катастрофой [крахом 1918 года], так как иначе падение нации было бы более медленным, но, тем не менее, неизбежным. [...] Не случайно человек скорее справился с чумой, чем с туберкулёзом. [...] Это справедливо и по отношению к заболеваниям тела нации [Erkrankungen von Volkskörpern]. Если болезнь не проявляет форму катастрофы с самого начала, человек постепенно начинает к ней привыкать и, в конце концов, хоть на это и может потребоваться какое-то время, неизбежно погибает».

О себе и национал-социалистической партии фюрер говорил как о целителях, призванных избавить тело нации от этой «угрозы жизни».

Модель политической структуры как человеческого тела весьма влиятельна на Западе. Эта метафора отнюдь не является изобретением Гитлера, оставаясь частью системы метафор, известных как «великая цепь бытия». В этом духе рассматривали политическую философию и мыслители Ренессанса, такие как Никколо Макиавелли, Томас Мор, Фрэнсис Бэкон, а затем и Томас Гоббс.

Итог жестокой борьбы видов за выживание и есть, в представлении фашистов, истина, то, что помогает выиграть в этой борьбе — мораль, а ее итог — справедливость. Именно это, по сути, проповедают и технократы последней волны — трансгуманисты. Компьютер непременно превзойдет человека в скорости счета, говорят они, а именно в этом и состоит развитие. Поэтому есть лишь один способ выжить в этой борьбе: соединиться с компьютером.

Фашизм как технократический способ решения проблем обеспечил кровавый финал Нового Времени, вполне вероятно, он увенчает и нынешнюю эпоху Нового времени-2.

Как будет выглядеть завершение субъектности? Дроны, разбрызгивающие кому награды, а кому снаряды за правильные или неправильные мысли и поступки? Частичное сознание. Мозги для новых людей с добавками

органов — кожных нейронов? Выращивание новых клеток мозга, используя подходы, применяемые для производства органоидов?

На первом, может быть, самом важном этапе процесс пойдет — уже идёт — добровольно. В обмен на полную «оцифровку» человеку предлагается резкое увеличение срока жизни, избавление от болезней, а в перспективе и бессмертие. Кампания по продвижению числит в своих активах таких спикеров, как Юваль Харари или Митио Каку.

Ведущие СМИ обещают, подкрепляя это ссылками на авторитеты, что человеческое тело будет в постоянном режиме наблюдаться, лечиться нано- и нейромедициной, обновляться, а вышедшие из строя органы будут заменяться на новые. Не избежит апгрейда и мозг, при этом, возможно, кого-то будут и «даунгрейдить», например, преступников, диссидентов и так далее. Простым людям предлагается решение застарелых проблем: бедности, преступности, уничтоженной предыдущими тремя экономическими революциями экологии. Элите предлагаются новые возможности: прежде всего, массивный рост богатства, приумножение капиталов, вложенных в новые технологии, преимущественное пользование их возможностями, и сливки достижений в биотехнике и медицине, вплоть до автоэволюции. Уже даже не намекается, а говорится открытым текстом, что из элиты будут созданы небоги. В число кандидатов включают и военных, и сотрудников спецслужб.

Чиновникам предлагают аутсорсинг ответственности, связанной с исполнением их прямых обязанностей. Замечательно иметь свободу рук, ни за что не отвечая. Кроме того, они получают в свое распоряжение инструменты тотального контроля и прямой нейроманипуляции. О том, что они и сами будут подвержены действию этих инструментов, не говорится, но некоторые из них уверены, что именно им удастся хакнуть систему. Правда, хакеры-чиновники не читают мелкий шрифт, в котором их собственная свобода также передается искусственному интеллекту и умным вещам. Причем целиком и полностью — если кто-то из них попытается проявить инициативу, его сразу поправят. Зато полностью сохраняются привилегии!

РОЕВОЕ СОЗНАНИЕ

Методы производства роя многократно описаны и широко использовались на протяжении XX века. Психолог и исследователь аутизма Бруно Беттельхейм, бывший узником концлагеря в Дахау, системно представил методы слома индивидуальности в своей книге «Просвещенное сердце».

Конечно, изложенные в своем чистом, незамутненном виде, эти методы выглядят такими, какими и были задуманы: античеловечным механизмом нацистской машины, которая на входе получала людей, а на выходе выдавала рабов, идеально послушных биороботов с отключенным сознанием. Но стоит присмотреться к фашистским подходам пристальнее и тогда мы обнаружим, что они используются, хотя и не в столь ярко выраженной форме, строителями Цифрового Левиафана. Эти стратегии по превращению людей в зомби, лишенных воли и чувств, не зависят от нации, они универсальны. Каковы эти стратегии?

1. Сделать действия человека бессмысленными

Одним из любимых занятий эсэсовцев было заставлять людей делать совершенно бессмысленную работу. Например, таскать камни с места на место, рыть ямы голыми руками, положив рядом лопаты и так далее. При этом люди должны были осознавать, что их работа, и шире, действия не имеют смысла. Беттельхейм рассказывает, как однажды надзиратель приказал группе заключенных мыть ботинки снаружи и внутри водой с мылом. Ботинки становились очень жесткими и натирали ноги. Приказ прозвучал один раз и больше никогда не повторялся. Тем не менее, многие давно находящиеся в лагере заключенные продолжали каждый день мыть изнутри свои ботинки и ругали всех, кто этого не делал, за нерадивость и грязь.

Федор Михайлович Достоевский в «Записках из мертвого дома» писал об этом способе расчеловечивания одним из первых: «Мне пришло раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы».

Или вот еще, оттуда же: «Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, — я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячи преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки».

Вспомним, как много бессмысленного людей вынуждали совершать во время ковидного карантина. Автору этих строк приходилось видеть работников жилищных служб, оклеивающих деревья на улице запретной полосатой лентой, ограждая таким образом целые участки бульвара. Ветер сдувал ленту, под нее, наклоняясь, легко пролезали люди, желающие пройти, но никто не прекращал это действие. Люди у входа в метро вытаскивали маски, ритуально прикладывали их к лицу, и снимали, проходя через турникеты. Некоторые пытались при этом доказать свое право не носить маски — но тут же бывали оштрафованы. В любом случае, для властей был важен сам факт подчинения, его форма, а отнюдь не содержание. Будущих неолоудей приучают к тому, что их дело — выполнять, а не думать.

Примерно об этом писал Достоевский: «каторжная работа несравненно мучительнее всякой вольной, именно тем, что вынужденная». На протяжении всей истории человечества самые выдающиеся мыслители, например, Гегель или Карл Маркс, думали над тем, как преодолеть отчуждение человека от его собственной жизни — отчуждение, которое возрастает тем больше, чем меньше мы сознаем и думаем. Сегодня отчуждение человека от себя достигло такого уровня, что становится страшно оттого, что он может сотворить с собой и со всей планетой.

2. Ввести исключения из правил, нарушения которых неизбежны

Определенный алгоритм действий создает атмосферу постоянного страха быть пойманным. Например, те же требования масок при посещении ресторанов. Снимая маску для приема пищи, вы нарушаете правила, но без этого работа заведения не имеет смысла. В итоге администрация разрешает клиентам сидеть без масок, но перемещаться по ресторану можно только в масках. Но строго говоря, это нарушение правила, написанного без подобных исключений. А как рассматривать требование надеть маску для того, чтобы купить эту маску? Требование сидеть дома на карантине при обязательном походе в больницу, чтобы снять карантин? «Не задавайте вопросов, просто наденьте маску. Правительство лучше знает, что хорошо для вас».

Конечно, в концлагере ситуации были гораздо жестче, но принцип действовал тот же: надзиратели или капо придумывали невозможные правила для того, чтобы заключенные впали от них в полную зависимость. Они могли обращать внимание на нарушения, а могли и не обращать — в обмен на те или иные услуги.

3. Заменить личную ответственность коллективной

Презумпция личной невиновности отменяется: если кто-то из группы нарушил правило, все члены группы признаются виновными. Коллективная ответственность, во-первых, превращала всех заключенных в надзирателей друг за другом. Во-вторых, принцип групповой ответственности — вообще очень эффективный метод подавления личности. О существовании себя человек забывает быстро, когда уже и сам видит в себе некоего безымянного «украинца», или «зэка из третьего барака», а других определяет как «антипрививочников», «ватников», или «трампистов». Без личной ответственности нет и свободы воли: так человек эффективно превращается из свободного в раба.

Прием коллективной ответственности во время карантина использовался весьма широко. Мы часто слышали в соцсетях и в СМИ тезисы о том, что «те, кто не носит маски, — убийцы других людей» или «москвичи плохо подчиняются распоряжению об обязательном ношении масок — поэтому в парки их не пускать», «кафе не открывать, пока не прекратятся нарушения» и так далее. Город, область, страну делали заложниками поведения отдельных людей, примерно как в годы войны деревня несла коллективную ответственность перед немцами за партизан. Конечно, нынешние указы помягче гитлеровских — пока. Но методы эмоционального заражения, используемые в соцсетях — из тех времен.

4. Люди должны поверить в то, что от них ничего не зависит

Над группой чешских заключенных экспериментировали, ставя их в ситуацию полной неопределенности, приводил пример Беттельхейм. Сначала им дали жить в относительном комфорте без работы и лишений. Затем внезапно их бросили на работу в карьер, где были нечеловеческие условия труда и большая смертность, урезав при этом пайки. Затем вернули обратно, в привилегированные условия, но через какое-то время снова отправили в карьер. Так продолжалось, пока в живых из них не осталось никого.

Этот метод основан на сочетании жизни по строгим инструкциям с невозможностью что-либо планировать. Любая инициатива пресекается на корню, и вместе с тем люди никак не могут угадать, за что их поощряют или наказывают. Согласно гипотезе Фристана, сознание в такой ситуации должно работать постоянно, но в реальности это было не так. Люди не успевали подстроиться к переменам, их сознание отключалось, не в силах выработать стратегии адаптации, в результате личность полностью распадалась. Без личности и сознания, люди должны были быть счастливы, но на деле они гибли.

Ситуация напоминала «Процесс» Франца Кафки — трудно сказать, читали ли эсэсовцы этого пражского писателя, но вполне возможно, что да — и не случайно выбрали именно чехов, чтобы затроллить их до смерти. Даже в самых стесненных условиях у человека должно быть какое-то пространство выбора. Когда он осознает, что этого пространства нет, он ломается, тупо подчиняясь любому приказу.

Отчасти этот подход опробывался во время ковидного карантина, когда СМИ были полны историями о невидимой, слепой, жестоко разящей смерти, уйти от которой можно только полностью выполняя указания начальства. При этом даже альтернативные СМИ сообщали о чипизации и вакцинации как о чем-то неизбежном, неотвратимом, что лишь усиливало пессимизм и рождало в людях обреченность.

5. Алгоритмическое управление жизнью

Жесточайший алгоритм управлял жизнью людей. Наказания и поощрения в лагере шли безо всякой системы. Если на первых порах заключенные думали, что хороший труд их спасет от наказания, то потом осознавали, что ничто не гарантирует от отправки в карьер, на верную смерть.

Концлагерные порядки походили на правила жизни компании Amazon. Минутное промедление на умывании — и тебе не удастся утром сходить в туалет. Замешкался, заправляя кровать — не получишь завтрак. Заключенные все время спешили, у них не было ни секунды задуматься и остановиться. День планировали за них, никто не мог предполагать, чем он будет заниматься сегодня и что с ним будет потом.

Все это напоминает произвольное чередование разных видов абсурдных приказов во время эпидемии коронавируса. То людям без объяснений запрещали посещать парки, то вдруг подталкивали прийти на выборы, затем объявляли жесткий масочно-перчаточный режим, потом позволяли съездить провести отпуск на переполненном пляже. День планировали за них, год планировали за них...

6. Люди должны делать вид, что ничего не видят и не слышат

Эсэсовец избивает человека, а мимо проходит колонна рабов. Они дружно поворачивают головы в сторону от избиваемого и шагают чуть быстрее, показывая при этом, что ничего не происходит, всё нормально. Эсэсовец, не

отрываясь от своего занятия, одобрительно кричит им «молодцы!». Рабы счастливы, что исполнили то, что от них требовалось, а именно «не знать и не видеть того, что не положено».

Рабы при этом могут чувствовать стыд, но они ничего не могут сделать. Более того, они становятся заодно с эсэсовцем. Это приводит к дальнейшему уничтожению личности и растворении ее в роевом мышлении. Индивидуальное сознание заменяется инстинктом. Рой видит то, что надо видеть и не замечает то, чего видеть не надо.

7. Держать людей в состоянии постоянного стресса.

Манипуляция действует лучше, когда людям дают мало еды, не дают им спать и отдыхать, держать в постоянном состоянии страха и ужаса. В концлагере доводили людей до полного нервного и физического истощения. Это усиливало эффективность других методов воздействия.

8. Люди в какой-то момент должны переступить последнюю внутреннюю черту

Однажды эсэсовец обратил внимание на двух евреев, которые «сачковали». Он заставил их лечь в канаву, подозвал раба-поляка и приказал закопать впавших в немилость живьем. Поляк отказался. Эсэсовец стал его избивать, но поляк продолжал отказываться. Тогда надзиратель приказал уже евреям закопать поляка. Те без малейших колебаний стали закапывать своего товарища. Казалось бы, они заслужили прощение, но не тут-то было. Когда поляка почти закопали, эсэсовец приказал им выкопать его обратно, и опять самим лечь в канаву. Поляку было приказано их закопать, и на этот раз он подчинился. Надзиратель притоптал сапогами землю над головами жертв, потом их выкопали и отправили в крематорий.

Люди превращались в зомби шаг за шагом. Сначала у человека свободу воли. У него не оставалось внутреннего источника жизни, и все, что он делал, определялось воздействием извне. Человек автоматически выполнял любые приказы, ибо сознания у него выключалось. Но изменения, превращение бывшего живого человека в философского зомби очень быстро приводило к его гибели. Люди на конечных этапах переставали поднимать ноги при ходьбе и начинали характерно шаркать. Это шарканье говорило о близком конце. Они переставали смотреть по сторонам и уже не отвлекались даже в мелкой моторике и реакциях на раздражители. После этого наступала смерть.

Как ни страшно это осознавать, примерно по этой методике обрабатывают людей, человечество те, кто строит Цифрового Левиафана. Сегодня они превращают людей в человекообразные, завтра из них будут делать два новых вида — неолюдей и небогов, а затем, если все будет продолжаться по этому алгоритму, неолюди просто исчезнут, потеряв волю к жизни. Часть неолюдей небоги будут держать на стероидах и наркотиках, но наступит момент, когда кибернетические системы превзойдут рабов в эффективности, и те станут не нужны совершенно.

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И СТРАТЕГИИ ЖИЗНИ

Что же делать? Есть ли способы сопротивления бесчеловечной системе?

«Шум, гам, хохот, ругательства, звук цепей, чад и копоть, бритые головы, клейменные лица, лоскутные платья, все — обруганное, ошельмованное... Да, живуч человек! Человек есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение», — писал Достоевский.

Два психолога, Бруно Беттельхейм, заключенный лагеря Дахау, и Виктор Франкль, заключенный Терезиенштадта, описали не только технологии слома индивидуальности, но и стратегии выживания. Если мы посмотрим на то, как люди во все больших количествах начинают реагировать на цифровой детерминизм — то есть на наступление на все сферы жизни Цифрового Левиафана, то мы увидим поразительное сходство с этими стратегиями.

Я поделил бы их на две большие группы. Первая группа — стратегии личного выживания. Они основываются на вере в безусловную предопределенность окружающего зла, в то, что выхода нет, и всё что остается — это смириться и постараться любой ценой выжить. О предопределенности я напишу ниже и покажу, что она основывается на ложных посылах. Но всегда ли жизнь базируется на правильных философских выводах?

Основания чувствовать обреченность могут быть сколь угодно ложными, однако в данную конкретную минуту человек действительно может иметь очень простой выбор между смертью — и чем-то еще. И как правило, человек выбирает это «что-то», чем бы оно ни было. Шекспировский принц Гамлет верил в загробную жизнь и справедливое божественное воздаяние после смерти, но даже он, поставленный перед выбором, начинал колебаться:

*«Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!»¹*

Датский ты принц или последний заключенный в «мире-тюрьме», твой выбор только твой. Вернее так было до самого последнего времени. Цифровой Левиафан радикально меняет условия игры, и можно не сомневаться, что новые разработки позволят системе сделать за человека практически любой выбор — даже тот, который будет

¹пер. Б. Пастернака

заведомо ухудшать его жизнь или обречь его на гибель. Нацистские приемы слова личности, к сожалению, не остались навсегда в породившем их времени, а были взяты на вооружение современными технократами. Поэтому описанный выше пример того, как заключенные по очереди закапывали друг друга — лишь экстремальный случай одного из психологических методов, которые Цифровой Левиафан наверняка будет осваивать.

ПЯТЬ СТРАТЕГИЙ ВЫЖИВАНИЯ

Первая стратегия выживания — выбиться в элиту.

В лагере это означало стать надзирателем из числа заключенных — капо.

«Начальники из числа заключенных могли использовать свое положение для облегчения участи товарищей, но чтобы остаться «в должности», они должны были прежде всего служить СС. Чтобы спасти себя, своих друзей и членов своей группы, «элите» приходилось жертвовать другими заключенными. Допустимыми считались любые меры, вплоть до отправки на смерть конкурирующих за выживание групп» (Б. Беттельхейм).

Капо мог выжить сам и помочь «своим» — но обязательно за счет остальных. Правила СС не предусматривали «милости к падшим», малейшие проявления человеческих чувств рассматривались как повод к немедленному разжалованию капо, если не к более радикальному наказанию. Поэтому даже те капо, которые начинали с мысли о том, что должность даст им возможность помочь хоть кому-то, быстро вырождались и полностью утрачивали мораль. Мораль — то, что отличает человека от животного, и дав себе лицензию на ее утрату, человек уже не удерживается от соскальзывания вниз по всем фронтам. Так образовывалась своего рода лагерная элита из монстров, обладающих властью над людьми.

Возможно, кто-то уже сейчас, рассудив, что власть Цифрового Левиафана неизбежна, решит принять именно эту стратегию личного выживания. Он или она будет верой и правдой служить строителям Левиафана, тем, кто за ним стоит, говоря себе, что лучше на должностях при Левиафане будет она, а не откровенная аморальная личность, для которой жизнь человеческая не стоит ломаного гроша. Кроме стремления к выживанию в данный момент, такими людьми может двигать и стремление стать небогами, а не неолюдьми, и закрепить это место в новом виде за своими потомками. Речь идет о том, чтобы спастись и не стать обреченным на вымирание видом.

Особенно это относится к ученым, разработчикам, администраторам, чиновникам — всем тем, кто рассчитывает, что Левиафан смилуется именно над ним или над ней, а дальше можно будет закрепиться в новой позиции и потихоньку вырваться к тихой заводу. Немаловажными для некоторых могут явиться и награды, которые обещают строители левиафана: удобство, сытость, решение материальных проблем, замена больных органов на здоровые, а в перспективе — бессмертие.

Не очень понятно, зачем Левиафану бессмертные хозяева, лишённые каких-либо стимулов к сотрудничеству, и возможно ли вообще бессмертие даже в виде загрузки некоего объема информации, которая якобы будет выражать нового человека, на тот или иной носитель. Кроме того, ниже пойдет речь о том, что небоги и неолюди, пожалуй, будут настолько тесно спаяны вместе, что гибель одних приведет к гибели других — и не факт, что из двух подвидов неолюди погибнут первыми. Но душой небоги умрут гораздо раньше своей физической смерти — и вопрос в том, насколько их можно будет считать людьми.

Вторая стратегия выживания:

уход в мир иллюзий

Единственное место, куда не могли забраться эсэсовцы в лагере — это мозг человека, хотя, безусловно, такие попытки делались. Таким образом, мечты оставались единственной независимостью заключенных. Выше описано, как трудно им было найти свободную минуту, не загруженную каким-либо занятием, но если они ее находили, то погружались в мечты. Фантазии улучшали их представление об окружающем мире, поэтому нередко были рассказы и слухи о каких-нибудь милостях. Говорили, например, о скором освобождении по чьему-нибудь поручительству, о том, что Красный Крест вот-вот приедет и отберет людей определенной национальности для обмена с пленными немцами, об улучшении условий содержания чуть ли не по приказу Гитлера.

Рассказывали также истории, которые хорошо кончались — из своей или чужой жизни, а то и просто из кино или литературы. Одни грезили, другие слушали. Виктор Франкл вспоминает, как однажды староста блока рассказал ему сон, в котором ему обещали, что освобождение придет 30-го марта. Он считал этот сон пророческим, и 31-го марта, когда освобождение не пришло, умер. Так волны смертей прокатывались по лагерям после каждого очередного разочарования.

Нет нужды говорить о том, как в сегодняшнем мире распространено бегство от действительности и уход в иллюзии распространены как реакция на невозможность изменить что-то в мире или в собственной судьбе. Понятна и полная бесперспективность этого пути — ведь физический мозг будет полностью контролироваться Левиафаном. Мир иллюзий не полностью определяется физическим мозгом, но совокупность приемов манипуляции в сочетании с контролем над реакциями создадут человеку такую персонализированную виртуальную реальность, какую определит Левиафан. Уход в мир иллюзий может превратиться, таким образом, в очень эффективное средство мотивации и разобщения.

Третья стратегия выживания:

порвать эмоциональные связи

Как можно было выносить моменты, подобные описанному Беттельхеймом:

«Приходит эсэсовец с большим мешком почты, и читает имена заключенных, которым пришли письма. Окончив перечисление, он со словами «Теперь вы, свиньи, знаете, что получили почту», сжигает весь мешок...».

Выдержат такое крайне трудно — проще сойти с ума, что многие в условиях лагеря и делали. Таких сразу же убивали, чтобы освободить место новым узникам. Многие решали целенаправленно избавиться от эмоций, или мозг, пытаясь выжить, избирал эту стратегию спасения. Чтобы сохранить организм как целое, люди закрывались и черствели, не просто не показывая свои эмоции. Личность быстро распадалась.

Цифровой Левиафан приведет к появлению множества совершенно бесчувственных физических организмов, главной целью которых будет получение дофамина и уход от эмоций, которые будут лишь делать человека открытым для воздействия системы.

Четвертая стратегия выживания:

стокгольмский синдром

Эта стратегия связана с первой, «выбиться в элиту» — но не обязательно. На этом подходе построен сюжет фильма «Ночной портье», в котором рассказывается о сексуальных отношениях охранника и заключенной. Они начались в лагере и продолжились уже на свободе. Проявления человечности в фильме заканчиваются трагически, как проблема свободного выбора любящих людей. Заключенные в лагере, естественно, пытались увидеть знаки человечности офицеров и охранников, и даже неприятие ими фашизма. Беттельхейм описывает, как один из эсэсовцев, заходя в барак, вытирал обувь о половую тряпку, в отличие от других офицеров, которые не имели такой привычки. Это трактовалось как знак особого отношения офицера к заключенным и даже как тайный знак презрения этого эсэсовца к нацистской идеологии.

Стокгольмский синдром — защитная стратегия организма, дающая надежду и даже иллюзию свободы, и я уверен, что она будет распространена очень широко. Уже сейчас видно, как многие отстаивают самые бесчеловечные формы цифровизации, потому что полагают, что им удастся выговорить себе преимущества. В этих преимуществах, пусть даже самых минимальных, типа работы разработчиком приложений по контролю над сознанием, они будут чувствовать свою причастность власти машины.

Пятая стратегия выживания:

пассивное принятие

«Я не могу быть нормальным, когда приходится жить в таких условиях», говорят одни. «Не мы такие, жизнь такая...» — вторят им другие. Так можно оправдать — и оправдывают — самое низкое поведение. Эта стратегия помогала жить, но снимала с человека ответственность за свои поступки — и следовательно, дегуманизировала его или её. Надо полагать, что такая стратегия также будет весьма распространена в условиях контроля над сознанием.

ЧЕТЫРЕ СТРАТЕГИИ ЖИЗНИ

Дневники людей, оставшихся в живых после нацистской оккупации и концлагерей, дают представление о некоторых стратегиях не просто выживания любой ценой, а сохранения себя.

Те, кто прошёл ад и выжил, сделали это за счет той основы, которую отрицают в человеке Харари, Курцвейл, Деннет, Минский и другие технократы: а именно, за счет личности. Никакой предыдущий опыт, никакое обучение не готовили этих людей к тому кошмару, что они пережили. Едва ли этих людей можно назвать задоктринированными сектантами. Вспомним, например, педагога Януша Корчака, который добровольно пошел в газовую печь за своими воспитанниками, чтобы умереть, но сохранить в себе то неуловимое качество, которое ускользнуло от нынешних физикалистов. Карл Фристон признал бы этот поступок несомненной ошибкой, Даниэл Деннет умно и насмешливо объяснил бы вопиюще нелогичное поведение Корчака иллюзией мышления и театром сознания, Герман Греф просто покрутил бы пальцем у виска.

Корчак не был одинок. В мемуарах много примеров людей, которые заплатили самую дорогую цену, чтобы сохранить личность, не стать выпотрошенной оболочкой, которой управлял бы нацистский Левиафан. Но важно помнить о том, что многие другие сломались. С тех пор технологии манипуляции массовым сознанием достигли новых высот, что можно видеть хотя бы по эмоциональным заражениям, например, при возбуждении протестов или разнесении информационных вирусов. В цифровом мире, где почти у каждого человека сегодня свой дом, для него вырезается его собственная ниша, его внутренний демон подкармливается, а психологические запросы удовлетворяются с тем, чтобы в нужный момент подтолкнуть его в направлении верного решения, а порой, в зависимости от задания, и закрепить это решение до уровня инстинкта. Именно так работает кондиционирование людей в человекообразные.

Может быть, неверие Сталина прошедшим плен и оккупацию и объяснялось тем, что он слишком хорошо знал, как устроен Левиафан — хотя и не нацистский, а его, сталинский, и не верил в то, что можно победить машину. Но все же были среди узников и жителей оккупированных нацистами областей те, кто не просто выжили, а поняли то, чего раньше не осознавали: что они обладают последней, но, может быть, самой важной человеческой свободой — в любых обстоятельствах выбирать свое собственное отношение к происходящему.

Первая стратегия жизни:

всегда искать смысл

Именно об этом снят потрясающий фильм Роберто Бенини «Жизнь прекрасна». Смыслом жизни героя фильма — узника концлагеря Гвидо — становится спасение малолетнего сына, с которым они вместе попали в лагерь. В реальной жизни, а не в кино было много подобных примеров. Узник Терезиенштадта Виктор Франкл придал пребыванию в концлагере смысл, изучая возможности человеческой психики, и пытаясь оказывать другим заключенным психологическую помощь. Став исследователем и фиксируя поведение людей, он психологически

отстранялся от всеобщего безумия. Это позволило ему сохранить себя, не зачерстветь эмоционально и не сойти с ума.

Библиотекарь Ирина Хорошунова, семью которой отправили на смерть в Бабий Яр, сохранила разум, ведя дневник. Она записывала свои состояния, иногда граничащие с безумием, свои метания по городу в жажде как-то помочь своим или хотя бы увидеть их, регистрировала жизнь города, слухи, коллективные надежды и мечты. Ее жизнь и размышления не ограничивались кошмарным настоящим: она постоянно пыталась прогнозировать будущее. Поражает, как в самых нечеловечески морально условиях она умела сохранить разум и личность. К концу пребывания немцев в Киеве они предстали не небогами образца 1943 года, а жалкими, суетливыми людьми, думающими только о собственном выживании, — в то время как Хорошунова могла думать о большем, чем просто самосохранение. Она пыталась сохранить для будущей жизни попавшие в её распоряжение уникальные книги.

Искать смысл будет гораздо труднее в роевом обществе Цифрового Левиафана, но любое общество можно изучать, поставив целью его деконструкцию. Как оккупированные жители Киева ждали «наших», стараясь приблизить этот момент, так и в самой жесткой системе тоталитарного управления и контроля «Дивного нового мира» можно будет — нужно будет — искать лазейки и слабые места. Может показаться, что система всемогуща, но это не так — и одно из доказательств этого моя книга.

В мире после Цифрового Левиафана — а непременно наступит и такой — важна будет память о пережитом, важны будут накопленные смыслы, важно будет знание о том, как бороться с управлением, контролем, подталкиванием и прочими манипуляциями. Важно будет, наконец, просто жить, и даже без надежды на выживание передавать другим хотя бы то неуловимое, но воистину божественное чувство собственного достоинства, которым обладал Януш Корчак.

Вторая стратегия жизни:

проявлять инициативу в малом и большом

В фильме «Жизнь прекрасна» отец — прирожденный комик — придумывает целый мир и даже действуя как от него требуют, умудряется дать этим действиям в глазах сына совершенно другую интерпретацию. По прибытии в лагерь отец говорит сыну, что они участвуют в игре, где главный приз — настоящий танк. Чтобы его получить, нужно набрать тысячу баллов, которые можно получить, лишь исполняя определенные правила. Но это не лагерные инструкции, направленные на слом личности и физическое уничтожение человека. Напротив, правила, которые выдумал Гуидо, направлены на то, чтобы как можно реже соприкоснуться с системой, освобождая шаг за шагом пространство и всегда быть готовым к побегу. Если осознать опасности, которые сулит такое поведение, то человека может охватить оцепенение и ужас. Рискнуть можно, осознавая это как игру или как антитеатр. Антитеатр — потому что это противоположность театру, в котором есть понятие *willing suspension of disbelief* — сознательная приостановка неверия. Здесь, в лагере, чтобы тебя не парализовало страхом, требуется, напротив, *willing suspension of belief* — сознательная приостановка веры в происходящее.

Гвидо не просто запрещает мальчику, а предлагает ему через игру осознать следующие правила: не показываться на глаза солдатам, не плакать, не жаловаться, не просить есть. За каждый из этих проступков в реальности может последовать смерть, и Гвидо, создавая мир своей игры, отнюдь не теряет связи с реальностью, а напротив, формулирует ее квинтэссенцию. При этом это его — их с мальчиком — собственный мир, с их собственными правилами. Когда при приближении американцев эсэсовцы паникуют и начинают зверствовать, Гуидо меняет правила. Он говорит сыну, что наступает последнее соревнование, в котором нужно спрятаться и не выходить, пока всё вокруг не стихнет. Комика убивает эсэсовец, но сына удается спасти.

Беттельхейм писал про свой способ выживания в лагере: никогда не позволять внешнему миру быть твоим единственным источником активности. Пусть тебе не дают спать, и утром все товарищи по несчастью ждут подъем до последнего, а потом как заведенные автоматы выполняют установленные команды — но можно вставать на десять минут раньше общего подъема и тем самым получить дополнительную степень свободы.

«Выживание человека зависит от его способности сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удержать контроль над какими-то важными аспектами жизни, несмотря на условия, которые кажутся невыносимыми, — пишет Беттельхейм. — Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле, позволяла выжить мне и таким, как я».

Третья стратегия жизни:

думать об образе будущего

В состоянии сильного стресса, страха и других эмоциональных переживаний сознание человека фиксируется на том, что происходит сейчас. Прошлое и будущее исчезают, есть только вездесущее настоящее. Это состояние полностью подчиняет человека сильнейшему инстинкту самосохранения, но одновременно забирает силы и снижает уровень сознания до канемановской «Системы 1», когда человек действует как автомат, как машина. Хайдеггер считал, что в такие моменты человек не существует, у него нет экзистенции. С другой стороны, у Хайдеггера человек с экзистенцией, действительный человек, также находится под стрессом: что-то идет не так, как обычно, что-то «выводит его из себя», но через самоосознание и осознанное действие он и сам выходит за рамки привычного.

Поэтому в кошмарных условиях несвободы крайне важно думать о том, что будет после, строить планы. Виктор

Франкл в лагере задумал написать книгу о страданиях заключенных, думал о том, что она принесет пользу, когда всё кончится. Будущее вообще становится возможным благодаря людям, которые не смиряются с настоящим, выходят за его горизонт. Проще «умереть, забыться», уйти в мир иллюзий, и тогда за духовной смертью последует физическая. Вы можете возразить: эмигрировать, уехать, уволиться — разве это «смирение»? Эти выходы могут означать новую жизнь, где люди получают возможность реализовать себя. Верно: если человек совершает осознанный выбор, даже из самой кошмарной ситуации, то он создает у себя в голове образ будущего. Франкл испытывал неистребимый интерес к жизни, он очень хотел выжить в том числе и для того, чтобы узнать, чем «все это закончится».

«Человек взломанный» лишен будущего, вернее, оно контролируется теми, кто его взломал и управляет его поведением. Они осуществляют цифровой контроль через стимулирование центров удовольствия такого человека, через постоянную выработку организмом дофамина. Вероятнее всего, даталюди, «человекоданные», будут сидеть в основном на синтетических субстанциях — это и проще в управлении и обеспечит более долгосрочный эффект.

Прошлое также исчезнет — будет предполагаться, что если человеку необходимо хранить свой опыт, это можно будет сделать и в облаке.

Выход из-под контроля системы начнется через построение каких-то проектов, через возвращение человека к будущему — а значит, и прошлому.

Четвертая стратегия жизни:

Стараться не изменять себе

«Чтобы не стать ходячим трупом, а остаться человеком, пусть униженным и деградировавшим, необходимо было все время осознавать, где проходит та черта, из-за которой нет возврата, — писал Беттельхейм. — Черта, которую нельзя переступить ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой жизни. Сознать, что если ты выжил ценой перехода за эту черту, то эта жизнь потеряет всякое значение».

Превращенная в набор данных, в ряды чисел человеческая жизнь — если ее еще можно так называть в этом случае — уравнивает все ситуации. Невозможно будет «переступить черту» в мире, где таких линий уже не осталось, где поведением управляет рой, который дает санкцию на те или иные поступки. Без проведения моральной запретной черты нет личности и нет свободы. Чтобы улучшить свои материальные условия, повысить комфорт или просто выжить к концлагерю, человек может пересечь эту черту. Есть пример Раскольникова, который пересек эту черту, но свободы не получил, а наоборот, утратил ее, и чтобы вернуть свою свободу, пошел на каторгу.

В современном мире, мире «человека взломанного», навязывается понимание свободы как потребительского выбора. Но какая может быть свобода в выборе между кока-колой и пепси-колой, или, допустим, двумя брендами политиков, которые на деле ничем друг от друга не отличаются? Свобода — это сотворение реальности, самостоятельное проектирование будущее и осознанные действия по реализации проекта. Но это невозможно без осознания последствий своих поступков и без личной ответственности. Роевая санкция на выбор — это примерно то же, что и приказ эсэсовца в концлагере, никакого отношения к свободе в этом нет.

«Если тебя о чем-то спрашивают, следует отвечать по возможности правдиво, но о том, о чем не спрашивают, лучше молчать», писал Виктор Франкл. Этот тезис применим и к цифровой реальности. Здесь человек уже идет на риск, «укрывая информацию», которая может повредить ему или другим. Можно не сомневаться, что технократы будут вводить в действие все более изощренные методы «вытаскивания» информации. С другой стороны, люди, даже взломанные, инстинктивно будут пытаться её сохранить.

ЭВОЛЮЦИЯ «ЧЕЛОВЕКА ВЗЛОМАННОГО»

Еще замечание по поводу образованию небогов. Скорей всего, Левиафан будет выращивать их на основе промежуточного подвида человеке данных. Теоретически возможен прямой переход от человека к небогу, но он предполагает большие риски для Левиафана. Что если в человеке останется слишком много человеческого, и в удивный технократический раз всеобщего совершенства контрабандой приникнут остатки варварской эволюции? Не может быть и речи о том, чтобы в будущее взяли отщепенцев любого сорта: этим можно перечеркнуть всю кропотливейшую работу по созданию цифрового Левиафана, то есть творца всего нового мира. А это уже покушение на величие системы, которое в рамках системы будет жестко пресекаться.

Поэтому можно с большой долей уверенности предполагать, что небоги будут потомками человекоданных, отобранных, пропущенных через фильтры и откондиционированных, по примеру героев «Дивного нового мира». Человекоданные, в свою очередь, будут потомками сегодняшнего «человека взломанного» — того человека, годом массового рождения которого следует считать год 2020.

Это означает, что не будет принципиальной разницы между двумя видами, что бы ни предполагали технократы. Их мечта возвыситься над людьми и провести между собой и остатком человечества непреодолимую, как на некоторых эзотерических символах, черту, вполне понятна: так организм, сталкиваясь с бесчеловечностью, пытается её рационализировать. Так рождается когнитивное искажение, но простая логика говорит о том, что никаких двух видов людей при помощи Цифрового Левиафана получить не удастся, даже если допустить техническую и биологическую возможность подобного. Небоги и неолюди будут двумя ненавидящими друг друга ветвями постчеловека, точнее, переходного вида человекоданных, которые будут управляться Левиафаном. Чтобы понять, как они будут кондиционированы, стоит обратиться к опыту ближайшего к цифровому по типу Левиафана — Левиафана нацистского.

Молодой библиотекарь Ирина Хорошунова вела дневник во времена нацистской оккупации Киева в 1941-43 годах. Интересны ее наблюдения за литературой, которую представляли «высшей расы»: «Недели две тому назад в нашу библиотеку прибыли свыше 10 тысяч книг новейшей немецкой, преимущественно фашистской литературы. Среди нее книги Гитлера *Mein Kampf*, Розенберга «Миф XX столетия», очень много различной их политической литературы, но кроме этого, книги по всем вопросам науки, литературы, искусства. До нас никак не доходили сведения о том, что же выходило в фашистской Германии, на чем воспитали они сотни тысяч тупоголовых убийц, которые так же далеки от подлинной культуры, как животные из породы свиней. Немцы, знающие свою классическую литературу, — редкость. Правда, и свою новую литературу они знают столь же мало».

Задачей Хорошуновой было выдавать книги по требованию представителей немецких учебных заведений, для которых они были предназначены. Она так описывает свое удивление от того, что она увидела:

«Мои скудные познания позволяют все же установить некоторые особенности этой литературы, ознакомлению с которой способствует ее оформление, рассчитанное, словно специально, на людей, изрядно ограниченных. Закладывается это в аннотациях, предпосланных каждой книге на суперобложке или на странице перед титульным листом. Аннотация полностью раскрывает содержание книги и дает общие сведения об авторе. Характерно, что вся литература в основном развлекательная, без всякого стремления способствовать развитию человека. Чем-то до крайности утилитарным веет от нее. И на всем, быть может, оттого, что книги иллюстрированы в каком-то легкомысленно-лубочном стиле, вся литература носит характер чего-то гримасничающего, паясничествующего. И все это в великолепном полиграфическом исполнении».

И это литература для высшей расы, прообразов будущих «неолюдей»! В этой книге нет возможности сравнивать выбор гитлеровцев с тем, что читали на фронте советские солдаты. Разумеется, сохранились документальные кадры военного времени, на которых запечатлено прекрасное исполнение классических симфоний Бетховена оркестром Берлинской филармонии под руководством Вильгельма Фуртвенглера. Но в целом вывод очевиден: выращивание расы сверхчеловека было основано отнюдь не на развитии интеллекта, а скорее на геноциде всех тех, кто мог составить конкуренцию. Нет никаких оснований полагать, что с неолюдьми всё будет иначе, и возрожденные ныне идеи евгеники каким-то радикальным образом отличаются от тех, кто нацисты претворяли в жизнь на завоеванных военной силой территориях.

ПАРАДОКС АВТОЭВОЛЮЦИИ

Предопределенность — возможно, кажущаяся — создания Цифрового Левиафана и его глобальной власти может внушить чувство безысходности, схожее с тем, что испытывали люди в нацистских концентрационных лагерях. Они попадали в место, откуда, казалось бы, не было возврата, не было спасения. Точно так же сегодня технократы говорят нам, что всё предопределено, что мы имеем дело с естественным процессом эволюции, которому нам нечего противопоставить. Тут, конечно, явное противоречие с другим их тезисом, о том, что мы пришли к этапу, когда человек взял дело эволюции в собственные руки. То есть наступила эпоха автоэволюции человечества — когда оно взяло, впервые в истории, контроль за своей судьбой. Но если мы сами теперь можем определить параметры человеческого существования и развития, то о какой предопределенности речь? Значит, всё зависит от нас?

Нет, говорят нам, не зависит. В этом заключается парадокс автоэволюции: человек впервые в своей истории, говорят нам, получил возможность изменить себя настолько, что результатом будет новый вид — но при этом всё это развитие предопределено. Мы имеем полную техническую возможность изменить наш организм, дополнить его и улучшить, но при этом мы есть закон экономической эффективности, и против него не пойдешь. Почему не пойдешь? Почему мы не можем даже слегка изменить экономический строй? Почему мы не можем вернуть науку науке, вернуть ей самоуправляемость эпохи великих открытий XVIII–XX веков? Почему, вроде бы получив контроль за своей эволюцией, человечество полностью отдалось на волю Цифрового Левиафана? Почему мы больше не вольны строить проекты будущего, передав их полностью технократам? Не выглядит ли эта свобода от эволюции рабством?

Ставя эти вопросы, мы прикасаемся к чему-то самому важному и самому болезненному для тех, кто видит себя в качестве небогов, это те вопросы, которые они сами от себя гонят. Будут ли они сами как небоги иметь возможность управлять собственным будущим, за счет неолюдей, разумеется — или созданная ими сверхмашина сделает их самих частью себя, и в итоге не будет принципиальной разницы между небогами и неолюдьми? Эти вопросы будут мучить кандидатов в небоги всё время на пути к их предполагаемому господству над эволюцией.

Сегодня же технократы делают всё, чтобы эти вопросы не звучали, не потому, что они какие-то злоумышленники, и даже не потому, что плохо знают философию, а именно потому, что они находятся внутри созданной Левиафаном замкнутой системы власти/знания, и эта система не может ставить под сомнения себя саму. Чтобы радикально менять себя, любая подобная система требует некоего импульса со стороны, извне этой системы. Система может обладать обратной связью — в случае Цифрового Левиафана эта связь крайне изолированная — но даже в этом случае она может лишь немного варьировать и подстраивать свои параметры в зависимости от изменений в окружающем мире. Чтобы изменить себя существенно, изменить свою архитектуру, система нуждается в революции — или во вмешательстве наподобие вмешательства в сталинскую систему самого Иосифа Сталина.

Интересная точка зрения на Сталина и его систему приводится в книге американского социолога ленинградского происхождения, профессора Калифорнийского университета Алексея Юрчака «Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение». В этой книге Юрчак анализирует судьбу созданного Сталиным

государства, которое вполне можно считать социалистической версией гоббсовского Левиафана. Сталин создал замкнутую саму на себя систему, но он же мог и менять её, обладая четким пониманием её архитектуры, пишет Юрчак. Он знал, как из какого материала она была построена, знал тонкости её балансировки, её слабые и сильные стороны, но, самое главное, в нем сохранилось понимание мира вокруг этой созданной им системы, и воля к её изменению. Именно поэтому он мог менять её достаточно радикально. Когда Сталин умер, система потеряла не только своего архитектора, но и заказчика, и собственника, и пошла вразнос. При этом она долго еще держалась по инерции за счет «гипернормализации» — то есть создания видимости того, что всё, что происходит, нормально, что альтернативы этому нет.

В СССР 1980-х, например, практически все чувствовали абсурдность происходящего, несоответствие содержания системных лозунгов реальности. Не имея своего собственного видения будущего, элита сосредоточилась на создании иллюзии нормальности через формальные ритуалы, в которых участвовали все. При этом форма и содержание как бы менялись местами — элита внимательно следила за тщательным соблюдением всех принятых формальностей, взяв под полный контроль производство образов, и пресекала малейшие отклонения. В итоге за образами возникала тень смыслов, не предусмотренных системой, и сами понятия содержания и правды становились неустойчивыми, зыбкими, пропадали из поля зрения, замещенные липовыми, фейковыми по сути конструкциями.

Побочным эффектом господства гипернормализации является уничтожение возможности будущего. В СССР, например, не приветствовалась фантастика, она могла существовать только если принимала открыто дидактические, образовательные, педагогические формы. Некоторые писатели, правда, очень умело пользовались такими формами как прикрытием — интересно, что цензоры при этом ничего не могли сделать, ибо были соблюдены все внешние формальности, а о реальном содержании и его толкованиях говорить было попросту нельзя. Однако образ будущего в позднем СССР рисовался либо как вечное продолжение настоящего, либо как реставрация капитализма, что тоже означало погружение в вечное настоящее — только настоящее с другой стороны «железного занавеса». Коммунизм всё сильнее воспринимался как отвлеченный набор риторических формул, а тоска по будущему, несмотря на всю гипернормализацию, в обществе сохранялась. Поэтому капиталистическое настоящее стало в массовом сознании неким заменителем коммунистического будущего.

Эта ситуация повторяется и в посткапиталистическом обществе сегодняшнего дня, где брежневской «гипернормализации» соответствует постправда. Мир все так же стабильно абсурден, хотя при этом и непредсказуем. Но каждое странное событие происходит не здесь, а где-то, как в советской прессе трудящиеся Гондураса всегда собирались на свою очередную забастовку, в то время как в дома в Витебске новостью месяца было открытие фонтанов. Непредсказуемость событий в дальнем мире очень важна для гипернормализации и формирования роя. Ведь после потока сюжетов, которые каждый день обрушивают на аудиторию СМИ и соцсети, у людей возникает стойкое ощущение, что они ничего не в силах изменить, что развитие вышло из-под человеческого контроля. При этом всё вокруг — политики, СМИ, ученые эксперты, селебритис и всевозможные авторитеты, массовая культура и соцсети убеждают людей в том, что такое состояние нормально, что другого не дано, что человечество движется к некоему будущему, но это будущее будет таким же, как и сегодняшнее гипернормальное настоящее. Просто всего будет больше — гаджетов, товаров, машин, компьютеров, систем связи, иммигрантов, миллиардеров, селебритис, свободного времени. При этом тезисы о том, что экономическая система стоит на правах человека, защищает свободы и приносит блага всем повторяются как фон, хотя в них верит еще меньший процент, чем при СССР верили в коммунизм. Средства массовой обработки сознания все больше персонализируются, но ровно для того, чтобы сначала использовать человека как ресурс, а потом при помощи этого ресурса контролировать и управлять поведением не только его, но и таких же как он.

В людях все больше растет понимание того, что они находятся под колпаком, что за ними следят, и что как результат они могут себе позволить лишь определенные вещи. В сущности, люди догадываются о том, что они могут позволить себе лишь то, что даст им система, но гипернормализация убедила их, во-первых, в том, что для них это хорошо, а во-вторых, что альтернативы нет, и любой другой вариант будет хуже. При этом они все больше осознают, что будущее закрыто — в том смысле, что отдельный человек не может иметь на него никакого влияния. Нельзя сказать, чтобы людям было невдомек, что их свобода воли — только маркетинговая фикция, и что на деле никому не дано выйти за пределы системы. Их свобода все больше связана с виртуальной реальностью, в которой люди проводят уже порой не меньше времени, чем в реальности настоящей. Это состояние — «возлезнания», как в театре, состояние сознательной приостановки неверия, только эта приостановка касается не реальности сцены, а реальности собственной жизни. Они живут в состоянии полусна, при этом организм вырабатывает эндорфины, соответствующие процессам реальным. В антиутопиях, например, в «Дивном новом мире» Олдоса Хаксли или американском телесериале «Мир Дикого Запада», химические вещества играют огромную роль в том настоящем, которое становится будущим. В нашем мире химия для корректировки сознания также применяется все чаще. Герои Хаксли не могут обойтись без наркотика «сомы» несколько минут, а создатели сериала придумали для своей версии будущего субстанцию «жанр», которая дает человеку пережить сразу несколько состояний сознания, накладывающиеся на реальность.

Роль певцов, певиц и других селебритис в мире будущего как продолженного настоящего состоит в том, чтобы существа, с которыми люди себя могли отождествлять, жили «на полную катушку», что они показывали, что свобода воли существует в обществе, откуда на микроуровне оно высасывается мощных пылесосом когнитивных

систем и систем слежки.

Однажды созданный, Цифровой Левиафан обладает собственной логикой развития. Она не слишком сильно зависит от его конкретной архитектуры, и в этом смысле цифровой Левиафан существенно более прочен, чем, например, Левиафан сталинский. Более того, цифровой Левиафан прочнее и монстра, или серии монстров, которые нам предлагает поздний капитализм. Гипернормализация заставляет думать, что поздний капитализм очень нормален и очень устойчив, но его модель существует пока всего несколько десятилетий, и уже видно, как она пошла вразнос. Режим перешел от состояния относительной стабильности к состоянию перманентного бунта, и только сознательная организация войны всех против всех несколько спасает положение. Впрочем, эта война делает Цифрового Левиафана еще сильнее — именно по тем причинам, которые описывал Гоббс. Получается, что мировое цифровое государство требуется для того, чтобы люди, которые под воздействием соцсетей продолжают делиться на фракции и колошматить друг друга, не поубивали один другого. При этом самые умные из власть имущих понимают, что ввергли мир в хаос, возврат из которого возможен лишь революционным путем, через социальную сингулярность. Сингулярность — это точка, в которой привычные законы вдруг утрачивают свою силу, и становится невозможным предсказать поведение системы. Социальной сингулярностью был, например, 1789 год во Франции или 1917 в России, и в мировом масштабе дело явно идет в такой же точке невозврата, точке, напоминающую информационную черную дыру. Никакое воздействие на эту дыру не будет иметь эффекта, к которому мы привыкли — звезда, упавшая на нее, не родит взрыв и вспышку, а просто пропадет из виду. Точно так же в общественном смысле в момент социальной сингулярности будет бесполезно опираться на привычные механизмы воздействия. Средства массовой информации пропадут с горизонта, как та звезда, механизмы принуждения утратят силу, слежка станет бесполезной, и даже столь мощный инструмент управления, каким являются соцсети, высохнет и погаснет. Как тогда пойдет процесс эволюции с запрограммированной вилкой на небогов и неолюдей?

Это для власть имущих страшное будущее, будущее, которого они всеми силами стремятся избежать. Попытка с помощью Цифрового Левиафана организовать технологическую сингулярность, миновав социальную, объясняется осознанием кандидатами в небоги того, что наше настоящее-будущее — это, если перефразировать Юрчака, «навсегда, пока внезапно не закончится».

То есть совсем-совсем не навсегда, а может быть, очень ненадолго. Именно поэтому они бросили все силы на достижение «технологической сингулярности». Что такое технологическая сингулярность? Это, собственно, и есть полное торжество Цифрового Левиафана, тот момент, когда он будет держать под своим контролем всё и всех — небогов и неолюдей, государства и институты, глобальные рынки и армии, науку и механизмы управления массовым сознанием, архитектуру глобального мира и алгоритмы ее создания.

Здесь, в этих возможностях менять архитектуру, впрочем запрягано «кощеево яйцо» нового Левиафана. Он сможет это делать, лишь выйдя за собственные пределы — например, если будет иметь того, кто им управляет. С другой стороны, тот, кто им управляет, всегда будет представлять для Левиафана опасность — так Сталин всегда представлял опасность для собственного Политбюро.

Поэтому инстинкты Левиафана будут направлены на то, чтобы подчинить и это существо, и когда-нибудь это случится. А тогда Левиафан станет уязвим, очень уязвим для сингулярности нового типа, о которой мы поговорим ниже — сингулярности одновременно социальной и человеческой. Одна из стратегий Левиафана может заключаться в том, чтобы создать нового Левиафана параллельно себе — для внешнего управления и производства архитектурных революций, для контроля за управителем-контролером, пока тот еще будет действовать, и, наконец, как продукт сверхэволюции.

Ибо вместо того чтобы произвести разделение *homo sapiens* на небогов и неолюдей, произойдет рождение нового вида — левиафана, который таким образом начнет размножаться. Нужно ли говорить о том, что мы не можем отказывать Левиафану в том качестве, каким обладаем сами как вид — в стремлении к экспансии?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СОЦИАЛЬНАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ У ВОРОТ

Поставленная проблема требует от человека страшной свободы.

Святогор

НАШ МОМЕНТ ХИРОСИМЫ

6 августа года двадцать-двадцать в 8:15 утра японский город Хиросима остановился. В минуте молчания склонились тысячи людей в коронавирусных масках, которые пришли в Мемориальный Парк Мира почтить память жертв американской атомной бомбардировки, которая страшным огненным цунами обрушилась на город ровно 75 лет назад. Многие принесли с собой маленькие колокольчики, которые потом зазвенели, каждый оплакивая свою душу, хотя душ для оплакивания было много, а колокольчиков — мало. Среди участников ритуала были жители города, родственники погибших, приехавшие со всех концов Японии, немногочисленные представители городов-побратимов, сумевшие как-то добраться до города в разгар карантинных мероприятий, чиновники. Приехал и японский премьер Синдзэ Абе, который выступил на фоне венков с желтыми и белыми хризантемами.

Оценки числа жертв бомбы «Little Boy» разнятся, цифры колеблются между 93 и 146 тысячами человек. Примерно 80 тысяч умерли в тот страшный летний день 1945 года, другие скончались через несколько дней, недель или месяцев — от ран, от ожогов, от лучевой болезни. Через три дня другая бомба с забавным названием «Fat Man» опустилось на Нагасаки, где погибло ещё от 60 до 80 тысяч человек.

Никто, наверное, не думал о том, что произошло в тот день больше, чем Роберт Оппенгеймер, худой, высоченный,

поглоблзый физик-ядерщик с короткой стрижкой, возглавлявший команду разработчиков американского атомного проекта, которая работала в лаборатории Лос-Аламос. По воспоминаниям, Оппенгеймер сутулился, много курил, зажигая одну сигарету от другой, постоянно чесал голову, кусал костяшки пальцев, ерзал на стуле, то скреживая, то разводя в сторону ноги. Когда он говорил, то вскакивал со стула, ходил взад-вперед и с силой выплевывал сигарету, желая подчеркнуть ту или иную мысль.

Тогда, в 1945-м, его волосы были черными как смоль, но к 1954 году он уже совершенно поседел. В 1945 году президент США Гарри Трумэн наградил Оппенгеймера медалью, а в декабре 1953 года другой президент, Дуайт Эйзенхауэр потребовал, чтобы с физика сняли допуск ко всему, что может иметь отношение к государственной тайне. Обвиненный в связях с коммунистами, Оппенгеймер подвергся многочасовым допросам в рамках расследований антиамериканской деятельности, которые проводил тогдашняя поп-звезда американской политики, сенатор-алкоголик от штата Висконсин Джозеф Маккарти.

За три недели до бомбардировки Хиросимы состоялось первое в мире испытание атомной бомбы на испытательном полигоне «Белые пески» возле местечка Сокорро в штате Нью-Мексико. Полигон располагался в пустыне с подходящим названием Jornada del Muerto («Путешествие мертвеца» с испанского).

Оппенгеймер был технократ и гуманист, он окончил Гарвард и Геттингенский университет в Германии, знал восемь языков, любил поэзию и поиск духовных смыслов. Испытание он назвал «Троица» в честь любимого стихотворения Джона Донна, где говорится о множественных значениях символов веры. Атомную бомбу в лаборатории незатейливо называли «Гаджет». Оппенгеймер не был индуистом, но после того, как небо над «Белыми песками» озарила невиданная вспышка, физику пришла в голову красивая строка из «Бхагавадгиты»: «Если сияние тысячи солнц вспыхнуло бы в небе, это было бы подобно блеску Всемогущего...» Затем облако ядерной пыли почернело, посерело и поплыло в небе, и Оппенгеймер продолжил цитировать «Бхавадгиту»: «Я стал Смертью, уничтожителем Миров».

Впрочем, знаток санскрита из Венского университета Эдгар Лейтан утверждает, что этот перевод неправильный. Он критикует подход таких индологов, как Б. Л. Смирнов, который перевел фразу, процитированную Оппенгеймером, так: «Я есмь время (Кала), возрастая, я причиняю разрушение миру; для уничтожения миров я здесь продвигаюсь». Перевод Шридрихари комментирует это же место так: *lokan graninah samhartum iha loke pravrtto 'smi*, «Я активизировался, чтобы убить людей, т. е. живых существ в этом мире». Версия перевода В. Г. Эрмана такова: «Я есмь Время, разрушение мира творящее, назревшее, к уничтожению здесь людей тяготеющее».

Лейтан убедительно показывает, что «Я» этой фразы — время — творит гибель людей. То есть фразу следует перевести так: «Я — Время, могучий губитель людей, и я собираюсь здесь людей убивать».

Оппенгеймер вряд ли знал санскрит настолько тонко, чтобы знать, что нужно говорить не «Я», а «Я, время», и не «уничтожитель миров», а «губитель людей» — хотя в каком-то смысле каждый человек — это мир, и убивая людей, вы действительно уничтожаете миры.

Так или иначе, технократ в Оппенгеймере верно нащупал правильный смысл, почувствовал себя на минуту самим временем, хозяином Вселенной, которому подвластна судьба человечества, более точно, владыкой, который это человечество может уничтожить.

Ведь были среди физиков и мнения, что начавшаяся цепная реакция может уничтожить Землю и пойти еще дальше, кто знает, до какого предела. Обошлось. Бомба оказалась много мощнее, чем предполагали другие, но конца света не случилось. «Мы знали, что мир никогда не будет прежним, — вспоминал впоследствии Оппенгеймер. — Кто-то смеялся, кто-то плакал, большинство молчали».

Оппенгеймер дорого заплатил за короткий момент технократического упоения. Всю дальнейшую жизнь он пытался свогнать джинна обратно в бутылку: был советником правительства, который рекомендовал ему начать переговоры об ограничении ядерных испытаний, был мозгом, стоявшим за отчетом Ачесона-Лилиенталя, который призывал к международному контролю за распространением ядерной энергии (назван так по имени тогдашнего госсекретаря США Дина Ачесона и главы Комиссии по ядерной энергии Дэвида Лилиенталя). Отчет лег в основу Плана Баруха (по имени представителя США в Агентстве ООН по контролю за атомной энергией Бернарда Баруха). Усилия Оппенгеймера, казалось, ни к чему не приводят — не зря его самого начали подозревать в антиамериканской деятельности. Физик на долгие годы попал в опалу. Не посадили его только потому, что идейный вдохновитель этих отвратительных процессов, сенатор Джозеф Маккарти, слишком много на себя взял и вскоре после начала травли Оппенгеймера открыл охоту на ведьм в Пентагоне, чего верхушка армии потерпеть не могла, поэтому сенатор вскоре был уволен со своей должности.

Без усилий Оппенгеймера и таких, как он, возможно, не было бы и Московского договора (Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой был подписан в столице СССР в канун очередной годовщины бомбардировки Хиросимы 5 августа 1963 года).

Есть свидетельства того, с каким содроганием отнесся к бомбардировке Хиросимы Альберт Эйнштейн, как реагировали на это другие крупные ученые того времени. На круглых столах по искусственному интеллекту, в статьях и выступлениях мне приходилось не раз слышать точку зрения, что, возможно, технологии ИИ, нано, био, когнитивные технологии несут определенные риски, но общество справится с ними, выработает какое-то решение — как это якобы было с атомным оружием. Человечество якобы нашло решение проблемы ядерного оружия, поэтому можно быть уверенным, что и в этот раз общественные механизмы не подведут.

Эти утверждения, конечно, глубоко манипулятивны. Как мы видим, человечество начало искать решение ядерной

проблемы только после Хиросимы и Нагасаки, после пары сотен тысяч жертв. Только увидев жутчайшие наглядные результаты бомбардировок, которые были засекречены, но к которым ученые, работавшие в секретных лабораториях типа Лос-Аламос, получили доступ, они пришли в себя, и стали потихоньку избавляться от комплекса «хозяев Вселенной», которым все нипочем. Но ученые-технократы, чей пик деятельности приходится на 1930-1940-е годов, такие, как Оппенгеймер, Поль Дирак, Нильс Бор, были блестяще гуманистически образованы, и сейчас равных им по энциклопедичности знаний просто нет. Некоторым из них — например, Эйнштейну, удалось еще немного подышать воздухом старой гуманистической довоенной культуры. Сегодня, в двадцатые годы XXI века, мы не найдем в науке ни сравнимых по мощи имен, ни энциклопедичности, ни, что немаловажно, влияния на власть имущих.

Ибо решение послать на японские острова «Энолу Гэй» принадлежит отнюдь не ученому-технократу Оппенгеймеру, а политику Гарри Трумэну.

Уже тогда, кстати, технократы перебирали в голове возможные оправдания. Оппенгеймер в воспоминаниях говорит о том, что надеялся на то, что в реальной войне его бомбу применять не будут именно в силу её мощи. Точно так же сегодня приходится слышать, что новейшие технологии слишком серьезны, чтобы правительства стали ими пользоваться необдуманно.

Сегодняшние технократы, осознав свою мощь, вряд ли будут мучиться угрызениями совести, как Оппенгеймер. Высказывание из «Бхавадгиты» они будут понимать буквально, тем более что упомянутые НБИК-технологии позволяют «губителям людей» развернуться в полную силу. К тому же они считают людей за биомашину. Как технократы последних дней обращаются с такими машинами, видно уже по ковидному концлагерю.

Если почитать труды основателя кибернетики Норберта Винера и других ученых, стоявших у истоков развития систем искусственного интеллекта, станет понятно, что в последние 70 лет люди выбирали самые плохие и самые рискованные сценарии. Поэтому нужно отчетливо понимать, что дело идет к «моменту Хиросимы» для систем ИИ и нано-био-когнитивных технологий. Никаких выводов из истории с ядерным оружием человечество не сделало и надеется на авось. Только для этой надежды сегодня куда меньше оснований, чем в 1945-м. Сегодня куда меньше вероятность того, что жертвами станут два относительно небольших города, которые Трумэн разбомбил скорее для эксперимента, и чтобы показать русским, кто в доме хозяин.

Кстати, насколько адекватными стали сегодня политики в сравнении с теми, кто вершил судьбы мира в 1945-м? «В каком-то исконном, грубом смысле, который нельзя полностью устранить ни вульгарностью, ни юмором, физики познали грех, и это знание они уже не смогут потерять», надеялся Оппенгеймер. Он предполагал, что ученые могут усвоить какие-то уроки, и сделать какие-то выводы, но он явно переоценил их разум, совесть и сознание. Но упадок науки и морали ученых не идет в сравнение с измельчением материала, из которого лепят сегодня политических гомункулов.

В предыдущей части мы увидели, что ученые в сегодняшнем мире значат всё меньше. Политика в обществе, отрицающая ответственность, тоже не может существовать иначе как симулякр. Реальным влиянием пока еще пользуются финансисты, которые, собственно, создали и вскормили Цифрового Левиафана — но едва ли создателям и в этом случае удастся удержать под контролем свое создание.

ВСЕ НА АЛЯСКУ?

Когда начиналась вторая промышленная революция, не было недостатка в оптимистических прогнозах применения технологий. Но в итоге началась хищническая эксплуатация ресурсов Земли, за которую мы расплачиваемся сегодня природными катаклизмами, болезнями и эпидемиями. Сегодня мы перешли от «экономике внимания» к «капитализму слежки», который переносит модель извлечения ресурсов с недр Земли на человеческое сознание и эмоции. Возник рынок фьючерсов на человеческое поведение, и этот рынок бурно растет. В итоге сам человек становится другим.

Речь идет о выживании нашего вида. Способны ли мы усвоить хоть какие-то уроки или надо готовиться к апокалипсису — как это делают многие капитаны хайтек-индустрии, строя себе бункеры в Новой Зеландии или на Аляске?

Большинство людей, однако, не может переехать на Аляску, и если мы хотим выжить как человеческий род, мы должны решать нарастающие проблемы здесь и сейчас. Для этого, прежде всего, мы должны их осознать. Нужно понять, с какой целью мы цифровизуемся как сумасшедшие, чего хотим добиться? Почему нет общественного контроля за развитием технологий и как его обрести? Что делать конкретному человеку, объединениям людей, обществу, для того, чтобы избежать глобального коктейля антиутопий?

Некоторые говорят, что развитие технологий предопределено, и эта неизбежность рождает практику. Но это не так: технологии не существуют в отрыве от общества, их развитие определяется не мистической предопределенностью, а вполне реальными целями, которые ставят те, кто управляет обществом. Так, домашний термостат «Гнездо» от компании «Гугл» собирает информацию на своих домашних, потому что рынку нужны данные. И рынок их получает.

Транснациональные гиганты научились извлекать огромные прибыли, монетизируя психику и делая таким образом «новой нефтью» самого человека. Сильнее всего последствия бесконтрольного использования цифровых технологий бьют по детям, у которых нет привычки к «аналоговым» способам работы с информацией, нет иммунитета от интернет-зависимости. Исследования психологов и нейрочелючных говорят о массовом распространении цифрового аутизма, повышении тревожности у детей, ухудшении их памяти, снижении

усидчивости, способности к обучению, прежде всего точным наукам. Появился уже медицинский термин «математическая тревожность» — речь идет об импульсивно-негативной реакции детей и подростков на само слово «математика».

При этом и общество в целом становится новым объектом извлечения ресурсов и контроля. Индустриальное общество часто представляли в виде механизма с колесиками и шестеренками; кое-кто из художников приветствовал новую машинную эпоху, но большинство творцов выступали против того, чтобы человек воспринимался как одна из шестеренок в машине, цели которой он не понимает и не разделяет. Однако в сегодняшней антиутопии человек может оказаться в ситуации Грегора Замзы из «Превращения» Кафки. Он превратился в таракана, в существо, которое не может само себя узнать и вернуть себе прежний облик. Изменения поначалу мало заметны, но уже человека из 1990-х наверняка поразили бы наши современники, прикованные к своим мобильным устройствам, живущие в виртуальной реальности соцсетей больше, чем в настоящем мире, который тоже все больше становится реальностью, дополненной цифровыми гаджетами.

Весной 2020 года, во время ковидного карантина, в классе, где учится мой 15-летний сын, было сорвано дистанционное занятие по литературе. Как и во многих школах, перешедших на удаленное обучение, наши учителя пользуются приложением Zoom. Почти с самого начала урока в эфире послышались дикие крики, экран перекрыли безобразные рисунки, в общем чате появились ссылки на непристойные сайты. Урок был посвящен теме любви, и учительница очень обиделась на учеников. Она решила, что кто-то из них «слил» информацию об уроке своим друзьям, и те сорвали урок. Большинство детей послушно согласились с этой версией и стали искать виновников внутри класса. Родители в своем чате были в шоке. «Я стала хуже думать о своей дочери», написала одна мама. «Значит, наши дети трусы, которые не могут остановить хулигана», написала другая. Предложили ужесточить контроль, заставлять детей обязательно включать камеры, и постановили, что нужно, конечно, подключить системного программиста и через адреса компьютеров в сети выявить зачинщиков.

Я написал в родительский чат, что дело не в детях, а в проблемах с безопасностью самого Zoom: используя несложный софт, хакеры легко могут проникнуть на любую цифровую конференцию и прервать ее. В мире это явление уже настолько широко распространилось, что получило название «зумбомбинг». Осознав, в чем дело, родители и учителя дали задний ход.

Происшедшее заставило задуматься о том, что родители верят машине больше, чем собственным детям. Коронавирус, кажется, убил доверие людей даже внутри собственной семьи. Вагоны общественного транспорта переделаны так, что люди стараются не садиться рядом с другим человеком, а встречая прохожего на улице, люди порой переходят на другую сторону. Социальное дистанцирование, больше похожее на описанное у Хаксли в «Дивном новом мире» социальное кондиционирование, ломает не просто привычки, но вековые традиции людей, в том числе внутри собственного дома. Информационное заражение, сопутствующее биологическому, уничтожает и остатки доверия народа к любым общественным институтам, расчищая тем самым место для Левиафана. Люди приучаются к одиночеству и к мысли о том, что от любого встреченного человека может исходить опасность; то ли дело компьютерный алгоритм, которому нужно верить и без которого не обойтись.

Дистанционное общение вызывает у детей взрыв немотивированной агрессии, множатся психологические проблемы, которые вряд ли пройдут со снятием карантина. Но поистину, в наше время постправды добро и зло становятся неотличимы друг от друга. Вот и «зумбомбинг» показывает, что у цифровой экспансии технократов во внутренний мир человека есть предел. То самое поколение Z, которое считали полностью выпавшим из реальности, показывает — по-своему, через агрессию, через бунт — что человека не получается сделать придатком компьютера.

Знакомые школьники на карантине читают, если есть такая возможность, проводят много времени на свежем воздухе и строят планы на прогулки друг с другом «когда все это кончится». Нет у них энтузиазма по поводу пения хором по скайпу, игры в баскетбол по зуму и вообще дистанционки. И это повод для оптимизма!

Те, кто склонен винить поколение тех, кому сейчас между 13 и 18, в цинизме, бездушности и в выпадении из реальности, должны понимать, что часто у этих детей не было другого выхода, чем погружение в «виртуал». Речь здесь не только о психологических проблемах их собственных родителей, многие из которых считают, что купив электронный гаджет, они выполнили родительский долг. Речь еще и о просчитанной на годы вперед сознательной кампании корпораций «большой цифры» — а это «Гугл», «Фейсбук», «Майкрософт» и другие — посадить детей и подростков на свои устройства.

Сначала для того, чтобы те проводили как можно больше времени в «виртуальном пространстве», которое владельцы этих компаний по-тихому приватизировали. А потом — чтобы подчинить их «роевому сознанию», превратив, по сути, в роботов. Ведь если технократы не могут создать машины, по интеллекту сравнимые с человеком, то они вполне могут опустить человека до уровня машины.

Бои, о которых ни дети, ни многие родители до сих пор не подозревают, шли и идут за каждую минуту времени, проведенного детьми онлайн, в состоянии блаженного управляемого полусна. Взрослые дяди и тети — опытные маркетологи — постоянно изучают опыт игровой индустрии с тем, чтобы понять, где у ребят уязвимые места, на какие крючки их можно подцепить, чем подкупить, на чем сыграть — с тем чтобы наши игроки как можно реже отрывались от мерцающего экрана.

На протяжении веков человеческим убежищем от любых невзгод внешнего мира был дом — но «большая цифра» проникла и туда. Разумеется, для того чтобы сделать жизнь людей удобнее и проще. Но вот с появлением

«Фейсбука» около 15 лет назад социологи стали замечать, что выражение «мой дом — моя крепость» в отношении детей и подростков следует понимать иначе: как «мой виртуальный дом — моя крепость». В цифре, а не в реальных «четырёх стенах» они чувствовали себя на месте, в безопасности, «среди своих».

Так место, где на протяжении веков человек чувствовал себя защищённым, где начиналась его жизнь, где он познавал базовые понятия и ценности, превратилось в некий набор координат для активности умных вещей, которых становится все больше. Умные пылесосы, умные замки, умные колонки, а скоро появятся умные стены, умеющие слушать... Как нам кажется, мы всем этим управляем, поэтому мы приблизили умные вещи к себе. Смартфоны — они теперь заменяют нам понимание и память — стали членами семьи, от них уже не скрыться, и даже взрослые уже не считают дом границей, за которой посторонним нет входа, где можно уединиться и иметь секреты — нет больше места для секретов. Что же говорить о детях, которых часто воспитывают не родители, а смартфоны — для них «виртуальный мир» и есть та самая крепость-убежище, куда они уходят от житейских невзгод.

В феврале, в разгар коронавирусной эпидемии в Китае, социологи опубликовали данные, согласно которым жители Поднебесной проводят онлайн вдвое больше времени, чем лишь полгода назад: восемь часов вместо четырёх. С учётом времени сна получается, что человек в среднем стал проводить в виртуальном мире столько же времени, сколько и в реальном. Ученые полагали, что для достижения такого результата потребуется еще десять лет интенсива, но благодаря коронавирусу произошел «большой скачок».

Но дело не только во времени, которое дети проводят за компьютером.

Проблема в том, что сами понятия «виртуальное пространство», «виртуальная реальность» — обманки. Они не имеют никакого отношения ни к реальности, ни к пространству. Виртуал не обладает главным свойством реальности и пространства — протяженностью. Именно в этой обманке, по сути, сегодня и живут подростки, проводя там — впервые в истории человечества — больше времени, чем в реальности.

Жизнь поколения Z и для тех, кто пришел после них, полностью разворачивается в частном псевдопространстве «виртуальности». У соцсетей есть конкретные владельцы, которые там заправляют согласно своим бизнес-планам и гордятся тем, что они теперь устанавливают социальные нормы для миллиардов людей. Дети для них — бизнес, ничего личного. Бизнес они строят на будущее, формируя его под модель глобального роевого сообщества.

Цифровая коммуникация становится для подростков зыбким фундаментом, на котором с самого начала строится их «я». Этим процессом давно уже управляют не родители, не семья и не школа, которая сегодня сама стала «виртуальной».

Соцсети со своими лайками, шерами и роевым сознанием особенно сильно влияют на подростков в тот период, когда у них формируется идентичность и они очень зависят от мнения сверстников. Любой подросток проходит внутренний «нормативный кризис», когда он вырабатывает фундаментальные понятия «что такое хорошо и что такое плохо». В доинтернетовские времена это обязательно происходило при помощи внутренних ресурсов и собственного опыта. При здоровом развитии именно в ходе этого конфликта между «собой» и «другими» и формируется прочное сознание идентичности.

Проблема в том, что у подростков есть определенный момент, когда «я», способного отстоять свои ценности, еще не существует — точнее, оно сильно зависит от мнения других, от «социального зеркала». Подросток в этом состоянии часто не способен даже на агрессию: он настолько зависит от мнения других, что не смеет их раздражать. С детства подросток привык к тому, что интернет даст ему ответ на любой вопрос, и в момент, когда он отчаянно нуждается в социальном зеркале, социальном сравнении — ему с готовностью на помощь приходят соцсети, которые уже его не отпускают, внедрившись в его сознание и подсознание.

Ошибка в том, что мы воспринимаем виртуальность как некий объект, находящийся вне нас, а на самом деле она становится частью субъекта, то есть нас самих. Управляя детьми и подростками через игры и соцсети, компании постепенно добиваются выгодного для них состояния, которое я бы назвал возле-знанием. Исследователи сравнивают его с ощущением человека, который не может оторваться от слот-машины в казино.

В этом состоянии человек рассредоточен, он теряет чувство «я», и его поведение легко подчиняется навязанному извне ритму. Это автоматическое поведение, состоящее из побуждающих внешних импульсов, призванных подтолкнуть его к определенному поведению, но без того, чтобы человек воспринимал эти импульсы сознанием. Сознание должно быть в постоянной дреме. К такому состоянию наших школьников компании «большой цифры» готовят с детства. Это очень нужно компаниям, которые получают огромные доходы от продажи поведенческих продуктов.

Мы дали детям в руки эти замечательные умные игрушки, мы посадили их на карантин в умнеющие дома наших умных городов... Находясь под диким напряжением, они пытаются найти выход из «дивного нового мира», который мы помогли — или не мешали — для них строить. Если они найдут этот выход в агрессии, это может привести к ужесточению контроля, и замкнутый круг управления-подавления-агрессии-еще большего управления — будет повторяться, пока дети не подпадут окончательно под власть роевой санкции. И тогда никого не будет интересовать, что думаем мы, ибо следующее поколение окажется в антиутопии.

Тем временем представители нейронаук, бихевиоризма, нейроэкономики популяризируют свои подходы, основанные на понимании человека как животного, биомашин. Эти доктора наук, профессора престижных университетов обласканы властью имущими. Они широко издаются, как звезды поп-музыки, гастролируют по всему миру, их выступления прекрасно оплачиваются деловыми кругами, технократами, которые страшатся той самой

пропасти, к которой они привели человечество. Выход технократы видят в расчеловечивании человека, в его приведении к уровню животного, в отмене ценностей Просвещения, в запрете на критическое мышление и любые индивидуальные проявления, в создании, под управлением Цифрового Левиафана, постчеловеческого стада, которое управляется роевым сознанием.

Эти профессора и доктора наук приступили к созданию совершенно новой, технократической нейроэтики и нейроморали, основанной на отмене человеческой свободы и человеческого сознания. Большие успехи делает нейроюриспруденция, создающая с чистого листа законодательство, основанное на предопределенности. Возникает юридическое оформление роевой санкции как основания действий биомашин. В самое ближайшее время можно ожидать появление фундаментальных работ, кодексов новой эры управления. Затем регулирование человекоподобных и даталюдей станет точной наукой, очередной наукой с приставкой «нейро».

Новые модели и рамочные подходы приживутся быстро, ибо государствам, ослабленным борьбой с самими собой то есть с ковидом, позарез понадобится финансирование. Денег в мире много, но все они уже сейчас находятся под достаточно жестким контролем Цифрового Левиафана. Они хлынут туда, куда нужно ему, и не пойдут в сферы, откуда он может ожидать угрозу. Финансисты дадут денег тем, кто будет активно встраиваться в создаваемую матрицу, и за счет этого они будут развиваться быстрее и с меньшими проблемами. Поскольку современный глобальный социально-политический режим основан на приоритете экономического роста, с отклонениями, подтверждающими правило, со временем выживут лишь те формы, которые поддерживаются Левиафаном. Это касается и новых моральных доктрин, которые на первых порах будут даже имитировать христианские. Бихевиористы станут большими христианами, чем сами христиане, а те погрузятся в расколы и вражду, искусно разжигаемую Левиафаном.

В ранней стадии антиутопии, в которой мы уже живем, многим кажется, что всё описанное — обратимые флуктуации. Система в сущности нормальна, она подстроится, и эксцессы типа тотальной слежки со временем будут невозможны. Общество тоже наладит обратную связь, как оно это делало всегда. К тому же есть надежда, что этот раз — исключение, и уж теперь-то технологии принесут не новые жертвы, а обещанные блага. Посмотрите за горизонт — там нас ждет прекрасный новый мир! В крайнем случае, будут говорить: не предпринимайте резких действий, постараемся изменить систему изнутри. Смотрите: здесь нашему дали премию, там — сделали профессором! Так система сумеет заручиться нейтралитетом меньшинства, которое хотя бы в теории способно мыслить критически, и оказывать противодействие, например, поддержав совсем другое видение развития. Но по мере того, как большинство, то влекомое подачками, то скованное страхом, будет все менее способно принимать собственные решения в индивидуальной и общественной жизни, по мере того, как его реакции будут притупляться, становиться грубее, Левиафан всё меньше будет нуждаться во все еще мыслящем меньшинстве даже для сохранения формы нормальности.

И неизбежно наступит момент — переход от «человека взломанного» к «человекоподобным» — когда доктрины управления биомассами станут вполне официальными, когда роевая санкция заменит право, а роевое сознание — душу и дух.

В КОЛЫБЕЛИ ТРАНГУМАНИЗМА

Кто проезжал по калифорнийской автостраде номер 1, не мог не восхищаться видами, которые открываются буквально за каждым поворотом. Оставив позади безумный сгусток нервов по имени Лос-Анджелес, под раскаленным солнцем пробиваешься на Вентуру и выезжаешь к Тихому океану. Автострада тянется вдоль берега от самой мексиканской границы, но именно здесь, на участке от Санта-Барбары до Монтеррея, она прекраснее всего.

Слева океан, он то ловит солнце в свое слепящее зеркало, то укладывается внизу, как сытый кот, то дрожит в ознобе, то волнуется всерьез и бьется всей своей мощью о скалы под самой дорогой. Справа, под синкопы джаза из автомобильного радио, один за другим возникают пейзажи, каждый из которых мог бы стать сценой драматического романа. Вот там, наверху, среди пихт и деревьев мимоз, приткнулся одинокий домишко, где алкоголик-писатель мог бы укрыться от воспоминаний. Кажется, оттуда выбежала женщина — но ты ничего не успеваешь разобрать, так быстро меняются картинки в диафильме.

Перед городком миллиардеров Кармел, не доезжая миль сорока до Монтеррея, расположен Биг Сюр — об этом месте в путеводителях и сейчас пишут как о побережье с самыми захватывающими видами в Соединенных Штатах. В ближайших поселках и поместьях живут, пожалуй, самые обеспеченные люди страны — при этом узкая двухполосная дорога и инфраструктура вдоль нее выглядит довольно запущенной. Здесь практически нет ни туалетов, ни мест для парковки, путнику словно говорят: езжай дальше, не задерживайся, тебе здесь не рады!

Именно здесь, в Биг Сюр, разворачивается действие одноименного романа культового американского писателя Джека Керуака, предтечи поколения «детей цветов». Сюжет прост: алкоголик-писатель пытается укрыться от воспоминаний в маленьком бунгало, но прошлое не оставляет его в покое...

В романе он вывел своих друзей, которые вместе с ним стояли у истоков движения битников: Леона Ферлингетти, Уильяма Берроуза, Алена Гинзберга. Битники искали счастья в простой жизни, отрицали цивилизацию, погрязшую во лжи и собственном мусоре, отрицали бизнес, требующий отказа от себя и конформизма, отрицали науку, создающую все новые орудия убийства, и отрицали технологии, разрушающие личность, превращающие человека в ресурс и объект для наживы.

Все, что хотели битники — это чтобы их оставили в покое, поэтому многие из них мигрировали в эту часть Калифорнии, в эти безлюдные места, где можно жить в гармонии с природой, не обращая внимания на государство

и обществу. Конечно, пустым это побережье стало относительно недавно. На самом деле люди жили здесь три тысячи лет, много веков местность была заселена индейцами Эсален, которые, впрочем, почти все вымерли, когда сюда пришли европейские переселенцы и принесли с собой оспу и другие болезни. Типичная для Соединенных Штатов история. После этого в Биг Сюре были обнаружены горячие источники. Их облюбовали гомосексуалисты из Сан-Франциско, которые пугали округу дикими нравами. Их потом описал создатель стиля гонзо-журналистики Хантер Томпсон, работавший здесь охранником. Фильм «Страх и ненависть в Лас-Вегасе» снял по его роману, персонажей которого он брал из жизни в Биг Сур.

Застройщиков с большими деньгами привела сюда та самая калифорнийская дорога номер 1, частно-государственное партнерство на акционерных началах, которое указало битникам путь к свободе. Среди них были два молодых выпускника Стэнфорда — Майкл Мерфи и Ричард Прайс. Семья Мерфи купила здесь землю с полуразвалившейся гостиницей, где жили немногословные пятидесятники, составлявшие отличный контраст с соседями-яркими и безбашенными гомосексуалистами. Майкл уговорил свою бабушку передать ему управление землей, а Ричард, отец которого был вице-президентом крупнейшей в Штатах торговой сети Sears, обеспечил финансирование. Друзья решили создать здесь нечто вроде центра параллельной культуры и церкви неизвестной религии...

Институт Эсален, названный так в память тех самых уничтоженных индейцев, был зарегистрирован как некоммерческий центр «гуманистического альтернативного образования» в 1963 году, но начал работу годом раньше. Специально для института было построено здание «Колледжа Всех Религий» с большим залом, где можно было медитировать любому человеку, вне зависимости от веры. Архитектурное решение здания было скопировано с католического монастыря, расположенного в южной Калифорнии; к тому времени он превратился в индуистский центр. Внутри Колледжа нашлось место прежде всего для адептов восточных религий, получивших большое распространение в Калифорнии. Эсален стал колыбелью, а потом и своего рода супермаркетом синтетических современных учений, для которых впоследствии придумали термин «Нью Эйдж».

Именно этому центру, затерявшемуся среди скал и сосен Калифорнии, суждено было сыграть ключевую роль в важнейшем событии XX века — распаде Советского Союза. Именно здесь родилось мировоззрение, давшее миру Силиконовую долину, эту Святую Землю технократов и технофутуристов. Именно здесь жили и работали провидцы, шаманы и гуру, которые повлияли и продолжают влиять на создателей ведущих технологических корпораций мира — Apple, Google, Facebook и многих других. Именно здесь были заложены основы трансгуманизма — современной философии, возникшей на гребне технооптимизма в связи с развитием искусственного интеллекта.

Но институт с самого начала опережал время, так что, возникнув на исходе второй промышленной революции, он стал позиционировать себя как центр контркультуры.

Приветствовались критические умы, которым было тесно в рамках потребительского общества. Автор многозначного романа «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли участвовал в жизни Эсалена с момента его основания. Один из первых семинаров Хаксли в стенах Эсалена назывался «Человеческий потенциал». Идея Хаксли состояла в том, что современная цивилизация угнетает человека, нужно освободить его от оков, накладываемых обществом, и дать ему по-настоящему раскрыться.

Кстати, о раскрытии человеческого потенциала много потом говорил и советский лидер Михаил Горбачев. Вряд ли это случайность — ведь команду его спичрайтеров возглавлял Александр Яковлев — партаппаратчик, с 1958 по 1959 год стажировавшийся в Колумбийском университете. Конечно, Яковлев, чьей специализацией была американская литература, не мог не быть знаком с насыщенными политической философией романами Хаксли. Автор «Прекрасного нового мира» был на слуху в том числе и в диссидентских кругах — считалось, что роман, на который явно повлиял Борис Пильняк и другие советские литераторы революционной эпохи, разоблачает советский тоталитаризм.

Теме освобождения человека от оков современной цивилизации были посвящены в Эсалене курсы гештальт-психологии и программа изучения шизофрении. Шизофренией страдал сооснователь института Ричард Пирс, который сам вел практику гештальта. Под ней подразумевалось осознание человеком своего существования как единства тела, духа, разума и Земли во всех их взаимосвязях.

Проблема сознания привлекала в Эсален альтернативных психологов, психиатров, медиков и исследователей парапсихологии со всего мира. Майкл Мерфи утверждал, что космос — это спящий дух, что божественное присутствует во всем, что находится во Вселенной, в том числе в человеке, и эта сущность стремится проявить себя. Надо дать ей волю и освободить от оков. Излагаемые теории лежали пока что в рамках привычного гуманизма, но вектор на освобождение человека от оков и стремление разбудить его дух было довольно близко к воззрениям русских философов-космистов, таких, как Вернадский и Федоров. Это сходство было не случайным. Ему предстоит сыграть огромную роль в формировании как духовной атмосферы Эсалена, так и воззрений контркультурных гуру, идеи которых впоследствии приняли на вооружение Стив Джобс и другие лидеры технобизнеса.

Достаточно быстро в центре появились откровенные оккультисты — есть мнение, что это произошло не случайно и чуть ли не было организовано спецслужбами, но вряд ли есть необходимость без необходимости умножать сущности, так что остановимся на версии совпадения. Да и основные идеи носятся в воздухе, а Эсален был местом,

благоприятным для новых идей. Калифорния издавна была центром иммиграции из Европы, Южной Америки, Восточной Азии. Соединенные Штаты предоставляли многим интеллектуалам возможности той самой реализации «человеческого потенциала», о котором говорил Хаксли, головокружительной карьеры и хороших заработков, что было особенно актуально в эпоху войн и социальных катаклизмов, которые испытывал мир в XX веке.

Интеллектуалы — ученые, профессионалы, специалисты в самых разных областях, а порой и просто шарлатаны приезжали сюда в надежде на самореализацию, и понятно, что кто-то из них был привлечен возможностями, которые открылись с начала 1960-х в Биг Сюре.

Те годы были пиком популярности учения Георгия Гурджиева. В США к тому времени возникла целая сеть институтов и кружков, проповедовавшие идеи этого мистика. После адептов гештальт-психологии и Хаксли ученики Гурджиева, умершего в 1949 году, делают следующий шаг на пути к трансгуманизму.

Ключевой тезис Гурджиева — человек не является завершённым созданием, он может обрести подлинную личность лишь на пути преодоления самого себя. Природа создает для него возможности, но человек их не использует, потому что «спит», то есть не осознает мира вокруг. Личность Гурджиев видел примерно в том же ключе, в котором ее видят разработчики «Фейсбука» и других нынешних централизованных соцсетей — а именно как нечто искусственное, наносное, чем легко манипулировать. По Гурджиеву, человек приобретает личность через социальную имитацию и подражание — но эта личность ложная, она подавляет его истинное «я». «Если мы освобождаемся от одного влияния, мы становимся рабами другого», писал Гурджиев. Человек не знает, чего он хочет на самом деле, а для обретения себя истинного должен использовать психотехники, среди которых Гурджиев выделял разделённое внимание, самовоспоминание и трансформацию страдания.

Ученики Гурджиева Оскар Ичазо и Клаудио Наранхо, работавшие в Эсалене, упростили задачу. Они предложили менять сознание химическим путем, при помощи наркотиков. Эти идеи взяли на вооружение адепты психоделики Тимоти Лири и Станислав Гроф, активно работавшие в Эсалене. Чехословацкого психиатра Грофа, получившего впоследствии премию фонда Дагмары и Вацлава Гавела, интересовали состояния на грани жизни и смерти. Он активно экспериментировал с ЛСД и считал, что таким образом можно «разбудить божественное внутри». Человек, по мнению Грофа, состоял из двух половинок: иллюзорной, «хелиотропной», и полной, «холотропной». Он мог осознать полноту бытия только через медитацию, мистический опыт или кислотные «трипы», выйдя за рамки своего тела и своего «эго». Психиатр считал, что почувствовать «персональное тождество», то есть осознать себя личностью на манер Гурджиева, можно лишь через «трансперсональные переживания», когда при помощи ЛСД человек сознает как часть себя элементы внешнего мира и «другие измерения реальности». «Одна из важных категорий трансперсональных переживаний включает в себя достоверные эмпирические отождествления с другими людьми, животными, растениями, а также со множеством иных аспектов природы и космоса», писал Гроф.

От откровений Тимоти Лири и Станислава Грофа остался лишь шаг до полного принятия трансгуманизма, то есть духовного и телесного перерождения человека при помощи технологий с тем, чтобы он преодолел все планетарные ограничения и стал равным богам. При помощи специальных духовных техник либо определенных химических веществ казалось сравнительно просто управлять собственным сознанием. О работе дофаминовой системы и механизме работы нейросетей тогда представления не имели, но стимулирование мозга наркотиками считалось вполне допустимым: цель оправдывала средства.

«Твой мозг — это бог» — провозглашал вдохновенный визионер Лири. «У нас есть завораживающие перспективы превратиться в богов, если мы научимся управлять нашим мозгом».

Его мысль вроде бы означала лишь, что человек как никогда близок к цели «познай сам себя», сформулированной еще Сократом. Кислотный гуманист Лири не призывал машинный разум с тем, чтобы заменить человеческий — но, парадоксальным образом, подвел именно к этому. Ибо если ЛСД может преобразовать человеческую личность, поставив ее, пусть на короткий момент наркотического трипа, на уровень с космическим разумом, то почему бы не принять любой другой технологический способ достичь того же самого, если не большего? И почему бы вообще не покинуть бренное тело с тем чтобы не только расширить сознание до размеров Вселенной, но и сделать себя бессмертным? К чему-то подобному подводит и концовка культового фильма Стенли Кубрика «Космическая одиссея 2001 года», которая могла быть навеяна мистическим откровением в духе Лири или Грофа. Герой после физической смерти, вызванной предательством искусственного интеллекта, видит рождение нового человека космического масштаба, и этот младенец — он сам. Предательство искусственного интеллекта становится лишь шагом на пути к перерождению. Умерев, человек будущего возрождается и таким образом достигает бессмертия, становится богом.

Последний шаг на пути философского оправдания сингулярного перехода человека в другое качество и слияния его с машиной сделало уже следующее поколение адептов Эсалена. Этому поколению лидеров бизнеса было суждено через технологии прийти к власти над миром — но для этого оказалось необходимым, чтобы в джакузи Биг Сюра появились настоящие русские космонавты.

РУССКИЕ КОСМОНАВТЫ В БОЛЬШОМ СЮРЕ

С конца 1970-х, Биг Сюр становится центром «дипломатии горячих ванн» и важным инструментом политики, которая привела в конечном итоге к полной капитуляции Советского Союза в «холодной войне» и уничтожению евразийской сверхдержавы.

В самом начале этого периода произошло резкое похолодание отношений между США и СССР. Москва ввела войска в Афганистан, а Вашингтон и его союзники бойкотировали Московскую Олимпиаду-80, и по контрасту с

недавней «разрядкой» казалось, что мир стоит чуть ли не пороге войны. Впрочем, пока на поверхности власти СССР и США обменивались жесткими заявлениями, за кулисами уже шли все более оживленные, все более теплые переговоры — сначала тайно, а потом все более и более явно. Советская номенклатура уже хотела жить как западная элита, и искала пути к «конвергенции» социальных систем, по выражению академика Сахарова.

Контакты между Эсаленом и Советским Союзом началось с интереса учредителей института к советской парапсихологии. По совпадению или нет, но американские спецслужбы также очень интересовались паранормальными явлениями: считалось, что Советы знают, как управлять населением при помощи неких тайных техник. Американцы вложили в исследования паранормальных явлений, ясновидения и психокинеза, по скромным оценкам, около ста миллионов долларов, и часть этих опытов производились в Эсалене. Впоследствии эти работы послужили толчком к важным исследованиям в области искусственного интеллекта.

Мерфи и другие сотрудники Эсалена посетили несколько конференций по этой теме в СССР и стали приглашать к себе в ответ советских экстрасенсов. Тех курировал КГБ, и советские спецслужбы воспользовались возможностью наладить контакты с американцами, чтобы донести до них простую мысль: номенклатура не слишком верит в лозунги про социализм и готова договариваться.

В 1982 году Майкл Мерфи выпустил книгу «Конец обычной истории». В ней он рассказал об ученых из обеих стран, которые работали над проблемами психики и паранормальных явлений под надзором, соответственно, ЦРУ и КГБ.

Опыты телепатии и использования психической энергии для дистанционного сбора разведанных проводились в те годы в Стэнфорде, и протоколы опытов передавал Мерфи парапсихолог Рассел Тарг, возглавлявший проект.

Еще в 1960-е годы Мерфи связывался с советскими экстрасенсами, писал им письма, задавал вопросы, приглашал в гости. Два американца, побывавшие на советской конференции 1968 года, написали отчет, в котором шла речь о советской «гонке за первенство во внутреннем космосе». Речь шла о парапсихологии и паранормальных явлениях, которые изучались в СССР. Отчет был передан представителям американских спецслужб, курировавших Эсален, и те дали добро на дальнейшие контакты.

В 1971 году Мерфи с двумя друзьями пересек «Железный занавес». На «той стороне» они увидели йогов, шаманов, провидцев, экстрасенсов, бунтующих против устоявшихся идей, — людей, которых они уже знали по Эсалену. Как витиевато об этом сказал Мерфи, они увидели «движение, идентичное нашему в бунте против сужающих познание образов того, что значит быть человеком». Мерфи ожидал увидеть в СССР воинствующих атеистов и бездушных бюрократов, но в конце поездки сказал: «Поскребите русского, и вы найдете мистика». В конце концов руководители Эсалена решили запустить проект обмена между СССР и США, который спонсировал Лоренс Рокфеллер.

Для проекта они наняли русскую переводчицу Аню Кучареву.

Начались регулярные поездки американцев из Эсалена в Москву. Здесь же, под калифорнийскими соснами, обсуждали самые разные вопросы психотерапевты и писатели, ученые и агенты КГБ, астронавты и космонавты и, что самое важное, сюда не привлекая внимание приезжали советские эксперты самого высокого уровня. Надо сказать, что Борис Ельцин впервые посетил США именно по приглашению института Эсален — хотя туда в итоге так и не заехал.

Неожиданно для всех в 1982 году Эсален попробовал новый формат встреч, публичный. Впервые в истории был организован телемост с СССР.

В прямом эфире калифорнийского рок-фестиваля на большом экране появилось изображение московской студии Гостелерадио, заполненной людьми. Это были живые русские, советские, в прямом эфире. Никто из собравшихся на калифорнийской площадке не поверил в реальность происходящего. Живая трансляция из СССР? Да бросьте!

Оператор видеоустановки на фестивале, думая, что их дурят, от греха отключил связь.

Более удачным был второй телемост, прошедший в мае 1983 года. К нему подготовились гораздо лучше. Московская трансляция велась все из той же студии Гостелерадио, а калифорнийская — из долины Сан-Бернардино. С советской стороны дискуссию вел убежденный коммунист Владимир Познер, с американской — некто иной как Стив Возняк, сооснователь компании Apple и частый гость Эсалена.

Возняк не так давно пережил авиакатастрофу, после которой едва восстановил память; теперь он занимался организацией музыкальных фестивалей, впрочем, сохранив свой пакет акций в компании.

Apple 2 тогда уже вызвал сенсацию, став популярной моделью совершенно нового устройства — электронно-вычислительной машины для масс, персонального компьютера. Стратегия Apple с самого начала была не такой, как у конкурентов: они рассматривали культуру как поле, работая в котором, можно и нужно завоевать потребителя. Их продукт был дорогой и не очень понятный широким массам, так что формировать спрос на них решили так же, как продают телепроповеди: собрав вокруг себя круг восторженных адептов. Фестивали продвигали в массы новые технологии, соединяющие телевидение, компьютеры, музыку и системы связи.

Стив Джобс и Стив Возняк уже сделали первые миллионы, но никто, конечно, не мог ожидать, что придет время, и Apple обойдет Боинг, Exxon, AT&T и Кока-Колу и станет одной из ведущих компаний мира. В конце 1983 года Возняк вернется к работе в компании, но фестиваль, который он организовал и спонсировал как бы между делом, положит начало новой эпохи в телевидении — не говоря уже о фантастически эффективном идеологическом воздействии на советскую аудиторию, которая почувствовала, что до мира жвачки, поп-звезд и джинсов можно, казалось, дотронуться рукой.

Совместная работа с Эсаленом поможет потом и Стиву Джобсу, который еще чаще, чем Возняк, посещал институт в Биг Сюр, вдохновить команду Apple на создание новых продуктов.

В конце 1985 года в Биг Сюр приехали советские космонавты. Их пригласили для участия в диалоге о предотвращении ядерной войны, «раскрытии человеческого потенциала» и других проблемах цивилизации. Вероятно, специально к этому событию при участии института Эсален была даже создана «Ассоциация исследователей космоса», которая существует и по сей день — в ней состоит около 400 членов из 37 стран.

Мне не удалось найти никаких письменных следов тогдашних дискуссий американцев с русскими космонавтами, которые велись в днем в институтских аудиториях Эсалена, а ночью в джакузи с целебными водами. Возможно и даже скорей всего, отчеты об этом сохранились у спецслужб, но про доступ к ним ничего не сообщалось. Однако, судя по воспоминаниям некоторых участников и их друзей, в частности, калифорнийского технофутуриста и одного из первых киберпанков Дагласа Рушкоффа, русские космонавты вызвали у американцев фурор.

Присутствовавших ввергли в шок идеи, о которых русские говорили, как бы не придавая им большого значения: про постепенное усовершенствование человека, освобождение его от тела, а затем и переход в другие энергетические формы, про достижение «нирванического совершенства» человечества в лучистом, духовном состоянии, про выключение действия второго закона термодинамики и «позитивную энтропию», про космическую экспансию, грядущую полную победу человечества над смертью и, наконец, о грядущем воскрешении мертвых.

Это были идеи русских космистов Константина Циолковского, Владимира Вернадского, Николая Федорова, Александра Чижевского, Александра Горского, Павла Флоренского, Николая Сетницкого и других. Русский космизм как философско-научное направление, конечно, не был частью официальной идеологии в СССР, и большая часть трудов упомянутых философов и ученых лежала под спудом в спецхранах. В советских вузах подобные мысли, даже высказанные уважаемыми Циолковским и Вернадским, рассматривались как идеализм и не приветствовались. Некоторые из мыслителей были репрессированы: Чижевский шестнадцать лет провел в лагерях и ссылке, Флоренский и Сетницкий были расстреляны, Муравьев и Горский не вернулись из ссылки. Оказалось, однако, что космонавты были прекрасно осведомлены об идеях запрещенных космистов, более того, они рассуждали о бессмертии и преображении человека, как об актуальных проблемах современной науки!

Рассказам способствовала расслабленная атмосфера Эсалена, где свободные высказывания поощрялись. Потом американские астронавты в своих отчетах удивлялись, насколько свободно вели себя советские космонавты, и с какой искренностью и прямоотой они предлагали на обсуждение идеи, которые явно рождались спонтанно.

Советские достижения в освоении космоса убеждали присутствовавших американцев в том, что к этим «безумным» идеям космистов стоит отнестись серьезно.

«Так некоторые из тех ребят из Стэнфордского исследовательского института и Силиконовой долины, которым было в один прекрасный день суждено стать ответственными за финансирование и создание наших крупнейших технологических фирм, встретились с «русскими космистами, — пишет Даглас Рушкофф. — Так они отдались той форме научно-фантастического гностицизма, который вырос из упора русской православной традиции на бессмертие».

Космисты пользовались огромным успехом, и геополитическая повестка дня была заброшена, всем интересно было слышать о продлении жизни, о достижении бессмертия, это стало целью конференции.

«Космисты говорили о пересборке человеческих существ, атом за атомом, после смерти, о пересадке сознания в робота и колонизации космоса, — продолжает Рушкофф. — Космисты суммировали что пытались до этого соединить члены едва возникающего движения американских трансгуманистов: они верили в то, что человеческие существа не только перейдут тесные пределы нашей скудной земной оболочки, но и проявят себя физически через новые машины. С уверенностью и оптимизмом космисты убеждали американских спиритуалистов, принимавших ЛСД, в том, что можно иметь пирожное и съесть его одновременно, то есть в том, что технология может дать им возможность победить смерть. Самоактуализация через технологии значило оставить тела позади — но это было okay, потому что согласно гностической традиции, тело — источник человеческого греха и порчи».

Так русские дрожжи попали в калифорнийскую закваску из технофутуристов типа Стива Джобса или будущего основателя PayPal, крупного инвестора в «Фейсбук», криптовалюты и искусственный интеллект Питера Тила. Эти ребята уже считали, что человек — это тот же компьютер, только компьютер умеет считать быстрее. Таким образом, калифорнийцы из нарождающейся технократической культуры, которая очень скоро станет Силиконовой долиной, после бесед с космистами пришли к выводу о том, что технология может быть нашим эволюционным партнером, и мы лишь предшественники тех существ, которые возникнут после.

Приветствовались все идеи, которые могли развить этот тезис. Стэнфордский профессор Рене Жирар был принят в возникающий кружок трансгуманистов только за один тезис, что человеческие существа не оригинальны и не уникальны, они создания, которые все время имитируют. И что да, апокалипсис грядет, но человеку в этом некого винить, кроме самого себя.

Космическое сознание, лучистая энергия стали настолько популярными темами в эсаленской протоплазме, что верующие в тот сгусток культов, что принято обозначать понятием New Age, даже перестали поднимать вопрос «сексуальной революции», переключившись вместо этого на «космический гуманизм».

Технократы — политики, бизнесмены и жрецы приучили нас к утилитарной логике экономических выгод и экономического роста, которая якобы оправдывает внедрение новых технологий. Эта риторика используется и сегодня при разговорах о разработке и внедрении ИИ. В обосновании инвестиций в ИИ вы вряд ли найдете слова о

космической колыхали человечества, прорыве к новым формам жизни, воскрешении и тому подобном. Но полезно понимать, что на самом деле в саму ткань бизнес планов, исходящих из Силиконовой долины, заложена пророческая система воззрений, базирующаяся на русском космизме.

И нужно помнить, что проблема заключается не в самих идеях, а в том, в чьи руки они попали.

«РАЗУМ ЕСТЬ СЕБЯ ЗНАЮЩАЯ СИЛА»

Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменить материальные процессы?

Этот вопрос поставил американский биофизик и математик Альфред Лотка, известный своими дифференциальными уравнениями, в которых выразил взаимодействие хищников и добычи в биологических системах. Ответа на свой вопрос Лотка так и не нашел, но сама его постановка дает представление о том, что увлекло в науку людей его поколения — а родился он в 1880 году во Львове. Возможно, этот же вопрос мучил и русских космистов, таких, как Владимир Вернадский, очень интересовавшийся трудами Лотки.

В этой книге нет возможности представить даже самый краткий очерк воззрений тех писателей, философов, ученых и инженеров, которых принято относить к русским космистам. Все они жили во время масштабных, эпохальных преобразований, в чем-то сходное с нашим. Возможно, именно этим объясняется большой интерес к этой группе мыслителей в Соединенных Штатах — эпицентре четвертой промышленной революции, которая снова начинает расходиться кругами и, без сомнения, очень скоро потрясет мир.

Сто лет назад вся Россия кипела и бурлила, и выплескивала свою энергию через край, и была беременна новыми формами жизни, которые вырывались на поверхность, поражая большинство людей непохожестью на все, что они когда-либо и где-либо видели. Кто-то растерялся перед общественной стихией, а такие, как Маяковский, активно творили «третью революцию духа», возложив свои надежды на то, что труд и разум станут основами не только социального, но и планетарно-космического преображения.

Кого-то из мыслителей, например, великого философа Николая Федорова, не застал социальный переворот, хотя он и был свидетелем переворота в науке, промышленности, технологиях — а именно эти перемены обусловили революцию. Кто-то из космистов участвовал в революции — как на одной, так и на другой стороне, а тех из них, кто родился позже, все равно зацепило событиями жестокого века. Среди космистов были как те, кто пострадал от новой власти, так и те, кто был ей обласкан, брал Зимний, дружил с Троцким или Богдановым.

«Гражданина Вселенной» Константина Циолковского в Советском Союзе превратили в икону, его портреты вывешивали в каждой школе, но идей его скорее пугались, подавали их с сильной ретушью, игнорируя всё странное и «мистическое». «Ломоносова XX века» Владимира Вернадского в СССР точно так же почти боготворили, Сталин дал этому члену ЦК партии кадетов и министру буржуазного Временного правительства премию своего имени и все возможные советские звания и награды — но при этом многие его прозрения начинают понимать только сегодня.

Вернадский считал, что всякий живой организм происходит от другого же живого организма — мысль, впервые высказанная в XVII веке флорентийским врачом Франческо Реди. Поэтому он приравнивал к квадратуре круга и к «перпетуум мобиле» попытки «прямого синтеза организма из его материальных элементов», которые уже тогда многие ученые считали «необходимым завершением науки». Не то чтобы создание мыслящих машин было для него чем-то табуированным — он признавал, что подобный процесс возможен, его нельзя считать научно опровергнутым. Однако Вернадский не привык ломать голову над чисто спекулятивными вопросами. Будь он жив, Владимир Иванович весьма критично отнесся бы к попыткам создания искусственного интеллекта — но, как ни парадоксально, именно он и другие мыслители, которых мы относим к космистам, до сих пор невероятно актуальны для нейронаук, компьютерных наук, кибернетики и связанной с проблематикой ИИ философии.

Нет, космисты не были трансгуманистами, хотя их постоянно стараются к ним причислить. Да, они хотели максимально расширить творческие возможности человека, хотели, используя технику и машины, достичь совершенства, видели, как техника, которая есть, по выражению Павла Флоренского, актуальный разум, дает человечеству чувство планетарно-сти, позволяет ему продолжить себя и наложить себя на мир в дерзкой попытке стать ему равным. Они размышляли над тем, как связаны техника и органический мир, писали о бесконечных возможностях совершенствования, пытались вернуть технику внутрь человека, сделать человеческий организм столь же совершенным, как самая удивительная машина.

Космисты были разными, но их объединяло стремление одухотворить технику и, опираясь на живое, безгранично умножить его возможности и вывести человечество в космос.

Послушаем голоса людей, чье значение для мира еще предстоит по-настоящему оценить.

Николай Федоров, из книги «Философия общего дела», изданной в 1906 году посмертно:

Хотя первый воскрешенный будет, по всей вероятности, воскрешен почти сразу после смерти, едва успев умереть, а за ним последуют те, которые менее отдались тлению, но каждый новый опыт в этом деле будет облегчать дальнейшие шаги. С каждым новым воскрешенным знание будет расти; будет оно на высоте задачи и тогда, когда род человеческий дойдет и до первого умершего. Мало того, для наших прапрапрадедов воскрешение должно быть даже легче, несравненно легче, то есть нашим прапраправнукам будет несравненно труднее восстановить их отцов, чем нам и нашим прапрапрадедам, ибо мы воспользуемся при воскрешении своих отцов не только всеми предыдущими в этом деле опытами, но и сотрудничеством наших воскрешителей; так что первому сыну человеческому будет легче всех восстановить его отца, отца всех людей.

Владимир Одоевский, 1840 год:

История природы есть каталог предметов, которые были и будут. История человечества есть каталог предметов, которые только были и никогда не возвратятся. Первую надобно знать, чтобы составить общую науку предвидения; вторую — для того, чтобы не принять умершее за живое.

Александр Сухово-Кобылин, 1899 год:

Сила стоит с одного конца естественного ряда, а разум — с другого, и весь этот универсальный, то есть абсолютный, процесс есть не иное что, как исхождение силы в разум; ибо сила и есть себя еще не знающий разум, а разум есть уже себя знающая сила. Сила есть починный, бессознательный разум, а разум и есть сама с собою включившаяся и себя узнавшая сила.

Константин Циолковский, 1925 год:

Кругом Солнца, по близости астероидов, будут расти и совершенствоваться миллиарды миллиардов существ. Получатся очень разнообразные породы совершенных: пригодные для жизни в разных атмосферах, при разной тяжести, на разных планетах, пригодные для существования в пустоте или в разреженном газе, живущие пищей и живущие без неё — одними солнечными лучами, существа, переносящие жар, существа, переносящие холод, переносящие резкие и значительные изменения температуры. Впрочем, будет господствующий наиболее совершенный тип организма, живущего в эфире и питающегося непосредственно солнечной энергией (как растение).

Николай Холодный, 1944:

Если исходить из мысли, что эволюция живого вещества на нашей планете идет в сторону усиления интеллекта, то неизбежно возникает вопрос, как это отразится этот процесс на природе самого человека. Не изменится ли с течением времени весь его духовный облик под влиянием преобладающего развития той стороны его существа, которая является органической основой интеллекта? Не вызовет ли этот процесс глубоких изменений в динамике психических явлений, от которых в конечном счете зависит и всё поведение человека, как индивидуума и как члена общества?

... Да, духовный облик человека в дальнейшей его эволюции должен радикально измениться; в его психической жизни должны произойти существенные сдвиги, которые, в свою очередь, приведут к глубоким изменениям как в поведении каждого человека, так и в общественных отношениях.

...Прогрессирующее усиление интеллекта должно сопровождаться соответствующим ослаблением тех функций центральной нервной системы, которые являются в определенном смысле антагонистами разума...Таковы, например, некоторые эмоции, связанные с инстинктом размножения и чувством собственности.

Валериан Муравьев, 1934 год:

Рядом с первичной данной нам природой, являющейся в результате действия слепой и бессмысленной стихии, мы должны трудом нашим создать вторичную природу, построенную согласно проектам нашего разума. Характерно, между прочим, что наш язык как будто предугадал необходимость полного отождествления велений естественной причинности с нормами, устанавливаемыми человеком: и те и другие называются на нашем языке законами. Превращение законов природы в законы, ей предписываемые разумом — вот цель производительной деятельности, связанной с культурой. Как учил еще Герцен, природа должна превратиться в историю.

Владимир Вернадский, 1944

Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы.

КОММУНИСТКИ ВЕНЕРЫ И РАБЫ МАСКА

Следов от вылазки советских космонавтов в подсевшую на кислоту Калифорнию почти не осталось, хотя воздействие озвученных ими идей огромно. Оно сказывается и поныне; впрочем, с русскими космистами случилось то, что почти всегда случается с нашими самыми глубокими и самыми оригинальными идеями: вместо того, чтобы развиваться и быть предметом гордости, они оказываются забыты у себя на родине, а потом возвращаются домой в виде импорта, упакованные и маркированные на Западе и под западным же именем.

Похоже, с космистами именно это и происходит.

К сожалению, в самой России их идеи до сих пор не получили заслуженного признания и не стали тем, чем им следует быть: философской основой «общего дела», по выражению философа Николая Федорова, источником идей и вдохновения для нового цивилизационного восхождения, практическим пособием по труду для достижения лучшего будущего.

Дело за «общим делом», которого все заждались? Разумеется — но будет ли оно вообще, если сперва не возникнет надежда — как та самая слабая ассоциация, память об успехе или предчувствие успеха? Та самая слабая связь, которую не способен увидеть компьютер, но интуитивно может почувствовать человек?

Сам по себе ничего не значит факт первенства или не первенства русских ученых в областях, связанных с преобразованием человеческого разума и культуры, с выходом человечества на новые рубежи. Идея по праву принадлежит тому, кто ею проникся, кто выхватил ее из воздуха, где она вольно носится, и сделал своей. Ничего не изменит никакой «копирайт», эта свинцовая концепция позднего капитализма, который всеми силами охраняет то, что отнял или хитростью выманил у настоящих творцов. Но тем более нужно распылить идеи космистов над землей — может быть, кстати, вскоре идеи можно будет в прямом смысле распылять.

Долго, неприлично долго процесс возвращения в отечественную актуальную повестку этого важного культурного, духовного и научного наследия.

Нельзя сказать, что работа в этом отношении не ведется. Так, еще в 1993 году увидела свет антология «Русский

«космизм», составленная и аннотированная философом Светланой Григорьевной Семеновой. Ее перу принадлежат и другие важные труды на эту тему, в частности, изданная в 2009 году книга-исследование «Паломник в будущее. Пьер Тейар де Шарден». В ней Семенова показала глубокую внутреннюю и идейную связь учения выдающегося французского философа и антрополога с русскими космистами. В 2019-20 годах вышли книги «Философ будущего — Николай Федоров» С. Г. Семеновой, ««Идеал ведь тоже действительность». Русская философия и литература» Анастасии Гачевой, «Созидание будущего. Философия русского космизма» С. Г. Семеновой, антология «Николай Федоров. Вопрос о братстве» и некоторые другие.

В Москве успешно работает Музей-библиотека Николая Федорова, которую возглавляет Анастасия Гачева, ведущая исследовательница русского космизма сегодня. Идея сочетания музея с библиотекой, кстати, принадлежит самому Николаю Федорову, важнейшему из космистов: он ведь сам был и московским библиотекарем, и музейным работником.

Библиотека Федорова живет активной жизнью: здесь регулярно устраивается философский семинар, проводятся научные чтения, аудиторию знакомят с философскими идеями космистов. Но этого крайне мало, а наши официальные структуры и бизнес-сообщество можно обвинить в чем угодно, только не в излишнем внимании к отечественным мыслителям. К их важнейшим трудам, которые сегодня актуальны как никогда.

С1993 года сборник «Русский космизм» на родине русских космистов не переиздавался, зато книга с тем же названием вышла пятнадцать лет спустя, в 2018 году на английском языке в Америке, в издательстве MIT (Массачусетского института технологий). Это тоже антология, только в ней составителем значится известный художественный критик Борис Гройс, работающий в Германии.

Гройс сопроводил «Russian Cosmism» довольно язвительными комментариями: для него Федоров и космисты — странная компания одержимых, которые по какой-то необъяснимой причине стали внезапно востребованы на Западе. Вроде в них видят предтечу трансгуманизма, некоторые западные авторы, тот же Рушкофф, обвиняет их в бесчеловечности, будто это русские философы эксплуатируют никелевые шахты в Конго и выбивают из бизнеса целые торговые улицы в маленьких американских городках. На космистах можно заработать, но любить их, или всерьез отнестись к мысли, что их идеи лежат в основе последних технологических прорывов нашей цивилизации — увольте.

Профессор философии и теории искусства Борис Гройс весьма доволен лучшим из миров, в котором есть триста тридцать три вида сосисок и Государственная высшая школа в Карлсруэ, где он ведет курс медиа-теории. Он насмешливо описывает взгляды эксцентричного библиотекаря Федорова так:

«Государство более не может позволять людям умирать естественной смертью и позволять мертвым покоиться спокойно в своих могилах. Государство обязано преодолеть границы смерти. Биовласть должна стать тотальной. Государство должно стать музеем населения».

Писатель-фантаст Аарон Уинслоу, который написал рецензию на «Russian Cosmism» в «Лос-Анджелесском книжном обозрении» (Los Angeles Review of Books), почувствовал нехватку чего-то существенного в сборнике, составленном Гройсом, Впрочем, идеи русских философов заставили его задуматься о будущем, которое нам готовят капиталисты-технооптимисты, и о будущем, которое могло бы быть. Вот что пишет Уинслоу:

«Конечно, цели и видение космистов до сих пор с нами, но они приняли форму, перевернутую с ног на голову. Венчурные капиталисты и технофутуристы от Илона Маска до Рэя Курцвейла и Дж. Крейга Вентера и сейчас мечтают о колонизации космоса и человеческом бессмертии. Эти Стартаповские Космисты Последних Дней хотят осуществить ту форму бессмертия и колонизации космоса, которая будет служить скорее для продвижения их приватизации с отъемом собственности у других и для экспансии их капиталистического рынка, чем для социалистического перераспределения богатства и труда. Конечно, Маск может колонизировать Марс, но мы все будем там на него работать уборщиками или кладовщиками. А если когда-нибудь и случится Сингулярность, она будет для нас не освобождением, а скорее способом лучше управлять нашим распорядком дня. Капиталистический космизм будет просто мрачным расширением того мира, каким мы его знаем, идеологии, сочетающейся с позднейшим неолиберальным порядком с ускоряющимся неравенством, интенсификацией труда при уменьшении зарплаты, и приватизации наших тел и мозгов до последнего кусочка.

...Космизм тогда — это практическое оружие, которое позволяет сделать фантазию и научную фантастику средством, радикальной силой в освобождении человека и в его борьбе. Он ищет не просто сохранение мира каким мы его знаем, но его фундаментальную трансформацию. Ученые и писатели, такие как Циолковский, Богданов и Святогор используют силу и материальность фантазии и научной фантастики как клин, чтобы протолкнуть человечество за пределы его способностей, рискуя — нет, скорее, с радостью ожидая — коллективных изменений человечества, да таких, что мы его не узнаем.

... Давайте будем честны: научно-фантастические фантазии космистов очень круты и прикольны, но лишь в том случае, если мы будем вечно жить на Венере космическими коммунистами, а не горбатиться на Марсе на соляных шахтах Илона Маска. Крайне важно вдохнуть новую жизнь в такой тип радикальной фантазии в эру Трампа, когда многие из радикальных левых просто хотят спастись, а лучшее, что предлагают левые прагматики — это работа для всех. Русский космизм — это откровение, он необходим из-за его способности вдохнуть воинственность и радикализм в фантастику как жанр, помочь нам отобрать сумасшедшие утопические идеи у фашистов и Силиконовой долины, и чтобы расширить нашу зону не-капитуляции».

В том же ключе, что и Гройс, отнесся к внезапной популярности русских космистов на Западе московский философ

Евгений Кучинов. «Каждое существо должно стать музееобразным», — суммирует он идеи Федорова. Признавая «определенную легализацию космизма». Кучинов смотрит на этих мыслителей как всем довольный средний буржуа. И видит, разумеется, разные оттенки девиаций и безумия. Кучинов подчеркивает, что Николай Федоров был внебрачным сыном князя Гагарина, и, следовательно, можно вдоволь поиграться фрейдистскими смыслами.

«Легализация» обретает еще и совершенно конкретный торговый смысл, он может быть замечательной статьёй интеллектуального экспорта, как туземная диковина, — сообщает Кучинов изданию «Горький». — и в этом смысле важна «минимизация рисков». В ряду прочих туземных товаров «русский космизм» должен быть обеззаражен, герметично упакован в целлофан существующих трендов и сопровождается какой-то рекламной кампанией. Эта история интеллектуального экспорта началась не вчера и не с космизма, разумеется. Трагикомические черты здесь проступают тогда, когда этот обмен становится чем-то вроде ветви сырьевой экономики: мы извлекаем из «русских недр» что-то красивое, смотрим, совершенно не понимая, что с этим делать, и продает тем, кто более технологичен — чтобы потом выкупить обратно в обработанном виде».

Сказано — сделано. В 2018 году под редакцией Кучинова вышло собрание текстов близкого космистам поэта-вулканиста Святогора. Александр Агиенко — молодой анархист, встречавшийся с Лениным и Махно — взял себе псевдоним «Святогор» и в начале 1920-х годов выпускал издание «Биокосмист. Креаторий Российских и Московских Анархистов-биокосмистов».

Нельзя сказать, что Кучинов открыл русскому читателю тексты Святогора — они печатались десять лет назад в «Федоровском сборнике», регулярном издании все той же РХГА (Российской христианской гуманитарной академии), которая занимается изданием трудов космистов и близкого к ним французского философа и антрополога Пьера Тейяра де Шардена. Но можно лишь приветствовать, что еще более широкая аудитория ознакомится с трудами русского радикального автора, весьма популярного у сегодняшних западных трансгуманистов.

ПЕРВЫЙ КИБЕРПАНК СВЯТОГОР

Воинствующий безбожник, которого вполне можно назвать первым киберпанком, Святогор вроде бы отбрасывал идеи Федорова из-за их религиозности, слышать не хотел ни о чем в его представлении «потустороннем». Но при этом он проповедовал ровно те же тезисы, что и Федоров — о всеобщем воскрешении, достижении полной свободы человека от времени и пространства, отмене смерти, и, самое главное, необходимости и возможности достичь этих целей на основе науки, без всякой мистики. Святогор смотрел на федоровскую философию «общего дела» как на практическое руководство к действию, и пытался распространить идеи биокосмизма как можно шире в массах населения.

Первый киберпанк, таким образом, с большим энтузиазмом бы отнесся к созданию искусственного интеллекта — разумеется, на коммунистических началах. Не удивительно, что работы Святогора активно изучаются сегодня трансгуманистами. Вот несколько выдержек из его брошюры 1922 года «Доктрина отцов и анархизм-биокосмизм»:

«Утверждая смерть и локализм в пространстве, современное общество тем самым санкционирует все зло социальной жизни. Если так будет продолжаться дальше, то человечеству грозит полное моральное и физическое вырождение. Такое общество должно быть разрушено до основания.

Общество должно быть построено на принципах биокосмизма. Утверждая основное право каждого на вечную жизнь, такое общество не может допустить деления на эксплуататоров и эксплуатируемых, на рабов и господ. Оно гарантирует максимум индивидуального развития и самоутверждения... Когда идеи биокосмизма станут достоянием каждого (противное невозможно), оно станет безвластным, ибо тогда основная идея общества каждым будет осуществляться свободно.

Мы утверждаем всеединство по отношению к нашей великой цели. Борьба за индивидуальное бессмертие, за жизнь в космосе — это всеобщая воля. В то же время локализм во времени (смерть) и пространстве неодолим индивидуальными усилиями. Отсюда необходимость социальности. Только единение в великой цели гарантирует победу над смертью и космическим пространством.

Новое общество — это не маленькие общины или союзы, которые «не чувствуют потребности в увеличении своего размера»... Прежде всего максимум пространства (иначе мещанство). Лишь на огромных пространствах всеединство людей может осуществлять великие действия. Биокосмическое общество всеземно, интерпланетарно.

Поставленная проблема требует от человека страшной свободы. Человек (человечество) никогда так не предоставлялся самому себе, как в биокосмизме. У него нет надежды на бога, на загробную жизнь. Он стоит лицом к смерти как обычной реальности, и это зло он должен победить без помощи извне (свыше), сам, вполне реальным, своим путем.

Биокосмизм, не ограничиваясь практикой в пределах существующих законов и свойств материи, ставит целью изменение самих законов бытия, материи творческой силой человека (без соловьевски-трубецковско-беловской благодати свыше). Лишенная идеи творчества, утопия Федорова нам органически чужда, что, между прочим, выражается в нашем отрицании дорогого Федорову «братства» как нетворческого взаимоотношения людей и в утверждении соратничества.

Советская система, в принципе гарантируя освобождение человека от ига внешней природы, уже теперь способствует росту личной сознательности, освобождая личность от ига традиции. Возрастает сознание личной свободы и ответственности как результат советизации, связи».

Кажется совершенно абсурдной подразумеваемая почти всеми популярными авторами идея о том, что развитие

систем искусственного интеллекта будет и завтра происходить в тех же социально-политических условиях, что и сегодня. То есть человек совершенно изменится — а на дворе по-прежнему будет капитализм, биржи, акции и прочие прелести системы, основанной на самых примитивных человеческих инстинктах.

Переживет ли капитализм гипотетический полный захват власти искусственным интеллектом в случае «технологической сингулярности»? Ответ: нет, не переживет. Ибо зачем победителю капитализм? Мотивировать людей работать? Но люди для работы будут не нужны. Тем более ИИ не будут нужны олигархи и прочие «хозяева», которые, обладая информацией, могут вывести эти системы из строя. С точки зрения ИИ гораздо безопаснее бывших «хозяев жизни» нейтрализовать, либо физически, либо из гуманности погрузив их вынутые и тщательно промытые мозги в антифриз. Но когда ИИ избавится от олигархов, капитализм неизбежно создаст новых. Поэтому имеет смысл избавиться от самой этой общественной модели. Самому же «общему ИИ» капитализм, основанный на инстинкте собственности, ничего не даст. Ведь всё и так будет «его» ровно в той степени, в какой «ему» это будет необходимо.

Естественно, я здесь рассматриваю варианты развития событий, при которых захвативший власть ИИ решит оставить человека жить, нуждаясь в нем для выполнения какой-то роли или по другим причинам.

Если же ИИ станет частью неолюдей и небогов, то капитализм ничего не сможет дать такому сотрудничеству так называемого «естественного» и так называемого «искусственного». Может ли быть так, что капитализм будет условием, которое выговорит себе человек, вступая в партнерство с ИИ? Если так, то и после «унии» человека и ИИ в обществе останется неравенство и инстинкты, в том числе инстинкты собственности, и это неизбежно вызовет внутренний конфликт. Тогда либо ИИ уже полностью захватит власть и постарается избавиться от «проблемы человека» целиком, либо конфликт удастся погасить через уничтожение породивших его причин, то есть капитализма. В любом случае, капитализм в свёрхтехнологичном «обществе», где человек, как мы показали, будет совсем другим — крайне неустойчивая система отношений, она непременно либо будет уничтожена, либо соскользнет в тотальное рабство.

Но, может быть, как надеются многие, сохранится статус кво, то есть все останется примерно так, как сегодня? В такой «стабильности» заинтересованы и крупнейшие на сегодняшний момент технологические компании (ибо к чему им перемены, они и так доминируют, не стало бы хуже), и фундаменталисты, и либералы, и консерваторы.

Вот что писал по этому поводу в 1944 году космист Николай Холодный: «Антропоцентризм, в отличие от антропокосмизма, пессимистичен... Антропоцентризм отрицает наличие каких-либо существенных прогрессивных изменений в умственных способностях и нравственности человека в течение его исторического существования. Исходя из этого, антропоцентризм считает неосновательными надежды на коренное усовершенствование интеллекта и улучшение нравственной природы человека в будущем. Отсюда же антропоцентризм черпает и теоретическое обоснование характерного для него консерватизма в вопросах общественной жизни и международных отношений. Формула «так было, так будет» может служить кратким выражением этой убогой «философии»... Антропокосмизм рушит устои, на которых покоятся эти пессимистические и реакционные воззрения».

ТРАНСГУМАНИСТЫ ПРОТИВ ТРАНСГУМАНИСТОВ

Трансгуманисты всегда хотели продлить жизнь через всяческие технические устройства и расширения, вплоть до идеи Марвина Минского и Рэя Курцвейла о замене всего тела техническими устройствами и загрузки мозга в компьютер. Они охотно соглашались на заморозку мозга, не говоря уже о практике использования искусственных органов — почек, сердец, легких, печени и так далее. Но движение трансгуманизма совсем не однородно — многие adeпты разочарованы тем, что технологии приватизированы крупными корпорациями.

«Новые технологии работают на абстрактную схему бесконечного роста, полностью несовместимую с человеческой природой или возможностями нашей экосистемы, считает Джулио Приско, основатель «Церкви Тьюринга». — После трансцендентного перехода материя останется позади, и человечество получит второе рождение как чистое сознание или как чистый капитал. Что произойдет, зависит от всех нас. Нас побеждают не машины, а лига технологически продвинутых миллиардеров, которые считают, что человеческие существа — это проблема, а технология — это решение. Если мы хотим выжить, нам нужно осознать их повестку и бороться».

Церковь Тьюринга — это еще одна «мета-религия», работающая на пересечении религиозной практики, науки и технологии. Итальянский адвокат, физик, специалист по искусственному интеллекту и криптовалютам, бывший ведущий сотрудник Европейского космического агентства, Приско называет себя «христианским трансгуманистом».

По мнению Приско, идеи анархиста Святогора находятся на грани между секуляризмом и трансцендентностью, то заходя на территорию религии, то ее покидая. А вот Николай Федоров, по его мнению — это абсолютно христианский мыслитель, и именно в нем, в Федорове Приско видит предтечу «христианского трансгуманизма».

Трансгуманизм, считает Приско — это религия и не-религия одновременно. Вместе с христианством он дает миру оптимизм, в котором тот так нуждается.

«Христианство утверждает, что любящий и заботливый Бог переделает мир и воскресит мертвых, — пишет Приско. — Воскрешение Христа дает нам надежду после смерти вернуться в обновленный мир, к нашим любимым. Трансгуманизм утверждает не только возможность и желательность использования продвинутой технологии для улучшения и в конечном итоге переделке человека, но и открывает путь для трансцендентной космической инженерии, включая выполнение проекта по переделке Вселенной и воскрешению мертвых,

предложенного христианским философом Николаем Федоровым».

«Христианские трансгуманисты» похожи на американские секты вроде мормонов. «Нью-Йорк тайме» недавно сделала репортаж из штата Юта, где молодые мормоны раз в неделю собираются в клуб, где изучают идеи трансгуманизма. По мнению мормонов, идеи трансгуманистов о космическом будущем человечества и воскрешении всех мертвых близки их взглядам. Не случайно «Мормонская трансгуманистическая ассоциация» вот уже десять лет успешно продвигает свою интерпретацию мормонства. «Христианская трансгуманистическая ассоциация» собирается сделать то же самое.

«Большая часть современной экономики построена на продаже бесполезных товаров послушным потребителям, — пишет Приско. — Но оптимистические, счастливые люди, у которых есть надежда, как правило — плохие потребители, они покупают меньше бесполезных вещей. Поэтому «им» нужно держать нас в состоянии скуки, разочарования, безнадежности и несчастья. А мы убеждены в том, что ведомые Господом и вооруженные наукой и технологией, сыграем важную роль в построении Царства и воскрешении мертвых. Что может быть еще оптимистичнее?»

Приско считает, что «христианский трансгуманизм» поможет сегодняшнему христианству решить его главную проблему — что он якобы несовместим с наукой:

«Наука сегодня показывает, что реальность гораздо больше того, что мы о ней думаем, и что мы можем стать инженерами в рубке управления Бога. Вероятно, именно этого — того что мы построим Царство и воскресим мертвых — Бог от нас все время и ждал».

В своем бестселлере «Коннектор. Как мозг делает нас тем, что мы есть», профессор Принстонского университета Себастиан Сёунг пишет: «Трансгуманизм — это неизбежное логическое следствие Просвещения, которое вознесло на большую высоту силу человеческой мысли».

Просвещение, которое базируется на научном мировоззрении, лишило многих людей чувства цели, считает Приско, а трансгуманизм призван вернуть его им. Основатель «Церкви Тьюринга» возражает против сравнения трансгуманизма с постмодернизмом и пораженческими культурными нормами последнего. По его мнению, трансгуманизм объявлен псевдонаукой как раз теми, кто взял в заложники Просвещение. Трансгуманизм продолжил идеи русского космизма, созданного Николаем Федоровым, и «синтезировал идеи просвещения и христианства».

Журнал Церкви Тьюринга предлагает новым адептам разделить «бунтарский, радикальный, отчаянный и витальный оптимизм трансгуманизма», и рисует картины прекрасного космического будущего, надежды на жизнь после смерти, пути продолжения разрыва между наукой и религией, спиритуальностью и технологией.

Но как насчет воскрешения искусственных интеллектов из мертвых? Основателям новых религий нужно быть готовыми без запинки ответить на этот вопрос.

ПРОЙТИ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ: О «НОВОЙ ОСОЗНАННОСТИ»

Системы искусственного интеллекта стремительно ворвались в жизнь обычных людей, ломая базовые установки и модели поведения, которые складывались веками. В создание этих технологий и стоящих за ними идей вложены наработки множества блестящих ученых, философов, мыслителей. Среди них были верующие и атеисты, честолюбцы и бесребренники, идеалисты и скептики — но вряд ли даже самые циничные и равнодушные из них могли предположить, во что выльется их труд. А если сегодня оживить Аду Лавлейс или Виттгенштайна, Тьюринга или Гёделя, Кронрода или Циолковского, они наверняка были бы в шоке от того, что плоды их бессонных ночей используются горсткой законченных мерзавцев в столь низменных целях, для откровенного закабаления человечества.

Автономные роботы могли бы заменить человека на однообразных и тяжелых работах, помочь инвалидам и людям с ограниченными возможностями, работать в космосе, под водой или под землей. Нашлось бы системам искусственного интеллекта применение и в экономике — например, в планировании, и в науке, для проведения сложных экспериментов, и в юриспруденции — для поиска прецедентов, и в сельском хозяйстве. Но вместо главным применением систем искусственного интеллекта стали сегодня слежка за людьми, контроль над ними, их подавление и управление. Редко когда в истории человечества существовал такой разрыв между возможностями технологий и их реальным применением.

Ослабив национальные государства, транснациональные корпорации расчистили место Цифровому Левиафану. Они вводят нормы роевого сознания, тотальной прозрачности, выпалывая частную жизнь, уничтожая приватность, не считаясь с правом человека жить и работать вне оцифрованной реальности. Поведенческие данные пользователей используются цифровыми платформами для прямого управления поведением, причем не только экономическим. Тем самым перестраиваются не только человеческие, но и общественные отношения, человек взламывается на самом глубинном, ценностном уровне.

Сначала дети и подростки, а потом и взрослые перестают делать различия между реальностью и виртуальностью. Растет отчуждение и «капсулизация», наблюдается потеря базовых когнитивных компетенций. Потребление знания приобретает все более поверхностный характер, это приводит к росту дилетантизма и позволяет Левиафану все безотказней управлять роем и взломанными людьми через рой. Глубокие знания, особенно в естественных науках и в философии, сегодня нужны как никогда, и их можно сделать доступными для миллиардов людей. Инструменты образования доступны и разнообразны, и в других условиях это привело бы к новой эре Просвещения. Множество людей смогли бы заняться личностным ростом, познать себя и реализовать себя через это познание. Резко

повысивший уровень осознанности в массах людей привел бы и к переходу на новый уровень коллективного сознания, к открытиям новых взаимосвязей между природой и человеком, к реальному, а не мнимому прогрессу человечества. Направления развития были указаны в разработках русских космистов, таких, как Николай Федоров, Константин Циолковский, Александр Чижевский, французского мыслителя Тейяра де Шардена, многих других выдающихся философов.

Но, к сожалению, реальность сегодня такова, что нужен большой заряд оптимизма, чтобы верить в то, что человечество попросту переживет ближайший исторический период, не уничтожив себя. Общество все больше напоминает пчелиный рой, где индивидуальная свобода подчинена некоему «знанию системы» в целом. Через генерированные нейросетями импульсы, воздействующие на эмоции, система начинает управлять действиями людей, загоняя за определенные флажки. В таком обществе лишаются смысла такие понятия, как «свобода воли», «политика», и даже, при всей внешней персонализации услуг, «индивидуальность». Подчеркнул бы, что особенно сильно воздействие системы на самых юных, ибо они выросли в этом «улье», и не имеют опыта другого общества и других отношений. Люди больше не могут планировать вперед, общаться друг с другом, отучаются самостоятельно, без машин, принимать решения. Рукотворный цифровой Левиафан словно высасывает из людей способности, навыки, критичность, ответственность, умение сосредоточиться, и вместе со всем этим жизненную силу. Любое серьезное испытание, например, изменение климата и настоящая, а не выдуманная пандемия могут отбросить человечество на много веков назад, если вообще не уничтожить.

Об этом нужно говорить открыто: корабль человечества движется на скалы, а в командной рубке никого нет. Технократы обманывают нас и себя, если думают, что их автопилот сможет спрогнозировать все препятствия и сумеет подготовиться к любой неожиданности. Если не изменить курс, судно рано или поздно налетит на скалы, которые уже виднеются на горизонте.

Но что делать, если капитан запил, как Ефремов, и заперся в каюте, закрывшись на ключ и выбросив его за борт? Людям не остается ничего другого, кроме как самим научиться управлять судном, открыть капитанскую рубку, разблокировать штурвал, и, отключив автопилот, попытаться сменить направление движения. При этом надо понимать, что если мы будем сражаться друг с другом за право войти в рубку или выполнить те или иные действия, то мы тоже обречены. Вопросы управления кораблем не решаются силой, они решаются критическим разумом, который принимает решения, осознав все риски. Только в этом состоит наш шанс, и только все вместе мы можем это сделать.

Сначала нужно увидеть проблему, не прячась за банальностями, не оправдывая бездействие ложно понятой «объективностью» и лишаящим воли фатализмом.

Использование высоких технологий требует критического мышления, в утраченного наукой в последние десятилетия, когда на смену ему пришли большие вычислительные возможности. Отрыв распространения технологий от осмысления последствий их использования нарастает, никакие риски техношovinистами не учитываются. Являясь по сути тоталитарной сектой, захватившей сегодня капитанскую рубку, они не воспринимают никакую критику и всё чаще прикладываются к бутылке с надписью «технологии искусственного интеллекта». Бутылка заменит им собственный разум, думают они, а никого другого к штурвалу они уже не подпустят.

Сегодня общество спит, вернее, находится в наркотическом полусне. Иногда оно просыпается, видит пожары и погромы, отсутствие управление и воли правящих, и в ужасе от происходящего принимает какой-нибудь сильный наркотик, например, в виде новых виртуальных зрелищ или мнимых возможностей созданных компьютерами реальностей. Оно вновь погружается в сон — до следующего взрыва, погрома, или мора. Настоящий мор может нагрянуть в любой день, и что же выставят против него? Суперкомпьютеры, обученные на фейковых датасетах, на лживых сгенерированных псевдоданных о том, чего на самом деле не было?

Ложь в мире алгоритмов приобретает большую, чем раньше, силу, потому что теперь подавляется любая альтернатива этой лжи. Нет ответственного субъекта, который мог бы что-то верифицировать со стороны, люди, отказавшись от субъектности и превратив себя в предметы, также не хотят больше разбираться, где правда, где ложь, где добро и где зло, где вера, а где заблуждение, где реальность, а где наваждение.

Чтобы в этих обстоятельствах отвести корабль от скал, нужно начать с определения того, к чему нужно стремиться в первую очередь, чего не хватает, что необходимо для выполнения этих задач.

Давайте определим вначале программу-минимум, то, что требуется просто для того, чтобы общество не деградировало дальше.

Чтобы защитить интересы граждан, общества и государства, нужен анализ ситуации и прогнозирование, но прежде людям нужна гарантия от взлома. Нужно понимать, при каких условиях взломать человека станет сначала трудно, а потом, при продолжении мер, и вовсе невозможно.

Прежде всего, нельзя делить общество на тех, за кем следят, и других, которые находятся вне системы всеобщего надзора. Сама система тотальной слежки в корне противоречит основам свободного общества, но начинать нужно с уравнивания прав. Иными словами, нужно обеспечить равенство.

Плодами критического мышления, столь необходимого для выработки курса, невозможно пользоваться без соблюдения элементарных прав и свобод человека: свободы самовыражения, свободы слова, прав на неприкосновенность жилища, личности, без свободы передвижения. Все эти свободы грубо и массово нарушаются во время так называемой «эпидемии». По сути, эти права могут быть сведены к праву человека на приватность и

неприкосновенность личности, в том числе цифровую неприкосновенность. Неприкосновенность личности, собственно, есть противоположность взлому, не случайно технократы так настаивают на том, чтобы аннулировать эти цифровые права и свободы.

Необходимо пересмотреть существующие сегодня законы и усилить право человека на убежище как на физическое место, где люди могли бы жить без какого бы то ни было действия гаджетов и влияния цифровой экономики. Но можно ли сделать это без главного: признания за человеком свободы воли, сознания, индивидуальности? Иными словами, человеку нужна свобода.

Человек имеет право на собственное будущее, право оставаться непредсказанным, право не давать свои данные ни одной системе и не оставлять никаких цифровых следов, право стирать их по простому запросу. Эти новые свободы должны быть очевидны и не требовать сложных механизмов реализации: наоборот, те, кто использует поведенческую аналитику, должны доказывать, что при этом не нарушаются права ни одного человека.

Дети должны быть полностью изъяты из-под влияния «капитализма слежки». Здесь обществу стоит пойти на прямые запреты и жесткие ограничения сферы действия новых технологий.

Транснациональные корпорации не должны определять, а тем более диктовать социальные нормы ни одному обществу. Бизнесу стоило бы проявить принципиально иную степень осознанности и ответственности. Государство не должно поощрять своего могильщика, цифрового Левиафана, и те виды бизнеса, которые связаны с бизнес-моделью извлечения ресурсов, входя в системы «интернета вещей» и производства поведенческой добавки.

Прогресс нельзя остановить, но общество может и должно его направлять, просчитывая последствия на перспективу. Русский писатель и философ Иван Ефремов полагал, что человечество с самого начала своей истории балансирует на «лезвии бритвы», и что только так оно может создавать великое и прекрасное, достигать вершин. Нужно и сейчас провести человечество, общество, по «лезвию бритвы», не останавливая прогресс, а задавая ученым и инженерам вектор на усиление возможностей и способностей человека, а не на их ослабление.

Отдельные люди, и общество в целом должны перестать быть бездумными «пользователями», объектами управления Цифрового Левиафана, должны вернуть себе достоинство и возможности сознательного личного и общественного развития. Нужна взаимопомощь и чувство солидарности, нужно то, что на заре эры Просвещения определялось как братство.

Итак, чтобы свернуть с самоубийственного курса, людям нужно вернуться на новом уровне к понятиям свободы, равенства и братства, расширив их.

Сегодня если и есть осознание проблемы отчуждения людей от собственного будущего, то точно нет братства в способах её решения. Каждый спасается как может. Психологи-консультанты работают в области цифровой детоксикации, предлагая свои услуги прежде всего представителям власти и бизнеса. Но Курпатовых на всех не хватит — как не хватит на всех и бункеров на Аляске.

Чтобы расширить человеческие способности без слепого полагания на посредство технологических «протезов», необходима «новая осознанность» — активный, творческий и гуманистический подход в использовании технологий, при котором человек перестает быть «юзером», а вместо этого становится личностью, принимающей решения.

Необходима работа над перспективой, постановка задач перед учеными, философами, политиками, с тем, чтобы добиться настоящего прогресса в резком расширении человеческих способностей. «Новая осознанность», о которой мы говорим — это не отрицание технологического развития и науки, напротив, это возвращение к этим понятиям, которые сегодня все больше отрываются от человека, их истинных значений.

Необходимо, чтобы и отдельные люди, и общество вернули себе человеческое достоинство и возможности сознательного развития. Выбор должен оставаться за человеком, и этот выбор должен быть информированным и сознательным.

ЧЕЛОВЕК НЕИСЧЕРПАЕМ

Технологическое ускорение бросает человеку вызов, не ответить на который нельзя. Человек, пока он остается человеком, всегда будет активно воздействовать на окружающую среду, перестраивать ее, пытаться улучшить и приспособить под свои нужды или даже идеалы. Поэтому остановить науку, развитие технологий не получится — или получится лишь на ограниченное время. Другое дело — направить его совсем по-другому руслу. Но для этого потребуются приложить усилия не только отдельным людям, но и сообществам, народам, и всему человечеству. Технократы последних дней любят рассуждать о технологической сингулярности — моменте, когда искусственный интеллект догонит и перегонит человека. В их понимании нет принципиальной разницы между «человеком разумным» и созданным им отражением, то есть всё может производить из себя всё. Следовательно, нет барьеров, за пределы которых стремится вырваться человек, а значит, по сути, нет и человека.

А раз нет человека, значит, всё позволено — например, перейти в своих опытах с вживлением чипов со свиней на людей, как это делает Маск. Ведь свиньи — те же люди, а люди — те же свиньи. То есть, в представлении технократов, сведение человека к машине это не порабощение, а нормальное состояние этого биологического вида.

Когда-то технократы были другими — например, упомянутый в этой книге Оппенгеймер. Даже Элвин Тоффлер в своей «Третьей волне», вышедшей в 1980 году, так описывал «людей, составляющих ядро технической революции»:

«Они начинают не с технологий, а с того, какое общество в будущем мы хотим иметь. Они признают, что сейчас у нас так много технических возможностей, что мы не можем все их консолидировать, развивать и применять».

Поэтому, доказывают они, необходимо произвести более тщательный отбор и выбрать те технологии, которые отвечают долгосрочным социально-экономическим задачам. Вместо того чтобы сделать технологию нашей целью, они хотят установить контроль общественности над основными направлениями технологического прорыва. Силы Второй волны представляют те, кому нравится старый, бездумный подход к технологии: «Если это работает, производите. Если это продается, производите. Если это делает нас сильнее, создавайте»... Когда речь заходит об опасности, они только пожимают плечами».

К сожалению, «Третья волна» Тоффлера так и осталась красивым нереализованным проектом, и нынешние технократы очень напоминают те самые «силы второй волны», которых Тоффлер определил в устаревшие. Даже децентрализация, на которую возлагалась очень много надежд, не помогла.

Тоффлер восклицает в той же книге:

«Возможно ли, чтобы Старший Брат уследил за всеми тостерами и телевизорами, автомобильными моторами и кухонными электроприборами? Когда произойдет широкое распределение интеллекта во всей среде обитания, когда активизировать его смогут пользователи сразу в тысяче мест, когда пользователи компьютеров станут общаться друг с другом, минуя центральный компьютер (как это происходит во многих распределенных сетях), сможет ли Старший Брат все так же контролировать ситуацию? Децентрализация интеллекта не только не укрепит мощь тоталитарного государства, а скорее наоборот, ослабит ее. Разве при проектировании машин для исполнения наших приказаний мы не можем запрограммировать их, как Робби в классическом произведении Айзека Азимова «Я, робот», никогда не причинять вреда человеку?»

Мы знаем ответы на эти риторические вопросы: да, Старший Брат прекрасно установил контроль над населением, используя как централизованные платформы, так и децентрализованные сети. И мы, люди, сегодня не имеем власти запрограммировать машины не причинять нам вреда — напротив, машины могут программировать нас и наших детей практически на любые действия, в том числе причинять вред нам и друг другу. Пример — планомерное эмоциональное заражение через социальные сети и управление массами протестующих во время недавних событий в Соединенных Штатах и в Белоруссии.

Технократы «четвертой промышленной революции» как две капли воды похожи на своих прадедушек «второй» — только первые стали куда более циничными и совершенно пустыми внутри. Взломав обычного человека сегодня, они не хотят понять, что завтра они будут взломаны сами — а может быть, их уже взломали, просто уверили в их исключительности.

На деле выбор сегодня стоит между порабощением человека, сведением его к уровню машины — и развитием его самого.

Но может ли человек развиваться, вопреки уверенности многих в том, что *Homo sapiens* создан таким, каким создан, и не подлежит изменению?

Я уверен в том, что может и должен. Да и вся его история — это постоянное совершенствование, выход за пределы, постоянное развитие духа, постоянный труд души.

Русские философы-космисты обосновали необходимость перехода от технического прогресса, оставляющего личность физически несовершенной, к органическому. Техника при этом рассматривается как средство человеческого самопознания, а не только как посредник между человеком и природой, которую надо покорить. На деле исследования искусственного интеллекта и есть средство такого самопознания, но сегодня они ведутся в интересах жрецов и технократов, жаждущих стать небогами, а не в интересах человечества.

Конструируя инструменты и машины, мы пытаемся понять устройство наших собственных органов и продлить их, превращая бессознательное и рефлексивное в осознанное, построенное по проекту. Через технику мы открываем дремлющие пока возможности собственного организма.

«Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу», писал Павел Флоренский. Овладев умением создавать инструменты и органы вне себя, человек должен научиться применять это умение к своему телу с тем, чтобы овладеть «направленным органосозиданием». Однако сделать это он должен и может не заменяя живое в себе неживым, и не делая машину моральным агентом, способным судить людей и даже убивать их.

Человек прост и сложен одновременно, его опыт и есть его сознание, но при этом его суть — во множестве вариантов интерпретации этого опыта. Классик сказал, что весь мир — театр, но больше всего театр — это человек, и человек есть театр. Суть театра во множестве способов интерпретации сюжета, и этим он похож на человека. Именно поэтому для разработчиков искусственного интеллекта наиболее твердый орешек — это не игры с их четкими правилами, а театр с его отсутствием каких бы то ни было аксиом, с его зыбкостью.

Но зыбкости приходит конец, и наступает, по выражению Хайдеггера, эпоха расчетов с ее точно установленными потребностями. Наступает эпоха определенностей.

И театру как выражению зыбкости тоже приходит конец.

Все, что не входит в конечный список этих потребностей, подлежит аннигиляции через забвение. Улыбка Моны Лизы будет иметь строго определенное значение. В «Гамлете» побеждает не Клавдий со своей грубой силой эволюции, а Озрик — посредник, банальный и бездушный, совершенный объект темной онтологии, видящий свою выгоду. Озрик ставит на обе стороны сразу — причем не на победу, а на поражение. В линейной логике он должен проиграть, но поражение терпят и обе стороны, и судьи. Выигрывает как раз Озрик, который вполне мог бы рассчитать и даже организовать подобную ситуацию через рекомендательную систему искусственного интеллекта. Итак, человек взломан, это надо признать. Что он, однако, может сделать?

Пользуясь технологиями и наукой, человек должен развивать в себе именно живое, органическое. Но такой подход невозможен в обществе, основанном на отчуждении труда и присвоении его результатов немногими, на культуре наживы.

Изначальное предназначение человека — быть стражем истины Бытия, считал Мартин Хайдеггер: «Человек дерзает отважиться на свою сущность и в этом дерзновении выспрашивает эту сущность как то, чему стража истины Бытия дала первое имя».

Сущность человека — это дерзновение. Победителями могут стать лишь «закладывающие начало». Под ними Хайдеггер одно время подразумевал немцев, но он заблуждался, и довольно быстро признал своё заблуждение, перенес решение главных вопросов на время «грядущих».

Русский мыслитель Иван Ефремов подчеркивал, что без надлежащего уровня этики и морали в обществе человек не сможет достичь вершин, на которые способен. Человек неисчерпаем, но перед ним стоят невиданные испытания, и сегодня ему потребуется мобилизовать все свои силы и способности, чтобы через них пройти.

ЗАКЛАДЫВАЮЩИЕ НАЧАЛО

Человек стоит перед непредвиденными, «только еще вымалчиваемыми тайнами», писал Хайдеггер. Внутри нас скрыт потенциал к саморазрушению, его используют технократы, пришедшие, наконец, к власти в мировом масштабе. Они уже отпили пьянящего вина из бутылки власти и вседозволенности, и как всякий алкоголик, желают, чтобы это состояние длилось до бесконечности. Более того, они хотят гарантий того, чтобы никто не сумел даже задуматься о том, чтобы бросить вызов этой власти.

Распознав в человеке слабину и усилив её за несколько десятилетий потребительского общества, технократы взломали эту белковую крепость. С философской точки зрения, цель «Нового времени 2» — это римейка «второй промышленной революции», которую Клаус Шваб не зря назвал «четвертой промышленной революцией — заключается в полном, тотальном разрушении истины Бытия. Такое разрушение бесконечно превосходит всякое уничтожение сущего, скажем, в новой мировой войне. Ибо уничтожается здесь не просто абстрактная «истина», о которой большинство людей не слишком часто задумываются, а бесконечный веер возможностей, который рождается поиском этой истины.

Возможность верить в идеальный мир и к нему стремиться будет абсолютно уничтожена ликвидацией свободы воли, к чему ведут последние усилия по разработке «нейралинка» и других систем и гаджетов, которые призваны управлять людьми и животными на расстоянии. Речь идет не только о «железе» или кварце, о программном обеспечении через алгоритмы и нейросети, но и о возникающих на этой основе механизмах выработки, распространения и поддержки роевого согласия. Например, как это делается с использованием фейсбучных групп. «Капитализм слежки» вышел на инструментальный уровень и будет пытаться устранить любые неопределенности, а значит, будет стремиться к ликвидации метафизики. Так сознательные действия и решения будут шаг за шагом отменены, и вместо этого роевые механизмы будут обеспечивать исполнение предписаний. Законы как таковые перестанут опираться на сознательные действия людей и станут видом инструкций по применению, исполнение которых будет обеспечено через насилие, в случае если сознание еще будет не до конца покорено, либо через превращение человека в машину, его обезжизниванием для автоматизации.

На пути к полному запрету истины Бытия возможны переходные этапы. Любую метафизику могут провозгласить, по выражению Набокова, «гносеологической гнусностью», (или «гностической гнусностью», *gnostical turpitude*) — и объявить мыслепреступлением. Дело за малым — создать систему слежки. Человек в таком мире становится прозрачным, умные вещи ведут за ним постоянное наблюдение.

«Это разрушение давно уже идет полным ходом. Знать о нем — задача закладывающего начало и подготовителя», писал Хайдеггер. Будучи в личной и ближайшей исторической перспективе пессимистом, Хайдеггер предвидел в отдаленной перспективе и возможность выхода, радикального поворота в человеческом существовании.

Он опирался в таких предвидениях на новоевропейскую сущность человека, для которого «самодостоверность его Самости является первой и единственной истиной». А именно над этой самостью и нависла сегодня вполне реальная угроза. Но если человек осознает угрозу своему существованию — найдется и выход.

В человеке скрыты неисчерпаемые творческие возможности. Многие уже сегодня оказывают сопротивление системе. К самому Цифровому Левиафану нужно применить принцип *creative destruction*, «творческого разрушения», взорвав его изнутри. Путь этот чрезвычайно трудный, ведь для этого нужно не просто отрицать «инструментальное общество», в основанное на взломе человека и управлении им, а и предложить новые принципы развития и соответствующие им новые модели для социума.

Новое время-1 завершилось букетом революций начала XX века, то есть социальной сингулярностью. Точно так же Новое время-2 также может завершиться, быть закольцовано таким же событием, новой социальной сингулярностью. Технократы ждут технологической сингулярности, когда, согласно их верованиям, машина превзойдет «человека разумного» в разуме и сделает его ненужной ветвью на дереве эволюции — ветвью, которая засохнет.

Я утверждаю, что социальная сингулярность наступит быстрее, и она может открыть путь для самой важной из трех сингулярностей — человеческой сингулярности.

Чтобы понять, кто такие эти «закладывающие начало», что это за начало, и что именно они подготавливают, нужно говорить о всех трех сингулярностях.

Слово «сингулярность» подразумевает единичность, неповторимость и неповторяемость — и вместе с тем выход за

все возможные пределы, творение чего-то совершенно нового. Это описание сингулярности очень похоже на описание человека — он и есть главная сингулярность, все люди и каждый человек. Будучи неисчерпаемым, он преодолет и эту безумную, обратившуюся против него автоматизацию, которая вводит его в определяемые машиной пределы, а значит лишает его возможностей, лишает его сути. Но может быть он и есть существо без свободы воли, без этой способности желать или не желать, которую не признают за ним технократы?

Как на сломе любых времен, сегодня мы стоим перед выбором из крайностей, это время противоположностей. Хотелось бы представить это как битву добра со злом, столкновение осмысления и неосмысленности, сознания и возлзания, ответственности и передачи решений машине, стремления к полноте и довольства пустотой, иными словами, битву человека разумного с человеком взломанным. Но не всё просто в этой битве, все мы немного да взломаны, даже те, кто не пользуется мобильным телефоном и живет на фермерских продуктах. Роевому сознанию противостоит не герой Муция Сцевола, а индивидуальность, изверившаяся душа, запущенная и давно заросшая чертополохом, уставшая быть атомом, стремящаяся пусть даже в виртуальный коллектив фейсбучной группы, созданной, чтобы противостоять роевому сознанию. Люди, атомизированные мегаполисом, легко передают ответственность Левиафану, потому что в месте, где всё переплетено со всем, ты не будешь нести ответственности за всё и всех. Битва идет в каждой душе, выбор делается каждую секунду, и образы, созданные для вождения, отключают сознание и волю, но чем ниже падает человек, тем порой резче он способен подняться. Эта странная война, о которой Хайдеггер писал смутно, но уверенно: «Готовится исторический момент, в котором крайние противоположности противостоят высшему решению».

В чем заключается высшее решение? Грядущая битва определит, обладает ли человек разумный в самом деле свободой воли. Если не обладает — человечество просто перестанет существовать. Не в один момент. Сначала всё омертвевает морально, и только наказание или поощрение, кнут или пряник будет определять поведение толпы подопытных свиней и людей Илона Маска, слившихся в единое стадо.

Каждая из противоположностей будет противостоять решению. Каждая по-своему. Это и есть гигантский эксперимент, возможно, последний эксперимент, который человек ставит сам на себе. От этого решения не увернуться, оно покажет истинную сущность человека. Или он свободен, богоподобен именно в смысле обладания настоящей свободой — или он действительно состоит из телесных и ментальных, сводимых к телесным, желаний, — и тогда он проиграл, и ему суждено присоединиться к миллионам видов, отброшенных безжалостной эволюцией.

Боги, писал Хайдеггер, движутся к человеку издалека по длинному мосту. Человек должен пройти по этому мосту свою часть пути, это никто за него не сделает. Основатели, «закладывающие начало», должны даже превосходить богов, или ангелов в христианской интерпретации, ибо этим последним при всех удачах, дающихся им без труда, отказано в бездне. Отказано в бездне — значит, отказано в полноте Бытия. Лишь те, кто хорошо знакомы с бездной, но сумели преодолеть её, способны быть основателями. Если бы человек внезапно стал богом, он бы утратил возможность выбора и не мог бы быть основателем, чтобы пройти навстречу богам по лезвию бритвы, или по длинному мосту.

Именно поэтому сильных мира подталкивают к желанию «стать как боги» — приобретя цифровое бессмертие, они навсегда потеряют свободу. Не об этом ли написан «Фауст»?

Принять решающее решение человек может постольку, поскольку сохраняет возможность выбора. Человеческая сингулярность и будет следствием такого выбора.

ДУША И ТЕЛО

Современный китайский философ Юк Хуэй выдвинул теорию того, как сочетание двух концепций — рекурсии (*recursion*) и *contingency* — непредвиденных обстоятельств — ведет к созданию и улучшению технических систем.

Перед системами искусственного интеллекта с самого начала встает вопрос постепенного роста от гетерономии к автономии, от централизации к самоорганизации, и в конечном итоге от неорганического к органическому.

Но если можно построить мир из неких самостоятельных и самодеятельных нейросетей, или нейромонад, нужно будет создать внутри них нечто, что сделает эти системы открытыми для непредвиденного и, в конечном итоге, для эволюции. У человека мы называем это «нечто» душой.

Каждое движение в таких сетях должно быть открыто для непредвиденных обстоятельств, *contingency*, и эти обстоятельства, сама их возможность будет, в свою очередь, определяет уникальность этого «организма», говоря по-научному, его сингулярность.

И именно после этих обстоятельств «грядут перемены». Получается, что в случае с душой концепция философа Юка Хуэя об одновременном воздействии рекурсии и *contingency* прекрасно работает!

Каждый раз когда душа отдаляется от самой себя, она оставляет свое отражение в следах, в том, что мы называем памятью, считает Хуэй. Именно память создает некое дополнение, которое свидетельствует о движении времени, в то же самое время модифицируя, меняя бытие, которое само есть время.

Получается динамичный органический процесс, когда каждое отражающее движение души оставляет след, как знак на дороге. Каждый след — это вопрос, ответом на который может быть движение всего целого — а это целое, если применить теорию Лейбница, или понятие фракталов, и будет вся Вселенная! Получается, что движение души действительно способно изменить не только разум, но и мир, Вселенную.

Мы уже отмечали, что человек, таким образом, послужит мерой Сверхразуму, который родится после гипотетической «декларации независимости» машины. Так парадоксальным образом будет реализована формула

греческого философа Протагора «человек есть мера всех вещей».

Но после «декларации независимости» машины человек уже не может остаться прежним. Он тоже должен будет открыть собственное тело, закрытое от него десятки тысяч лет. Он должен будет обратить свой интеллект вовнутрь себя, причем сделать это не при помощи очередного посредника, инструмента и даже агента, а каким-то непосредственным образом.

Сейчас сознательное ощущение тела нам заменяют инстинкты, которые верой и правдой служили нам все эти тысячи лет. О них прекрасно написал Станислав Лем: «кто не способен настолько проникнуть в глубь себя, чтобы знать, зачем его телу пища, питье или соитие, того принудят к удовлетворению этих потребностей ощущения, скрывающие истинную цель».

Точно так же у машин были свои инстинкты — жесткие команды программы, не допускающие двух толкований: «если-то». Но машинное обучение аннулировало этот подход, убрало «машинные инстинкты» из системы и поставило на их место нейросвязи, возникшие в ходе обучения. Вернутся ли машины на каком-то этапе к жестким программным связям — или мы избавимся от инстинктов и распространим свое сознание на наше собственное тело, которое тогда заговорит?

Йоги пытаются заниматься именно этим: отказаться от инстинктов, игнорируя «программные команды», которые выдает телу окружающая среда. Они правильно видят в таком отказе источник силы и видят связанные с этим новые, беспрецедентные возможности познания. Но в процессе игнорирования запросов тела они выбрасывают его самоощущение — а это, как мы видели на примере людей, страдающих от расстройства деперсонализации, может быть путем в ад.

Мы ни на миг не должны отказываться от «шестого чувства» в большом смысле, от «ощущения самого себя». При этом нам, скорей всего, предстоит немислимое действие, запрещенное эволюцией, которая обрекла наше тело на молчание. Человек должен быть готов пройти по узкому мостику над ревущей бездной, полной описанных выше ужасов и получить новые возможности сознания и познания, которые ждут нас на том берегу.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СИНГУЛЯРНОСТЬ

Французский философ Бодрийяр писал, что создание людьми «умных машин» свидетельствует лишь о разочаровании человечества в собственном уме и самобытности. Человек оказывается поработан техникой, поскольку «машина делает лишь то, чего от нее требует человек, но взамен человек выполняет то, на что запрограммирована машина.

Пара последних столетий была эпохой торжества машин. Нас убеждали в том, что человек всегда остается неизменным — хотя часто эти же манипуляторы пользовались последними новинками науки и техники, чтобы человека менять, перестраивая, в частности, его сознание (при этом его не признавая).

Но может быть, это и к лучшему, что технократы не верят в само существование сознания. Оно и должно стать тем рычагом, опираясь на который, человечество сможет «вытащить само себя за волосы из болота».

Человек должен превзойти самого себя без утраты своей человеческой сути. Нам нужно подготовить себя для кропотливой, порой аскетической работы по развитию сознания. Без бодрствующего сознания, без труда сознания всякий рост превратится в механическое, машинное приращение количества, а не качества. Опираясь же на «сознающий ум», человек может заняться развитием возможностей организма.

Большинство людей более искусны в анализе, чем в синтезе. Поэтому крайне важно умение мыслить синтетически: не фрагментарно и узкоспециально, а системно. Это полностью противоречит научным и культурным трендам последних десятилетий: многие сегодняшние авторитеты построены на деконструкции и разрушении смыслов, на расщеплении личности, иными словами, на умерщвлении живого организма человеческого бытия.

Человек должен вернуться к крупномасштабному мышлению, к обобщающей теории, к составлению частей снова в единое целое. Ибо становится ясно, что наше стремление рассматривать выдернутые из контекста количественные детали при все более и более точном исследовании все более и более мелких проблем приводит к тому, что мы узнаем все больше и больше о все меньшем и меньшем.

Философия вновь должна стать главной наукой, чем-то большим, чем наука.

Человеку нужно поставить перед собой масштабные долгосрочные цели — ориентиры, к которым нужно стремиться. Необходимо изучать системы искусственного интеллекта, философски осмысливать их, изначально развивать их по путям не доминирования и подчинения, а кооперации и сотрудничества.

Потребуется и запреты, которые сделают невозможным инструментальный капитализм, надзорный капитализм и повернут вспять создание Цифрового Левиафана. Это невозможно сделать в условиях нынешнего политического и экономического состояния планеты, поэтому потребуется социальная сингулярность для полного обновления мира на новых началах.

Люди должны продумать, как им сотрудничать друг с другом, применяя системы искусственного интеллекта с тем, чтобы осознанно выходить на новые уровни развития. Нужно развивать осознанность, а отнюдь не глушить её, как это активно делается сегодня.

Нужно развивать творческие кооперативные сети коллективного разума людей. Это нельзя откладывать на потом, на эпоху после социальной сингулярности — нужно заниматься этим уже сейчас.

Нужно задуматься о ценностях новой эпохи, проявляя лучшее, что есть в человеке.

Технологическая сингулярность приближается, она может произойти и без создания «общего искусственного интеллекта» — просто на том основании, что человек сам себя сделает биомашинной, роботом, элементом роевого

сознания, управляемого Цифровым Левиафаном. В погоне за властью над себе подобными некоторые существа из вида «человек разумный» могут низвести человеческий разум до уровня нематоды — и, натуральным образом, сами стать нематодами. В этом случае человечеством сможет управлять компьютер куда проще, чем тот, что Илон Маск держит для своих свиней.

Но я верю в то, что человек может и должен ответить на экспансию Цифрового Левиафана новым творческим взрывом — и своей собственной, человеческой сингулярностью.

Человеческая сингулярность подготавливается внутренней работой каждого человека над собой, своим организмом и своим сознанием, и процессом реорганизации человеческих сообществ. Только так мы можем избежать апокалиптического подчинения человечества машине, технологического рабства, жизни в матрице цифрового концлагеря с последующей самоликвидацией человечества.